

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Г.А.КЛИМОВ

ВВЕДЕНИЕ В КАВКАЗСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Ответственный редактор
академик
Б.А. СЕРЕБРЕННИКОВ

МОСКВА "НАУКА" 1986

665

В монографии обобщаются знания современной науки о кавказских языках, освещаются стоящие перед кавказоведением проблемы и обсуждаются пути их решения. Даны сжатые характеристики отдельных групп этих языков (с учетом их истории), а также рассмотрены проблемы их генетических, типологических и ареальных взаимоотношений.

Рецензенты:

А.Е. Кибрик, А.К. Шагиров

Георгий Андреевич Климов

ВВЕДЕНИЕ В КАВКАЗСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Утверждено к печати Институтом языкознания АН СССР

Редактор *Н.Г. Герасимова*

Художник *В.Я. Батищев*. Художественный редактор *Г.П. Валлас*

Технические редакторы *Н.М. Бутова, И.И. Джиева*

Корректор *В.Л. Крылова*

Набор выполнен в издательстве на наборно-печатающих автоматах

ИБ № 32163

Подписано к печати 12.05.86. Формат 60×90 1/16

Бумага офсетная № 2. Гарнитура Пресс-Роман. Печать офсетная

Усл.печ.л. 13,0. Усл.к.р.-отт. 13,3. Уч.-изд.л. 17,0

Тираж 1300 экз. Тип. зак. 254. Цена 2 р. 60 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство "Наука"

117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., д. 90

Ордена Трудового Красного Знамени 1-я типография издательства "Наука"

199034, Ленинград В-34, 9-я линия, 12

460200000-225

К _____ 348-86-П

042 (02) - 86

© Издательство "Наука",
1986 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Кавказское языкознание принадлежит к числу относительно рано сложившихся ветвей отраслевой лингвистики. И хотя его становление значительно отстает от эпохи возникновения индоевропеистики, семитологии и уралоистики, оно предшествует формированию множества других дисциплин. Между тем отдельные составляющие лингвистического кавказоведения развиты неравномерно. Так, если такая его область, как картвелистика, располагает уже богатой исследовательской традицией, то современное состояние абхазско-адыгского и — особенно — нахско-дагестанского языкознания выглядит значительно скромнее. Неодинаковый уровень изученности характеризует и проблемный аспект кавказского языкознания. Цикл первичного описательного анализа здесь в основном завершен. С большим или меньшим успехом ведутся типологические штудии. Заметных результатов достигло и внутригрупповое генетическое исследование. Вместе с тем изучение ареальных взаимоотношений соответствующих языков составляет в основном программу работ на будущее. В этих условиях все более настоятельным образом выдвигается задача обобщения как достижений, так и слабых сторон кавказского языкознания.

Между тем лингвистика небогата общими руководствами в этой области. Так, на русском языке существуют лишь две подобные публикации, выдержанные к тому же в стиле научно-популярного изложения¹. В несколько более выгодном положении оказался грузинский читатель, в распоряжении которого имеется также книга А.С. Чикобава². Лучше обстоит дело с соответствующими пособиями на немецком языке, на котором, даже если оставить в стороне полностью устаревший труд Р. Эркерта, а также расширенный перевод названной выше брошюры автора настоящей монографии³, опубликованы две обобщающие работы⁴ (упомянем, наконец, существование краткого руководства по кавказскому языкознанию на испанском языке⁵).

Естественно, что отсутствие подобной обобщающей работы на русском

¹ Яковлев Н.Ф. Языки и народы Кавказа. Тифлис, 1930; Климов Г.А. Кавказские языки. М., 1965.

² Чикобава А.С. Введение в иберийско-кавказское языкознание. Тбилиси, 1973. На груз. яз.

³ von Erckert R. Die Sprachen des kaukasischen Stammes. Wien, 1895; Klimov G.A. Die kaukasischen Sprachen. Hamburg, 1971.

⁴ Durr A. Einführung in das Studium der kaukasischen Sprachen. Leipzig, 1928; Deeters G. Die kaukasischen Sprachen. — In: Handbuch der Orientalistik. Leiden; Köln, 1963, I Abt. Bd. VII. Armenische und kaukasische Sprachen.

⁵ Bouda K. Introducción a la lingüística caucásica. — Acta Salmanticensis. Filosofía y Letras. Universidad de Salamanca, 1960, t. XV. n. 1.

языке самым неблагоприятным образом сказывается на подготовке кавказоведческих кадров, в подавляющем большинстве случаев ориентирующихся, как об этом свидетельствует исследовательская практика, в материале и проблематике лишь какой-либо одной из групп кавказских языков. В конечном счете сказывается оно и на перспективах дальнейшего развития кавказского языкознания.

В настоящей монографии автор стремился нарисовать некоторую общую картину современного состояния лингвистического кавказоведения, учитывая всю основные аспекты ведущихся исследований. Это представляется особенно необходимым в условиях значительных расхождений мнений кавказоведов по многим важным вопросам описательного и исторического анализа конкретных языков, наличия совокупности противоречащих друг другу гипотез и отсюда существования принципиальных расхождений в понимании актуальных задач кавказского языкознания. Автор излагает и интерпретирует материал с позиций одного из двух основных направлений современного кавказоведения. Вместе с тем, во избежание дезориентации читателя, изложение сопровождается краткой критической характеристикой взглядов представителей другого направления.

Предлагаемая монография строится из семи глав. В первой главе содержится общая характеристика предмета исследования, современного состояния и истории кавказского языкознания. В трех последующих главах дается краткая описательная характеристика отдельных групп этих языков — абхазско-адыгской, картвельской и нахско-дагестанской. Поскольку описание строя конкретных языков и даже их групп нетрудно найти как в соответствующих справочных изданиях⁶, так и в специальных грамматиках дескриптивного плана, более объемны три следующие за ними главы, посвященные рассмотрению межгрупповой проблематики кавказского языкознания. В пятой главе трактуются вопросы генетических связей кавказских языков, в шестой дается их характерологическая и континентально-типологическая характеристика, в седьмой рассматриваются их ареальные взаимоотношения. Наконец, в кратком заключении формулируются некоторые актуальные задачи кавказоведческих штудий. Поскольку книга адресована в первую очередь русскому читателю, в библиографическом аппарате некоторое предпочтение отдано публикациям на русском и иностранных языках.

⁶ Ср.: Иберийско-кавказские языки. — В кн.: Языки народов СССР. М., 1967, т. 4; Иберийско-кавказские языки. — В кн.: Языки народов Азии и Африки. М., 1979, т. 3, с. 87—219.

О ПРЕДМЕТЕ И ИСТОРИИ
КАВКАЗСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Исключительно богат и разнообразен лингвистический ландшафт Кавказа. Еще с древнейшей эпохи наряду с известными легендарными известиями о прикованном к горным вершинам Прометее и золотом руне, связанными с Кавказом, ходили легенды о необычайном многоязычии кавказских гор. Этот факт неизменно подчеркивали и греки, уже с VII в. до н.э. колонизировавшие черноморское побережье Кавказа, и римляне, и арабские, персидские и европейские географы средневековья (при этом назывались цифры от семидесяти до трехсот языков). Он постоянно присутствовал и в поле зрения местной традиции со времени ее возникновения. Так, в своде наиболее ранних исторических сочинений на грузинском языке, известном под названием "Жизнь Грузии", неоднократно упоминаются мегрелы, сваны, абхазы, адыгейцы, чеченцы, аварцы, цезы, лезгинцы, агванцы (кавказские албанцы), осетины, армяне, синды и целый ряд более мелких этнических групп¹. С полным основанием "горой языков" может быть признан Кавказ и в настоящее время, к которому их носители пережили длительную и чрезвычайно богатую событиями историю. И в наши дни на Кавказе представлено более 50 языков, нередко обнаруживающих глубокое диалектное дробление.

Необходимость объяснения факта необычайного многоязычия Кавказа еще в XIX столетии вызвала к жизни теорию, согласно которой в течение многих веков, особенно в эпохи так называемых великих переселений народов, Кавказ должен был служить местом прохода, своего рода транзитным путем для миграции многих племен и целых народов (эта теория находила пищу в легендарных известиях античных историков о египетском происхождении колхов, пиренейском происхождении "иберов" Грузии и т.п.). В качестве конкретных путей этнических передвижений при этом прежде всего назывались Дарьяльское ущелье в центральной части главного Кавказского хребта (Военно-Грузинская дорога), Каспийский проход близ побережья Каспийского моря (легенды приписывают Александру Македонскому строительство здесь Железных Ворот для сдерживания экспансии северных кочевников), а также крайний западный путь по побережью Черного моря. В свете этой теории предполагалось, что многие из передвигавшихся по названным путям народов так и остались забытыми историей на различных склонах и отрогах Кавказа, где они будто бы нашли себе защиту от более агрессивных соседей. Так, например, допускалось, что грузины-хевсуры северо-восточной Грузии — это потомки разби-

¹ *Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей: Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана/Пер. и комментарий Г.В. Пулая. М., 1979.*

тых в средние века на Ближнем Востоке и затем оттесненных в горы европейских крестоносцев: едва ли не единственным основанием для такого предположения послужила широкая распространенность в старой Хевсуретии орнамента с мотивом креста. Существовала также гипотеза об африканском происхождении абхазов (К. Нибур, Д. Гулиа и др.), выдвинутая главным образом вследствие внешнего созвучия абхазского названия Абхазии — *Арспә* — с названием Абиссинии (Эфиопии). Наконец, в различных районах Дагестана длительное время бытовали предания, возводившие родословные жителей целого ряда аулов к арабам, евреям, а также к франкам, т.е. европейцам. Известная легенда о европейском происхождении кубачинцев (носителей кубачинского диалекта даргинского языка) основывалась, например, на их высоком мастерстве в производстве художественных изделий из серебра и изготовлении холодного оружия, выделявших их из всего окружения. В Грузии миграционные представления поддерживались местной письменной традицией, отраженной в хронике "Жизнь Грузии". Согласно последней, кавказские народы сложились в итоге переселения Таргамоса (праправнука библейского праотца человечества Ноя) и его рода из Северной Месопотамии в пределы Кавказского перешейка² (очевидна связь этой традиции с аналогичными контекстами армянских источников). Сходные известия сообщаются и в "Истории Агвани" Мовсеса Дасхуранца, производящей агван, т.е. современных удин, в конечном счете от Яфета³.

Миграционная теория происхождения народов и языков Кавказа пользовалась в старом языкознании большой популярностью. Как известно, еще П.К. Услар предполагал, что наблюдаемое разнообразие кавказских языков не могло сложиться на Кавказе, и считал, что носители абхазско-адыгских языков придвинулись в его пределы с юга, а носители нахско-дагестанских языков, напротив, — с севера⁴. Т. Клуге высказывал мнение о том, что картвелы проникли в Грузию из Малой Азии, продвигаясь в направлении с запада на восток по долине Куры (указывая при этом на трудность сказать что-нибудь определенное в этом плане относительно говорящих на северокавказских языках)⁵. А. Тромбетти отмечал в 20-х годах, что "мы должны допустить вместе с Шухардтом и другими исследователями, что в области Кавказа сконцентрировались народы, которые ранее были распространены на значительно более широкой территории и что часть этих народов была впитана другими племенами"⁶. А. Дирр также рассматривал Кавказ в качестве своего рода убежища народов⁷. Й. Карст полностью разделял гипотезу о неавтохтонности носителей кавказских языков и также называл Кавказ *refugium gentium*⁸. В духе

² Там же, с. 21–22.

³ *Мовсес Каганкагвацц*. История Агвани. Тифлис, 1913, с. 11. На арм. яз.

⁴ См.: *Магомедов А.А.* Неизданные письма П.К. Услара. — Вестн. АН ГрузССР. СЛЯ, 1968, 5, с. 200–201.

⁵ *Kluge T.* Aufgaben und Ziele der vergleichenden kaukasischen Sprachwissenschaft. — Zeitschr. für Ethnologie, 1912, XLIV, S. 177.

⁶ *Trombetti A.* Elementi di glottologia. Bologna, 1923, p. 104.

⁷ *Dirr A.* Einführung in das Studium ..., S. III.

⁸ *Karst J.* Grundzüge einer vergleichenden Grammatik des Ibero-Kaukasischen. Leipzig; Strassburg; Zürich, 1932, Bd. I, S. XV; *Idem.* Akarodiens et proto-basques. Vienne, 1928, p. 94–95.

времени крупнейший знаток кавказских языков того периода Н.Я. Марр сформулировал свой вариант миграционной теории их происхождения, согласно которому их носители занимали в доисторическую эпоху огромный ареал в пределах Передней Азии. "Коренные кавказские народы, даже коренные кавказские языки, — писал он в работе 1920 г., — есть явление не местного происхождения: яфетическая (т.е. кавказская. — Г.К.) семья, к которой принадлежит первоначальное население Кавказа, здесь пришлые люди, так же как появившиеся затем последовательно ариоевропейцы и турки, не говоря о других не внедрявшихся целыми племенами народных массах, с тем, однако, различием, что яфетическая семья эмигрировала с соседней с юга прежней территории ее расселения, если не прародины, из Месопотамии, естественно разливаясь этническими массами в близлежащие кавказские страны. Яфетиды двинулись некогда, и не в один прием, для вселения в Кавказский край под давлением ариоевропейских миграций, напавших в центр их первоначальной исторической жизни, причем отходившие яфетиды в движении своем устремлялись, сгущая или уплотняя свои эмиграционные колонны, между прочим и в северные для них области Кавказа, куда они двигались вообще в составе многочисленных исторически сложившихся народов и племен. Кавказская территория была распределена между ними"⁹. В другом месте он писал: "Эти многочисленные языки не порождение условий жизни и не случайно разрозненные последки, как предполагалось, великих переселений через Кавказ, а вклад постепенного оттеснения ветвями (если не всей семьей) на Кавказ, с незапамятной и для древней Европы эпохи, народов древнейшего культурного мира на юге, в пределах Ассирии-Вавилонии и Месопотамии и прилегающих к ним с севера и запада в Малой Азии странах. Здесь и жили первоначально в непосредственном соседстве с родственными семитическими просвещенными народами и в общении также с родственными хамитическими народами яфетические народы"¹⁰. Наконец, в специально посвященной этому вопросу статье Н.Я. Марр утверждал, что факт передвижения народов и языков на Кавказ с юга свидетельствуется уже самим их современным расположением. Согласно Н.Я. Марру, скопление ряда племен по сей день здесь наблюдается у горных проходов и перевалов, имеющих историческую известность. Это говорит будто бы о том, что собственно кавказцы, жившие первоначально со своими собратьями на юге, в эпоху "великого расселения яфетического племени" придвинулись сюда, потеснив более ранних пришельцев.

В частности, грузины, по его мнению, еще в сравнительно недавнее время вытеснили на северный склон Кавказа нахские племена (горское грузинское племя хевсур ему представлялось огрузинившимися чеченцами)¹¹. Сами же картвелы продвигались, согласно Н.Я. Марру, тремя парал-

⁹ Марр Н.Я. Племенной состав населения Кавказа: Классификация народов Кавказа: Рабочий проспект. — Тр. комиссии по изуч. племенного состава населения России. Пг., 1920, вып. 3, с. 10—11.

¹⁰ Марр Н.Я. Кавказоведение и абхазский язык. — Избр. работы. Л., 1933, т. 1, с. 67.

¹¹ См.: Марр Н.Я. К истории передвижения яфетических народов с юга на север Кавказа. — Изв. АН, Пг., 1916, № 15, с. 1379—1408.

дельными путями: западнее сванов — заны, т.е. носители занской ветви картвельских языков, восточнее сванов — собственно грузины¹².

Придерживавшийся аналогичной точки зрения крупный грузинский историк прошлого И.А. Джавахишвили локализовал, в частности, картвелов в доантичную эпоху лишь в Малой Азии. Он предполагал к тому же, что здесь они жили в условиях государственности и высокой культуры, а по появлению в пределах Грузии вернулись к родовому строю и вообще существенно деградировали в культурном отношении¹³.

Однако миграционная концепция происхождения народов и языков Кавказа должна быть признана необоснованной. Ее главная и довольно очевидная ошибка заключается в том, что некоторые исторически засвидетельствованные факты передвижения на Кавказ ряда этнических групп (например, некоторых ираноязычных и тюркоязычных этносов) эта концепция возводила без сколько-нибудь реальных оснований в принцип и распространяла их на все народы, представленные ныне в пределах Кавказа.

Решительный удар по этой концепции нанес выдающийся грузинский историк С.Н. Джанашиа, который отказался, в частности, от предположения о переселении картвельских племен в Закавказье с юга. Существенно, что он привлек в этой связи все известные в его время материалы по истории Грузии и впервые дал методологически корректное осмысление истории общества в Грузии¹⁴. В дальнейшем историческая наука стала все более уверенно высказываться в пользу идеи об автохтонности на Кавказе носителей не только картвельских, но и других кавказских языков.

"В настоящее время, — пишет Г.А. Меликишвили, — нас не может удовлетворить то решение этногенетических вопросов, которое имеется в трудах И.А. Джавахишвили. Исключая проблему языкового родства с другими народами, вопрос о происхождении грузинского народа у И.А. Джавахишвили, так же как вообще у многих прежних исследователей, сводился к вопросу о переселении грузинских племен с их первоначальной родины. Как грузинские, так и все другие кавказские (иберийско-кавказские) племена И.А. Джавахишвили рассматривал в качестве племен, переселившихся на Кавказ с юга некогда в доантичную эпоху. Таким образом, древнейшее население Грузии и Кавказа он не относил к иберийско-кавказским племенам. Однако в настоящее время такая постановка вопроса вряд ли оправдана чем-либо. Археологические исследования, которые развертываются во все более широких масштабах на территории Грузии и вообще Кавказа, с полной очевидностью выявляют непрерывность происходящего здесь с древнейших времен процесса развития местной самобытной культуры, что исключает (по крайней мере на том отрезке времени, о котором мы можем судить по имеющимся материалам) мысль о происшедшем здесь коренном изменении этнического состава

¹² См.: *Март Н.Я.* Из поездок в Сванкию — В кн.: Христианский Восток. Пг., 1913, т. II, вып. 1, с. 33.

¹³ *Джавахишвили И.А.* История грузинского народа. Тбилиси, 1928, I. На груз. яз.; *Он же.* Основные историко-этиологические проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока древнейшей эпохи. — ВДИ, 1939, № 4.

¹⁴ См.: *Джанашиа С.Н.* Труды. Тбилиси, 1949, т. I. На груз. яз.; Тбилиси, 1952, т. II. На груз. яз.

ва населения этой области. Лингвистический анализ топонимики Кавказа, хотя и указывает на происшедшие в распространении отдельных иберийско-кавказских племен изменения, не дает основания предполагать наличия здесь в более раннюю эпоху сколько-нибудь чувствительного, чуждого иберийско-кавказскому слою"¹⁵.

Тезис современной науки об автохтонности носителей кавказских языков на Кавказе получил свое дальнейшее подтверждение в ходе последующих исследований. В частности, он получил свое развитие в специальной монографии Г.А. Меликишвили¹⁶. Ведущий советский антрополог В.П. Алексеев указывает, в частности, что народы абхазско-адыгейской языковой семьи представляют собой потомков древнего населения и имеют местное происхождение¹⁷. Касаясь происхождения говорящих на нахско-дагестанских языках, он пишет, что "антропологические данные позволяют утверждать, что предки аварцев, андо-цунтинских народов, лакцев и собственно даргинцев были древнейшим населением горного Дагестана и, по-видимому, первыми освоили эту область"¹⁸. Аналогичным образом И. Алиев и М.Н. Погребова подчеркивают, что хотя Восточное Закавказье оставалось в раннюю эпоху "вне сферы письменных источников, у нас нет серьезных оснований думать, что до северо-востокавказских (точнее, дагестанских) языков... в этом регионе были распространены какие-либо другие языки"¹⁹. Подводя некоторые итоги, достигнутые наукой в изучении генезиса современного населения Кавказа к середине 60-х годов, авторитетный грузинский антрополог М.Г. Абдушелишвили приходит к выводу, что краниологические материалы говорят о непрерывности населения как Грузии, так и Кавказа в целом²⁰. Видный грузинский историк О.М. Джапаридзе на основании рассмотрения обширного археологического материала заключает в своей фундаментальной монографии по этнической истории картвелов, что как историко-культурные, так и палеоантропологические данные свидетельствуют о местном происхождении и древнейшей общности населения Кавказа²¹.

Положение об автохтонности носителей кавказских языков для Кавказа отстаивает и Ю.Д. Дешериев. В этом плане достаточно показательно его следующее высказывание: "Возможность обособленного формирования и развития иберийско-кавказских народов на самом Кавказе доказывается целым рядом фактов принципиального значения. К ним относятся данные: 1) истории и культуры древнего общества; 2) археологии; 3) этно-

¹⁵ Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959, с. 13.

¹⁶ Меликишвили Г.А. К вопросу о древнейшем населении Грузии, Кавказа и Ближнего Востока. Тбилиси, 1965. На груз. яз.

¹⁷ Алексеев В.П. Происхождение народов Кавказа: Крайнологическое исследование. М., 1974, с. 193.

¹⁸ Там же, с. 203.

¹⁹ Алиев И., Погребова М.Н. Об этнических процессах в областях Восточного Закавказья и Западного Ирана в конце II — начале I тысячелетия до н.э. — В кн.: Этнич. проблемы истории Центр. Азии в древности. М., 1981, с. 127.

²⁰ Абдушелишвили М.Г. Антропология древнего и современного населения Грузии. Тбилиси, 1964, с. 90 (ср. также с. 21—22).

²¹ Джапаридзе О.М. К этнической истории грузинских племен: По данным археологии. Тбилиси, 1976, с. 340.

графии; 4) языкознания... Прародиной иберийско-кавказских народов является Кавказ, главным образом южные районы Кавказа"²². Полемизируя с миграционной концепцией происхождения картвелов, автор настоящей монографии писал, что "культурно-историческая интерпретация древней картвельской лексики не дает, однако, какой-либо лингвистической поддержки этой теории... Более того, отдельные исконные лексические общности, разделяемые грузинским и сванским языками (но утраченные занским) и отражающие типичные атрибуты горного и даже высокогорного ландшафта (ср. *z₁ waw- 'оползень (снеговой)', *maqsqw- 'земляника' и др.), могут указывать на локализацию древних картвелов скорее в области Большого Кавказа и подкреплять, таким образом, взгляд С.Н. Джанашиа об автохтонности картвелов в Грузии"²³.

В свете изложенного должно быть понятным, почему в настоящее время исследователи, по-прежнему придерживающиеся миграционной гипотезы происхождения носителей кавказских языков, составляют ничтожное меньшинство²⁴.

Невозможно, однако, отрицать того обстоятельства, что в прошлом этнолингвистическая карта Кавказа подвергалась неоднократным изменениям вследствие притока иноязычного населения (главным образом говорившего на индоевропейских и тюркских языках).

Наиболее существенное преобразование на древней этнолингвистической карте Кавказа было обусловлено, как известно, проникновением в центральную часть Северного Кавказа скифов, начавшееся в VII в. до н.э. Известные исторической традиции последующего периода под этнически неоднородным именем сарматов и алан, они являются в конечном счете предками современных осетин, народности, говорящей на языке восточно-иранской ветви (наиболее близкое родство обнаруживает к нему ягнобский язык долины реки Ягноб в северном Таджикистане). Большинство других миграций оставили здесь минимальные последствия. Так, предположение о пребывании некогда в пределах Северного Кавказа индоарийского населения основывается на данных местной топонимики, ономастики и псевдоскифских глосс, встречающихся у античных авторов²⁵, и может быть, вероятно, подтверждено лишь отдельными лексическими заимствованиями в абхазско-адыгских языках. Почти бесследно прошли в этом отношении вторжения киммерийцев (VIII в. до н.э.) и походы урартов (VII в. до н.э.), колонизационная активность греков в причерноморском ареале (VI—II вв. до н.э.), римская экспансия (I в. н.э.), нашествие гуннов (IV—V вв.) и арабов (VIII в.). Наследием господства сасанидского Ирана в Агвании (Кавказской Албании) явилось появление

²² Дешериев Ю.Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. Грозный, 1963, с. 32.

²³ Климов Г.А. Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964, с. 37.

²⁴ Ср.: Halasz-Kun T. The Caucasus: an ethno-historical survey. — *Studia Caucasica. The Hague*, 1963, I, p. 3; Чикобава А.С. Введение в иберийско-кавказское языкознание. — В кн.: Ежегодник иберийско-кавказского языкознания, 1980, VII, с. 34—35.

²⁵ Ср. Трубачев О.Н. О синдах и их языке. — ВЯ, 1976, № 4; Он же. Некоторые данные об индоарийском языковом субстрате Северного Кавказа в античное время. — ВДИ, 1978, № 4.

здесь небольших групп татоязычного населения. Не сказались сколько-нибудь серьезным образом на лингвистическом ландшафте Кавказа и вторжение тюркоязычных хазар (VI—X вв.), столица государства которых находилась некоторое время даже в пределах Дагестана. В дальнейшем наиболее заметные в рассматриваемом аспекте изменения, результировавшие в тюркизации ряда северных и восточных регионов Кавказа, а также в массовом распространении осетин на южных склонах Главного Кавказского хребта, должны были произойти в эпоху XI—XIV столетий. В этот период упрочили свое положение в пределах Азербайджана турки-сельджуки. Монгольские нашествия первой половины XIII в. положили конец гегемонии алан на Северном Кавказе, заселявших к тому времени очень широкую территорию от Кубани до Дагестана. К XIII—XIV вв. приурочивается массовое проникновение осетин в пределы современной Юго-Осетинской АССР (продолжение этого процесса наблюдалось и в последующие столетия). С оттоком тюркоязычного населения из южнорусских степей связано формирование на Северном Кавказе карачаевцев, балкарцев и кумыков. В XIV—XV вв. появляются здесь и ногайцы.

Подавляющее большинство из общей совокупности языков Кавказа и ныне составляют его автохтонные языки (всего около 40 языков). Явное меньшинство относится к индоевропейским, тюркским и семитским. К индоевропейским здесь принадлежат русский, украинский, армянский, осетинский, курдский, татский и галышский, к тюркским — азербайджанский, кумыкский, карачаево-балкарский и ногайский, к семитским — айсорский. Автохтонные языки Кавказа распадаются на три группы — абхазско-адыгскую (западнокавказскую), картвельскую (южнокавказскую) и нахско-дагестанскую (восточнокавказскую). Согласно другой классификации, нахские и дагестанские языки трактуются как самостоятельные группы. Поскольку, однако, ни один кавказовед не сомневается в генетическом родстве тех и других, в настоящей работе они рассматриваются как единая группа (в этой группе сталкиваются с наибольшими трудностями в разграничении понятий язык ~ диалект). Целесообразно подчеркнуть, что носители автохтонных кавказских языков представлены и за пределами Кавказа. Представители всех их трех групп рассеяны, в частности, по целому ряду стран Ближнего Востока, а носители абхазско-адыгских языков встречаются и на Балканах (один из последних — убухский — в настоящее время всецело представлен в Турции и, по-видимому, в Сирии). Общее число говорящих на кавказских языках достигает 6871 тыс. человек²⁶ (их зарубежные носители учтены неполностью).

В настоящей монографии для обозначения объекта рассмотрения принят традиционный и наиболее распространенный в лингвистике термин "кавказские языки". Неудобство получившего с 1946 г. значительное распространение конкурирующего с ним термина "иберийско-кавказские" языки заключается в двусмысленности, привносимой в него первым компонентом "иберийский", как правило, соотносящимся в лингвистическом словоупотреблении не с картвельской языковой традицией, как это предполагается замыслом (атрибутив "иберийский" или "иверский" использован

²⁶ Брук С.И. Население мира: Этно-демографический справочник. М., 1981, с. 177.

в последнем значении А. Цагарели и И. Кипшидзе²⁷), а спрероманской языковой традицией Пиренейского полуострова в Западной Европе (такое обозначение тем более неудачно ввиду существования гипотезы о родстве кавказских языков с частью пиренейской традиции)²⁸. Термин "кавказские языки" удобен тем, что лишен каких-либо ассоциаций и объединяет собой все представленные на Кавказе языки, не являющиеся по определению индоевропейскими, тюркскими или семитскими. Термин "яфетические языки", пропагандированный в свое время Н.Я. Марром и его школой, уже давно изжит из специальной литературы. Наконец, в отдельных работах в этом значении можно еще встретить термин "палеокавказские языки".

Уже из этого краткого комментария должно быть очевидным, что для автора, равно как и для всего направления кавказоведческих исследований, которое он представляет, понятие кавказских языков не является генетическим. Аналогичным образом трактуется этим направлением и содержание понятия "севернокавказские языки", за которым стоит совокупность абхазско-адыгских и нахско-дагестанских языков и к которому обычно прибегают при необходимости указания на некоторые структурные черты (например, на более или менее последовательное проведение принципов эргативного строя), отличающие их от картвельских. Поскольку, однако, языковые взаимоотношения не ограничиваются в современном языкознании их генетическим аспектом, понятие "кавказские языки" невозможно признать построенным на негативном, как это иногда представляется, основании и тем более — географическом. Как и во многих других случаях, засвидетельствованных в различных регионах мира, это понятие оказывается единым в плане двух других основных разновидностей сравнительного языкознания — типологии и ареальной лингвистики. Впрочем, особый аспект общекавказской проблематики, несомненно, составляет и изучение вопроса о генетических взаимоотношениях всех групп кавказских языков.

Кавказское языкознание давно приобрело себе незавидную репутацию сферы множества необоснованных (а в целом ряде случаев — и совершенно фантастических) генетических построений, число которых едва ли уменьшается и в настоящее время. Их число остается чрезвычайно высоким даже за вычетом таких гипотез, как иберийско-кавказская (предполагающая родство всех трех групп автохтонных языков Кавказа), эвскар-кавказская (обычно объединяющая три группы кавказских языков с баскским языком Пиренейского полуострова; существует и ее ограниченный вариант, предполагающий родство баскского и картвельских языков) и ностратическая (постулирующая отдаленное генетическое единство картвельских языков с пятью другими языковыми семьями Старого Света — индоевропейской, афразийской, уральской, "алтайской" и дравидийской). Поскольку они обычно располагают некоторой научной традицией разра-

²⁷ Цагарели А. Сравнительный обзор морфологии иберийской группы кавказских языков. СПб., 1872; Кипшидзе И. Грамматика мингрельского (иверского) языка с христоматией и словарем. — МЯЯ. СПб., 1914, VII; ср. также: Беридзе Ш. Мегрельский (иверский) язык: Введение и материалы. Тбилиси, 1920, кн. 1, ч. 1. На груз. яз.

²⁸ Ср. такое словоупотребление в кн.: Karst J. Grundzüge einer vergleichenden Grammatik ... (см. в этой связи: Зыцарь Ю.В. Проблема языка басков в свете ее истории. — Уч. зап. Орловск. гос. пед. ин-та. Орел, 1958, т. XIII, с. 53—55).

ботки при участии кавказоведов, они будут рассмотрены в главе V настоящей монографии, посвященной проблематике генетических взаимоотношений кавказских языков.

Из совокупности ранних генетических построений такого рода здесь можно упомянуть (не претендуя на исчерпывающую полноту) мнение Фр. Боппа о принадлежности картвельских языков к числу индоевропейских²⁹, положение Фр. Гоммеля об "алародийской" семье в составе множества древних языков Передней Азии, Средиземноморья и кавказских³⁰, принятие идеи кавказско-этрuscoго родства В. Томсеном³¹ и кавказско-эламского родства Г. Винклером³², кавказско-урартскую гипотезу Фр. Ленормана и Э. Сейса³³. Множество подобных построений было выдвинуто в первой половине двадцатого столетия. Сюда, в частности, относятся широкое кавказско-семитское построение А. Тромбетти³⁴, известная картвельско-семитская концепция Н.Я. Марра³⁵, кавказско-шумерская гипотеза Ф. Борка³⁶, мнение Р. Блейхштейнера о генетической связи кавказских языков с бурушаски³⁷, точка зрения Э. Форрера и Ю. Месароша об отношениях родства между хаттским языком древней Анатолии и абхазско-адыгскими³⁸ (некоторыми авторами в рамках более широкой гипотезы она разделяется и в настоящее время), мнение А. Пайазата о родстве нахско-дагестанских языков с урартским, с одной стороны, и с сино-тибетскими — с другой³⁹, самые различные сближения кавказского материала в многочисленных публикациях К. Боуды⁴⁰, баскско-кавказско-енисейское построение О. Тайёра⁴¹, мнение

²⁹ Bopp Fr. Die kaukasischen Glieder des indoeuropäischen Sprachstamms. Berlin, 1847.

³⁰ Hommel Fr. Grundriss der Geographie und Geschichte des Alten Orients. München, 1884; также: Oštir K. Beiträge zur alarodischen Sprachwissenschaft. Wien; Leipzig, 1921.

³¹ Thomsen V. Remarques sur la parenté de la langue étrusque. — Bulletin de l'Académie Royale des sciences et lettres de Danemark. Kopenhagen, 1899, N 4, p. 573–598; также: Kluge T. Ueber das Etruskische und seine Stellung zu den kaukasischen Sprachen. — In: Memnon. Leipzig, 1910, III.

³² Winkler H. Elamisch und Kaukasisch. — In: Orientalische Literaturzeitung, 1907, col. 566–573.

³³ Ср.: Sayce A.H. The cuneiform inscriptions of Van deciphered and translated. — Journal of the Royal Asiatic Society, 1882, XIV, p. 377–732; Lenormant Fr. Lettres assyriologiques. Paris, 1871, I.

³⁴ Trombetti A. Delle relazioni delle lingue caucasiche con le lingue camitosemitiche e con altri gruppi. — Giornale della Società Asiatica Italiana. Firenze, 1902–1903, XV–XVI, p. 177–201, 145–175.

³⁵ Марр Н.Я. Основные таблицы к грамматике древнегрузинского языка с предварительным сообщением о родстве грузинского языка с семитическими. СПб., 1908.

³⁶ Bork F. Das Sumerische eine kaukasische Sprache. — Orientalistische Literaturzeitung, (1924), XXVII, 4, col. 169–177.

³⁷ Bleichsteiner R. Die werschikisch-burischkische Sprache im Pamirgebiet und ihre Stellung zu den Japhetitensprachen des Kaukasus. — Wiener Beiträge zur Kulturgeschichte und Linguistik. Wien, I, 1930, S. 289–331.

³⁸ von Mészáros J. Die Päkhy-sprache. — In: Studies in Ancient Oriental Civilization, Chicago, 1934, N 9, S. 32.

³⁹ Пайазат А. Ключ халдского языка. Ереван, 1936. На арм. яз.

⁴⁰ См.: Bouda K. Die tibetisch-kaukasische Sprachverwandtschaft. — Lingua, (1950), II, N 2, S. 140–169; Idem. Die Sprache der Buruscho. — Eusko-Jakintza, 1952, IV, S. 37–50; 337–346; Idem. Buruschaski Etymologien. — Orbis, 1954, T. III, N 1, S. 228–230.

⁴¹ Tailleur O.G. Un îlot basco-caucasien en Sibérie. — Orbis, 1958, T. VII, N 2, p. 415–427.

М. Церетели о шумерско-картвельском родстве⁴². Из недавно высказанных точек зрения к этому же кругу должны быть отнесены адыгско-индоевропейское построение Шавкета Муфти, рассматривающего адыгов (т.е. адыгейцев и кабардинцев) в качестве потомков индоарийских синдов Северного Кавказа⁴³, предположение И.М. Дьяконова о родстве хурритско-урартских и нахско-дагестанских языков⁴⁴, севернокавказско-енисейско-синотибетская гипотеза С.А. Старостина⁴⁵.

Поскольку эти во многом противоречащие друг другу построения выдвигались, как правило, исследователями, не владеющими либо материалом кавказских языков, либо методикой компаративистического исследования, либо, наконец, и тем и другим, они в настоящей монографии не рассматриваются. Наиболее характерными чертами упомянутых работ являются слабое знакомство с соответствующей специальной литературой, неточная запись фактического материала, произвольное членение лексем, ошибочная реконструкция архетипов, нередкое оперирование неисконным для кавказских языков материалом и т.п.

Достаточно привести лишь один пример, иллюстрирующий чрезвычайно шаткие фактические основания, лежащие в основе предпринимавшихся сопоставлений материала мертвых переднеазиатских языков и кавказских. Одним из наиболее ярких словарных параллелизмов хаттского языка с абхазско-адыгскими целый ряд авторов считают до последнего времени хатт. *uašpar/u* 'бог, богиня' при адыг. *wa-šx^wǰ* 'гром, бог', впервые отмеченный Ю. Месарошем⁴⁶, и в дальнейшем заимствованный из одной работы в другую. Между тем уже давно была показана некорректность такого сопоставления: если в адыгских языках это композит с прозрачной внутренней формой 'небо + синее' (имеющий к тому же преимущественно значение клятвенной формулы), то в хаттском — это отсутствующая в адыгских языках форма так называемого коллективного числа с префиксом *ca-* субстантива (а) *špar/u* 'бог, богиня'⁴⁷.

Кавказский материал использовался в целом ряде произвольных построений, с самого начала стоявших за пределами лингвистической науки. Ср., например, его вовлечение в "алародийское" языкознание К. Оштира⁴⁸, в иберо-кавказское построение Й. Карста⁴⁹, в концепцию коллатерально-

⁴² Tsereteli M. Zur Frage der Verwandtschaft des Georgischen (Kartvelischen). — Bedi Kartlisa, (1966), Vol. XXI—XXII, S. 128—139.

⁴³ *Šawket Mufti (Habšoqa)*. Die Sprachwissenschaft des Tscherkessischen: Einleitung und Lautlehre. Heidelberg, 1978.

⁴⁴ Дьяконов И.М. Хуррито-урартские и восточно-кавказские языки. — Древний Восток. Ереван, 1978, 3, с. 25—46. В годы аспирантуры поисками таких связей занимался и автор настоящей монографии; ср.: Браун И.Я., Климов Г.А. Об историческом взаимоотношении урартского и иберийско-кавказских языков. — В кн.: V (XI) Науч. сессия ин-та языкознания АН ГрузССР: План работы и тезисы докл. Тбилиси, 1954, с. 49—52.

⁴⁵ Старостин С.А. Праенисейская реконструкция и внешние связи енисейских языков. — В кн.: Кетский сборник: Антропология. Этнография. Лингвистика. Л., 1982, с. 197—237.

⁴⁶ von Mészáros J. Die Pälchy-sprache, S. 32.

⁴⁷ Deeters G. Die kaukasischen Sprachen, S. 76—77; Камменхубер А. Хаттский язык. В кн.: Древ. языки Малой Азии. М., 1980, с. 70—71.

⁴⁸ Oštir K. Beiträge zur alarodischen Sprachwissenschaft.

⁴⁹ Karst J. Grundzüge einer vergleichenden Grammatik...

го родства нескольких языковых семей Старого Света Н. Лаховари⁵⁰. Немногим менее фантастичными бывали даже работы, ограниченные в основном фактами кавказских языков⁵¹. Продолжают выходить в свет подобные публикации и в настоящее время⁵². Упомянем, наконец, о существовании ряда работ, некритически использующих такие источники и продолжающие на их базе еще более невероятные построения. Ср., например, книгу Л. Эйхберга, в которой кавказские языки рассматриваются как своего рода посредники в передаче шумерской культурной лексики в индоевропейские языки⁵³. Причины такого положения вещей следует, на наш взгляд, искать в невыработанности в кавказском языкознании сколько-нибудь устойчивой и достаточно авторитетной традиции, что оставляет широкий простор для произвольных манипуляций с языковым материалом.

Не принесло успеха еще одно направление исследований, активно вовлекавших в сферу своего внимания кавказский материал. Имеются в виду весьма интенсивные в прошлом медитерранистские штудии, разрабатывавшиеся в плане поисков "третьего", т.е. неиндоевропейского и несемитского языкового элемента, участвовавшего в формировании так называемой средиземноморской цивилизации (ср. в этой связи термин *Pirineo-Caucasico* А. Тромбетти и *Hispano-Kaukasisch* Й. Губшмида). По-видимому, впервые к фактам кавказских языков в этой связи еще в 1894 г. обратился К. Паули. Известная попытка подобного рода была связана и с именем Н.Я. Марра⁵⁴. Естественно, что медитерранистам В. Бертольди, Й. Губшмиду, О. Менгину, Дж. Алессио и др. сплошь и рядом приходилось иметь дело с трудно трактуемым фондом культурного словаря, нуждавшимся в объяснении и в кавказских языках⁵⁵. Впрочем, в самое последнее время можно заметить некоторое оживление подобных исследований⁵⁶.

Существенные структурные отличия кавказских языков от их окружения внушали в прошлом целому ряду языковедов необоснованную мысль об их глубокой архаичности. Особенно часто такую квалификацию получали в истории лингвистики абхазско-адыгские языки, напоминающие некоторыми своими чертами древнейшее реконструируемое состояние протфиндоевропейского. Так, еще П. К. Услар полагал на основании богатства

⁵⁰ *Lahovary N.* La diffusion des langues anciennes du Proche-Orient: Leurs relations avec le Basque, le Dravidien et les parlers Indo-Européens primitifs. Bern, 1957.

⁵¹ *Bork F.* Beiträge zur kaukasischen Sprachwissenschaft. Königsberg, 1907, t. 1. Kaukasische Miscellen; *van Ginneken J.* Contribution à la grammaire comparée des langues du Caucase. Amsterdam, 1938.

⁵² *Shawket Mufti (Habžoqa).* Die Sprachwissenschaft des Tscherkessischen...

⁵³ *Eichberg L.W.* Etymologien vorindogermanischer Wörter aus orientalischen Sprachen. Freiburg, 1952 (2. Ausg.).

⁵⁴ *Марр Н.Я.* Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в создании Средиземноморской культуры. — МЯЯ. Лейпциг, 1920, XI.

⁵⁵ Ср.: *Bertoldi V.* Colonizzazioni nell'antico Mediterraneo alla luce degli aspetti linguistici. Napoli, 1950; *Hubschmid J.* Sardische Studien. — Romanica Helvetica. Bern, 1953, vol. 41; *Idem.* Méditerrané Substrate. — Romanica Helvetica. Bern, 1960, vol. 70; ср. также: *Lafon R.* Mots "méditerranéens" en géorgien et dans quelques autres langues du Caucase. — Revue des Études Anciennes, (1934), 36.

⁵⁶ Ср.: *Furnée E.J.* Vorgriechisch-Kartvelisches. Studien zum Ostmediterranen Substrat nebst einem Versuch zu einer neuen pelassischen Theorie. Leuven; Leiden, 1979.

абхазского языка глагольными формами, что он является "младенческим"⁵⁷. Ж. ван Гиннекен, усматривавший в кавказских фактах особенно примитивный строй, использовал абхазско-адыгскую структурную модель в своей известной попытке реконструировать звуковую систему "архаических языков человечества" (беднейший вокализм абхазского представлялся ему отражением эпохи отсутствия противопоставления вокализма консонантизму, чрезвычайно древним он считал также латеральный ряд согласных в северокавказских языках)⁵⁸. Подобная точка зрения оказалась особенно характерной для Н.Я. Марра и его школы.

Об архаичности строя абхазско-адыгской речи Н.Я. Марр писал следующее: "Ее строй — синтетический в основе, морфология зачаточная, возмещаемая синтаксисом и элементами связи (местоимения, классовые показатели, они же признаки грамматического рода); основы односложны (моносиллабизм), к нему сведены и усвоенные позднее скрещенные образования, слова многозначимые (полисемантизм), распознаванию которых помогает возможность их фонетически модулировать благодаря чрезвычайному богатству согласных и разнообразию ударений, фонемы сами — архаичные, особенно сложные (аффрикатные) согласные, пережитки не вполне членораздельных звуков (называемых диффузными). Система счета двадцатиричная. Полисемантизм легко прослеживается сродством названий предметов, раньше выражавшихся одним словом, напр., 'голова' и 'себя', 'рука' и 'нога' и т.п."⁵⁹. "Наиболее примитивный ранний архаический тип, — писал Н.Я. Яковлев, — сохраняется в пределах западной (т.е. абхазско-адыгской. — Г.К.) группы. В нем видны ясные следы того состояния, при котором все грамматические отношения выражались только средствами синтаксиса, т.е. сочетаниями слов в предложениях, а сами слова были односложными и неизменяемыми... Этот строй, который, по-видимому, возник еще в дородовую эпоху, в дальнейшем распался..."⁶⁰. Существовала, наконец, тенденция рассматривать в качестве очень архаичного явления и характерную для большей части кавказских языков эргативную конструкцию предложения. При этом нередко в эргативной системе усматривались даже реминисценции так называемого дологического мышления.

Обобщив подобные представления, Н.Я. Марр пришел к выводу, что кавказские языки в целом "сохранили наиболее осязаемо материалы изжитых этапов развития человеческой речи, в них наглядно прослеживается процесс отложения как элементов, так и целых слоев языка на древнейших ступенях его развития"⁶¹. По ходу перерастания его взглядов в стадиальную концепцию он стремился соотнести многие из упомянутых выше структурных характеристик с особой стадией в эволюции языков мира, которая определялась им как "яфетическая". Однако сопротивление языкового материала этому построению было настолько велико, что Н.Я. Марр в

⁵⁷ См.: Услар П.К. Абхазский язык. — В кн.: Этнография Кавказа: Языкознание. Тифлис, 1887, I, с. 37.

⁵⁸ van Ginneken, J. La reconstruction typologique des langues archaïques de l'humanité. Amsterdam, 1939 (ср. рецензию В.Н. Ярцевой: Изв. АН СССР. ОЛЯ, 1948, № 3).

⁵⁹ Марр Н.Я. О языке и истории абхазов. М.; Л., 1938, с. 396.

⁶⁰ Яковлев Н.Ф. Языки и народы Кавказа. Тифлис, 1930, с. 33.

⁶¹ Марр Н.Я. Яфетиды. — В кн.: Марр Н.Я. Избр. работы. Л., 1933, т. 1, с. 130.

конечном счете оказался не в состоянии вскрыть системность явлений, характеризовавших бы "яфетическую" стадию. Поэтому последовавшее в 1930—1931 гг. признание им полистадиальности кавказских языков явилось равносильным отказу от трактовки последних в качестве архаичных⁶².

Действительно, никакие уровни структуры кавказских языков не дают оснований усматривать их пережиточный характер (нельзя не признать к тому же, что и в современных теоретических исследованиях облик архаического состояния языка рисуется весьма предположительным образом⁶³). Так, ныне известно немало различных языковых семей, обладающих минимально развитым вокализмом. Во множестве языков мира, в том числе в индоевропейских (например, в дардских и нуристанских), обнаружены латеральные согласные. Моносиллабизм слова встречается во многих высокоразвитых языках, в частности в сино-тибетских. Утверждение о зачаточности морфологии в абхазско-адыгских языках — явное недоразумение, поскольку оно не учитывает их богатейшей глагольной морфологии. Не может служить показателем архаичности языка и его эргативный строй. Напротив, представители последнего, составляя на лингвистической карте мира вместе с номинативными огромное большинство, являются в полном смысле слова языками современного человечества. Вообще, как известно, эргативная система очень близка к номинативной (далее отстоит от последней активная система, которую, впрочем, также трудно признать сколько-нибудь архаичной). Уже давно показана некорректность попыток некоторых типологов прошлого поставить функционирование эргативности в языке в связь с дологическим мышлением. Наконец, полисемантизм слов широко представлен во множестве высокоразвитых языков. Таким образом, мнение об архаичности кавказских языков в настоящее время практически не встречается и может всецело считаться достоянием истории науки.

Трудности, сопровождающие исследование кавказских языков, могут быть разделены на объективные и субъективные. Среди первых из них прежде всего следует назвать общепризнанный в специальной литературе факт самых серьезных структурных и материальных расхождений между абхазско-адыгскими, картвельскими и нахско-дагестанскими языками (генетическое и типологическое единство каждой из этих групп не вызывает сомнений). "Расхождения между различными группами иберийско-кавказских языков, — пишет, например, А.С. Чикобава, — могут поразить при первом знакомстве. Обозревая описательные грамматики таких языков, как абхазский, адыгейско-черкесский, грузинский, аварский, лакский, даргинский, лезгинский, удинский, нельзя не удивляться разнообразию, которое обнаруживается в фонетической системе, морфологическом строе и лексике данных языков: казалось бы, между ними нет ничего общего... О словарном составе иберийско-кавказских языков, казалось бы, и говорить не приходится: даже по внешней структуре они представляют собою несводимые величины... Отдельные общие явления мелькают

⁶² Март Н.Я. Яфетические языки. — Там же, с. 296.

⁶³ Ср.: Décsy G. Sprachherkunftsforschung. Wiesbaden, 1977, Bd. I. Einleitung und Phonogenese/Paläophonetik; Bloomington, 1981, Bd. II. Semogenese/Paläosemiotik.

и в фонетике, и в морфологии, и в синтаксисе, но они не меняют впечатления крайнего разнообразия грамматической системы этих языков...»⁶⁴. Нетрудно понять поэтому, с какими сложностями, несмотря на весь прогресс во внутрigrупповых исследованиях рассматриваемых языков, связаны попытки выявления их общностей в типологическом, ареальном и, тем более, генетическом плане (приходится, конечно, считаться и с возможностью отсутствия самого факта родства между ними).

Другим негативно сказывающимся на исследованиях фактором объективного порядка является отсутствие здесь сколько-нибудь древней письменной фиксации языкового материала. В подавляющем большинстве случаев записи этих языков относятся к периоду, начиная с конца XVIII в. (наиболее ранняя фиксация аварского языка относится к XIV столетию, даргинского — к XVI в., табасаранского — к началу XVII в.). Если учесть младописьменный статус почти всех языков, имеющих здесь литературную традицию, то грузинский, древнейшие письменные памятники которого восходят к V в. н.э., остается по существу единственным языком, историю которого можно успешно изучать посредством филологического метода (малочисленность выявленных памятников другого языка, обладавшего старописьменной традицией — удинского, а также начальное состояние их дешифровки практически не позволяет привлекать его данные для какого-либо сравнительного исследования). Необходимо заметить, впрочем, что различия между древним и современным грузинским в целом невелики.

Неслучайны поэтому весьма медленные темпы развития кавказоведения прошлого. В течение длительного времени наука располагала материалом ничтожного меньшинства кавказских языков, к тому же сам этот материал был фрагментарным. В прошлом считалось достижением, если исследователь овладевал "экзотической" фонетикой этих языков в такой мере, что мог как-то анализировать слова или мелкие фразы, записанные под методически непродуманную диктовку. Широко известный в старом кавказоведении труд Р. Эркерта⁶⁵ считался одно время едва ли не классическим в этой области, а между тем без преувеличения приходится сказать, что в нем нет ни одного места, где бы не было множества ошибок фактического порядка. Не говоря уже о том, что материал для этой книги собирался анкетным способом через местную администрацию на Кавказе, в ней принята настолько неточная транскрипция, что языковые факты здесь нередко оказываются искаженными до неузнаваемости. За весь XIX в., по мнению известного советского кавказоведа К.Д. Дондуа, едва было возможно насчитать двух-трех лингвистов, которые вполне владели изучаемым кавказским материалом. Особенно отставали различного рода сравнительные исследования. Согласно довольно справедливой оценке Т. Клюге, занимавшегося картвельскими языками, кавказская сравнительная филология стояла к началу XIX столетия в существенных чертах на уровне классического языкознания Европы XVI в.⁶⁶

⁶⁴ Чикобава А.С. О двух основных вопросах изучения иберийско-кавказских языков. — ВЯ, 1955, № 6, с. 72—73.

⁶⁵ von Erckert R. Die Sprachen des kaukasischen Stammes; ср.: *Idem*. Der Kaukasus und seine Völker. Leipzig, 1887.

⁶⁶ Kluge T. Studien zur vergleichenden Sprachwissenschaft der kaukasischen Sprachen. — In: Mitteilungen der Vorderasiatischen Gesellschaft. Berlin, 1907, 5, S. 6.

Переходя к характеристике субъективных факторов, негативно сказывающихся на темпах развития кавказского языкознания, прежде всего необходимо назвать недостаточное знакомство многих кавказоведов с существующей традицией разработки его проблематики. Вследствие этого в исследовательской практике известны случаи, когда более поздние авторы приходили к выводам, уже задолго до них сформулированным в специальной литературе. У большинства негрузинских ученых налицо очень поверхностное знакомство с работами, опубликованными на грузинском языке. У целого ряда отечественных исследователей бросается в глаза совершенно неудовлетворительное знакомство с кавказоведческим наследием зарубежной лингвистики (так, автору настоящей монографии приходилось в 1981 г. рецензировать одну из синтаксических работ, абсолютно незнакомую с зарубежными публикациями по проблематике эргативности, вышедшими в свет после известного сборника переводных статей, опубликованного в 1950 г.⁶⁷).

Другим фактором, серьезно тормозящим здесь дальнейший прогресс, является обычно недостаточно широкий профессиональный кругозор кавказоведов. Чаще всего — это исследователи какой-либо одной из групп кавказских языков (как правило, некоторого фрагмента последней), вследствие чего они неспособны самостоятельно проверить адекватность тех или иных положений общекавказоведческого плана.

Неблагоприятно заявляет о себе и обычное отсутствие у кавказоведов минимальной востоковедческой подготовки, что особенно сказывается на все еще очень нечетком разграничении исконного и заимствованного материала в кавказских языках (его следствием является, в частности, практика выделения исторических "классных префиксов" в лексике, усвоенной из арабского, тюркского и иранского источников, например в чеч. *bāla* 'беда, горе', *dow* 'спор', *puḡ* 'сияние', *taḡmaḡa* 'тавро, клеймо' и мн. др.). Не способствует успешной работе и едва ли не полное незнание специалистов по севернокавказским языкам с армянским языком (ср., например, значение фундаментального словаря Гр. Ачаряна для сравнительно-лексикологических штудий⁶⁸).

Наконец, наиболее серьезным негативным фактором субъективного характера остается довольно слабое владение многими авторами современными методами синхронного и особенно диахронического исследования (в прошлом развитию отечественного кавказоведения препятствовала ориентация значительного числа специалистов на научно несостоятельные теоретические и методические постулаты "нового учения о языке" Н.Я. Марра). Некоторое отставание лингвистов-отраслевиков от новейших теоретических концепций и методических приемов в полной мере ощутимо и в кавказском языкознании, нерешенность конкретных проблем которого приводит в этих условиях к застою в развитии науки. Одним из проявлений последнего оказывается существенным образом варьирующая методическая база кавказоведческих исследований.

Как известно, серия образцовых для своей эпохи дескриптивных грам-

⁶⁷ Эргативная конструкция предложения /Сост. Е.А. Бокарев. М., 1950.

⁶⁸ Ачарян Гр. Этимологический коренной словарь армянского языка. Ереван, 1971, т. I; 1973, т. II; 1977, т. III; 1979, т. IV. На арм. яз.

матик П.К. Услара, адекватно переизложенная на немецком языке А. Шифнером, не получила своего продолжения. Такие последующие грамматисты, как А. Дирр, Л.И. Жирков и Н.Ф. Яковлев, строили свои грамматики на существенно отличных основаниях. Не наблюдается единства в принципах описательного анализа и в современных работах дескриптивного плана. Более того, глубоко различным оказывается, в частности, подход разных авторов к самим его принципам: если одни из кавказоведов исходят из тезиса о том, что описательный анализ языка служит первичной базой, над которой надстраиваются дальнейшие исследования — генетические (сравнительно-исторические), типологические, ареальные и т.д., то другие считают, что сама теория описательной лингвистики должна исходить из установок сравнительно-исторического ("историко-сравнительного") языкознания.

В конкретных синхронных исследованиях неоднозначно трактуются многие по своему существу ключевые понятия грамматического строя кавказских языков. Неодинаковым образом интерпретируется в них, например, даже уровень статус ряда важнейших для них категорий. Так, если в одних работах переходность (транзитивность) ~ непереходность (интранзитивность) рассматривается в принципе как лексическая характеристика глагола, то в других она трактуется как морфологическая категория. Аналогичным образом, каузатив в одних работах определяется как некоторый словообразовательный аффикс, способный изменить самое лексическое качество глагола (в частности, произвести транзитивный глагол от интранзитивного или от другого транзитивного), в то время как в других он признается обычным элементом словоизменительной системы.

В этих условиях неудивительно, что во множестве современных кавказоведческих публикаций все еще наблюдается неразличение абстрактного понятия лексемы, как некоторого инварианта совокупности всех ее словоформ, и конкретного понятия словоформы (на почве которого сплошь и рядом встречаются такие формулировки, как: "к таким глаголам относится абаз. *и-лы-рхауг* 'она отправилась (туда)'"). В этой же связи следует упомянуть значительные различия в понимании уровневой соотнесенности строевых элементов конкретных языков, сопровождающих функционирование в последних классной системы. Одни авторы придерживаются практики различения именных классов как лексических группировок субстантивов, с одной стороны, и морфологической категории класса в синтаксически связанных с субстантивами словах (глаголах, прилагательных, некоторых местоимениях и т.д.) — с другой. Иные авторы пользуются для описания обеих систем синкретическим понятием грамматического класса (вследствие чего во многих работах встречаются такие формулировки, как "к III грамматическому классу относятся неодушевленные существительные"). Неодинаковы и способы подсчета числа классов в языках. "Большинство языковедов, — пишет Е.А. Бокарев, — понимают под именными классами группы существительных, характеризуемые совокупностью классных показателей как единственного, так и множественного числа. Другие же считают, что в единственном и множественном числе может быть разное количество классов в зависимости от числа показателей. Наконец, встречается и полное отождествление классов и классных

показателей, в этом случае под числом классов понимается число показателей вообще⁶⁹.

Переживаемый современным кавказоведением этап развития характеризуется наличием двух глубоко различных направлений исследования, отмеченных различием как в понимании задач, стоящих перед этой дисциплиной, так и в используемой исследовательской методике. Одним из них придерживаются авторы, считающие их взаимное родство недоказанным и констатирующие в соответствии с этим наличие здесь трех языковых семей (абхазско-адыгской, картвельской и нахско-дагестанской). В советском кавказоведении к их числу принадлежат Г.В. Церетели, А.Г. Шанидзе, Г.С. Ахвледиани, Т.В. Гамкрелидзе, Г.И. Мачавариани, А.Е. Кибрик и др. Среди зарубежных ученых здесь можно назвать Г. Деетерса, Х. Фогга, К.Х. Шмидта, А. Койперса, В. Бедера и мн. др. Другое направление составляют кавказоведы, считающие, что генетическое единство рассматриваемых языков в принципе уже доказано, и, следовательно, трактующие их как единую языковую семью. Из числа советских лингвистов его представляют А.С. Чикобава, В.Т. Топуриа, Г.В. Рогава, К.В. Ломтатидзе, Ю.Д. Дешериев, Т.С. Шарадзенидзе и др., а из числа зарубежных — К. Боуда, Р. Лафон и др.

Важнейшим следствием отмеченного расхождения является разное понимание задач, стоящих перед кавказоведением. Так, для представителей первого направления нерешенными остаются задачи поиска генетических и ареальных связей между отдельными группами кавказских языков⁷⁰. Для представителей второго первоочередной является задача конкретизации тезиса об их генетическом родстве. Вместе с тем, последние в отличие от первых обычно придерживаются скептического взгляда на перспективы исследования ареальных взаимоотношений этих групп (ср., в частности, их высказывания о бесполезности фундаментального для ареальной лингвистики понятия языкового союза⁷¹). Совершенно поразному выглядит в обоих направлениях и самый подход к исследованию фактического материала отдельных групп. Так, например, согласно Т.В. Гамкрелидзе, "сравнительный анализ и реконструкция праязыковых состояний каждой из групп кавказских языков должны проводиться при строгом соблюдении принципа автономности этих групп, с учетом внутренних закономерностей их развития и без ориентации исследования истории одной языковой группы на показания другой и наоборот"⁷². Противоположную позицию занимает А.С. Чикобава, утверждающий, в частности, что "нельзя решать основные вопросы древнейшей истории

⁶⁹ Бокарев Е.А. Дагестанские языки. — В кн.: Языки Азии и Африки. М., 1979, т. III. Языки древней Передней Азии (несемитские). Иберийско-кавказские языки. Палеоазиатские языки, с. 168.

⁷⁰ Ср.: Шанидзе А.Г. Вступительное слово... — Тр. каф. др.-груз. языка ТГУ, 1968, 11, с. 5–6; Церетели Г.В. О теории сонантов и аблаута в картвельских языках. — В кн.: Гамкрелидзе Т.В., Мачавариани Г.И. Система сонантов и аблаут в картвельских языках: Типология общекартвельской структуры. Тбилиси, 1965, с. 649.

⁷¹ Ср.: Шарадзенидзе Т.С. Типология языков в синхроническом и диахроническом плане. Тбилиси, 1982, с. 123.

⁷² Гамкрелидзе Т.В. Современная диахроническая лингвистика и картвельские языки (I). — ВЯ, 1971, № 2, с. 29.

грузинского языка без учета показаний бесписьменных картвельских языков, без привлечения фактов вейнахских, дагестанских, абхазско-адыгских языков и, наоборот, нельзя правильно понять основные принципы грамматического строя языков абхазско-адыгской, вейнахской и дагестанской групп, если игнорировать данные истории картвельских языков⁷³

Если в процедуре доказательства языкового родства представители первого направления руководствуются критерием системности фонетических соответствий в материале корневых и грамматических морфем (и поэтому придают большое значение внутригрупповым этимологическим исследованиям), то представители второго направления апеллируют при этом к критерию сходства в структуре и материале сравниваемых языков, полагая, что с углублением в их историю такое сходство увеличивается.

Успешное решение общекавказоведческой проблематики тормозится и далеко не одинаково продвинутым состоянием изученности отдельных групп кавказских языков. Несомненно, лучше всего подготовлено к различного рода сравнительным штудиям картвельское языкознание. Заметным прогрессом за два-три последних десятилетия отмечены исследования в области абхазско-адыгских языков. Наконец, наибольший объем нерешенных задач остается в сфере изучения нахско-дагестанских языков.

К настоящему времени удовлетворительно обследовано синхронное состояние картвельских языков (изучавшееся, впрочем, с позиций двух конкурирующих в картвелистике грамматических концепций). Довольно интенсивно изучались и их диалекты. Значительных успехов достигла сравнительная грамматика картвельских языков: здесь накоплена обширная совокупность разноуровневых реконструкций, введен в обиход принцип релятивной хронологии явлений, полным ходом идут этимологические штудии. Такому положению вещей в определенной степени способствовало то обстоятельство, что грузинский является по существу единственным из кавказских языков, располагающим древнеписьменными памятниками, наиболее ранние из которых восходят еще к V в. н.э. (в последней связи необходимо отметить и наличие в Грузии уже довольно длительной традиции высококвалифицированного научного издания древнегрузинских текстов, представленной в настоящее время школой А.Г. Шанидзе). Очевидные результаты достигнуты в плане типологического — как формального, так и содержательно ориентированного — исследования картвельских языков, чему, в частности, способствовало совмещение в их структуре разнородных типов (ср. черты флективности и агглютинативности, с одной стороны, и номинативного и неноминативного компонентов — с другой). Наконец, прежде всего с анализом их материала связаны и первые шаги кавказоведения в исследовании проблематики ареальной лингвистики.

Ускоренными темпами развивается абхазско-адыгское языкознание, недавние успехи которого связаны с появлением в последние годы целого ряда крупных как советских, так и зарубежных исследований (устойчивое внимание западных лингвистов к этой области в какой-то степени объясняется структурными характеристиками абхазско-адыгских языков, напоми-

⁷³ Чикобава А.С. О двух основных вопросах..., с. 75; ср.: *Ом же*. К вопросу об отношении картвельских языков к индоевропейским и севернокавказским языкам. — ВЯ, 1970, № 2, с. 62.

нающими в ряде отношений некоторое предельное состояние протоиндоевропейского). И здесь основной прогресс наблюдается в сфере сравнительной грамматики, где наиболее изученными являются уровень фонетики и этимология. По-видимому, возобновляется здесь и интерес к типологической проблематике, связанный с тем, что современное состояние этих языков оказывается весьма близким к эталону эргативности. Некоторые новые гипотезы индоевропейцев, в частности мнение об индоарийской принадлежности древних синдгов северо-западного Кавказа, будут стимулировать работу по изучению ареальных связей абхазско-адыгских языков.

Наконец, особенно много предстоит еще сделать кавказоведам в исследовании нахско-дагестанских языков. Необходимо, впрочем, оговорить факт несомненной продвинутой здесь нахского языкознания, создавшего себе не только широкую дескриптивную базу, но и достигшего заметных результатов в плане их сравнительно-исторического изучения. В целом обширную программу на будущее здесь, вероятно, составят поиски общего знаменателя историческим штудиям, все еще ограниченными отдельными подгруппами нахско-дагестанских языков. Нуждаются в продолжении и углублении начатые здесь типологические исследования. С интересными перспективами будет, по-видимому, связано рассмотрение ареальных взаимоотношений языков восточного Кавказа (особенно, учитывая неизученность древнего лингвистического ландшафта территории, примыкающей к Дагестану с юга).

Целесообразно подчеркнуть, что кавказский языковой материал стимулировал выдвижение целой совокупности идей, сыгравших заметную роль в формировании современной общелингвистической проблематики.

Так, уже П.К. Услару принадлежит право быть одним из первых лингвистов, выдвинувших начальные принципы современной фонологической теории (еще в конце прошлого столетия на материале северокавказских языков он пришел к выводу о несовпадении фонетических и функциональных качеств звуков речи, откуда далее заключал, что хотя обозначение тонкостей произношения и существенно для лингвиста, для нужд языковой практики, в частности, для создания алфавитов и письменностей оно совершенно излишне)⁷⁴. Он же сформулировал первую в истории языкознания концепцию эргативного строя, известную как теория пассивности эргативной конструкции предложения⁷⁵.

Занимавшийся прежде всего абхазско-адыгскими языками Н.Ф. Яковлев в ходе анализа их фонологического инвентаря пришел к созданию своей известной математической формулы построения алфавита, а также к мысли о возможности существования в некоторых языках слоговых фонем (силлабофонем). Ему же принадлежит выявление столь важного для грамматического строя абхазско-адыгских языков противопоставления так называемых центробежных и центростремительных форм глагола,

⁷⁴ Ср.: Услар П.К. Чеченский язык. — В кн.: Этнография Кавказа: Языкознание. Тифлис, 1888, II, с. 10–12.

⁷⁵ Там же, с. 64–65; *Он же*. Аварский язык. — Там же, 1889, III, с. 122–123; *Он же*. Лакский язык. — Там же, 1890, IV, с. 141.

сыгравшего существенную роль в развитии идеи континентальной типологии, в частности в разработке понятия активного строя⁷⁶.

Большой и многообразный материал грамматической структуры кавказских языков послужил основной эмпирической базой трудов И.И. Мещанинова и А.С. Чикобава, продвинувших как синхронный, так и диахронический аспекты общей теории эргативности⁷⁷. Исключительное богатство падежной парадигмы нахско-дагестанских языков стимулировало известные исследования Л. Ельмслева в области универсальной теории падежа⁷⁸.

Комплекс особенностей фонологической и грамматической структуры абхазско-адыгских и картвельских языков неоднократно приводился в качестве иллюстрации правдоподобия предлагавшихся реконструкций раннего протоиндоевропейского состояния (минимальный вокализм, проблема гуттуральных, глоттальная теория, гипотеза эргативного или активного прошлого и т.п.)⁷⁹.

В значительной степени именно фактам фонологических систем различных кавказских языков, обладающих глубоко дифференцированными классами шумных согласных (с реализацией признаков звонкости, аспирации, глоттализации и интенсивности), лингвистика обязана недавнему прогрессу теоретического исследования функционального взаимоотношения дифференциальных признаков различных классов согласных фонем. Изучение закономерностей соотношения маркированных и немаркированных членов соответствующих фонемных рядов, обусловленного неодинаковой частотностью их употребительности, имеет существенное значение как для верификации реконструкций фонологических систем, так и для определения путей их исторического преобразования⁸⁰.

⁷⁶ Яковлев Н.Ф. Математическая формула построения алфавита: Опыт практического приложения лингвистической теории. — В кн.: Культура и письменность Востока. М., 1928, кн. 1, с. 42—64; Он же. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М.; Л., 1948, с. 72—82 и 318—323.

⁷⁷ Мещанинов И.И. Общее языкознание: К проблеме стадильности в развитии слова и предложения. Л., 1940; Он же. Эргативная конструкция в языках различных типов. Л., 1967; Чикобава А.С. Проблема эргативной конструкции в иберийско-кавказских языках, Тбилиси, 1961, П. Теории сущности эргативной конструкции. На груз. яз.

⁷⁸ Hjelmslev L. La catégorie des cas. Étude de grammaire générale. — Acta Jutlandica. København, 1937, VII, 1. Aarskrift for Aarhus Universiteit, IX, 2, deuxième partie; ср. Кибрик А.Е. К типологии пространственных значений: На материале падежных систем дагестанских языков. — В кн.: Язык и человек: Публикации отд. структ. и прикл. лингвистики МГУ. М., 1970, вып. IV.

⁷⁹ Ср.: Kuipers A.H. Typologically salient features of some North-West Caucasian Languages. — In: Studia Caucasia, 1976, 3; Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. Реконструкция системы смычных общиндоевропейского языка: Глоттализированные смычные в индоевропейском. — ВЯ, 1980, № 4; Они же. Ряды "гуттуральных" в индоевропейском: Проблема языков centum и satem. — ВЯ, 1980, № 5; Schmidt K.H. Kaukasische Typologie als Hilfsmittel für die Rekonstruktion des Vorindogermanischen: Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft. Vorträge und Kleinere Schriften. Innsbruck, 1983, 31.

⁸⁰ Ср.: Мейжишвили И.Г. Отношение маркированности в фонологии: Условия маркированности в классе шумных фонем. Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1972; Она же. Отношение маркированности в фонологии. Тбилиси, 1976; Гамкрелидзе Т.В. Соотношение смычных и фрикативных в системе. К проблеме маркированности в фонологии // Проблемная группа по эксперимент. и прикл. лингвистике: Предварит. публикации. М., 1974, вып. 52.

Наконец, можно предполагать, что дальнейший прогресс в изучении проблемы внешних ареальных связей кавказских языков (особенно в русле направления *Wörter und Sachen*) прольет дополнительный свет и на вопросы культурной истории древней переднеазиатской цивилизации.

Следует, наконец, схематически коснуться истории изучения кавказских языков.

В истории их исследования существуют две традиции — местная и европейская. Первая хронологически значительно опережает последнюю и восходит еще к филологической деятельности в Грузии IV–V вв. н.э. Строгая нормированность древнегрузинского литературного языка, заявляющая о себе с самых ранних его памятников (переводы Библии), свидетельствует о большой работе, проведенной их создателями. В дальнейшем эту традицию представляли такие видные филологи, как Эквтиме и Георгий Мтацмидели, Ефрем Мцире и некоторые другие деятели так называемого золотого века грузинской литературы (XI–XII вв.). Филологическая работа и здесь была тесно связана с практикой литературных переводов, особенно — с греческого языка, чем, в частности, было вызвано к жизни эллинофильское направление XI–XIII вв., внесшее в грузинский литературный язык немало синтаксических калек (например, конструкции с причастными оборотами)⁸¹. Обращает на себя внимание факт, что единственным предметом интереса грузинских филологов служил грузинский язык. Последнее не должно быть удивительным, если учесть, что еще в XVII–XVIII столетиях здесь держалось убеждение о мегрельском языке как лишь об испорченном грузинском. Следует отметить, что вышедшие в свет в XVI–XVII вв. в Италии учебные пособия по грузинскому языку составлены не без участия грузинских филологов⁸².

Эпоха XVII–XVIII столетий отмечена активизацией словарной и грамматической деятельности в Грузии. К этому периоду относятся создание первого толкового словаря грузинского языка выдающимся лексикографом Сулханом Саба Орбелиани, работа над которым продолжалась с 1685 по 1716 год, а также грузинские грамматики Зураба Шаншовани (1737 г.), католикоса Антония I (1-й вариант — 1753 г., 2-й вариант — 1767 г.), архимандрита Гайоза (1789 г.) и некоторые другие труды, построенные в соответствии с принципами так называемой рациональной или общей грамматики. Нельзя не подчеркнуть, что грамматические предписания Антония I отличались искусственностью и нарочитой архаизацией языковых норм, сковывавшими естественные тенденции развития грузинского языка⁸³.

⁸¹ Ср.: *Меликишвили Д.Н.* К становлению грузинской философской терминологии. — ВЯ, 1978, № 5; *Сарджвеладзе З.А.* У истоков грузинской грамматической мысли. — ВЯ, 1983, № 1.

⁸² Ср.: *Чикобава А.С., Ватейшвили Д.Л.* Первые грузинские печатные издания. Тбилиси, 1983. На груз., русск. и англ. яз.

⁸³ Об этом этапе развития грузинской грамматической традиции см.: *Цагарели А.* О грамматической литературе грузинского языка. СПб., 1873; *Шанидзе А.Г.* Влияние Антона I-го на литературный грузинский язык. — Тр. каф. др.-груз. языка ТГУ, 1964, 9; *Чикобава А.С.* История изучения иберийско-кавказских языков. Тбилиси, 1965, с. 19–101. На груз. яз.; *Бабунашвили Э.* Антон Первый и вопросы грузинской грамматики. Тбилиси, 1970; *Поцхишвили А.П.* Из истории грузинской грамматической мысли. Тбилиси, 1979. На груз. яз.

Другая, внешняя, традиция в изучении кавказских языков восходит к собирательской деятельности русских академиков П.С. Палласа и И. Гюльденштедта, в ходе комплексных экспедиций которых на Кавказ в XVIII в. были составлены параллельные словари целого ряда кавказских языков⁸⁴. В частности, в лексическом материале, собранном в виде глоссариев И. Гюльденштедтом, представлены чеченский, ингушский, баббийский, аварский, цезский, андийский, лакский, даргинский, абхазский, кабардинский, грузинский, мегрельский и сванский языки. Здесь же встречаем первый опыт генетической классификации кавказских языков, согласно которой устанавливались черкесская (т.е. абхазско-адыгская), грузинская (картвельская), кистинская (нахская) и лезгинская (дагестанская) группы. В первой четверти XIX в. кавказские языки привлекли к себе внимание известного ориенталиста Г.Ю. Клапрота, уже отметившего многочисленные сходства нахских языков с дагестанскими⁸⁵.

В период, непосредственно примыкавший к упомянутой серии собирательных трудов, наибольший интерес вызывало изучение картвельских языков, которыми занимались М.Ф. Броссе — основатель грузиноведения в Петербургском университете и автор двух грамматик грузинского языка (1834 и 1837 гг.), Фр. Бош, пытавшийся обосновать принадлежность картвельских языков к индоевропейским⁸⁶, а также отечественный востоковед Г. Розен, интересовавшийся преимущественно бесписьменными картвельскими языками⁸⁷. Появляется в первой половине XIX в. ряд грузинских грамматик и в Грузии: Д. и И. Багратиони, Г. Фиралова (1820 г.), С. Додашвили (1830 г.), П. Иоселиани (1840 г.), Д. Чубинашвили (1855 г.). В трудах М.Ф. Броссе, Д. Чубинашвили и А. Цагарели особенно очевиден синтез обеих традиций в изучении кавказских языков — внутренней и внешней, положивший начало его единому направлению. К первой половине XIX в. относятся и первые рукописные опыты грамматик некоторых севернокавказских языков — кабардинского, адыгейского, удинского, баббийского.

Следующий этап в развитии кавказского языкознания характеризуют многочисленные и очень совершенные для своего времени публикации А. Шифнера, П.К. Услара и А.М. Дирра, вставших на путь создания исчерпывающих описательных грамматик кавказских языков. Четыре монографии первого (по баббийскому, аварскому, удинскому и чеченскому языкам), шесть — второго (по абхазскому, чеченскому, аварскому, лакскому, даргинскому и лезгинскому) и десять — последнего (по удинскому, табасаранскому, андийскому, агульскому, арчинскому, цезским, рутульскому, цахурскому, грузинскому и убыхскому) заложили прочный фундамент кавказского языкознания. Среди этих трех исследователей особо следует отметить П.К. Услара, бывшего, по справедливой оценке А. Шифнера,

⁸⁴ Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницей всевысочайшей особы: Отд. первое, содерж. в себе европ. и азиат. языки. СПб., 1787; *Güldenstädt J.A. Reisen durch Russland und im Caucasischen Gebürge*. SPb., 1791, Th. II.

⁸⁵ *Klaproth J. Reise in den Kaukasus und nach Georgien*. Halle; Berlin, 1814, Bd. II.

⁸⁶ *Bopp Fr. Die kaukasischen Glieder* . . .

⁸⁷ *Rosen G. Über die Sprache der Lazen*. Berlin, 1844; *Он же. Ossetische Sprachlehre nebst einer Abhandlung über das das Mingrelische, Suanische und Abchasische*. Berlin, 1846.

истинным украшением русской лингвистической науки той эпохи. Его дескриптивный метод выгодно отличался от господствовавшего способа изложения грамматического строя языка стремлением отразить его определенную диалектную разновидность в терминах присущих ей категорий при большой точности записи фактов⁸⁸. С точки зрения введения в обиход науки нового материала и его обобщения много дал кавказскому языкознанию и А.М. Дирр.

К концу XIX — началу XX в. относится деятельность некоторых других отечественных, главным образом русских и грузинских, кавказоведов, таких как Л.П. Загурский, Л.Г. Лопатинский, М.Г. Джанашивили. Следует подчеркнуть очень большую роль в публикации соответствующих материалов и исследований, которую долгое время играл "Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа", издававшийся в Тбилиси и Махачкале с 1881 по 1929 г. (всего вышли в свет 46 томов). За рубежом в эту эпоху серьезный интерес к кавказским языкам по существу еще только возникает, в частности в кругу ориенталистов, изучавших древние языки Передней Азии. Севернокавказскими и картвельскими языками, равно как и проблематикой эргативности, профессионально занимался Г. Шухардт⁸⁹. Напротив, известная сводная публикация Р. Эркерта является в принципе компилятивным трудом, неудачным в целом ряде отношений⁹⁰. В несколько более позднее время развитию кавказоведения в Западной Европе способствовала деятельность А. Дирра, основавшего журнал "Caucasica" (Лейпциг, т. I—XI, 1924—1934 гг.) и создавшего общее руководство по кавказскому языкознанию⁹¹.

Видное место в истории изучения кавказских языков принадлежит Н.Я. Марру, начавшему свою лингвистическую деятельность в качестве специалиста в области армянской и грузинской филологии (ср. опубликованную им в 1900—1919 гг. серию "Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии"; всего вышли в свет 20 выпусков). Помимо того, что ему принадлежат грамматики лазского и древнегрузинского языков⁹², он явился инициатором сравнительно-исторического изучения картвельских языков (особенно их фонетики и лексикологии). В 1908 г. он предложил неудовлетворительное обоснование гипотезы родства картвельских языков с семитскими. Еще менее обоснованным методически оказалось его положение о генетическом единстве всех групп кавказских языков. С переходом Н.Я. Марра на позиции разработанного им "нового учения о языке" он по существу утратил всякий контакт с кавказоведением.

Выдающуюся роль в прогрессе лингвистического кавказоведения сыграло наследие Н.С. Трубецкого, занимавшегося севернокавказскими языками. Особенно существен его вклад в описание их фонетического строя,

⁸⁸ См.: *Магомедов А.А.* П.К. Услар — исследователь дагестанских языков. Махачкала, 1979.

⁸⁹ Ср.: *Schuchardt H.* Über das Georgische. Wien, 1895.

⁹⁰ *von Erckert R.* Die Sprachen . . .

⁹¹ *Dirr A.* Einführung in das Studium. . .

⁹² Ср.: *Marr Н.Я.* Грамматика чанского (лазского) языка с хрестоматией и словарем. — МЯЯ. СПб., 1910, II; *Он же.* Грамматика древнелитературного грузинского языка. — МЯЯ. Л., 1925, XII; *Marr N., Brière M.* La langue géorgienne. P., 1931.

а также в установление закономерных звукосоответствий внутри их отдельных групп. Образцовые лингвистические реконструкции Н.С. Трубецкого заложили основу сравнительно-исторического исследования нахско-дагестанских (и, отчасти, абхазско-адыгских) языков. Ему принадлежит и разработка фонологической транскрипции для рассматриваемых языков, ставшей с некоторыми дополнениями общепринятой в науке. Определенным недостатком кавказоведческих занятий Н.С. Трубецкого явилось его фактическое незнание с материалом картвельских языков, о чем красноречиво свидетельствуют некоторые его высказывания о последних.

Ведущая роль в изучении кавказских языков неизменно принадлежит отечественным ученым. Большой вклад в дальнейшее развитие кавказского языкознания внесли такие советские кавказоведы старшего поколения, как Г.С. Ахвледиани, А.Н. Генко, К.Д. Дондуа, Л.И. Жирков, Н.Ф. Яковлев. В первые 15—20 лет существования Советского государства соответствующие исследования стимулировались неотложными нуждами культурной революции в стране. Центральные и созданные в то время местные лингвистические учреждения подготовили немало практических грамматик и переводных словарей по отдельным языкам, значительное число языковых учебников и пособий для средней школы. Для ранее бесписьменных и почти не знавших письменности языков народов Кавказа впервые были разработана письменность (что предполагало предварительное определение диалектной базы литературного языка, установление его фонологической системы и т.п.). В дальнейшем продолжали совершенствоваться нормы литературных языков. Письменность прошла в своем развитии ориентацию на арабскую (так называемый новый аджам) и латинскую графическую основы, а с 1938 г. приобрела кириллическую форму. Последующие годы были отмечены неуклонным ростом темпов синхронного и диахронического исследования строя кавказских языков и их диалектов.

В настоящее время ведущие центры по исследованию кавказских языков находятся в Тбилиси и Москве. Они изучаются также в Махачкале, Грозном, Ленинграде, Нальчике, Майкопе, Сухуми, Баку, Черкесске и в некоторых других городах СССР. Наиболее значительный объем работ выполняется лингвистическими учреждениями Грузии — Институтом языкознания АН ГрузССР, Тбилиским государственным университетом, Институтом востоковедения АН ГрузССР, Институтом рукописей АН ГрузССР. В Тбилиси публикуются и несколько специальных периодических изданий: "Иберийско-кавказское языкознание" (с 1946 г. вышли в свет 23 тома), "Ежегодник иберийско-кавказского языкознания" (с 1974 г. опубликовано 12 выпусков), "Вопросы структуры картвельских языков" (с 1959 г. вышли 5 выпусков), "Мравалтави" (с 1973 г. изданы 10 томов). Значительная работа проводится в области кавказского языкознания и в Москве. Так, в Институте языкознания АН СССР уже в течение двух десятилетий ставится акцент на выполнении обобщающих исследований по групповой проблематике. Результатом широко развернутой в МГУ им. М.В. Ломоносова экспедиционной работы явилась серия крупных исследований по дагестанским языкам.

Выдающийся вклад в развитие современного кавказского языкознания

внесли такие советские языковеды, как Г.В. Церетели, А.С. Чикобава, В.Т. Топуриа, Г.И. Мачавариани, Т.Е. Гудава, А.А. Бокарев, Е.А. Бокарев, С.М. Жгенти, И.В. Абуладзе, Ш.И. Микаилов. В настоящее время активно работают А.Г. Шанидзе, Т.В. Гамкрелидзе, Ш.В. Дзидзигури, Ю.Д. Дешериев, А.А. Глonti, К.В. Ломтатидзе, Г.В. Рогава, У.А. Мейланова, И.В. Имнайшвили, З.А. Сарджвеладзе, А.Л. Ониани, А.Е. Кибрик, Б.К. Гигинейшвили и мн. др.

Необходимо подчеркнуть, что в последние десятилетия заметно возрос интерес к проблематике кавказского языкознания и у зарубежных лингвистов. В настоящее время кавказские языки изучаются в ФРГ (К. Шмидт, Й. Кноблх, Й. Бехерт, В. Бёдер, Д.М. Йоб и др.), во Франции (Ж. Дюмезиль, К. Пари, Ж. Шарашидзе, К. Чехов и др.), в Голландии (Ж. Эбелинг, А. Койперс, Р. Сметс, В. Лукассен и др.), в Англии (Дж. Кэтфорд, Б. Хьюит, З. Хоба), в ГДР (Г. Печ, Г. Фейрих и др.), в США (Г. Аронсон, Э. Хэррис, Дж. Коларуссо, Дж. Никольс и др.), в Норвегии, Японии, Польше, Бельгии, Италии, Венгрии, Чехословакии, Швейцарии и в некоторых других странах. В Голландии вышли в свет 6 выпусков журнала "Studia Caucasica" (1963—1985). В ГДР Йенским университетом совместно с Тбилисским издается ежегодник "Georgica" (с 1978 г. опубликовано 8 тетрадей).

ГЛАВА II

АБХАЗСКО-АДЫГСКИЕ ЯЗЫКИ

Генетическое единство абхазско-адыгских (иначе — западно-кавказских) языков уже давно осознавалось в кавказоведении. По-видимому, не случайно то обстоятельство, что еще в известном лексикографическом собрании Й. Гюльденштедта их материал оказался размещенным по соседним рубрикам¹. П.К. Услар впервые эксплицитно сформулировал тезис об этом единстве², который, начиная с классических работ Н.С. Трубецкого, стал получать свое подтверждение на базе системы межъязыковых звукосоответствий³. В состав этой группы входят пять отчетливо обособляющихся в социолингвистическом плане языков — абхазский, абазинский, убыхский, адыгейский и кабардинский (кабардино-черкесский). Более тесно родственные группировки здесь образуют абхазский и абазинский языки (абхазско-абазинская подгруппа), с одной стороны, и адыгейский и кабардинский (адыгская подгруппа) — с другой. Промежуточную позицию занимает между обеими подгруппами убыхский язык, в целом, по-видимому, скорее примыкающий к адыгским языкам⁴.

¹ *Güldenstädt J.A.* Reisen durch Russland und im Caucasischen Gebürge. SPb., 1791, Th. II.

² *Услар П.К.* О языке убыхов. — В кн.: *Этнография Кавказа: Языкознание.* Тифлис, 1887, I, с. 78.

³ *Troubetzkoy N.* Les consonnes latérales des langues caucasiques septentrionales. — BSLP, 1922, t. XXIII, f. 3, p. 188 и сл.; *Он же.* Nordkaukasische Wortgleichungen. — Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes, 1930, Bd. XXXVII, H. 1—2, S. 85—86.

⁴ *Кумахов М.А.* Теория генеалогического древа и вопросы дифференциации западнокавказских языков. — ВЯ, 1973, № 6; ср.: *Шагиров А.К.* Материальные и структурные общности лексики абхазо-адыгских языков. М., 1982, с. 3.

внесли такие советские языковеды, как Г.В. Церетели, А.С. Чикобава, В.Т. Топуриа, Г.И. Мачавариани, Т.Е. Гудава, А.А. Бокарев, Е.А. Бокарев, С.М. Жгенти, И.В. Абуладзе, Ш.И. Микаилов. В настоящее время активно работают А.Г. Шанидзе, Т.В. Гамкрелидзе, Ш.В. Дзидзигури, Ю.Д. Дешериев, А.А. Глonti, К.В. Ломтатидзе, Г.В. Рогова, У.А. Мейланова, И.В. Имнайшвили, З.А. Сарджвеладзе, А.Л. Ониани, А.Е. Кибрик, Б.К. Гигинейшвили и мн. др.

Необходимо подчеркнуть, что в последние десятилетия заметно возрос интерес к проблематике кавказского языкознания и у зарубежных лингвистов. В настоящее время кавказские языки изучаются в ФРГ (К. Шмидт, Й. Кноблох, Й. Бехерт, В. Бёдер, Д.М. Йоб и др.), во Франции (Ж. Дюмезиль, К. Пари, Ж. Шарашидзе, К. Чехов и др.), в Голландии (Ж. Эбелинг, А. Койперс, Р. Сметс, В. Лукассен и др.), в Англии (Дж. Кэтфорд, Б. Хьюит, З. Хоба), в ГДР (Г. Печ, Г. Фейрих и др.), в США (Г. Аронсон, Э. Хэррис, Дж. Коларуссо, Дж. Никольс и др.), в Норвегии, Японии, Польше, Бельгии, Италии, Венгрии, Чехословакии, Швейцарии и в некоторых других странах. В Голландии вышли в свет 6 выпусков журнала "Studia Caucasica" (1963—1985). В ГДР Йенским университетом совместно с Тбилисским издается ежегодник "Georgica" (с 1978 г. опубликовано 8 тетрадей).

ГЛАВА II

АБХАЗСКО-АДЫГСКИЕ ЯЗЫКИ

Генетическое единство абхазско-адыгских (иначе — западно-кавказских) языков уже давно осознавалось в кавказоведении. По-видимому, не случайно то обстоятельство, что еще в известном лексикографическом собрании Й. Гюльденштедта их материал оказался размещенным по соседним рубрикам¹. П.К. Услар впервые эксплицитно сформулировал тезис об этом единстве², который, начиная с классических работ Н.С. Трубецкого, стал получать свое подтверждение на базе системы межъязыковых звукосоответствий³. В состав этой группы входят пять отчетливо обособляющихся в социолингвистическом плане языков — абхазский, абазинский, убыхский, адыгейский и кабардинский (кабардино-черкесский). Более тесно родственные группировки здесь образуют абхазский и абазинский языки (абхазско-абазинская подгруппа), с одной стороны, и адыгейский и кабардинский (адыгская подгруппа) — с другой. Промежуточную позицию занимает между обеими подгруппами убыхский язык, в целом, по-видимому, скорее примыкающий к адыгским языкам⁴.

¹ *Güldenstädt J.A.* Reisen durch Russland und im Caucasischen Gebürge. SPb., 1791, Th. II.

² *Услар П.К.* О языке убыхов. — В кн.: *Этнография Кавказа: Языкознание.* Тифлис, 1887, I, с. 78.

³ *Troubetzkoy N.* Les consonnes latérales des langues caucasiques septentrionales. — BSLP, 1922, t. XXIII, f. 3, p. 188 и сл.; *Он же.* Nordkaukasische Wortgleichungen. — Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes, 1930, Bd. XXXVII, H. 1—2, S. 85—86.

⁴ *Кумахов М.А.* Теория генеалогического древа и вопросы дифференциации западнокавказских языков. — ВЯ, 1973, № 6; ср.: *Шагиров А.К.* Материальные и структурные общности лексики абхазо-адыгских языков. М., 1982, с. 3.

Некоторые исследователи предполагают, что взаимное обособление абхазско-абазинской и адыгской подгрупп должно было произойти в конце III – первой половине II тысячелетия до н.э., а возможно, и значительно ранее⁵. Широко распространенное в прошлом мнение о миграции некогда абхазо-адыгов на Кавказ из Малой Азии оказывается, как теперь нередко подчеркивают, в противоречии с данными археологии, утверждающей их автохтонность на Кавказе⁶ (в последней связи целесообразно подчеркнуть, что засвидетельствованные хеттской и ассирийской письменной традицией племена кашка и абешла далеко не всегда увязываются в науке с этносом абхазско-адыгского типа).

Абхазский язык (абжуйский и бзыбский диалекты) распространен в Абхазской АССР, отчасти в Аджарской АССР⁷, а также в Турции и Сирии. Численность абхазов в СССР – 91 тыс. чел., за рубежом – около 100 тыс. чел. (оценка). Носители тапантского диалекта абазинского языка, наиболее существенно отличающегося от остальных абхазско-абазинских диалектов⁸, как полагают, переселились еще в XIII–XIV вв. из исторической Абхазии, и вместе с носителями его ашхарского диалекта (переселившимися в XVIII и XIX вв.) проживают ныне в Карачаево-Черкесской АО и в других районах Краснодарского края, а также в Турции. Общее число говорящих на его диалектах (тапантском и ашхарском) – около 40 тыс. чел.⁹ Адыгейский язык представлен в Адыгейской АО, в ряде других районов Краснодарского края, в Турции, Сирии, Иордании и в некоторых иных странах Ближнего Востока и Балкан. Выделяют четыре его диалекта – темиргоевский (чемгуйский), абадзехский, бжедугский и шасугский. Число говорящих в СССР – 110 тыс. чел., за его пределами – около 100 тыс. чел. (оценка). Кабардинский язык распространен на территории Кабардино-Балкарской АССР, а также Карачаево-Черкесской АО (его носители проживают и в странах Ближнего Востока). В составе его диалектов – диалект Большой Кабарды, бесленевский, кубанский, моздокский, а также черкесский (по иной терминологии – кубано-зеленчукские говоры). Общая численность кабардинцев и черкесов – около 350 тыс. человек. Почти вымерший убыхский язык, в прошлом локализовавшийся на Черноморском побережье Кавказа к северу от Хосты, представлен в настоящее время минимальным числом говорящих в Сирии и отчасти в Турции (большой текстовый и грамматический материал по этому языку введен в научный обиход работами Ж. Дюмезиля¹⁰).

Все существующие в пределах СССР абхазско-адыгские языки являются

⁵ Ср.: *Анчабадзе З.В.* История и культура древней Абхазии. М., 1964, с. 120–121; *Инал-ипа Ш.Д.* Абхазы. Сухуми, 1965, с. 86.

⁶ *Балкаров Б.Х.* Введение в абхазо-адыгское языкознание. Нальчик, 1979, с. 11.

⁷ Ср.: *Килба Э.К.* Особенности речи батумских абхазов. Тбилиси, 1983.

⁸ См.: *Ломтатидзе К.В.* Тапантский диалект абхазского языка (с текстами). Тбилиси, 1944. На груз. яз.; *Табулова Н.Т.* Грамматика абазинского языка: Фонетика и морфология. Черкесск, 1976.

⁹ *Лавров Л.И.* Обезы русских летописей. – Сов. этнография, 1946, № 4, с. 161–170; *Анчабадзе З.В.* Из истории средневековой Абхазии (VI–XVII вв.). Сухуми, 1959, с. 203–210.

¹⁰ *Dumézil G.* Documents Anatoliens sur les langues et les traditions du Caucase Paris, 1962, II. Textes Oubykhs.

младописьменными (имевший некоторое распространение на Западном Кавказе в XVIII—XIX вв. вместе с исламом литературный арабский язык выполнял очень ограниченные функции). Можно, однако, говорить о длительной традиции бытования, по крайней мере у адыгейцев и кабардинцев, языка устной литературы, прежде всего — фольклора (в частности, широко известного нартского эпоса), характеризующегося, несмотря на определенную диалектную окрашенность, едиными признаками¹¹. Литературные абхазско-адыгские языки пережили в своей истории три этапа графической ориентации. На смену первоначальной упрощенной системе арабской графики ("новому аджаму"), введенной для адыгских языков в 1918 г., в 1927 г. пришла латиница, после которой в 1936—1938 гг. здесь утвердилась кириллическая основа. Абхазский алфавит строился с 1928 г. на латинской основе, с 1938 г. — на грузинской, а с 1954 г. также перешел на кириллическую. Наконец, абазинский литературный язык с 1932—1933 гг. использовал латинскую графику, замененную в 1938 г. кириллической. Интересную особенность абхазско-адыгских языков составляют пережиточно сохранявшиеся до относительно недавнего времени "охотничьи языки", т.е. стили речи, отличавшиеся от других функциональных разновидностей языка преимущественно специфическим словарным фондом и отражавшие самим фактом своего существования некоторые архаические верования западных кавказцев¹² (в пределах Восточного Кавказа аналогию им составлял "охотничий язык" ингушей).

Результаты внутригруппового взаимодействия этих языков особенно отчетливо сказались на убыхском и абазинском, в течение длительного времени контактирующих с адыгскими (к сожалению, качественная и количественная сторона воздействия последних на убыхский остаются неизученными). "Особый интерес, — пишет И.О. Гецадзе, — представляет влияние адыгских языков на грамматическую структуру абазинского языка, что свидетельствует о длительных и тесных этнолингвистических контактах этих языков"¹³. Автор относит сюда такие адыгизмы абазинского, как перенос некоторых моделей функционирования категории определенности (~ неопределенности), так называемое двойное образование каузатива, расширение сферы использования частицы инструменталиса и др. Воздействие адыгских языков на абхазский затронуло, по-видимому, лишь лексику¹⁴.

Фонологическая система абхазско-адыгских языков, неоднократно оказывавшаяся объектом пристального внимания теоретического языкознания (в частности, в связи с задачами типологической верификации реконструкции фонологического инвентаря протоиндоевропейского),

¹¹ Кумахова З.Ю., Кумахов М.А. Функциональная стилистика адыгских языков. М., 1979.

¹² См.: Гула Д. Божество охоты и охотничий язык у абхазов. Сухум, 1926; Бгажба Х.С. Искусственная речь абхазских охотников (по данным бзыбского диалекта). — Тр. Абхазск. ин-та яз., литер. и истории. Сухуми, 1963, вып. XXXIII—XXXIV, с. 394—405.

¹³ Гецадзе И.О. Следы ареальных контактов в грамматических явлениях. — В кн. Проблемы ареальных контактов и социолнгвистики. Л., 1978, с. 123—124.

¹⁴ Ср.: Шагиров А.К. Очерки по сравнительной лексикологии адыгских языков. Нальчик, 1962, с. 56—57.

характеризуется ярким своеобразием в плане как ее парадигматики, так и синтагматики. Общую черту всех этих языков составляют исключительно богатые консонантные системы при крайней бедности вокалических.

В абхазском, абазинском и убыхском языках различаются всего две гласных фонемы, противопоставленные по признаку открытости ~ закрытости, — открытая а и закрытая э, нередко ошибочно характеризуемая как иррациональная. В безударном положении, а также на морфемных швах гласная э имеет своим вариантом ə , ср. убых. $\text{sə}k\acute{a}n//s\acute{k}a\acute{n}$ 'я иду' (в отношении абазинского языка можно, по-видимому, говорить о противопоставлении обеих фонем только в ударном слоге)¹⁵. В обоих представителях адыгской ветви к ним присоединяется так называемое долгое а, являющееся еще более открытым, чем ä (последний адыгский гласный менее открыт, чем его абхазский аналог). Фонемы э и а обнаруживают здесь вместе с тем определенные позиционные ограничения, что дало известный повод к интерпретации кабардинского языка как моновокалического¹⁶ (в абхазском и убыхском фонетически долгий \bar{a} имеет позиционную природу).

Необходимо учитывать, однако, что гласные а и э в определенных позиционных условиях, а именно сочетаясь с глайдами j и w, а также с лабиализованными или палатализованными согласными, образуют в этих языках гласные звукотипы u, i, o и e, которые не без основания рассматриваются в специальной литературе в качестве свободных вариантов исходных для них фонемных последовательностей. Представление о реализующихся при этом процессах дают, в частности, следующие примеры: э + w// > u (ср. каб. $\text{j}\acute{a}zaw//j\acute{a}zu^w$ 'мелодия', а + w// > o (ср. абх. $\text{j}\acute{e}dawp//j\acute{e}dour$ 'то есть'), $C' + a// > Ce$ (ср. абх. $a-g'a\check{z}//a-g'e\check{z}$ 'колесо')¹⁷. Функционирование этих производных звукотипов поддерживается здесь многочисленными лексическими заимствованиями из русского, тюркских и некоторых других языков, в структуре которых они уже не оказываются вариациями каких-либо иных фонемных сочетаний.

Подлинными дифтонгами в абхазско-адыгских языках отсутствуют (во многих исследованиях описательного плана дифтонгами называются двухфонемные последовательности, состоящие из одной из гласных и глайда).

Абхазско-адыгские языки обладают богатейшими в мире консонантными системами. Так, например, в убыхском языке насчитывается не менее 80 согласных фонем, в абхазском литературном языке — 58. Более богатый консонантизм характеризует бзыбский диалект последнего, в кото-

¹⁵ Генко А.Н. Абазинский язык: Грамматический очерк наречия тапанта. М., 1955, с. 20; Allen W.S. Structure and system in the Abaza verbal complex. — In: Transactions of the Philological Society. Hertford, 1956, p. 171; Ломтатидзе К.В. Историко-сравнительный анализ абхазского и абазинского языков. Тбилиси, 1976. I. Фонологическая система и фонетические процессы, с. 24 и след. На груз. яз.

¹⁶ Ср.: Kuipers A.H. Phoneme and morpheme in Kabardian (Eastern Adyge). s²-Gronhaven, 1960.

¹⁷ Ср.: Яковлев Н.Ф., Ашхамов Д.А. Грамматика адыгейского литературного языка. М.; Л., 1941, с. 427; также: Vogt H. Dictionnaire de la langue Oubykh Osic, 1963, p. 24–26.

ром отмечают 67 фонем¹⁸. Несколько менее разветвленные системы согласных налицо в адыгских языках, особенно в кабардинском.

Согласные фонемы образуют здесь тернарные и бинарные ряды противопоставлений. Тернарные ряды в составе звонкого, глухого придыхательного и смычногортанного членов характеризуют простые смычные и аффрикаты, ср.: $b - p - p$, $d - t - t$, $d^w - t^w - t^w$, $g - k - k$, $z - c - c$ и т.д. С этой точки зрения дефектным оказывается ряд увулярных, в котором нет звонкого члена оппозиции. Бинарные ряды противопоставлений в составе соответствующих звонкого и глухого членов образуют здесь щелевые согласные, ср.: $w \sim f$, $z \sim s$, $\zeta \sim \xi$, $\gamma \sim x$ и т.д. В большинстве артикуляционных зон существует также фонемное противопоставление по признаку лабиализованности — нелабиализованности, а в некоторых зонах и по признаку палатализованности — непалатализованности. Дополнительные характеристики убыхского консонантизма составляют наличие серии особых фарингализованных согласных \underline{b} , \underline{p} , \underline{p} , \underline{w} , \underline{v} , \underline{m} , ряд свистяще-шипящих фонем (имеющихся также в бзыбском диалекте абхазского языка и в адыгских), ларингализованные согласные q , q^o , $\underline{\gamma}$, x и другие, латеральные \mathcal{A} и \mathcal{I} и некоторые иные фонемы. Наиболее существенной особенностью адыгского консонантизма является наличие тернарных рядов свистяще-шипящих согласных $\hat{z} \sim \hat{s} \sim \hat{\xi}$ и латеральных $\underline{1} \sim \mathcal{A} \sim \mathcal{I}$. Специфической чертой шапсугского и бжедугского диалектов адыгейского языка служит то обстоятельство, что смычные и аффрикаты образуют здесь четырехчленные серии противопоставлений в составе звонкого, глухого придыхательного, глухого непридыхательного (преруптива) и смычногортанного членов.

Особенностями консонантизма этих языков, противопоставляющими их картвельским и нахско-дагестанским, являются упоминавшаяся выше серия свистяще-шипящих спирантов и аффрикат (редкие аналогии которым отмечаются в андийских языках Дагестана), а также оппозиция шипящих аффрикат и спирантов по признаку мягкости (палатализованности) \sim твердости (непалатализованности), ср.: $\zeta' \text{ и } \zeta$, $\xi' \text{ и } \xi$, $\zeta' \text{ и } \zeta$, $\xi' \text{ и } \xi$, $\zeta' \text{ и } \zeta$, $\xi' \text{ и } \xi$ и $\underline{\zeta}' \text{ и } \underline{\zeta}$.

Некоторые общие черты обнаруживают здесь частотные характеристики встречаемости согласных фонем. Например, в первую по степени употребительности десятку консонантов в убыхском языке попадают в убывающем порядке фонемы n , q' , j , w , γ , d , g' , m , z , l^{20} , в абхазском языке (абжуйский диалект) — j , r , n , l , ω , z , d , m , x , t , в кабардинском — w , r , m , j , ξ , z , q , t , $\hat{\xi}$, d . Нетрудно заметить преобладание в этом материале звонких и сонорных согласных при минимуме придыхательных и смычногортанных (здесь необходимо оговорить неокончательный характер приводимых в настоящей и последующих главах порядков встречаемости согласных, поскольку выполненное — по существу предварительное — статистическое обследование языков охватывало в большинстве случаев ограниченный объем текстов).

¹⁸ Ср.: Багжаба Х.С. Бзыбский диалект абхазского языка: Исследование и тексты. Тбилиси, 1964, с. 31.

¹⁹ Диакритикой ' здесь обозначаются палатализованные согласные.

²⁰ Vogt H. Dictionnaire de la langue Oubykh, p. 34.

Основные модели фонологической структуры корневой морфемы представлены в абхазско-адыгских языках следующими типами: C, характерным главным образом для глагольных корней (ср. абх. s^w 'красить', s 'вязать', (a)-з 'блоха', f-(ba) 'шесть'); CV (ср. абх. a-ħa 'груша', pa 'тонкий', ta- 'давать'); CCV (ср. абх. a-bla 'глаз', a-ž'ma 'коза' pħa- 'греться'); CVC (ср. абх. a-mat 'змея', dæw 'большой', dæg- 'знать') и CVCV (ср. абх. a-gaga 'призрак', a-qaħa 'щкура', baŷ'a 'густой'). В частности, словарь общеадыгских корней А. Койперса в огромном большинстве случаев содержит корневые морфемы типа CV, CCV и CVCV²¹. Наиболее древними из этих моделей принято считать типы C, CV и CCV. Н.Ф. Яковлев, отождествлявший их с так называемыми первичными словами-корнями, отмечал, что их большая архаичность "доказывается на основании многих соображений. Во-первых, слова именно такого типа обнаруживаются не только во всех адыгейских диалектах, но в таком же примерно количестве и в общем с теми же значениями также во всех говорах кабардинского языка. Кроме того, слова того же односложного первичного типа мы находим и в языках южных соседей адыгейцев — абхазов и абазинцев"²². Этому мнению, однако, противоречила старая точка зрения Н.Я. Марра, которому малоконсонантный состав множества корней в абхазско-адыгских языках давал повод говорить об их сильной "стертости" или "изношенности". В условиях важной роли здесь композиции в словообразовании такая фонологическая структура корней создает опасность произвольного перехода исследователя при анализе многоконсонантных лексем на позиции народной этимологии. Фонологической структурой CV характеризуется в абхазско-адыгских языках и абсолютное большинство морфологических элементов и словообразовательных аффиксов. Ср., например, такие аффиксы абазинского именного словоизменения, как показатели плюралиса -k^wa и -c^wa, и признак собирательности -ra, или совокупность аффиксов адыгского глагольного словоизменения, представленную ниже, на с. 42–46.

В плане фонологической синтагматики обращают на себя внимание специфические для рассматриваемых языков консонантные последовательности, встречающиеся как в пределах единой (корневой) морфемы, так и на морфемных швах. Относительно корневой морфемы в убыхском языке отмечают, что в качестве начальных элементов консонантных групп здесь чаще всего выступают губные смычные b, p, p' (более многочисленны сочетания согласных с начальной глухой придыхательной p): by, bɣ', bz, bž, bz', bl, br, px, ps, pš, pš', pɣ, pɣ, pħ, px^w, pš, pš', pɣ', pɣ, pɣ^w, p'q', p'q', p'c', p'č', p'č', p'l'. В корневой морфеме допустимы также консонантные группы: tx, tx', tx^w, tħ, sx, sx^w, st', sk^w, sy, sk'', šħ, šħ^w. Сочетания "n + согласная" в корневой морфеме чаще всего оказываются результатом фонетического наращивания начального сонорного элемента: ndya 'солнце', pq'aqə 'стена', ndan 'острый'²³. Встречаются, в частности,

²¹ Kuipers A.H. A Dictionary of Proto-Circassian Roots. Lisse/Netherlands, 1975.

²² Яковлев Н.Ф., Ашхамов Д.А. Грамматика адыгейского литературного языка, с. 208.

²³ Кумахов М.А. Убыхский язык. — В кн.: Языки народов СССР. М., 1967, т. IV. Иберийско-кавказские языки, с. 692.

и в пределах корневой морфемы также трехчленные консонантные последовательности; ср., например: pst, psk, psk̄, pst, stx в адыгских языках²⁴. Большинство из перечисленных комплексов согласных древнего происхождения. Наиболее ранними можно считать те консонантные комплексы, которые объединяют все абхазско-адыгские языки; достаточно старыми являются и комплексы, общие для адыгских и убыхского. Менее характерные последовательности оказываются обычно продуктом позднейшего развития и — особенно в абхазском — бывают обязанными действию фактора ударения в исторически смежном слоге; ср.: абх. á-mra 'солнце' при абаз. maḡá, абх. á-bga 'лиса, волк' при абаз. baḡá. Встречающиеся в этих языках более длинные консонантные последовательности обычно возникают, по-видимому, на морфемных границах.

В синтагматике фонем по отдельным языкам наблюдаются и другие ограничения. Так, например, в адыгских языках в анлауте слова не допускается сонорное г, исторически перешедшее в d̄ (исключения образуют префикс 3 л. ед. ч., а также некоторые недавние заимствования), а также гласные а и ǎ. Напротив, "долгая" гласная а невозможна здесь в последнем слоге. Среднеязычный спирант x^w встречается только в постконсонантной позиции.

В адыгских языках в пределах морфемы имеют место вокалические чередования ǎ ~ а (ср. адыгейск. šǎ 'низ' при ša-γ 'под'), а ~ ǎ (ср. адыгейск. maśá 'саранча' при maśa-wǎ 'истреблять саранчу'), ǎ ~ а (в ряде превербов и словоизменяемых префиксов)²⁵.

Ударение в абхазско-адыгских языках должно быть охарактеризовано как динамическое (силовое) и разноместное. Оба этих качества особенно отчетливо выступают на абхазско-абазинском материале, ср.: абх. a-lába 'палка' ~ a-lába 'кобель', á-sra 'бить' ~ a-srǎ 'ткать', a-t^waga 'сидиться' ~ ~ a-t^waga 'сидение'. Свидетельством силы ударения служат, например, соотносительные абхазско-абазинские лексемы, обнаруживающие факт редукции гласного безударного слога, ср.: абх. a-mra 'солнце' при абаз. maḡa, абх. a-bga 'лиса, волк' при абаз. baḡa²⁶. Ударение в слове оказывается здесь обычно подвижным, поскольку его позиция может быть изменена при снабжении словоформы дополнительной аффиксальной морфемой. В адыгских языках в словах с исходом на гласную ударение, как правило, закреплено за вторым от конца слогом, а в словах типа закрытого слога в исходе оно падает на конечный слог, ср.: каб. sətǎǎ 'больной', pačǎra 'прежде', но paśǎn 'дойти, доехать', paḡa^w 'кукуруза'. Исключения из первого правила наблюдаются в иноязычных заимствованиях, ср.: каб. tāǎǎ 'весы', čǎliśǎ 'церковь, храм'. В тапантском диалекте абазинского языка некоторые исследователи усматривают функционирование также тоновых различий (существует мнение о возможности реконструкции тоновых градаций для абхазско-адыгского праязыкового состояния)²⁷.

²⁴ Ср.: Kuipers A.H. A Dictionary of Proto-Circassian Roots, p. 92–93.

²⁵ Урусов Х.Ш. Морфемика адыгских языков. Нальчик, 1980, с. 334–364.

²⁶ Ср.: Ломтадзе К.В. Ашхарский диалект и его место среди других абхазско-абазинских диалектов (с текстами). Тбилиси, 1954, с. 48–49. На груз. яз.

²⁷ Дыбо В.А. Западнокавказская акцентная система и проблема ее происхождения. — В кн.: Конференция "Ностратические языки и ностратическое языкознание": Тез. докл. М., 1977.

Среди характерных для абхазско-абазинских языков синхронных фонетических процессов можно назвать процессы регрессивной контактной ассимиляции согласных (используемые, в частности, их механизмом эргативности), а также метатезы фонем в определенных консонантных комплексах. В адыгском ареале распространено явление наращивания сонорных *m*, *ŋ* и *l*.

Наиболее общие процессы диахронического плана resultируют здесь в упрощении системы согласных фонем, особенно ошутимом в адыгских языках и прежде всего – в кабардинском. В абхазско-абазинских диалектах в этом плане следует отметить делатерализацию исторических латеральных фонем: **ɮ* > *ʒ*, **ɮ* > *ʃ* и **ɮ* > *ʂ*. Что же касается адыгского ареала, то здесь прослеживаются исторические процессы ослабления противопоставления твердых и мягких согласных, а также утраты фарингальных смычных и ларингальных спирантов (звонкий ларингальный *ʕ* сохраняется еще в арабизмах XVII–XVIII вв., вошедших параллельно с распространением ислама) и ряда свистяще-шипящих фонем. Кроме того, в этом ареале имели место процессы аффрикатизации заднеязычных смычных (**g* > *ʒ*, **k* > *č*, **k* > *č*) и дезаффрикатизации старых аффрикат (**ʒ* > *ʒ*, **č* > *ʃ*, **č* > *ʃ*). В итоге генетическое родство рассматриваемых языков может быть продемонстрировано на материале целой совокупности закономерных фонологических корреспонденций²⁸.

Морфологические системы абхазско-адыгских языков хорошо развиты. По господствующему способу связи морфем в словоформе эти языки должны быть охарактеризованы как агглютинативные. Удельный вес элементов флективности, проявляющихся в системе аблаутных чередований, сравнительно незначителен (особенно в абхазско-абазинской ветви). Одну из заметных сфер использования последних составляет дифференциация центробежной (иплативной) и центростремительной (элативной) форм глагола чередованием *ə* (> *θ*) ~ *ə*, выражающих распространение действия вовне или внутрь чего-либо (ср. адыгейск. *г-е-зə* 'он кидает внутрь' ~ *г-е-зə* 'он кидает изнутри', абх. *а-та-са-га* 'загнуть внутрь' ~ *а-т-са-га* 'выгнуть изнутри')²⁹. Богатейшая морфологическая структура глагольных словоформ позволяет квалифицировать абхазско-адыгские языки в качестве полисинтетических. О том же свидетельствуют и их словообразовательные ресурсы. Наиболее древний инвентарь грамматических морфем оказывает здесь общим³⁰.

Здесь выделяются три основных класса слов, два из которых – имена и глаголы – располагают словоизменением, а третий образуют неизменяемые слова. Имя и глагол взаимно обособлены достаточно четко (в частности, они противопоставлены несовпадающими наборами морфологи-

²⁸ Ср.: *Troubetzkoy N. Les consonnes latérales...*; *Розава Г.В. Основные фонетические процессы в согласных в адыгских языках.* – ИКЯ, 1974, т. I; *Шагиров А.К. Материальные и структурные общности лексики...*, с. 31–46; *Кумахов М.А. Сравнительно-историческая фонетика адыгских (черкесских) языков.* М., 1981.

²⁹ Ср.: *Ломтадзе К.В. К структуре сложносоставных глагольных основ в абхазском языке.* – ИКЯ, 1953, т. IV, с. 90 и след.; *Kuipers A. The north-west Caucasian languages.* – In: *Analecta Slavica.* Amsterdam, 1955, p. 199.

³⁰ См.: *Dumézil G. Études comparatives sur les langues caucasiennes du Nord-ouest: Morphologie.* Paris, 1932.

ческих категорий). Все элементы именного и глагольного словоизменения отчетливо обнаруживают черты, характерные для эргативной системы. Имена подразделяются на имена существительные, прилагательные, причастия, числительные и местоимения. Подкласс имен прилагательных несколько ограничен по своему объему, поскольку роль относительных прилагательных здесь в большинстве случаев выполняют имена существительные. Наконец, к классу неизменяемых слов относятся наречия, послелоги, союзы, частицы и междометия.

Общими для всех абхазско-адыгских языков морфологическими категориями имени являются категории определенности (~ неопределенности), притяжательности и числа. Категория падежа развита лишь в убыхском и адыгских языках.

Категория определенности (~ неопределенности) передается здесь целым рядом показателей, одна часть которых — префиксы, другая — суффиксы, третья — частицы. В абхазско-абазинской ветви и убыхском определенность имеет единый форматив а- (ср. абаз. а-с^wа, убых. а-с^wа 'вол'). В абхазском языке то же префиксальное а- характеризует и обобщенную словарную форму субстантива. Неопределенность представлена в абхазско-абазинских диалектах его отсутствием или специальным суффиксом -к (ср. абх. с^wа//с^wа-к 'какой-то вол'). В убыхском языке неопределенная форма имени может выражаться как отсутствием специального признака, так и особыми постпозитивными частицами. Наконец, в адыгских языках показателями категории определенности служат суффиксы -г и -т (ср. адыгейск. dəšə-г//dəšə-т 'золото определенное'). Неопределенность имени передается здесь препозитивной частицей zə и постпозитивной g^wət. Имена собственные формативов определенности, естественно, не принимают³¹.

Исключительно префиксальными образованиями передается в абхазско-адыгских языках именная категория притяжательности. Выражающие ее префиксы совпадают с глагольными личными префиксами, восходя к основам соответствующих личных местоимений, ср.: абх. sə-bza 'мой язык' s^wə-bza 'ваш язык'. Особенностью этой категории в абхазско-абазинских диалектах является то, что как и в случае с личными показателями глагола здесь во 2 и 3 л. проводится различие классов мужчин и женщин, ср.: абх. bə-çla 'твое (женщины) дерево' при wə-çla 'твое (мужчины) дерево'. В адыгейском языке, а также, как иногда считают, в бесленевском диалекте кабардинского категорией притяжательности взаимно дифференцируются формы органической (неотчуждаемой) и неорганической (отчуждаемой) принадлежности. Формы первой способны принимать лишь термины родства, названия частей тела человека, животного (//частей растения), а также обозначения таких тесно связанных с человеком или животным понятий, как 'има', 'след', 'голос', 'сон', 'гнездо' и некоторых других. Формы органической и неорганической принадлежности характеризуются определенным различием, заключающимся в более сложном строении префикса неорганической принадлежности. Так, если показателем первой из них здесь для 1 л. ед. ч. служит префикс sə- (ср.

³¹ Ср.: Халбад Т.Х. Выражение категорий определенности и неопределенности в абхазско-адыгских языках. Тбилиси, 1975.

адыгейск. sə-^w 'мое сердце', sə-^p 'мой нос'), то показателем второй для того же лица является sə-j- (ср. адыгейск. səj-waⁿ 'мой дом', səj-s^w 'аз 'моя жена'). Необходимо подчеркнуть, однако, что такое различие проводится недостаточно последовательно (если, согласно одним авторам, оно является несомненным архаизмом, то, по мнению других, оно, напротив, представляет собой инновацию³²). Особенностью аффиксов категории притяжательности в убыхском языке служит то, что здесь взаимно противопоставлены притяжательные префиксы единственного и множественного числа объектов принадлежности, ср.: убых. sə-č'a 'моя лошадь' при sč'a 'мои лошади'. Что же касается различия обоих отношений принадлежности, то как и в абхазско-абазинских диалектах оно здесь не выражается.

Категория числа противопоставляет единичность множественности и получает в имени обычно суффиксальное выражение. В абхазском и абазинском языках налицо несколько различных формативов множественного числа, среди которых наиболее употребительны -с^{wa} (абх.)//č^{wa} (абаз.) и -k^{wa}, обычно оформляющие соответственно обозначения одушевленных и неодушевленных референтов (ср. абх. а-х'а-с^{wa} 'мужчины' при а-lab-k^{wa} 'палки'), а также сочетание обоих -с^{wa}-k^{wa} (ср. абх. а-č'k'wəp-с^{wa}-k^{wa} 'ребята'). В адыгских языках функционирует единый показатель множественного числа -хə; ср. адыгейск. čai-xə-g 'парни' при txa-xə-g 'письма'. В убыхском языке при отсутствии специальных показателей множественности в именах последнее значение передается синкретически формами определенности, эргативного падежа, ср.: убых. jəi-č'a 'эти лошади' при jə-č'a 'эта лошадь', č'a-na 'лошади' (эрг. пад.) при č'a-n 'лошадь' (эрг. пад.). Ср. также последний пример предшествующего абзаца. В языках абхазско-абазинской ветви существует возможность противопоставления именных форм единичности и собирательности: абаз. sə-s 'ягненок' при sa-^{ra} 'ягнята'.

Падежная система налицо лишь в части абхазско-адыгских языков — в адыгских и убыхском. Она представлена здесь единым типом и отражает характерные особенности эргативной системы³³. В основе падежной парадигмы лежит противопоставление эргативного и абсолютного падежей (в адыгских языках их основными формативами служат соответственно -*ти* и -*р*, в убыхском — *-n* и *θ*). Эргатив является падежом подлежащего при агентивных ("транзитивных") глаголах, а также падежом косвенного дополнения (передает он и локативные отношения). Абсолютный падеж оформляет подлежащее при фактитивном ("интранзитивном") глаголе, а также "прямое" дополнение. Тем самым становится очевидным, что оба они передают субъектно-объектные отношения синкретически, будучи скорее ориентированными на несколько иные семантические роли, иногда квалифицируемые в теоретической лингвистике как агенс и фактитив³⁴.

³² Ср.: *Розава Г.В.* Категория органической и вещественной принадлежности в адыгейском языке. Тбилиси, 1980. На груз. и русск. яз.; *Яколев Н.Ф., Ашхамф Д.А.* Грамматика адыгейского литературного языка, с. 299.

³³ Ср.: *Зекон У.С.* Система склонения в адыгейском языке. Майкоп, 1969.

³⁴ Ср.: *Климов Г.А., Алексеев М.Е.* Типология кавказских языков. М., 1980. с. 35 и след.

Генитив и датив отсутствуют. Помимо эргатива и абсолютива в описательных грамматиках адыгских языков выделяют еще так называемый творительный падеж, показателями которого служат ça//mçä , ср.: адыгейск. matä-çä//matä-mçä 'корзиной', çafa-mçä 'для человека', wəgama-mçä 'по улице'. Условность подобной квалификации станет ясной, если учесть, что фактически — это падеж очень широкой обстоятельственной семантики, инструментная функция которого оказывается только одной из его функций и который замещается эргативом в случае включения в морфологическую структуру глагола показателя морфологической категории совместности (см. ниже)³⁵.

Падежная парадигма убыхского и адыгских языков, как показали исследования, недавнего происхождения и до сих пор не утратила своей генетической связи с функционирующими здесь показателями категории определенности. Поэтому лишённые падежных признаков именные словоформы, характерные в адыгских языках для имен собственных, а также для имен нарицательных в так называемом неопределённом склонении, отражают предшествующее состояние. Тем более не видно каких-либо оснований для принятия старой точки зрения, согласно которой в представителях абхазско-абазинской ветви в свое время имелись ныне утраченные падежные формы.

В абхазско-адыгских языках налицо и некоторые послелогои, передающие значения превратительности и совместности (//орудийности), ср.: абх. laba-s 'в качестве палки', laba-la 'с палкой, палкой', адыгейск. mæž'ä-w 'камнем'. В условиях отсутствия в абхазском и абазинском падежного разграничения основных субъектно-объектных функций формативы $-s$ и $-la$ здесь невозможно считать падежными окончаниями.

Ряд авторов придерживается гипотезы, согласно которой во многих субстантивах здесь в окаменелом виде сохранились былые классные показатели. Серьезнейшими препятствиями к принятию подобной точки зрения служит отсутствие какого-либо семантического инварианта лексем, объединяемых по тому или иному предположительно выделяемому префиксальному элементу и невозможность сколько-нибудь обоснованного выделения соответствующих производящих основ³⁶.

Некоторой морфологической спецификой располагают другие части речи — прилагательные, числительные и местоимения.

Имя прилагательное не всегда четко отграничено морфологически от существительного (в адыговедении существует и крайняя точка зрения, согласно которой имя прилагательное как особая часть речи в адыгских языках вообще отсутствует³⁷). В частности, разделение прилагательных на качественные и относительные в абхазско-адыгском языкознании не очень популярно. Последнее обстоятельство объясняется тем, что в отличие от качественных прилагательных, получающих свои специфические словообразовательные характеристики, в роли относительных прилагательных выступают главным образом субстантивы, ср.: ajxa mçä 'железная дорога'

³⁵ Ср.: Там же, с. 35 и след.

³⁶ Шагинов А.К. Очерки по сравнительной лексикологии..., с. 16–17; Кумахов М.А. Сравнительно-историческая фонетика..., с. 14–16.

³⁷ Ср.: Зекох У.С. Система склонения в адыгейском языке, с. 138.

(букв. 'железо дорога'), адыгейск. рхӕ wəp 'деревянный дом' (букв. 'дерево дом'). Впрочем, встречаются здесь и производные относительные прилагательные (ср. образования с суффиксом -t^{wə} в абхазском: a-bca-t^{wə} 'медный', a-sowet-t^{wə} 'советский'). Дифференцируются три степени сравнения качественного прилагательного. Его положительная степень представлена без специальной маркировки (ср. абх. dəw 'большой', bzaja 'хороший', адыгейск. daχā 'красивый', šx^{wə}antā 'зеленый'). Сравнительная степень передается описательно посредством использования особых частиц типа адыгейск. naŋ 'более' (ср. naŋ daχ 'более красивый') и абх. aсқэз, eĵa 'более' (ср. eĵa idəw 'большой'). Превосходная степень образуется присоединением другой группы частиц: ср. абх. dəw-33a 'самый большой', адыгейск. naŋ cəç^{wə} dād 'самый маленький'.

Числительные в абхазско-адыгских языках могут быть подразделены на количественные, порядковые, разделительные, кратные и дробные. В количественных числительных с некоторыми нарушениями проведена вигезимальная система словообразования (в кабардинском ныне параллельно употребительна и децимальная система). Спецификой абхазско-абазинской ветви является различие форм числительных от одного до десяти, соотносенных с категориями человека и вещи, ср.: абх. x-ра 'три (о вещах)' при x-ωə 'три (о людях)'. Обозначение ста и тысячи являются нечленимыми. Порядковые числительные производятся от количественных посредством присоединения коаффиксов — префикса и суффикса (ср. абх. a-xpa-t^{wə} 'третий' при xpa 'три', адыгейск.: ja-ša-nāğā 'третий' при šə 'три'). Разделительные числительные строятся либо посредством простой редупликации основы соответствующего количественного (ср. абаз. zaḳa-zaḳa 'по-одному'), либо повторением его основы с осложнением соединительной частицей (ср. адыгейск. za-ɣə-z 'по одному'). Кратные числительные в абхазско-абазинских диалектах и убыхском характеризуются особым суффиксом (ср. абаз. ωa-n 'дважды' при ω(ə)- 'два'; убых. bĵa-tsa 'семь раз' при bĵa 'семь'), а в адыгских языках — перегласовкой гласного основы (ср. адыгейск. хā 'шесть раз' при хə 'шесть'). Для адыгейского языка специфичны приближительные числительные, передающие примерное количество денотатов, а для кабардинского — так называемые слоевые, обозначающие число слоев чего-либо. Словоизменение числительных в обычных для них синтаксических функциях ограничено.

Основные разряды местоимений — личные, указательные, притяжательные, вопросительные, определительные и неопределенные (отрицательные местоимения неизвестны). К собственно личным относятся местоимения 1 и 2 л., а в роли личных местоимений 3 л. выступают указательные. По всем языкам различаются полные и соответствующие краткие формы личных местоимений (ср. абх., абаз. saga//sa 'я'). Специфику абхазско-абазинской ветви составляют классные подразделения внутри местоимений 2 и 3 л., ср.: абх. waga 'ты (мужч.)' при baga 'ты (женщ.)', с одной стороны, и абх. jaɣa 'он (мужч.), то (вещь)' при laga 'она (женщ.)'. Указательные местоимения ориентированы здесь на различие трех степеней удаления относительно говорящего (вблизи последнего, в некотором удалении от него и, наконец, вдали от него). Притяжательные местоимения выступают только в составе предикативной синтагмы, заменяясь в других случаях экспонентами именной категории притяжательности (см.

выше). Вопросительные местоимения взаимно дифференцированы по соотношенности с семантическими категориями человека и всего остального, ср.: каб. хьт 'кто (о человеке)?' и сәт 'что (об остальном)?'. В абхазском роль последних преимущественно замещается особыми местоименно-вопросительными формами глагола. В роли неопределенных местоимений нередко выступают образования с компонентом за 'один' (в абхазско-абазинской ветви последние варьируют по соотношенности с классом человека или вещей). Словоизменительные потенции местоимений здесь в целом невелики; в большей мере они присущи указательным местоимениям.

Абхазско-адыгские языки располагают чрезвычайно сложной глагольной морфологией. Специфика парадигмы спряжения глагола обуславливается его принадлежностью к классу агентивных ("транзитивных") или фактитивных ("интранзитивных"). Различаются следующие морфологические категории глагола: лицо, число, время, наклонение, версия, потенциалис, совместность, союзность, взаимность, произвольность. Специфику абхазско-абазинских диалектов составляет морфологическая категория класса, функционирующая внутри форм 2 и 3 л. Более или менее эпизодический характер употребления здесь ряда других грамматических морфем в структуре глагола нередко дает повод говорить о значительной совокупности в этих языках различных модальных суффиксов. Их грамматическое значение свидетельствует о том, что в своей основе это показатели категории способа действия (ср. передаваемые ими значения дезидеративности, интенсивности, итеративности, ингрессивности и т. п.)³⁸. В составе единой глагольной словоформы здесь одновременно может присутствовать большая совокупность различных словоизменительных формантив, что дает все основания говорить о полисинтетизме абхазско-адыгского глагольного слова (указывают, например, на возможность включения в словоформу абхазского глагола до 12–13 морфологических элементов³⁹).

Особое место в глагольной морфологии абхазско-адыгских языков занимают противопоставления финитности ~ инфинитности, с одной стороны, и динамичности ~ статичности, с другой.

Яркую специфику глагольной морфологии образует здесь различие финитных и инфинитных форм. В качестве финитных принято рассматривать все глагольные словоформы, сообщающие предложению грамматическую и смысловую законченность (ср. абаз. *šit* 'лает' в составе предложения *ala šit* 'собака лает'). Напротив, в качестве инфинитных здесь рассматриваются глагольные образования, сообщающие предложению грамматическую и смысловую незаконченность и предполагающие в большинстве случаев наличие в нем и финитной словоформы (ср. абаз. *jagaz* 'что унесла' в составе словосочетания *aza jagaz...* 'что унесла вода...'). К инфинитным образованиям относятся в этих языках причастия, деепричастия, условные, условно-целевые, сослагательные, уступительные и другие подобные словоформы глагола. Иногда к ним причисляют также отглагольное имя (масдар).

³⁸ Ср., например: *Рогова Г.В., Керашева З.И.* Грамматика адыгейского языка. Краснодар; Майкоп, 1966, с. 297–313.

³⁹ *Шакрыл К.С.* Очерки по абхазско-адыгским языкам. Сухуми, 1971, с. 22–23.

Категория динамичности ~ статичности может, по-видимому, рассматриваться в абхазско-адыгских языках как некоторая морфологическая трансформация некогда существовавшего в них лексического распределения глагола на активные (динамические) и стативные (статические). Показатель динамичности представлен в абхазско-абазинском и уبخском глаголе суффиксом *-wa*, в адыгском глаголе — префиксом *wə*. Б.Х. Балкаров характеризует различие обеих глагольных форм следующим образом: "Глаголы различают динамическую и статическую формы... Эти формы увязаны с семантикой: обычно динамическую форму имеют глаголы, выражающие действие, а статическую — глаголы состояния. Различие между этими формами проявляется в настоящем времени. При этом форма глагола (с указанным выше показателем. — Г.К.) должна быть положительной. Особую примету имеет динамическая форма. Она проявляется в настоящем времени и только в положительной форме"⁴⁰. Из последней характеристики становится очевидной довольно ограниченная сфера функционирования категории динамичности ~ статичности. Для иллюстрации ее функционирования ср.: абх. *d-t^w-oɟt* 'он садится' ~ *d-t^w-our* 'он сидит', *d-gal-oɟt* 'он встает' ~ *d-gal-our* 'он стоит', *də-s^w-oɟt* 'он засыпает' ~ *də-s^w-our* 'он спит'.

Категория лица получает префиксальное выражение. Различаются три функционально различных серии личных показателей — абсолютная (соотносящаяся с именами в абсолютном падеже), эргативная₁ (связанная с именем подлежащего в форме эргатива), эргативная₂ (указывающая на имя "косвенного" дополнения в форме эргатива). В роли соответствующих показателей обычно используются корневые элементы личных или указательных местоимений. Личные префиксы 1 и 2 л. абсолютной серии отличаются от соответствующих морфем эргативной огласовкой *ə* (ср. 1 л. *sə*, 2 л. *wə* — в одном случае при 1 л. *s*, 2 л. *w* — во втором). Глагольные словоформы способны включать до четырех личных показателей, что дает основания говорить о полиперсонном характере спряжения глагола в этих языках. При наличии в словоформе нескольких таких показателей их аранжировка подчиняется строгим правилам, зависящим от агентивности ("переходности") или фактивности ("непереходности") глагола. Так, в двухличных агентивных глаголах соблюдается последовательность: а) показатель "прямого" дополнения + б) показатель подлежащего. В трехличных агентивных глаголах налицо порядок: а) показатель "прямого" дополнения + б) показатель "косвенного" дополнения + (показатель косвенного отношения) + в) показатель подлежащего. Ср.: адыг. *wə-s-ɬəy* 'тебе я нес' при *wə-ɬə-s-ə-tə* 'тебя мне он дает'. В одноличных фактивных глаголах имеется один личный показатель имени подлежащего, а в двухличных фактивных глаголах показатель подлежащего предшествует показателю "косвенного" дополнения. Ср.: адыг. *sə-ɬ^w-ə* 'я иду' при *sə-wə-ɬə* 'я тебя жду'. В абхазском и абазинском языках внутри показателей 2 и 3 л. проводится дополнительная дифференциация форм по клас-

⁴⁰ Балкаров Б.Х. Введение в абхазско-адыгское языкознание. Нальчик, 1979, с. 11; ср.: Ломтадзе К.В. Статические и динамические глаголы в абхазском языке. — ИКЯ, 1954, т. VI; Рогова Г.В. Динамические и статические глаголы в адыгских языках. — ИКЯ, 1956, т. VIII.

сам. Во 2 л. различаются категории мужчины и женщины (их показатели соответственно — w (а)- и b (а)-), а в 3 л. — категории человека и вещи (с показателями d (а)- и j (а)- соответственно) или категории мужчины, женщины и вещи (с показателями j (а)-, l (а)- и a- соответственно). Ср.: абх. *da-w-darwejt* 'ты (муж.) знаешь', *ja-l-bojt* 'то (вещь) она (жен.) видит'. Существуют определенные правила выбора той или иной системы показателей 3 л.⁴¹ Одна глагольная словоформа может включать до пяти разных личных экспонентов. В целом по характеру аранжировки личных префиксов особая общность обнаруживается между адыгским и убыхским глаголом. В редких случаях при непосредственном предшествовании "прямого" дополнения глагольному сказуемому в абхазском и убыхском языках возможно опущение соответствующего личного показателя в последнем.

Существует не разделяемая автором настоящей работы точка зрения, согласно которой личные показатели абхазско-адыгского глагола являются исторически реинтерпретированными классными показателями⁴² (ее трудно принять, поскольку эти показатели обнаруживают несомненную связь с основами соответствующих личных местоимений).

Категория числа представлена особой морфемой в глагольной структуре адыгских языков (в других языках идея числа обычно передается синкретически соответствующими личными показателями). К тому же такая морфема — адыгейск. и каб. суф. -x, а также префикс a- — характеризует только формы 3 л. Первый из них выступает в факитивном (непереходном) глаголе (ср. адыгейск. *taḵ^wā* 'он идет' ~ *taḵ^wā-x* 'они идут'), а второй — в агентивном (переходном) глаголе (ср. каб. *ja-txaš* 'он написал то' ~ *ja-txaš* 'он написал тех'). В убыхском глаголе наряду с синкретической передачей в составе личного показателя идея числа выражается и некоторыми другими средствами, в частности вокалическими чередованиями основы (ср. *aḵ'an* 'он идет' ~ *aḵ'ān* 'они идут'), супплетивизмом основ (ср. s- 'сидеть (ед. ч. субъекта)' ~ *ž^wa-* 'сидеть (мн. ч. субъекта)'), дифференциацией префиксов каузатива. В абхазском встречаются случаи обозначения множественного числа субъекта факитивного глагола и объекта агентивного глагольным суффиксом -k^wa.

Помимо категории лица абхазско-адыгский глагол знает несколько других морфологических категорий, получающих в глагольных словоформах префиксальное выражение — версию, союзность, взаимность, совместность, потенциалис и произвольность.

Категория версии передает предназначенность или направленность глагольного действия его производителю или другому лицу. Соответственно обычно принято различать субъектную и объектную версию, экспоненты которых располагаются вслед за личными показателями. Семантика объектной версии двойка. Один ее экспонент (ср. абх.-абаз. z-, адыгейск. *fā*, каб. *x^wā*, убых. *x'a*.) выражает предназначенность действия производи-

⁴¹ Ср.: Paris C. Indices personnels intraverbaux et syntaxe de la phrase minimale dans les langues du Caucase du nord-ouest. — BSLP, 1962, t. LXIV, f. 1; Dumézil G. Le verbe Oubykh. Études descriptives et comparatives. Paris, 1975, p. 71–83.

⁴² Ср.: Розава Г.В. К вопросу о структуре именных основ и категориях грамматических классов в адыгских (черкесских) языках. Тбилиси, 1956. с. 61–62.

теля другому лицу. Другой экспонент (ср. абх. с^{wa}, абаз. ξ^{wa} , адыгейск. ξ^{wa} , каб. ξ^{a}) передает факт реализации действия вопреки воле другого лица, ср.: каб. р-х^{wa}-s-txa ξ 'я для тебя написал', с одной стороны, и р ξ ^a-s-txa ξ 'я вопреки тебе написал'. Субъектная версия передает действие, совершаемое для его производителя. Способы ее выражения существенно варьируют по языкам и иногда различны даже в пределах одного языка. Так, в абхазском языке небольшая группа глаголов использует в этой роли повторение соответствующего личного показателя (ср. 1-s-xa-s-coj ξ 'я надеваю себе на голову то'). Остальные глаголы образуют описательную форму этой версии посредством элемента аза 'для' (ср. saga s-z ξ idascejt 'я для себя то сделал')⁴³. Реже выделяют также нейтральную версию, указывающую на отсутствие какой-либо направленности действия. Версионный показатель может входить в состав инфинитива в адыгских языках (ср. каб. х^{wa}- ξ ап 'делать для/ради него') и в состав масдара — в абхазско-абазинских (ср. абх. a-z ξ -da ξ -ra 'для чего-то делание').

Общей для глагольной морфологии рассматриваемых языков является также категория союзности. Она обозначает совместность действия с 'косвенным' объектом или при его посредстве и выражается в абхазско-абазинской ветви аффиксом с-, в адыгской — аффиксом ξ^{a} , в убыхском — аффиксом ξ^{a} , ср.: абх. s-la-s-cojt 'я с ней (жен.) иду', адыгейск. s ξ - ξ -da- ξ 'я с тобой иду', убых. s ξ - ξ - ξ - ξ -an 'я с ним иду'. В целом ряде абхазских и абазинских масдаров префикс с- по существу уже превратился в неотъемлемый элемент словообразовательного порядка, ср.: абаз. as ξ ga 'поддерживать (кого-либо)', s ξ as ξ ga 'завидовать'.

То же самое следует сказать о глагольной категории взаимности, передающей взаимное действие двух или нескольких лиц. Ее экспонентами служат префикс ај- в абхазско-абазинских диалектах и префиксы z ξ - и z ξ g ξ - в адыгских (первый из них характеризует фактитивные глаголы, второй — агентивные), ср.: абх. h-aj- ξ tour 'мы друг за другом следуем', адыгейск. t ξ -z ξ - ξ - ξ 'мы друг друга посещаем'⁴⁴.

Другую категорию аналогичного порядка представляет собой категория совместности, выражающая совместность равноправных соучастников действия. Ее можно рассматривать в качестве исторически производной величины от обеих названных выше категорий, о чем свидетельствует "составная" структура ее экспонентов по языкам. Так, в абхазско-абазинской ветви таковым является аффикс ај-с-, в адыгской — z ξ -d ξ -, ср.: абх. h-aj-s-cojt 'мы вместе пойдем', адыгейск. z ξ -d ξ -b ξ na ξ 'они вместе боролсь'. В аранжировке префиксов абхазско-адыгского глагола экспоненты категории союзности, взаимности и совместности занимают одно и то же порядковое место⁴⁵.

Функционирует здесь и глагольная категория возвратности, передающая

⁴³Ср. Грамматика абхазского языка. Фонетика и морфология. Сухуми, 1968, с. 136–141; Ломгатидзе К.В. Категория версии в картвельских и абхазско-адыгских языках. — ЕИКЯ, 1976, т. III.

⁴⁴Ср., например: Рогова Г.В., Керашева З.И. Грамматика адыгейского языка. Краснодар; Майкоп, 1966, с. 271–277; Грамматика абхазского языка, с. 144–145.

⁴⁵О закономерностях аранжировки аффиксов глагольного словоизменения в адыгских языках см. Кумахов М.А. Словоизменение адыгских языков. М., 1971, с. 255–322.

обратное распространение действия на его производителя. Она также получает преимущественно префиксальное выражение — абх. \check{c} , адыг. $z\check{a}/z\check{a}$, ср.: абх. $1-\check{c}-1\check{c}^waxi\check{t}$ 'он спрятался', адыгейск. $z\check{a}-th\check{a}\check{c}a\gamma$ 'он умылся'. Впрочем, в кабардинском языке нередко встречается и префиксально-суффиксальное выражение этой категории с показателями $z\check{a}$ ($z\check{a}$) — \check{z} , ср.: $z\check{a}-l\check{a}-\check{z}-\check{a}n$ 'сокрушаться'.

Префиксальное выражение получает здесь также глагольная категория непроизвольности, передающая непреднамеренность действия. Ее показатели служат абх. $amx\check{a}$ -, абаз. $m\check{q}(a)$ -, адыгейск. $\check{a}\check{c}\check{a}$ -, каб. $\check{a}\check{c}\check{a}$ -. Ср.: абх. $1-l-amx\check{a}-h^wejt$ 'она (жен.) невольно сказала', адыгейск. $s-\check{a}\check{c}\check{a}-w\check{a}\check{c}a\gamma$ 'я невольно убил его'.

Еще одной общей для всех рассматриваемых языков морфологической категорией глагола является потенциалис, передающий возможность осуществления действия. Эту категорию, обычно также характеризующуюся префиксальным выражением (абх.-абаз. z -, адыгейск. $f\check{a}$ -, каб. $x^w\check{a}$ -), могут иметь формы почти всех времен и наклонений, ср.: абх. $d\check{a}-z-\check{z}^w\check{a}kli\check{t}$ 'он (чел.) может уехать', адыгейск. $s-f\check{a}-\check{z}\check{a}\gamma\check{a}r$ 'я не смог то сделать'. В абхазском преобладает употребление потенциалиса в отрицательных словоформах: $d\check{a}-z-\check{t}^wom$ 'он (чел.) не может сесть'. В адыгских языках и в убыхском известно также суффиксальное выражение этой категории, ср.: убых. $ja-s-f\check{a}-f\check{a}-n$ 'я могу есть' при $s\check{a}-m-k\check{a}'a-f\check{a}-n$ 'я не могу идти', содержащие ее аффикс $-f\check{a}$ ⁴⁶.

Отрицание выражается специальной морфемой, чаще всего — аффиксом m (\check{a}), занимающим регламентированную особыми правилами префиксальную или суффиксальную позицию.

Абхазско-адыгские языки богаты формами времен и наклонений (при отсутствии категории вида). Обе категории здесь тесно взаимосвязаны. Иногда выделяют две серии времен и наклонений: а) времена и наклонения первой серии образуются от простой основы (основа аориста) и б) времена и наклонения второй серии образуются от простой основы глагола и суффикса (или префикса) wa . По числу темпоральных оппозиций, передающихся суффиксами, различаются динамические и статические словоформы. В целом последние располагают значительно меньшим числом времен. Кабардинский глагол противопоставляет 5—9 временных форм: настоящее, два прошедших и два будущих (следует учесть некоторые расхождения мнений исследователей в отношении числа темпорально дифференцированных форм по языкам). В адыгейском их 8: настоящее, пять прошедших и два будущих. В абазинском языке столько же времен с их аналогичным распределением. Примерно такова же картина в абхазском, где вся совокупность противопоставленных единиц по характеру используемых аффиксов финитности может быть разбита на три группы (суффиксы $-i\check{t}$, $-n$ и $-p$)⁴⁷. Временная парадигма убыхского глагола включает также 8 форм, однако с их иным распределением: настоящее, три прошедших и четыре будущих (по характеру формативов одни из них сближаются с со-

⁴⁶ Ср.: Dumézil G. Le verbe Oubykh, p. 51—52.

⁴⁷ Ср., например: Ломтагидзе К.В. Система основных времен и наклонений в абхазском языке. — ИКЯ, 1955, т. VII; Чкадуа Л.П. Система времен и основных модальных образований в абхазско-абазинских диалектах. Тбилиси, 1970.

ответствующими абхазско-абазинскими, другие — с адыгейскими). Исторически в основе темпоральных градаций здесь должны были лежать противопоставления по способу действия. Формы будущих времен давно прошедшего обычно относят к числу наиболее поздних образований.

Обычный репертуар наклонений включает в абхазско-адыгских языках изъявительное, повелительное, условное, сослагательное, желательное, уступительное, предположительное. В абазинском языке выделяют девять наклонений: изъявительное, повелительное, условное, сослагательное, желательное, уступительное, предположительное, условно-целевое и допускательное⁴⁸. В адыгейском фиксируют десять наклонений: изъявительное, повелительное, условное, сослагательное, желательное, предположительное, целевое, долженствовательное, возможное, возможно-противительное⁴⁹. Специфику состава наклонений в кабардинском языке образует увещательное. Наибольшим набором времен характеризуется изъявительное наклонение. Если формы изъявительного наклонения выступают в фрагменте предложения, содержащем финитный глагол, то формы остальных наклонений большей частью характерны для различных инфинитных образований. Обращает на себя внимание существенное расхождение положительной и отрицательной форм наклонений.

Во всех этих языках налицо также значительная совокупность глагольных аффиксов аспекта (способа действия). Так, например, абхазский глагол различает такие способы действия, как многократность (противопоставленная однократности), чрезмерность, интенсивность, повторность, начинательность, дюративность, ограничительность, смягчительность. Их показателями обычно являются суффиксы и изредка — префиксы. Особенность этих аффиксов, нередко квалифицируемых в абхазско-адыгском языкознании в качестве модальных, составляет то обстоятельство, что они употребительны далеко не во всех глаголах, а выступают лишь в их ограниченном кругу. Складывается впечатление, что система показателей способа действия несколько полнее представлена в абхазско-абазинских диалектах.

В специальной литературе принято считать, что категория времени сложилась в абхазско-адыгских языках позднее категории аспекта. В отдельных случаях бывает нелегко дать однозначную квалификацию соответствующим аффиксам. А.Н. Генко отмечает, что "категория времени, в настоящее время почти выработавшаяся в абазинском языке, оказывается при ближайшем рассмотрении производной от категории вида (точнее, аспекта. — Г.К.), иначе говоря, по своему происхождению формы времени являются прежними формами различных, существовавших в абазинском и абхазском языках, по существу, безотносительных ко времени видовых (аспектуальных. — Г.К.) значений⁵⁰.

Причастие как таковое нередко фиксируется только в адыгских языках и убыхском. В абхазско-абазинской подгруппе в роли причастий выступают различные временные формы глагола инфинитного характера. Для

⁴⁸ Табулова Н.Т. Грамматика абазинского языка, с. 152 и след.; ср. Шакрыл Т.П. Категория наклонения в абхазском языке К теории вопроса. Тбилиси, 1961.

⁴⁹ Рогова Г.В., Керашева З.И. Грамматика адыгейского языка, с. 170

⁵⁰ Генко А.Н. Абазинский язык, с. 141.

них характерны префиксы j(ə) - и z-, распределение которых соответствует нормам эргативного строя. Образования с z- — с субъектом агентивного ("переходного") глагола и "косвенным" объектом, а образования с j(ə) - — с субъектом фактививного ("непереходного") глагола и "прямым" дополнением, ср. абх. jə-so 'тот, который идет', jə-rbo 'тот, которого видят', с одной стороны, и абаз. i-z-fawa 'тот, который ест', d-za-swa 'тот, которого он бьет' — с другой. Абхазско-абазинские причастия, как эти формы трактуют другие исследователи, изменяются и по лицам. Особыми образованиями, снабженными определенными частицами адвербиальной семантики, здесь передаются причастия места, времени, образа действия и некоторые другие. В адыгских языках выделяют обычно собственно причастия, подразделяющиеся на располагающие своими словообразовательными признаками субъектные, объектные, орудийные и обстоятельственные. Помимо изменения по лицам адыгские причастия знают и временные градации. Они склоняются так же, как качественные прилагательные. Менее изученные причастия в убыхском языке имеют как аффиксальное, так и безаффиксальное образование, и также изменяются по лицам и временам⁵¹.

Широко употребительны в абхазско-адыгских языках и деепричастия, выступающие в составе различных деепричастных оборотов. Их характерная черта — изменение по лицам. В абхазско-адыгских диалектах они образуются либо от чистой основы глагола, либо от глагольной инфинитной основы настоящего или некоторых других времен. Адыгские деепричастия производятся присоединением простого форматива -w(ə) или сложного -wə-гə. Временные градации им неизвестны. Деепричастия в убыхском языке также имеют суффиксальное образование.

К классу неизменяемых слов в абхазско-адыгских языках относятся наречия и служебные слова (послелогии, союзы, частицы, междометия). Наречия делятся по своей семантике на наречия места, времени, образа действия, качественные и количественные. В формальном плане они могут быть разделены на производные и непроизводные. Основные способы их производства — присоединение суффикса к форме соответствующего имени прилагательного, словосложение и адвербиализация именных словоформ. Непроизводных наречий относительно немного. Функция обстоятельственных наречий чаще всего передается особыми частицами, в частности — показателями способа действия в морфологической структуре глагола.

Различаются собственно послелогии и так называемые послелогии-наречия. Послелогии делятся на простые (ср. адыгейск. daj 'к, у', faš 'для', žəš 'из') и производные, чаще всего восходящие исторически к существительным (ср. адыгейск. (ə)čəb 'позади', (ə)pa 'вперед'). Одни из них непосредственно примыкают к основе субстантива, а другие сочетаются с притяжательными префиксами (ср. для последнего случая абх. a-čəwə jə-zə 'для учителя', букв. 'учитель него + для').

Союзы представлены здесь как весьма немногочисленными самостоя-

⁵¹ Ср., например: *Табулова Н.Т.* Особенности в образовании абазинских причастий. — Тр. Абхазск. ин-та яз., литер. и истории. Сухуми, 1960, вып. XXX; *Mészáros J.* Die Päkhy-sprache. Chicago, 1934, S. 133–138.

тельными словами (абх. аха 'но', адыгейск. һауӀа 'или', каб. аӀа 'но, а'), так и союзными частицами (ср. абх. саге-ј Ӏаге-ј 'я и ты'). А.Н. Генко отмечал "бессоюзие" в качестве одной из характерных черт абазинского языка. Отдельными частицами передаются и подтверждение, отрицание, указание, побуждение и т.п. Различают первичные и производные междометия (первые из них отличаются особой многозначностью). Другие ряды междометий выражают удовлетворение, восхищение, сожаление (в их формальной структуре нередко имеет место удвоение и даже утроение лежащего в их основе элемента). Интересно различение ряда междометий, используемых исключительно в мужской или женской речи. Среди различного рода междометий выделяется значительная группа специфических подзваний и понуканий домашних животных и птиц. Значительное место принадлежит здесь также различным мимеоизобразительным словам.

Синтаксический строй абхазско-адыгских языков характеризуется типичными чертами представителя эргативного строя. Предложение имеет здесь отчетливую вербоцентрическую структуру, в которой глагольное сказуемое моделирует в миниатюре едва ли не весь его основной состав. Различаются три основных конструкции предложения — эргативная, абсолютная (по другой терминологии — "номинативная") и аффективная, или инверсивная, обусловленные принадлежностью организующего предложение глагола к определенному лексическому классу⁵² (встречающееся в целом ряде работ выделение индефинитной конструкции основано на недоразумении, поскольку под ней, как правило, понимается глагольный тип эргативной или абсолютной конструкции). Эргативная конструкция предложения строится агентивными ("переходными") глаголами: абх. а-бгад-эw а-сэз акејт 'волк птичку поймал', адыгейск. Ӏэз-т Ӏэ-эу-г ауаӀэз эу 'старик дерево посадил'. Абсолютную конструкцию организуют фактивтивные ("непереходные") глаголы: абх. а-һ^w энткар дг^w эгу ејт 'царь обрадовался', адыгейск. Ӏэ-г мазэ-т к^w ауа 'конь пошел в лес'. Различие обоих построений сказывается и в составе второстепенных членов предложения: если в каждом из них возможно "косвенное" дополнение, то "прямое" дополнение характеризует только первое. Аффективная конструкция предложения обуславливается немногочисленными аффективными глаголами, к числу которых условно может быть отнесен и глагол 'иметь', ср. адыгейск. Ӏалэ-т Ӏэ-г і'ах 'парень имеет коня'. Во всех абхазско-адыгских языках помимо глаголов, стабильно образующих единственную синтаксическую конструкцию предложения, существует особый класс глагольных лексем — так называемые лабильные или диффузные глаголы, способные в соответствии со смысловым заданием строить как эргативную, так и абсолютную конструкцию. Так, например, абхазский глагол а-гаš^w а-га 'полоть', с одной стороны, образует эргативную конструкцию предложения сага а-з'акуреј і-с-гаš^w ојт 'я пропалываю кукурузу', а с другой — абсолютную сага с-гаš^w ојт 'я занимаюсь прополкой' (о составе всех классов глагольных слов см. ниже в разделе, посвященном лексике). Следует отметить различие морфологического облика названных конструк-

⁵² Ср.: Гецадзе И.О. Очерки по синтаксису абхазского языка: Синхронно-диахронная характеристика. Л., 1979; Гишев Н.Т. Синтаксические конструкции предложения в адыгейском языке. — Сб. ст. по синтаксису адыгейск. языка. Майкоп, 1973.

ций, наблюдаемое по конкретным языкам: если в абхазско-абазинской ветви все они характеризуются глагольным типом, в котором все соответствующие синтаксические отношения отражены исключительно в словоформе глагольного сказуемого, то в остальных языках они обычно принадлежат к смешанному типу, в котором эти отношения отражаются в морфологической структуре как глагольного, так и именных компонентов (наиболее заметное исключение составляют случаи передачи последних именами собственными или некоторыми местоимениями, способными не принимать падежных окончаний).

Синтаксический статус подлежащего и дополнений выглядит довольно выравненным (особенно это касается положения дел в абхазско-абазинской ветви). Последнее обстоятельство порождает дискуссию вокруг вопроса о составе здесь главных и второстепенных членов предложения. Так, одни исследователи включают в состав главных членов помимо подлежащего и сказуемого также "прямое" дополнение, другие его не включают (ср. также дискутируемую в теоретической лингвистике проблему выбора подлежащего в языках эргативного строя⁵³).

Основными способами синтаксической связи слов в предложении здесь являются управление и примыкание. Встречается и согласование. В адыгских языках и убыхском особенно отчетливо выступает глагольное управление именными членами предложения в падеже и числе. Подлежащее агентивного ("транзитивного") глагола и "косвенное" дополнение приобретает в предложении форму эргативного падежа, ср. убых. aš^w aq'a-n anta jak^w qa 'охотник змею убил'. Подлежащее фактитивного ("интранзитивного") глагола и "прямое" дополнение имеют форму абсолютного падежа, ср. адыгейск. šə-t təzə-m xāhəzə 'лошадь в лес ушла'. В эргативном падеже выступает и подлежащее аффективного (инверсивного) глагола, ср. абх. ləzə-m tχəzəg i'āš 'старик имеет книгу'. Управляется глаголом и имя существительное в обстоятельственной форме, ср. абх.-а-čk^w əp jaša-s dgarcejt 'мальчика они сделали братом'.

Управляющие потенции глагола-сказуемого в абхазско-адыгских языках получают свое отражение в правилах господствующего здесь нейтрального словоупорядка. Глагол-сказуемое тяготеет к конечной позиции в предложении, а подлежащее, напротив, — к начальной. "Прямое" дополнение всецело подчинено сказуемому и занимает непосредственно предглагольное положение. "Косвенное" дополнение обычно ему предшествует. Наконец, различного рода обстоятельства чаще всего располагаются в начале предложения. Ср. абх. jesa sɔzə aq^w ant^w asas daagejt 'вчера мой товарищ из Сухуми гостя привез'⁵⁴.

В прошлом существовала тенденция явно переоценивать объем реальных следов инкорпоративной связи слов в этих языках. Такие образования, которые ранее иногда трактовались как "глагольные инкорпоративные комплексы" или как "именные инкорпоративные комплексы", фактически

⁵³ Ср.: Кибрик А.Е. Подлежащее и проблема универсальной модели языка. — Изв. АН СССР. СЛЯ, 1979, 4; Он же. Предикатно-аргументные отношения в семантически эргативных языках. — Там же, 1980, 4.

⁵⁴ Ср., например: Циклоид М.М. Порядок слов в абхазском языке. Тбилиси, 1973. На груз. и русск. яз.; Гецадзе И.О. Очерки..., с. 125–129.

оказываются явлениями словообразования в первом случае и атрибутивными комплексами во втором⁵⁵.

В составе атрибутивной синтагмы определения примыкают к своему определяемому. Как правило, ее члены характеризуются групповой флексией, получающей свою реализацию в последующем члене и сопровождаются тонической единооформленностью. Однако линейные отношения компонентов атрибутивного комплекса здесь неодинаковы. Так, определения, выраженные относительным прилагательным или субстантивом, предшествуют своему определяемому (ср. абх. а-γ^wаz ωпэ 'деревянный дом', адьгейск. *ḥ̣ar ʔapast* 'стальные ножницы'), а определения, передаваемые качественными прилагательными, следуют за определяемым (ср. абх. а-рṣа q^wanda 'ветер теплый', адьгейск. waiā daxā 'дом красивый'). Иллюстрациями приема групповой флексии могут служить абх. а-ḥ̣а dāw-k^w а 'горы большие' и адьгейск. awzəgā maŋā-xā-m 'дни последние'. В абхазско-абазинской ветви встречается согласование определения и определяемого в числе (ср. абх. а-саω-с^wа bzia-k^w а 'ученики хорошие').

Различаются простое и сложное предложение. Последнее представлено во всяком случае одной разновидностью — сложносочиненным (последнее строится посредством союзов или интонационным выделением). Что касается проблемы сложноподчиненного предложения, то она решается исследователями по-разному. Если одни из них не сомневаются в его существовании, то другие склонны его отрицать. В последнем случае указывается, что в роли сложноподчиненных предложений других языков здесь выступают причастные, деепричастные и другие инфинитные обороты.

Глагольный словарь абхазско-адыгских языков состоит из двух профилирующих классов лексем — агентивных ("транзитных") и фактивных ("интранзитивных") глаголов, к которым присоединяются также классы лабильных (диффузных) и аффективных (инверсивных) (нетрудно заметить, что если морфологический строй эргативных языков обнаруживает ориентацию на выражение не субъекта и объекта, а некоторых иных семантических ролей, синкретически совмещающих субъектно-объектные функции, — см. выше с. 38, — то квалификация обоих профилирующих здесь глагольных классов в качестве транзитивного и интранзитивного едва ли корректна). Передко отмечается, что наряду с основным бинарным разбиением глаголов на "переходные" и "непереходные" здесь наличию и пересекающееся с ним их распределение на динамические, т.е. глаголы действия, и статические, т.е. глаголы состояния⁵⁶. Однако с синхронной точки зрения, по-видимому, более правомерно говорить о динамической и статической словоформах единой глагольной лексемы — агентивной или фактивной. Ср., например, яркие факты противопоставления обеих словоформ одного и того же фактивного глагола в абхазском языке: dt^wojt 'он садится' при dt^wour 'он сидит', dɣəlojt 'он встает' при dɣalour 'он стоит', dæc^wojt 'он засыпает' при dæc^wour 'он спит'. Довольно очевидно вместе с тем, что именно агентивность ("переходность") или фактив-

⁵⁵ Ср.: Кумахов М.А. Морфология адыгских языков. Синхронно-диахронная характеристика. Нальчик, 1964, т. 1, с. 48–54.

⁵⁶ Ср.: Dumézil G. Etudes Abkhaz. — In: Documents Anatoliens sur les langues et les traditions du Caucase. Paris, 1967, V, p. 25.

ность ("непереходность") глагола-сказуемого обуславливает здесь свои фундаментальные проекции на синтаксическом и морфологическом уровнях — определенную конструкцию предложения, некоторые постоянные морфологические признаки ее компонентов (напротив, показатель динамичности встречается лишь в части глагольных словоформ).

Общепринято усматривать существенное отличие классов "транзитивных" и "интранзитивных" глаголов в абхазско-адыгских языках от соответствующих глагольных классов индоевропейских языков. За ним стоит различие самого принципа организации глагольной лексики в эргативных и номинативных языках, результирующее только в частичном совпадении обоих классов глагольных слов по объему. Наиболее яркое расхождение сводится к тому, что класс "транзитивных" глаголов оказывается здесь сильно редуцированным за счет резкого расширения круга "интранзитивных"⁵⁷. Так, многие глаголы, передающие переходное действие (ср., например, лексемы семантики 'бить', 'ударять', 'колоть', 'хватать', 'толкать', 'щипать', 'кусать', 'целовать', 'лизать', 'часать', 'тянуть', 'поддерживать' и т.п., с одной стороны, и лексемы семантики 'проводить', 'догонять', 'ждать', 'звать', 'просить', 'ругать', 'проклинать' и т.п. — с другой), трактуются здесь в качестве "интранзитивных". В то же время другая часть переходных по своей семантике глагольных лексем относится к числу лабильных (диффузных), т.е. нелексикализованных по признаку переходности ~ непереходности (ср., лексемы семантики 'сеять', 'пахать', 'полоть', 'жать', 'косить', 'пасти', 'молотить', 'плести', 'вязать', 'ткать', 'мазать' и др.⁵⁸), а также аффективных глаголов (к последним в абхазском языке относятся, например, лексемы семантики 'хотеть', 'иравиться', 'ненавидеть', 'иметь'). В итоге класс агентивных глаголов оказывается здесь меньше по своему объему класса транзитивных глаголов в номинативных языках, а класс фактитивных, напротив, превосходит численно класс интранзитивных. В диахроническом плане интересна отчетливо наблюдаемая в абхазском и абазинском тенденция к сближению аффективных глаголов с агентивными. Так, например, в абхазском языке словоформа аффективного глагола с точки зрения аранжировки субъектно-объектных показателей обычно уже идентична со словоформой агентивного, так что различия морфологической структуры обеих сохраняются в настоящее время лишь в формах их императива, ср. агентивную словоформу *i-l-goj!* 'то (вещь)-она (жен.)-несет' при аффективной *i-s-g^warx^wej!* 'то (вещь)-я-люблю, то (вещь)-мне-нравится' с первой префиксальной позицией, занимаемой в обоих случаях показателем "прямого" дополнения, и второй префиксальной позицией показателя подлежащего⁵⁹.

Важным принципом организации именного словаря в абхазско-абазинской подгруппе в отличие от адыгских и убыхского языков является

⁵⁷ Ср.: Яковлев Н.Ф., Ашхамф Д.А. Грамматика адыгейского литературного языка, с. 33-41; Ломтагидзе К.В. Категория переходности в абхазском глаголе. — Изв. ИЯИМК, 1942, т. XII; Балкаров Б.Х. Введение в абхазо-адыгское языкознание, с. 108-109.

⁵⁸ Ср.: Аристави Ш.К. Глаголы лабильной конструкции в абхазском языке. — Тр. Абхазск. ин-та яз., литер. и истории. Сухуми, 1959, вып. XXX; Гишев Н.Т. Глаголы лабильной конструкции в адыгейском языке. Майкоп, 1968.

⁵⁹ См.: Гецадзе И.О. Очерки..., с. 110-120.

распределение субстантивов по классам. Последние следует квалифицировать как скрытые, поскольку сами имена существительные здесь не содержат в своей морфологической структуре классных показателей, и их классная принадлежность определяется главным образом через согласовательную схему, соотносящую субстантивы с синтаксически связанными с ними глагольными словами или местоимениями (значительно менее надежным ориентиром в этом отношении служит различие именных показателей множественного числа). Необходимо подчеркнуть, однако, сильную расшатанность именной классификации, проявляющуюся в том, что здесь взаимно пересекаются два принципа классификации, выбор которых зависит определенным образом от контекста предложения: с одной стороны, различаются классы разумных (человека) и неразумных (вещей), с другой стороны, — классы мужчин и женщин. На практике оба принципа проводятся непоследовательно (ср. нечеткие линии взаимного разграничения именных показателей множественного числа $-s^w$ и $-k^w$, оформление глагольных словоформ, передающих действия животных, личными показателями мужского класса и т.д.). При этом классные экспоненты глагола материально увязываются с основами соответствующих местоимений.

Основу словарного фонда абхазско-адыгских языков составляет исконный корневой фонд и его многочисленные производные, использующие здесь чрезвычайно широкие деривационные возможности. К настоящему времени выявлено примерно 400 лексем, несомненно восходящих к праязыковому состоянию и отражающих универсальные условия жизни общества, — сюда входят обозначения природных явлений названия элементов дикой флоры и фауны, термины родства, номенклатура частей тела, личные и некоторые указательные местоимения, числительные первого десятка (за отдельными исключениями), а также глаголы, передающие элементарные действия⁶⁰. Несмотря на сильное иноязычное воздействие, относительно неплохо сохранилось исконное лексическое наследие и в убухском языке⁶¹. То обстоятельство, что в этимологическом словаре абхазско-адыгских языков фиксируются исконные лексемы со значением 'море' (абх. $a-psa$, ап. убух. $\dot{s}^w a$, адыг. хэ), 'берег с галькой' (абх. $a-ga$, убух. $ng'a$, адыг. пзэ 'пойма реки'), 'крупная морская рыба' (абх. $a-psa$, убух. psa , адыг. psa , бзэ), 'гора, высокий' (абх. $a-\dot{s}^w a$, убух. $\dot{s}^w a$ адыг. $\dot{s}^w a$), 'лес, колючий кустарник' (абх. $a-bna$, убух. $ba na$, адыг. $pa\dot{n}$, $ba\dot{n}$), 'ель, пихта' (абх. $a-psa$, убух. psa , адыг. $psaj\dot{e}$, $psej$) и другие подобные, довольно надежно локализует ареал распространения их праязыка примерно на местах нынешнего расселения абхазо-адыгов, т.е. преимущественно в северо-восточной части Черноморского побережья Кавказа (а не, скажем, в низменной Колхиде). Очевидную специфику состава отраслевой лексики, заметно обособляющую абхазский язык от других абхазско-адыгских, образует богатый пласт терминов мореходства и морского промысла, свидетельствующий о давности тесного общения абхазов с морем (ср. исконный ха-

⁶⁰ Ср.: Шагирев А.К. Материальные и структурные общности лексики..., с. 152–156.

⁶¹ Ср.: Vogt H. Dictionnaire de la langue Oubykh; Dumézil G. Nouvelles études Oubykh. — In: Documents Anatoliens sur les langues et les traditions du Caucase. Paris, 1965, III, p. 216–259.

рактёр здесь таких лексем, как а-ҭба 'корабль', а-ҧх^{wa} 'лодка', а-рга 'парус', а-х^{wa} 'якорь', а-ҧ^{wa} 'весло' и т.п.)⁶². Некоторые иллюстрации единства исконного лексического материала абхазско-адыгских языков представлены в работах К.С. Шакрыла, А.К. Шагинова и др.⁶³

Основным средством пополнения словаря абхазско-адыгских языков служит словообразование. Хотя достаточно развиты как сложение (композиция), так и аффиксальное словообразование (деривация), ведущее место принадлежит первому способу. Фактический материал свидетельствует о том, что композиция оказывается здесь вместе с тем очень древним принципом. В частности, обозначения многих фундаментальных ингредиентов словаря, например ряда частей тела, представляют собой сложения, ср.: каб. па-рә 'лицо' ('глаз' + 'нос'), ҧа-ҧа 'борода' ('рот' + 'конец хвост'), па-рә 'слеза' ('глаз' + 'вода') и др. Наиболее продуктивными здесь являются следующие типы композиции: 1) основа существительного + основа существительного (ср. приведенные примеры); разновидностью этого типа можно с долей условности считать и абхазские композиты с соединительным элементом j (ср. абх. аҧ'e-j-з'әка 'хлеб-соль', букв. 'хлеб и соль'); 2) основа существительного + основа прилагательного, ср. абх. а-ваҧ-арә 'рыжий' ('человек' + 'рыжий'), каб. тәмад-ҧаҧ 'вспыльчивый' ('горло' + 'короткое'); 3) основа существительного + основа глагола, ср. абх. а-ҧ^{wa}-рҧа 'поговорка' (букв. а-ҧ^{wa} 'слово' + а-рҧа-га 'резать'). В абхазском встречаются также трехчленные и даже четырехчленные композиты, состоящие из сочетаний именных и глагольных основ.

Аффиксальное словообразование выступает здесь в двух основных разновидностях. Если для деривации имен существительных и особенно прилагательных характерен суффиксальный способ (ср. абх. а-мҧа-да-га 'бездорожье' при а-мҧа 'дорога', а-ҧа-га 'лопата' при а-ҧа 'копать', каб. за-г^{wa} 'тупой' при за 'зуб', тәва-ҧа 'каменистый' при тәва 'камень'), то для производства глаголов, напротив, более типичен префиксальный, ср., в частности, образование глаголов на ва- в адыгских языках (адыгейск., каб. вә-ҧәвәп 'толочь', каб. вә-ҧәсәп 'чернеть')⁶⁴. В обогащении глагольного словаря очень важную роль играет провербное словообразование, как бы компенсирующее скромную представленность именного словоизменения⁶⁵. В абхазско-абазинской ветви, помимо провербов, функционируют также глагольные суффиксы направления⁶⁶.

Посредством префиксов строятся здесь и каузативные глаголы, имеющие обычно семантику как понуждения, так и разрешения. Их форматами служат префикс уа- в адыгских языках, г- в абхазско-абазинских

⁶² Дзидзария О.П. Морская лексика абхазского языка. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1984.

⁶³ Ср.: Шакрыл К.С. Некоторые лексические и звуковые соответствия в абхазско-адыгских языках. Сухуми, 1968; Шагинов А.К. Очерки по сравнительной лексикологии...; Он же. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. М., 1977, А-Н; М., 1977, П-І; Он же. Материальные и структурные общности лексики...; Kippers A.H. A Dictionary of Proto-Circassian Roots.

⁶⁴ Ср.: Кумахов М.А. Морфология адыгских языков, с. 105-198.

⁶⁵ Ср.: Dumézil G. Le verbe Oubykh, p. 103-138.

⁶⁶ Клычев Р.Н. Глагольные суффиксы направления в абазинском и абхазском языках. Черкесск, 1972.

диалектах и дистрибутивно разграниченные префиксы γ -, $d\grave{a}$ - и \grave{a} - в убыхском, ср.: каб. $\text{ǰ}\grave{z}\ \grave{a}\text{n}$ 'работать' > $\gamma\grave{a}\text{-}\grave{z}\grave{a}\ \grave{a}\text{n}$ 'заставлять работать', абх. $a\text{-c}^w\ \text{aga}$ 'гаснуть' > $a\text{-r}\text{-c}^w\ \text{aga}$ 'гасить', убых. $s\grave{a}\text{-d}\grave{a}\text{-q}^w\ \text{at}^w\ \text{qa}$ 'он меня заставил остановиться'. Словоформа каузативного глагола обычно бывает одноличной или двухличной. Трехличную словоформу могут образовать только каузативы, имеющие сложную основу. В адыгских языках в роли особого способа глагольного словообразования выступает и аблаутное чередование, противопоставляющее фактивные ("интранзитивные") глаголы агентивным ("транзитивным"), ср.: каб. $d\grave{a}\text{-n}$ 'шить, заниматься шитьем' ~ $d\grave{a}\text{-n}$ 'шить', $r\grave{a}\text{-n}$ 'заниматься воспитанием' ~ $r\grave{a}\text{-n}$ 'воспитывать', $\grave{t}\grave{a}\text{-n}$ 'заниматься рытьем' ~ $\grave{t}\grave{a}\text{-n}$ 'рыть, копать'.

Немало в абхазско-адыгских языках и различных заимствований. Если оставить в стороне многочисленные русизмы позднейшего времени, практически отсутствующие лишь в убыхском, то наиболее значительный пласт совместных заимствований здесь составляют тюркизмы. В абхазском и убыхском они восходят к турецкому источнику, в остальных языках они в определенной степени обязаны и тюркским языкам Северного Кавказа (балкарскому, ногайскому). Как правило, через тюркское посредство и привнесенный им ислам вошли сюда и арабизмы, а также персизмы. Среди всех этих заимствований налицо множество лексем, отражающих былую религиозную ориентацию и абстрактные понятия, термины торговли и денежных отношений, названия различных реалий домашнего и общественного быта, мелкого производства (в абхазском языке часть лексем этой семантической сферы предполагает посредство грузинского, а в абазинском — посредство кабардинского). В убыхском имеется немало и позднейших турцизмов.

Преимущественно к эпохе позднего средневековья относятся картвелизмы (грузинизмы и мегрелизмы) абхазского языка, затрагивающие сферы христианской религии, культуры и хозяйства, ср.: $a\text{-bautej}$ 'воробей', $a\text{-gandal}$ 'воспитательница, нянька', $a\text{-praskja}$ 'лук-порей', $a\text{-k}^w\ \text{ab}$ 'котел', $a\text{-}\grave{z}'\ \text{ar}$ 'крест', $a\text{-}\grave{z}\text{qondidar}$ 'епископ', $a\text{-x}^w\ \text{argh}$ 'пила'. Интересна, однако, немногочисленность картвелизмов в речи абхазов Турции^{6,7}. Ко времени гегемонии на северо-западном Кавказе адыгских феодалов (эпоха XV—XVIII вв.) относятся здесь внутригрупповые лексические заимствования, представленные определенным слоем адыгизмов в убыхском и абхазско-абазинских диалектах, ср.: абх. $a\text{-dag}^w\ \text{a}$ 'глухой' < каб. $d\grave{a}\text{g}^w$, абх. $a\text{-}\omega\text{za}$ 'спутник, товарищ' < каб. $\gamma^w\ \text{as}\grave{a}$, абх. $rasa$ 'ранний' < каб. ras , абх. $a\text{-klarad}$ 'носки, чулки' < каб. $\text{ǰr}\grave{a}\text{d}$, абх. $a\text{-k}'\ \text{ak}^w\ \text{a}$ 'жеребец' < каб. $hak^w\ \grave{a}$, абх. $a\text{-qaza}$ 'знахарь' < каб. $\text{'az}\grave{a}$. Известные объективные трудности выявления таких заимствований сказываются на их недостаточно четком обособлении в некоторых работах от исконно общего лексического фонда. Часть абхазско-абазинских адыгизмов уже перешла в разряд архаизмов, встречаясь ныне только в языке фольклора. Во всех абхазско-адыгских языках зафиксировано также некоторое число аланизмов (т. е. староосетинизмов), которые должны были проникнуть в них в основном до XIII столетия. Еще древнее прослеживающиеся в отдельных из этих языков грецизмы.

^{6,7} Ср. *Dumézil G. Études Abkhaz.*

Наконец, особый интерес представляет обнаружение в абхазско-адыгском словаре старых индоевропейцев, особенно близких по своему звуку к их древнеиндийским соответствиям. Ср., например, адыгейск. а́щ // каб. а́щ 'козел' (при абх. аза-г 'козлята') ~ др.-инд. а́ж 'козел', адыгейск., каб. пə́сá 'невестка' ~ др.-инд. snuṣā 'невестка', адыгейск. тə́ʒəп // каб. də́ʒəп 'серебро' (при абх. а-газпə) ~ др.-инд. arjunaḥ 'светлый, белый', абх. а-қата 'сеть (рыболовная)' ~ др.-инд. kaṭaḥ 'сетка, плетёнка', убых. jába ~ др.-инд. uvaḥ 'ячмень' и др. Последнее обстоятельство может послужить дополнительным подтверждением корректности недавно сформулированной в науке гипотезы об индоарийской языковой принадлежности синдгов, т. е. населения древней северокавказской Синдики⁶⁸.

ГЛАВА III

КАРТВЕЛЬСКИЕ ЯЗЫКИ

Картвельские языки — грузинский, мегрельский, лазский (или чанский) и сванский — занимают широкий ареал к югу от Главного Кавказского хребта и образуют наиболее однородную в структурном и материальном отношении группу кавказских языков. Их генетическое единство было замечено И. Гюльденштедтом на лексическом материале еще в XVIII столетии и в дальнейшем уже не подвергалось сомнению.

В плане классификации картвельских языков между исследователями нет единства. В последние десятилетия, исходя из фактора структурного порядка (обычного совпадения звуковых рефлексов фонем общекартвельского языка-основы в мегрельском и лазском), чаще усматривали всего три картвельских языка — грузинский, занский или колхский (в составе мегрельского и лазского диалектов) и сванский. Однако обращение к критериям обособления языка и диалекта, выработанным в теоретическом языкознании (опора на социологические факторы взаимопонимания, этнического самосознания и литературного языка) и освященным лингвистической практикой Фр. Энгельса¹, подсказывает необходимость выделения в группе картвельских языков четырех ингредиентов, за счет взаимного обособления мегрельского и лазского как самостоятельных единиц, чего придерживаются в своих работах такие исследователи, как Н.Я. Марр, К.Д. Дондуа, Г. Деетерс, Г.В. Церетели, Ж. Дюмезиль, Х. Фогт, Г.И. Мачавариани, Т.В. Гамкрелидзе, К.Х. Шмидт и др. Такое обособление диктуется отсутствием языкового взаимопонимания между мегрелами и лазами (проверки требует мнение Н.Я. Марра об известных трудностях такового между представителями отдельных лазских диалектов), отсутствием у них единого этнического самосознания, а также их ориентацией на разные литературные языки (если для первых — это грузинский, то для последних — это турецкий). Вместе с тем, совершенно очевидно,

⁶⁸ См.: Трубачев О.Н. О синдах и их языке. — ВЯ, 1976, № 4; Он же. Некоторые данные об индоарийском языковом субстрате Северного Кавказа в античное время. — ВДИ, 1978, № 4.

¹ Ср.: Климов Г.А. Фридрих Энгельс о критериях языковой идентификации диалекта. — ВЯ, № 1974, № 4.

Наконец, особый интерес представляет обнаружение в абхазско-адыгском словаре старых индоевропейизмов, особенно близких по своему звуку к их древнеиндийским соответствиям. Ср., например, адыгейск. а́щ // каб. а́щ 'козел' (при абх. аза-г 'козлята') ~ др.-инд. а́श 'козел', адыгейск., каб. па́са 'невестка' ~ др.-инд. спу́ша 'невестка', адыгейск. та́зәп // каб. да́зәп 'серебро' (при абх. а-газпә) ~ др.-инд. аѓунаһ 'светлый, белый', абх. а-қата 'сеть (рыболовная)' ~ др.-инд. қа́таһ 'сетка, плетёнка', убых. ја́ба ~ др.-инд. уаваф 'ячмень' и др. Последнее обстоятельство может послужить дополнительным подтверждением корректности недавно сформулированной в науке гипотезы об индоарийской языковой принадлежности синдгов, т. е. населения древней северокавказской Синдики⁶⁸.

ГЛАВА III

КАРТВЕЛЬСКИЕ ЯЗЫКИ

Картвельские языки — грузинский, мегрельский, лазский (или чанский) и сванский — занимают широкий ареал к югу от Главного Кавказского хребта и образуют наиболее однородную в структурном и материальном отношении группу кавказских языков. Их генетическое единство было замечено И. Гюльденштедтом на лексическом материале еще в XVIII столетии и в дальнейшем уже не подвергалось сомнению.

В плане классификации картвельских языков между исследователями нет единства. В последние десятилетия, исходя из фактора структурного порядка (обычного совпадения звуковых рефлексов фонем общекартвельского языка-основы в мегрельском и лазском), чаще усматривали всего три картвельских языка — грузинский, занский или колхский (в составе мегрельского и лазского диалектов) и сванский. Однако обращение к критериям обособления языка и диалекта, выработанным в теоретическом языкознании (опора на социологические факторы взаимопонимания, этнического самосознания и литературного языка) и освященным лингвистической практикой Фр. Энгельса¹, подсказывает необходимость выделения в группе картвельских языков четырех ингредиентов, за счет взаимного обособления мегрельского и лазского как самостоятельных единиц, чего придерживаются в своих работах такие исследователи, как Н.Я. Марр, К.Д. Дондуа, Г. Деетерс, Г.В. Церетели, Ж. Дюмезиль, Х. Фогт, Г.И. Мачавариани, Т.В. Гамкрелидзе, К.Х. Шмидт и др. Такое обособление диктуется отсутствием языкового взаимопонимания между мегрелами и лазами (проверки требует мнение Н.Я. Марра об известных трудностях такового между представителями отдельных лазских диалектов), отсутствием у них единого этнического самосознания, а также их ориентацией на разные литературные языки (если для первых — это грузинский, то для последних — это турецкий). Вместе с тем, совершенно очевидно,

⁶⁸ См.: Трубачев О.Н. О синдах и их языке. — ВЯ, 1976, № 4; Он же. Некоторые данные об индоарийском языковом субстрате Северного Кавказа в античное время. — ВДИ, 1978, № 4.

¹ Ср.: Климов Г.А. Фридрих Энгельс о критериях языковой идентификации диалекта. — ВЯ, № 1974, № 4.

что в структурном отношении мегрельский и лазский образуют особенно тесное единство — занскую подгруппу.

Среди картвельских языков наиболее обособленную позицию занимает сванский, представленный ныне на узкой территории в горных верховьях рек Ингури и Цхенис-цхали четырьмя существенно различающимися диалектами — верхнебальским, нижнебальским, лашхским и лентехским, в свою очередь распадающимися на целый ряд говоров и подговоров (всего около 55 тыс. говорящих). Значительно отличаясь от остальных картвельских языков своим материалом, он в то же время сохраняет немало очень ценных для сравнительно-исторической картвелистики архаизмов.

Занская подгруппа, напротив, обнаруживающая вследствие действия целого ряда унифицирующих тенденций наибольшее число инноваций, охватывает еще с V–VI вв. н. э. разобщенный грузинскими диалектами ареал: мегрельский язык (около 400 тыс. говорящих) распространен в северо-западной Грузии, а лазский (около 45 тыс. говорящих) — компактно представлен в турецком Лазистане и изолированными энклавами в других частях Турции и сопредельных районах Грузии. Если в мегрельском выделяются лишь два сравнительно слабо различающихся диалекта — сенакский и самурзаканский, то в лазском различаются три весьма заметно расходящихся диалекта — хопский, вицско-архавский и атинский. Уже имеющие свою традицию лингвогеографические наблюдения картвелистов свидетельствуют о постепенном отступлении границ сванского и мегрельского языков перед грузинским, о чем недвусмысленно говорят, в частности, многочисленные топонимические данные и некоторые прямые указания античных источников. Ср. также топонимы *Sxum* 'Сухуми' при сван. *sxum* // *sxwim* 'граб' и *γιμουρ-ις-ι* 'Гумуриши' при сван. *γιμυρ* 'ель'. Судя по целой совокупности фактов, занская подгруппа картвельских языков должна была составлять один из субстратных элементов армянского языка в Закавказье².

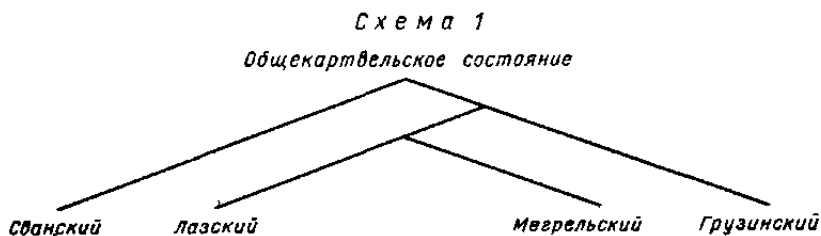
Грузинский язык (около 3800 тыс. говорящих), являющийся языком грузинской социалистической нации, распространен на основной территории Грузинской ССР и членится на 17 диалектов (хевсурский, мохевский, мгиульско-гудамакарский, пшавский, тушинский, кахетинский, карталинский, джавахский, месхский, аджарский, гурийский, имеретинский, лечхумский, рачинский; кроме того, за пределами Грузии локализируются три диалекта: ингилойский в Азербайджанской ССР, ферейданский — в Иране, имерхевский — в Турции), расходящихся не настолько, чтобы нарушать взаимопонимание их носителей и образующих более крупные диалектные группировки, отчасти соответствующие историческому делению Грузии эпохи феодализма. С одной стороны, это деление противопоставляет западные диалекты восточным, с другой стороны, горные диалекты — равнинным³. Грузинские диалекты испытывают все усиливающееся воздействие со стороны литературного языка.

² Ср.: *Капанцян Г.А.* Историко-лингвистические работы. Ереван, 1971, II.

³ См.: *Гигинейшвили И.М., Кавтарадзе И.И., Топуриа В.Т.* Грузинская диалектология. Тбилиси, 1961, I. Краткий обзор диалектов грузинского языка. Тексты. Словарь. На груз. яз.; *Топуриа В.Т.* Состояние и задачи изучения диалектов картвельских языков. — В кн.: *Вопр. структуры картв. яз.* Тбилиси, 1963, III. На груз. яз.; *Дзидзигури Ш.В.* Диалектологические изыскания. Тбилиси, 1970. На груз. яз.

В формировании современных картвельских языков определяющую роль играли процессы исторической дифференциации так называемого общекартвельского языка-основы (в настоящее время уже едва ли возможно усматривать всед за Н.Я. Марром и некоторыми другими позднейшими авторами смешанный — "агрегатный" — характер сванского языка, будто бы сложившегося на базе как картвельского, так и абхазско-адыгского компонентов). Именно этими процессами и обусловлены многочисленные структурные и материальные общности этих языков, сопровождаемые строгой системой звукосоответствий между ними, вскрываемой даже в тех случаях, когда, казалось бы, налицо исключения из обычных правил фонологической корреспонденции⁴. Вместе с тем развитие сравнительной грамматики картвельских языков, и прежде всего наметившееся хронологическое разграничение уровней реконструкции, диктует целесообразность различения позднего общекартвельского состояния, с одной стороны, и значительно более раннего, протокартвельского — с другой.

Пути филиации картвельских языков наиболее адекватным образом моделирует предложенная Г. Деетерсом схема, опирающаяся на особенно важные в историко-генетическом плане лексические и грамматические — прежде всего морфологические — критерии⁵. Выполненный на основе лексико-статистической теории М. Суодеша подсчет временной глубины их дивергенции по списку в сто слов оказывается в согласии с этой схемой и позволяет считать, что грузинско-занкавский ареал должен был начать отход от пресванского около XIX в. до н. э., в то время как его внутренняя дифференциация должна была начаться около VIII в. до н. э.⁶ (необходимо учитывать, впрочем, что методика М. Суодеша обычно приводит к существенно заниженным абсолютным датировкам). Сказанное не означает, однако, что общекартвельское состояние следует себе представлять в виде сколько-нибудь гомогенного по своей структуре и материалу реального языка прошлого.

Другая схема, являющаяся своего рода переформулировкой точки зрения Н.Я. Марра о делении картвельских языков на так называемые сви-

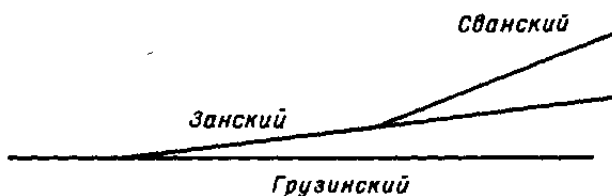
⁴ Ср., например: Гамкрелидзе Т.В. Сибилянтные соответствия и некоторые вопросы древнейшей структуры картвельских языков. Тбилиси, 1959. На груз. яз.

⁵ Deeters G. Das kharthwelsche Verbum: Vergleichende Darstellung des Verbalbaus der südkaukasischen Sprachen. Leipzig, 1930, S. 3.

⁶ Климов Г.А. О лексико-статистической теории М. Суодеша. — В кн.: Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. М., 1961, с. 240–245. Иные абсолютные цифры при сохранении той же относительной хронологии модели дивергенции дает аналогичный подсчет, предпринятый на базе списка из 200 слов, см.: Гамкрелидзе Т.В., Мачавариани Г.И. Система сонантов и аблаут в картвельских языках. Типология общекартвельской структуры. Тбилиси, 1965, с. 17 (на груз. и русск. яз.).

стящую (грузинский) и шипящую (мегрельский, лазский, сванский) ветви и, следовательно, основанная на критериях фонетического порядка, моделирует главным образом эволюцию спирантов и аффрикат⁷.

Схема 2

Древняя история носителей картвельских языков исследована далеко недостаточно. Обилие лексических индоевропейцев в картвельских языках, соотносящихся не только с грузинско-занской эпохой, но и, по всей вероятности, с общекартвельской, указывает на наличие в глубокой древности картвельско-индоевропейских языковых контактов, которые скорее всего могли локализоваться где-то на южных рубежах Закавказья (эти данные составляют один из аргументов гипотезы переднеазиатской прародины индоевропейцев⁸). В конце XIX – начале XX столетия в науке господствовали различного рода миграционистские концепции, согласно которым картвелы являются прямыми наследниками древнейших средиземноморских или месопотамских цивилизаций, придвинувшихся на территорию Грузии с юго-запада или юга. Однако работы современных историков Грузии убедительно свидетельствуют о непрерывности происходившего здесь процесса развития местной культуры, исключающей возможность здесь коренной смены этнолингвистического ландшафта. В частности, именно древним картвелам с уверенностью атрибуируется мощная земледельческая культура исторической Картли и прилегающих районов (с X в. до н. э.), оказывающаяся в свою очередь наследницей более древней местной культуры. Как полагают, с III в. до н. э. складывается грузинская государственность. Наиболее существенные изменения должна была испытать территория распространения сванского языка. "Судя по античным и византийским источникам, – отмечает Г.А. Меликишвили, – сваны в древности были распространены на значительно большей территории, чем в более поздние времена. По Страбону, они жили близ Диоскурии. Страбон говорит, что они господствовали над Диоскурией (XI, 2, 19). Характерно также перечисление живших «вдоль Понта» племен у Клавдия Птолемея: «ахейцы, керкеты, гениохи и свано-колхи» (География, V, 8, 25), что как будто подразумевает присутствие сванского элемента на самом побережье. Из сообщений византийских источников наиболее интересным в данном случае является конкретное упоминание о том, что на границе между сванским племенем мисиммианов (в этом этнониме усматривают самоназвание сванов *mišwān*. – Г.К.) и эписилов находилась крепость

⁷ Ср.: Шарадзенидзе Т.С. Генеалогическая классификация языков. – ИКЯ, 1952, т. III, с. 304.

⁸ Ср.: Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Древняя Передняя Азия и индоевропейская проблема. – ВДИ, 1980, № 3.

Τβέλεος, т. е. современная Цебелда... И это указывает, что в древности территория распространения сванских племен находилась недалеко от морского побережья. Возможно, еще раньше они жили и вдоль побережья, откуда были вытеснены другими племенами"⁹.

Если мегрельский, лазский и сванский являются бесписьменными языками, текстуально засвидетельствованными по существу лишь с XIX столетия, то грузинский, начиная с V в., располагает непрерывной и богатой литературной традицией, постоянно обслуживавшей и остальных картвелов. Необходимо отметить, что в средние века, особенно в промежутке XI—XV вв., он довольно широко использовался на Кавказе и за пределами Грузии (так, не говоря уже о том, что он был языком православного населения Армении, лишь из Дагестана той эпохи происходит около 50 грузинских надписей¹⁰).

Грузинское письмо знает три разновидности алфавита: округлую "асомтаврული" (заглавное), угловатую "нухсури" (строчное) и, наконец, "мхедрули" (светское). Последней разновидности две первые противопоставляются как вариации церковного письма. Наиболее древние письменные памятники грузинского языка (надписи на соборе в Болнисе, на плитах, выстилающих пол грузинского монастыря в Иерусалиме, на михетском Джвари, так называемые "ханмэтные" и "наемэтные" палимпсестные тексты), а также преобладающее большинство рукописей IX—X вв. выполнены заглавным письмом¹¹. "Асомтаврული" обнаруживает несомненное типологическое сходство с древнейшими формами армянского, а также агванского (кавказско-албанского) алфавитов. Такие его характерные принципы, как буквенная организация (с наличием самостоятельных графем как для согласных, так и для гласных), направление письма слева направо, написание и посредством диграфа и нек. др., позволяют его трактовать как специфическое преобразование арамейской графической основы, предпринятое деятелями грекофильской школы. По вопросу о времени возникновения грузинской письменности существуют сильно варьирующие точки зрения¹². Памятники "нухсури" появляются в X в., а к XI в. уже восходят первые образцы письма "мхедрули", только несколькими веками позднее приобретшего свои современные начертания.

Согласно преобладающей в картвелистике периодизации истории грузинского литературного языка, письменные памятники эпохи V—XI вв. написаны на древнегрузинском языке, а произведения XII и последующих веков (в том числе и поэма Шота Руставели "Витязь в барсовой шкуре") — на новогрузинском. Другая классификация выделяет еще период средне-

⁹ Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959, с. 92.

¹⁰ Ср.: Мурадян П.М. Грузинская эпиграфика Армении: Источниковедческое исследование. Ереван, 1977, 1—II. На арм. и русск. яз.

¹¹ Ср.: Шанидзе А.Г. наемэтные тексты и их значение для истории грузинского языка. — Вестн. ТГУ, 1923, т. 3; Церетели Г.В. Древнейшие грузинские надписи из Палестины. Тбилиси, 1960. На груз., русск. и англ. яз.; Абуладзе И.В. Образцы грузинского письма: Палеографический альбом. 1-е изд. Тбилиси, 1949; 2-е изд. Тбилиси, 1973. На груз. яз.

¹² Ср.: Джавахишвили И.А. Грузинская палеография. Тбилиси, 1949 (1-е изд. — 1926). На груз. яз.; Церетели Г.В. Армазское письмо и проблема происхождения грузинского алфавита. — В кн.: Эпиграфика Востока. М.; Л., 1948, вып. 2; Патаридзе Р.М. Грузинское письмо "асомтаврული". Тбилиси, 1980, с. 381—384. На груз. яз.

грузинского литературного языка, отражаемого литературой XII—XVIII вв.¹³

Хотя отдельные особенности различных диалектов начинают заявлять о себе еще в древнейших письменных памятниках, в целом для древнегрузинского литературного языка, отражающего некоторую наддиалектную норму, в возникновении которой выдающуюся роль сыграла речь древней столицы Грузии Мцхеты и Тбилиси, очевидна преимущественная ориентация на восточные диалекты. В распоряжении картвелистов находится богатейший фонд письменных источников, отражающих весь ход развития грузинского языка с древнейшей поры — надписи, рукописи, историко-юридические документы. Так, сохранилось, например, более 10 тысяч древнегрузинских рукописей. Если от эпохи V—XI вв. дошли только памятники духовной литературы (Старый и Новый Завет, жития святых и т. п.), то к X—XII вв. восходят также списки философских и исторических произведений, а также памятников светской литературы¹⁴. Нередко выделяемый среднегрузинский литературный язык представляет собой закономерную стадию постепенного преобразования древнегрузинского в современный. К эпохе XII—XVII вв. относится создание таких памятников грузинской литературы, как "Висрамиани", "Амирандареджаниани", "Русуданиани", "Килила да Дамана" ("Калила и Димна"), грузинские версии "Шах-намэ", художественные произведения писателей Теймураза I, Арчила, Теймураза II, Сулхана Саба Орбелиани и др., а также многочисленные летописные памятники ("История царицы Тамары", "История и восхваление венценосцев" и т. п.). Необходимо отметить, что со второй половины XVIII столетия в Грузии возникает грамматическая школа католикоса Антония I (1720—1788), сознательно архаизировавшая (но тем не менее с серьезными ошибками против реальных норм древнегрузинского) язык некоторых литературных жанров¹⁵. Однако, несмотря на свою активную деятельность, она оказалась не в состоянии предотвратить дальнейшее закономерное развитие грузинского литературного языка. Как известно, уже вторая половина XIX в. дала целую серию классических произведений Ильи Чавчавадзе, Акакия Церетели, Важа Пшавела, Александра Казбеги и других писателей, заложивших основу современной грузинской литературы. Довольно очевиден наддиалектный характер и современного грузинского литературного языка, в нормах которого заметен вклад разных диалектов (карталинского, кахетинского, имеретинского и др.).

Книгопечатание на основе как церковного, так и светского шрифтов, было введено в Грузии в начале XVIII в. царем Вахтангом VI: в 1709 г. были изданы Евангелие, Псалтырь и Апостол, а в 1712 г. вышло в свет и первое издание "Витязя в барсовой шкуре". Впрочем, первопечатные грузинские издания ("Грузинская азбука с молитвами", перевод молитвы

¹³ Ср.: *Кавтарадзе И.И.* История грузинского языка XII—XVIII вв. Тбилиси, 1964, т. I. На груз. и русск. яз.; *Сарджвеладзе З.А.* Вопросы истории грузинского литературного языка. Тбилиси, 1975. На груз. яз.

¹⁴ Ср.: *Сарджвеладзе З.А.* Введение в историю грузинского литературного языка. — Тбилиси, 1984, с 5—64. На груз. яз.

¹⁵ *Шанидзе А.Г.* Влияние Антония I на литературный грузинский язык. — Тр. каф. др.-груз. языка ТГУ, 1964, 9; *Бабунашвили Е.А.* Антоний и вопросы грузинской грамматики. Тбилиси, 1970. На груз., русск. и англ. яз.

"Литания Лауретана" и др.) появляются еще в конце первой трети XVII столетия¹⁶.

Картвельские языки обладают яркой структурной спецификой, не раз привлекавшей к себе внимание исследователей языковой типологии. Ср., например, попытку Н. Финка выделить грузинский язык в качестве одного из восьми основных существующих языковых типов, а именно как тип с групповой флексией, оказавшийся малоэффективным ввиду наличия значительно более характерных его представителей¹⁷. В рамках традиционной формально-типологической (морфологической) классификации эти языки должны быть охарактеризованы как представители агглютинативного строя (с развитыми в той или иной степени элементами флективности), с одной стороны, и синтетического — с другой. К чисто агглютинативному типу более приближаются мегрельский и лазский языки, в которых, в частности, в силу действия различного рода унифицирующих процессов (напр., деградации былой системы аблаута) особенно далеко зашло выравнивание словоизменительных парадигм и где наиболее стабильна морфонологическая структура слова. Более далеки от него грузинский (прежде всего древнегрузинский, который, по справедливому мнению Н.Я. Марра, был в большей степени флективным¹⁸) и особенно сванский, рассматриваемый иногда в качестве языка преимущественно флективного типа.

Одной из важных особенностей картвельских языков является развитый префиксальный строй, удельный вес которого особенно значителен в сванском. Если в системе имени он затрагивает по существу только словообразование, то в глагольной системе он распространяется и на словоизменение (т. е. на выражение категорий лица, версии, потенциалиса, залога). Установлено, что в прошлом префиксация занимала здесь еще более значительное место¹⁹. По таким синтаксическим характеристикам, как преимущественный порядок членов предложения SOV (где S — подлежащее, O дополнение, V — глагол), постановка прилагательного перед определяемым существительным, а также употребление послелогов, а не предлогов, эти языки попадают в обширный типологический класс языков вместе с армянским, новоиндийскими, большинством финно-угорских, тибетско-китайскими, навахо и многими другими²⁰.

В плане характерологии, особенно морфологической, картвельский языковой "тип" может быть определен как промежуточный между абхазско-адыгским "типом", с одной стороны, и нахско-дагестанским — с другой. В целом, однако, характерологический облик картвельских языков

¹⁶ Чикобава А.С., Ватейшвили Д.Л. Первые грузинские печатные издания. Тбилиси, 1983. На русск., груз. и англ. языках.

¹⁷ Finck N. Die Haupttypen des Sprachbaus. Leipzig, 1910, S. 132—149.

¹⁸ Ср.: Дондуа К.Д. Об агглютинативном характере грузинского склонения. — Докл. АН, 1931, № 4, с. 63 и след.

¹⁹ Ср., например: Чикобава А.С. Иберийско-кавказское языкознание, его общелингвистические установки и основные достижения. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1958, т. XVII, вып. 2, с. 125.

²⁰ Гринберг Дж. Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов. — В кн.: Новое в лингвистике. М., 1970, вып. V, с. 157—158.

скорее напоминает таковой абхазско-адыгских. Последнему обстоятельству не противоречит и точка зрения Г. Деетерса, характеризующего строй картвельских языков как "индоевропеизованный абхазско-адыгский"²¹. Такое заключение поддерживается в какой-то степени и тем, что в плане контенсивной типологии структура современных картвельских языков оказывается в своей основе номинативной, хотя и с заметными отложениями активного строя (подробнее см. ниже, гл. VI).

Ареальное взаимодействие языков в пределах картвельской области находит свое преимущественное выражение в сильном многовековом воздействии грузинского на мегрельский и сванский. В западногрузинских диалектах — аджарском, гурийском и имеретинском — выявлены разносторонние следы занского субстрата²². В лехумском диалекте грузинского языка налицо немало сванизмов. Последние отмечены также в мегрельском. Наконец, в лазском помимо грузинизмов и турцизмов обнаруживаются некоторые черты, характерные для балканского языкового союза, которые можно приписать значительному в прошлом ареальному воздействию со стороны греческого. В целом следует признать, что историческая конфигурация арелов распространения картвельских языков весьма существенно отличалась от современной.

Одну из характерных черт фонологической структуры картвельских языков составляет значительное преобладание согласных фонем над гласными. Обычно здесь представлено по языкам около 30 согласных фонем (всего при пяти-семи гласных). Как акустические, так и артикуляционные характеристики фонем по всем языкам довольно сходны. Вариативность аллофонов в целом весьма незначительна. Очень близки закономерности просодии.

В грузинском и мегрельском языках имеется по пяти простых гласных фонем — а, е, і, о, у (в самурзакано-зугдидском диалекте мегрельского налицо и а). В лазском помимо этих пяти фонем встречаются — впрочем, преимущественно в турецких заимствованиях — также ö и ü (ср. gürzi 'грузин', köj 'деревня', но также kogöçki 'начал'). Последние две фонемы налицо и в отдельных грузинских диалектах. Долгие гласные ā, ē и ū, встречающиеся в грузинских диалектах и мегрельском, нефонематичны.

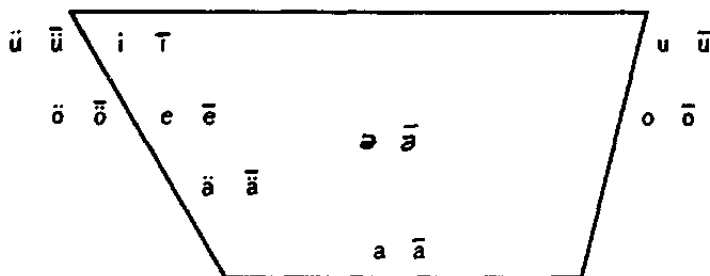
Наиболее богат сванский вокализм, где имеются краткие, долгие, умлаутированные, а также одновременно долгие и умлаутированные фонемы. Здесь минимально различаются семь гласных (а, е, і, о, у, э и ä в нижнебалльском диалекте), а максимально — восемнадцать (а, ā, ä, е, ē, і, і, о, ö, ò, u, ū, ü, а, ā, ä, ö и ū в верхнебалльском диалекте²³). Общее представление о ряде и подъеме гласных в картвельских языках дает приводимая схема:

²¹ Deeters G. Die Stellung der Kharthwelsprachen unter den kaukasischen Sprachen. — Bedi Karthsa, 1957, N 23.

²² Ср.: Мегрелидзе И.В. Лазский и мегрельский слои в гурийском. М.; Л., 1938; Женти С.М. Вопросы фонетики картвельских языков. — Избр. труды. Тбилиси, 1965, с. 37—46. На груз. яз.

²³ Ср.: Шанидзе А.Г. Умлаут в сванском. — В кн.: Арили. Тбилиси, 1925. На груз. яз.; Мачавариани Г.И. К характеристике системы гласных в сванском языке. — Тр. ТГУ, 1963, т. 96. На груз. яз.; Калдани М.М. Фонетика сванского языка. Тбилиси, 1969, I. Система умлаута в сванском. На груз. и русск. яз.

Схема 3
Вокализм картвельских языков

Артикуляционно-акустические характеристики картвельских гласных хотя и весьма близки, но далеко не всегда совпадают. Так, например, грузинский а по сравнению с аналогичным звукотипом других картвельских языков несколько продвинул вперед. Лазские е и u более высокого подъема, чем соответствующие грузинские гласные. По сравнению с русскими грузинские гласные в целом более продвинуты вперед. Долготы сванских гласных выражены не очень ярко, вследствие чего нередко не воспринимаются нетренированным слухом. Сванские ä, ö и ü (равно как и грузинские и лазские диалектные ö и ü) близки к аналогичным умлаутированным в немецком. Гласные э и ē, по устойчивому недоразумению, нередко квалифицируемые как "иррациональные", несколько более низкого подъема, чем русское ы. Истинные дифтонги в картвельских языках отсутствуют (в качестве дифтонгов в картвельстике иногда ошибочно рассматриваются сочетания согласных j и w с гласными фонемами). Поэтому сочетания типа ja, ai, ю, ae и др. являются здесь бифонемными²⁴.

В сванском языке чередования гласных в пределах корня слова имеют определенные морфологические функции, что делает аблаут очень ярким явлением. Помимо разграничения глагольных форм, аблаут характеризует здесь и формы имени существительного (например, умлаутированный вокализм основы указывает на форму единственного числа, а неумлаутированный — на форму множественного, ср.: rür- 'корова' ~ rür-äi 'коровы', хат- 'свинья' ~ хат- äg 'свиньи', qän- 'бык' ~ qän-äg 'быки').

Хотя в западногрузинских диалектах, мегрельском, лазском и сванском языках ассимиляция гласных с соседними фонемами широко распространена, случаи гармонии гласных здесь крайне редки. Частичная и полная ассимиляция наиболее типична для гласных в составе глагольных превербов.

Исконный вокализм претерпел в картвельских языках существенные преобразования. Так, оппозиция долгих и кратких гласных была исторически характерна не только для всех сванских диалектов, но и для общекартвельского состояния. В мегрельском и лазском произошло так называ-

²⁴ О картвельском вокализме см.: *Женти С.М.* Основные вопросы фонетики сванского языка: Экспериментальное исследование. Тбилиси, 1949 (на груз. и русск. яз.); *Он же.* Мегрельско-чанский вокализм. — ИКЯ, 1953, т. IV; *Имнадзе Н.Е.* Вокализм мегрельского диалекта занского языка. — В кн.: Вопросы анализа, синтеза и статистики речи. Тбилиси, 1967. На груз. и русск. яз.

емое занское передвижение гласных (*a > o, *e > a). Кроме того, в результате распада системы сонантов здесь в ряде случаев наступает вокализация слога. В мегрельском отмечены вторичные процессы перехода u > э и o > э. Высказано предположение об очень бедном инвентаре гласных в раннем протокартвельском состоянии²⁵.

Число согласных фонем в картвельских языках приближается к 30. Так, в грузинском литературном языке их всего 28. В грузинских диалектах дополнительно встречаются 'j и q²⁶, но, напротив, в отдельных случаях отсутствуют з и з̣ (ингилойский диалект). Очень близок к грузинскому консонантизму инвентарь согласных в мегрельском, в мартвильском говоре которого вместо l налицо j. В лазском языке состав консонантизма богаче за счет согласных h (встречается в небольшой группе лексем и в мегрельском), j, а также f, встречающегося преимущественно в усвоенном из турецкого и греческого языков материале (ср. *kafta* 'неделя', *ofridi* 'бровь', но и *tofti* 'я пришел'). Впрочем, в атинском диалекте лазского не досчитываемся фонемы q. Наконец, в сванском языке на две согласных — q и j — больше, чем в грузинском литературном, вследствие чего консонантная система здесь полностью совпадает с древнегрузинской.

Согласные фонемы образуют в картвельских языках троечные и парные ряды. Троечные ряды, состоящие из звонкого, придыхательного и смычно-гортанного членов, характерны для простых смычных и аффрикат: b — p — p̣, d — t — ṭ, g — k — ḳ, z — c — c̣, ž — č — č̣. Помимо названных пяти рядов здесь налицо дефектная тройка увулярных согласных: θ — (q) — q̣, лишенная соответствующего звонкого члена, а в грузинском литературном, мегрельском и лазском и без придыхательного (грузинские памятники XIII—XVI вв. иллюстрируют постепенное отступление фонемы q, сливающейся с x, с запада на восток²⁷; интересно, что ранние сванские мегрелизмы христианской эпохи еще сохраняют q). Предполагается, что исторически и эта тройка должна была быть полной²⁸ (отмечавшийся ранее факт спорадического сохранения в сванском ее звонкого члена в дальнейшем не подтвердился). Парными противопоставлениями характеризуются щелевые согласные: z ~ s, ž ~ š, γ ~ x (v и h стоят вне таких пар). Высказаны серьезные сомнения относительно древности здесь фонемы ž.

Артикуляционные и акустические характеристики согласных в картвельских языках весьма близки. Звонкие согласные, хотя и варьируют по степени звонкости в зависимости от позиции, обычно (за исключением сванских) характеризуются значительно меньшей звонкостью и большей напряженностью артикуляционных органов, чем соответствующие рус-

²⁵ Ср.: *Рогая Г.В.* Вопросы исторической фонетики картвельских языков. Тбилиси, 1962, I. Некоторые вопросы истории гласных в картвельских языках. На груз. и русск. яз.; *Гамкрелидзе Т.В., Мачавариани Г.И.* Система сонантов и аблаут...

²⁶ Ср.: *Утургаидзе Ф.Г.* Сопоставительный анализ консонантизма горских диалектов грузинского языка в отношении с литературным языком. Тбилиси, 1968. На груз. яз.

²⁷ Ср.: *Кавтарадзе И.И.* История грузинского языка..., с. 42—48; *Сарджвеладзе З.А.* Вопросы истории..., с. 50—57.

²⁸ *Поливанов Е.Д.* Классификация грузинских согласных. — В кн.: Бюлл. Ср.-азиат. ун-та. Ташкент, 1925, вып. 8. *Ахведиани Г.С.* Основы общей фонетики. Тбилиси, 1949, с. 86. На груз. яз.

ские²⁹. В абсолютном конце слова они — опять-таки за исключением сванских — становятся, как правило, глухими придыхательными. Глухие придыхательные характеризуются узким зиянием голосовых связок. Максимальную аспирацию они имеют в ауслауте слова. Артикуляция смычногортанных бывает нередко ослабленной.

Мегрельские и лазские согласные имеют некоторые особенности по сравнению с грузинскими. Фонема *l* здесь всегда палатализована (особенно в мегрельском, где имеет место процесс $l > j$). Слабо произносимый в лазском *ɾ* часто чередуется с *j* или вовсе выпадает (ср. *kra 'roɣ' > kja, ɣoberi 'pleten' > ɣobei*). В занском ареале у фонемы *ɟ* налицо позиционно обусловленный аллофон (в атинском диалекте лазского это самостоятельная фонема). В сванском и лазском языках согласный *v* имеет два аллофона — губно-губной и губно-зубной. Грузинский *v* имеет аллофон *f*. В отличие от грузинского преимущественно увулярного *ɟ* его сванский аналог является фарингальным.

В итоге специального исследования синтагматического аспекта фонологической системы грузинского языка Д. Йоб приходит к выводу, что фонологически грузинский язык более близок к обоим индоевропейским языкам Кавказа (ср. 30 согласных фонем при 6 гласных в армянском и 28 согласных при 7 гласных в осетинском), чем к северокавказским³⁰.

Несколько различен по языкам фонемный инвентарь с точки зрения частотности употребления фонем. Так, в грузинском в первую десятку наиболее часто встречающихся согласных входит *s, r, m, d, l, n, v, t, b* и *g*, в мегрельском — *ɾ, n, k, m, d, t, s, š, l* и *g*, в лазском (вицско-архавский диалект) — *m, ɾ, n, d, k, s, t, x, š* и *l*, а в сванском (верхнебальский диалект) — *l, x, d, v, ɾ, m, n, s, g* и *ç* (любопытно, что ни в одном случае здесь не встречаем смычногортанных фонем)³¹. Выявлена фоностатистическая характеристика системы шумных согласных. В классе смычных функционально самым сильным является признак звонкости, а в классе щелинных и аффрикат большую функциональную силу имеют глухие. Эта характеристика соотносима с определенными фонетическими особенностями картвельских языков, ср. слабую степень звонкости и большую напряженность артикуляции звонких смычных, а также относительно высокую степень звонкости звонких щелинных³².

В синтагматическом плане следует отметить нередкие скопления согласных в картвельских языках, особенно характерные для грузинского и сванского и в значительно меньшей степени — для мегрельского и лазского. Вследствие этого можно говорить о неполногласии грузинского по сравнению с полногласием обоих последних языков. Ср. груз. *creml- 'слеза' ~ мегр. čilamur*, груз. *b(r)ɟvna 'ощипывать (птицу)' ~ мегр. burɟonua*, груз. *ɟumartl- 'мушмула' ~ мегр. skimuntur* и т.п. Если в грузинском консонан-

²⁹ Selmer E. Georgische Experimentalstudien. Oslo, 1935, S. 41; Vogt H. Esquisse d'une grammaire du géorgien moderne. — NTS, 1938, Bd. IX, p. 11.

³⁰ Job D.M. Probleme eines typologischen Vergleichs öberokaukasischer und indogermanischer Phonemsysteme im Kaukasus. Frankfurt / M.; Bern, 1977, S. 144.

³¹ См.: Vogt H. Structure phonémique du géorgien: Étude sur le classement des phonemes et des groupes de phonèmes. — NTS, 1958, Bd. XVII.

³² См.: Меликишвили И.Г. Отношения маркированности в фонологии. Тбилиси, 1976. На груз. и русск. яз.

тные последовательности преобладают в начале слова (ср. *prckvna* 'лучить', *msxverpl* 'жертва', *brtqel* 'плоский' и т.п.), то в сванском они чаще выступают в его исходе (ср. *voštɣv* 'четыре', *vokvr* 'золото' и др.). Парные сочетания согласных образуют в картвельских языках так называемые гармонические комплексы дещессивного и акцессивного рядов (по терминологии Г.С. Ахвледиани), единство которых обусловлено тем, что оба составляющих всегда либо звонкие, либо придыхательные, либо смычногортанные. В гармонических комплексах дещессивного ряда за переднеязычным смычным или аффрикатой следует заднеязычный или увулярный (например, *dg, dɣ, tk, tx, ck, cx, c̣k, c̣d* . . .), в то время как в комплексах акцессивного ряда последовательность членов обратная (ср. *db, gd, gz, kt, ks* . . .)³³. Несмотря на то что в сванском языке гармонические комплексы представлены слабее, они уверенно проецируются еще в общекартвельское состояние.

Динамика исторического развития картвельского консонантизма сводится, по-видимому, к некоторому сокращению его состава. Происходило, как полагают, упрощение увулярного и ларингального рядов (так, одиноко стоящий в системе *h* может являться реликтом ларингальной серии). Разработана гипотеза о наличии в общекартвельском состоянии особого ряда спирантов и аффрикат (акустически, вероятно, свистяще-шипящего) — *s₁, z₁, c₁, ç₁ и z₁* — отраженного в грузинском свистящими, а в остальных картвельских языках — шипящими согласными³⁴. В то же время гипотеза о существовании здесь в прошлом и лабиализованных согласных³⁵ подвергается сомнениям. Весьма важным достижением исторической фонетики картвельских языков является реконструкция на праязыковом уровне целой серии сонантов — **j, *w, *r, *l, *m* и **p* — аллофоны которых определяются как дистрибутивно разграниченные слоговые и неслоговые элементы, давшие разные рефлексy по отдельным языкам. Параллельно с ней реконструирована праязыковая система аблаута, характеризовавшаяся строгими закономерностями чередования его различных ступеней³⁶.

Картвельские языки характеризуются развитой морфологической системой. Выделяются три основных грамматических разряда слов — имена, глаголы и неизменяемые слова. К первому разряду относятся имена существительные с отглагольными существительными (масдарами), прилагательные с отглагольными прилагательными или причастиями, числительные (количественные, порядковые, краткие, разделительные, дробные), местоимения (личные, указательные, вопросительные, притяжательные, относительные, взаимные и нек. др.). Второй разряд составляют глаголы. В третий входят наречия, послелоги, союзы, частицы и междометия. В основе такого подразделения слов лежат как лексические, так и грамматические (морфолого-

³³ Ахвледиани Г.С. Основы общей фонетики, с. 301–307 и 334–352.

³⁴ Мачавариани Г.И. Общекартвельская консонантная система. Тбилиси, 1965, с. 24–31. На груз. яз.; Климов Г.А. Опыт реконструкции фонемного состава общекартвельского языка-основы. — Изв. АН СССР. ОЛЯ, 1960, I, с. 26–27.

³⁵ Ср.: Юшманов Н.В. Фонетические параллели африканских и яфетических языков. — В кн.: Африка. М.; Л., 1937, I; Жгенти С.М. К вопросу о лабиализованных в картвельских языках. — Изв. ИЯИМК, 1941, т. X.

³⁶ Гамкрелидзе Т.В., Мачавариани Г.И. Система сонантов и аблаут . . . , с. 175–324 На груз. яз

синтаксические) признаки. Глагольная морфология в целом здесь значительно богаче именной. Если последняя использует исключительно суффиксы, то глагольная морфология широко прибегает как к суффиксам, так и к префиксам. Морфологические категории глагола тесно взаимодействуют с категорией падежа³⁷.

Именное словоизменение сводится в картвельских языках к изменению имен по числам и падежам (дополнительной чертой лазского языка является посессивная флексия субстантивов). Основа имени имеет либо согласный исход (груз. *srētl* 'слеза', мегр. *lakv* 'щенок', сван. *maṭ* 'червь'), либо гласный (груз. *koṃo* 'комар', мегр. *da* 'сестра', сван. *txēte* 'волк'). В последнем случае взаимодействие основы с показателями числа и падежа несколько усложняется. Иногда между основой и показателем плюралиса появляются так называемые вставные согласные элементы. В более распространенных других случаях утрачивается начальный гласный падежного суффикса: груз. *okro* 'золото' ~ твор. пад. *okro-ti*, мегр. *siṃa* 'девица' ~ ~ род. пад. *siṃa-š(i)*. В лазском все основы субстантивов имеют гласный исход (*girini* 'осел', *guda* 'бурдюк'). Суффикс множественного числа предшествует падежному.

Из признаков плюралиса в грузинском — *-eb* (*saxl-eb-i* 'дома', *xe-eb-i* 'деревья') и *-n// -ta*, последний за исключением особенностей отдельных горских диалектов получает очень узкое использование, ограниченное местоимениями 3 л. и некоторыми другими случаями (*isi-n-i* 'те', *ese-n-i* 'эти', *ma-t* 'их'). Именными показателями множественности в мегрельском служат *-er*, а также *-em// -en*, употребляемые перед окончаниями дательного падежа и именительного на *-k* (*šxoul-en-š* 'коровам', *šxoul-en-k* 'коровы'). В лазском налицо унифицированный плюралис на *-(e)re*: *kučx-ere* 'ноги', *buxa-re* 'ногти'³⁸. Наибольшее разнообразие показателей множественного числа засвидетельствовано в сванских диалектах: *-är* (*megm-är* 'деревья'), *-äl* (*ter-äl* 'глаза'), *-äi*, *-ät*, *-ir*, *-er*, *-aru* и *-iädu*. Как особый формант множественности здесь рассматриваются коаффиксы *la- . . . -a* (*la-xwb-a* 'братья', *la-wdila* 'сестры')³⁹.

Характер склонения в картвельских языках в принципе агглютинативный. Система склонения обычно представлена единым формальным типом, которому следуют все изменяемые по падежам имена. Лишь в сванском языке отмечается пять типов склонения, различающихся в основном показателями дательно-винительного падежа для разных групп слов. Во всех этих типах склонения, кроме первого, обнаруживающего тенденцию к вытеснению остальных, форма дательно-винительного падежа имени ложится в основу образования форм так наз. повествовательного творительного и направительного падежей (им. пад. *žey* 'собака', дат.-вин. *žay-w*, повеств. пад. *žay-w-em*, твор. пад. *žay-w-š*, направ. пад. *žay-w-d*), что позволяет говорить о действии в сванском склонении принципа двух основ. Форма родительного

³⁷ Чанишвили Н.В. Падеж и глагольные категории в грузинском предложении. М., 1981.

³⁸ Дондуа К.Д. О двух суффиксах множественности в грузинском. — В кн.: Язык и мышление. Л., 1933, I; Глонти А.А. К вопросу о трех суффиксах множественности в грузинском языке. — ВЯ, 1980, № 5.

³⁹ Шарадзендзе Т.С. Образование множественного числа имен в сванском языке по данным верхнебалльского диалекта. — ИКЯ, 1954, т. VI.

падежа в первом и третьем склонении опирается здесь на основу именительного падежа, а во втором, четвертом и пятом — на форму повествовательного. Во множественном числе имена склоняются по первому типу.

Одной из важнейших черт падежной парадигмы картвельских языков как представителей преимущественно номинативного строя является противопоставление именительного и дательного-винительного падежей. По своей субъектной функции к ним примыкает повествовательный падеж. Парадигма склонения включает также родительный, творительный, обстоятельственный и целевой падежи (последний отсутствует в грузинском литературном языке). Остальные падежи — направительный, отложительный, достигательный, местный 1-й и местный 2-й — представлены не по всем языкам.

Именительный — падеж подлежащего как при транзитивном (выступающем в форме пассива), так и при интранзитивном глаголе-сказуемом. Если учесть, что при словоформах глагола-сказуемого 2-й, т.е. аористной, серии (а в лазском — и 1-й серии) им оформляется прямое дополнение, то было бы точнее квалифицировать его в качестве именительно-винительного. Повествовательный падеж, нередко приравниваемый к эргативу, оформляет обычно подлежащее транзитивных (в форме актива) и множества интранзитивных "активных" глаголов в словоформах 2-й серии времен и скорее напоминает активный падеж языков активного строя. Дательного-винительный — широкий объектный падеж, оформляющий прямое (при словоформах 1-й серии глагола-сказуемого) и косвенное дополнения (в этом падеже выступает также подлежащее при так наз. инверсивном строе глагола, а также при некоторых глаголах чувственного восприятия и обладания). Сказанное равносильно признанию наличия в картвельских языках морфологически самостоятельного аккузатива. Родительный служит падежом управляемого определения. Обстоятельственный падеж оформляет имена в функции обстоятельства. Творительный выступает преимущественно в роли инструменталиса, хотя совмещает и иные функции. Роль падежей локативной семантики — оформлять различные виды обстоятельств места и времени. Картвельским языкам известна еще одна словоизменительная форма имени — звательная, нередко рассматриваемая в грузинском в качестве особой падежной единицы, ср.: груз. *mze-o!* 'о, солнце!', *mtvare-w!* 'о, луна!', лаз. *ṣe koṣi!* 'о, муж!', *kale okorza!* 'о, жена!', сван. *wo Neli!* 'о, Нелли!'

Уже для наиболее позднего общекартвельского состояния может быть, по-видимому, реконструирована падежная система в составе примерно шести единиц: без специального показателя, а также с показателями **(a)ḍ*, **-s*, **-is₁*, **-is₁-ad* и, возможно, инструменталиса. В своем большинстве функционально они не должны были далеко отстоять от их современных продолжений. Указанным падежным окончаниям принято противопоставлять флексии именительного (ср. груз., мегр. *-i*) и повествовательного (груз. *-m(a)*, мегр., лаз. *-k*, сван. *-m*) падежей, как аффиксы относительно поздней формации, происхождение которых от соответствующих местоименных основ легко прослеживается⁴⁰.

⁴⁰ О падежных системах картвельских языков см.: К истории склонения имен в картвельских языках. Под ред. В.Т. Топуриа. Тбилиси, 1956. На груз. яз.; Климов Г.А. Склонение в картвельских языках в сравнительно-историческом аспекте. М., 1962;

Другие именные части речи обнаруживают в картвельских языках свою морфологическую специфику.

Прилагательные делятся здесь на качественные и относительные. Первые, равно как и некоторые причастия, обладают несколькими формами степеней сравнения. Если оставить в стороне так называемую умерительную степень, по существу не представляющую собой степени сравнения (ср. груз. *mo-did-o* 'великоватый', мегр. *mo-čʼ-e* 'черноватый'), а также некоторые описательные образования, свойственные преимущественно грузинскому и лазскому, то картвельские прилагательные различают положительную (без специального показателя), а также уравнительную, сравнительную и превосходную степени сравнения, характеризующиеся префиксально-суффиксальным оформлением. В грузинском налицо единая сравнительно-превосходная степень с коаффиксами *u- . . . -es*: ср. *lamaz-i* 'красивый' — *u-lamaz-es-i* 'более красивый, красивейший'. В мегрельском, помимо аналогичной по образованию сравнительной степени на *u- . . . -aš* (*skvam-i* 'красивый' — *u-skvam-aš-i* 'более красивый'), существует уравнительная степень, указывающая на равную меру наличия качества, передающаяся коаффиксами *ma- . . . -a* (*maʼal-i* 'высший' — *ma-maʼal-a* 'столь же высокий, как'). В лазском, использующем различные описательные формы сравнения, образования на *u- . . . -aš* прослеживаются лишь как окаменелости (ср. *unkilasi* 'младший'). В сванском языке налицо сравнительная степень с аффиксацией *ho- . . . -a* (*čʼəpi* 'красный' — *ho-čʼəp-a* 'более красный') и превосходная с аффиксацией *ma- . . . -e* (*ma-hwɛp-e* 'младший'). Считается, что формы сравнительной степени в картвельских языках с префиксом *u-* (//сван. *ho-*) исторически являются глагольными образованиями⁴¹.

Числительные в картвельских языках подразделяются на количественные, лежащие в основе образования всех остальных, а также порядковые, дробные, кратные и разделительные. Количественные числительные от 11 до 19 — сложные, а от 21 и выше — обычно составные. Структура числительных, обозначающих десятки, как правило, отвечает здесь вигезимальной системе счисления (исключение зафиксировано в верхнебалхском и лашхском диалектах сванского, где господствуют децимальные образования). Порядковые и дробные числительные строятся циркумфиксами. Разделительные используют редупликацию основы. При определении-числительном определяемые выступают обычно в форме единственного числа. Иная картина была характерна для древнегрузинского языка (ср. *ot-p-i tual-p-i* 'два глаза', где налицо согласование форм множественного числа).

Различаются следующие разряды местоимений: личные, указательные, притяжательные, вопросительные, вопросительно-притяжательные, относительные, взаимные и отрицательные. Особенностью личных местоимений 1 и 2 л. обоих чисел является их неизменяемость. В сванском языке дифференцированы инклюзивная и эксклюзивная формы притяжательного местоиме-

Machavariani G.I. The System of Ancient Kartvelian Nominal Flexion as Compared to those of the Mountain Caucasian and Indo-European Languages. — In: Theoretical Problems of Typology and the Northern Eurasian Languages. Budapest, 1970, p. 165—169.

⁴¹ Ср.: Дондуа К.Д. К генезису формы сравнительно-превосходной степени в картвельских языках. — В кн.: Язык и мышление. Л., 1940, IX; Зурабишвили Т.Д. Степени сравнения в картвельских языках. — Тр. ТГУ, 1957, т. 67; Мацавариани Г.И. К генезису сравнительной степени в картвельских языках. — Тр. ТГУ, 1958, т. 71.

ния 1 л. плюралиса (gwišgwej — инклюзив, nišgwej — эксклюзив). Указательные местоимения в картвельских языках различают три степени удаления, соотносительные с местонахождением 1, 2 и 3 л. Вопросительные местоимения соотнесены с именами людей, с одной стороны, и всего остального — с другой, ср.: груз. vin 'кто (о людях)' и ga 'что (о животных и вещах)'. Относительные местоимения строятся путем осложнения основ вопросительных особыми частицами⁴².

Глагольные лексемы распределяются в картвельских языках по классам транзитивных и интранзитивных. С этим фундаментальным для их грамматического строя разбиением, находящим свое отражение как в морфологии, так и в синтаксисе, пересекается значительно менее отчетливо выступающее их деление на динамические и статические, напоминающие противопоставление активных и стивных глаголов в представителях активного строя. Все транзитивные глаголы считаются динамическими, интранзитивные же — частью динамическими, частью статическими (в грузинском языке исключение составляют два синонимичных глагола соbna 'знать' и usdeba 'ведать', являющиеся статическими). В ряде случаев, впрочем, скорее приходится говорить о статических формах тех или иных глагольных лексем (по существу именно о них идет речь, когда здесь выделяют группу так называемых статических страдательных глаголов).

Картвельский глагол различает морфологические категории лица, числа, версии, залога, потенциалиса, времени, вида (аспекта), наклонения. В занской ветви языков налицо также категория взаимности. Нередко выделяется сложная морфологическая категория ряда или так называемой скривы, охватывающая одну или несколько форм финитного глагола, которые, различаясь по лицам и числам, объединяются по другим частным морфологическим категориям — по времени, виду, наклонению⁴³. Показатели морфологических категорий обычно располагаются в глагольной словоформе в следующем порядке: вид (преверб) — лицо — залог//версия//потенциалис — (корневая морфема) — залог — (тематический аффикс) — число.

Одной из основных категорий картвельского глагола является категория лица. Различаются личные показатели субъектной и объектной серий (в ряде случаев объектные показатели выступают в качестве субъектных и обратно), в связи с чем одноличные глаголы располагают субъектным спряжением, а двухличные — субъектно-объектным. В то же время по числу актантов глагол здесь может быть одновалентным (мегр. p-skiduk 'я остаюсь'), двухвалентным (мегр. ge-p-švi 'я выпил то') или трехвалентным (мегр. do-m-išagun-s 'он напишет мне то'). Однако глагольная словоформа содержит не более двух личных аффиксов⁴⁴. В картвельских языках показатели 3 л. субъекта, как правило, передаются суффиксами и совмещают

⁴² Ср.: *Мартыросов А.Г.* Местоимение в картвельских языках: Историко-сравнительный анализ. Тбилиси, 1964. На груз. яз.; ср.: *Руденко Б.Т.* Грамматика грузинского языка. М.; Л., 1940, с. 45–46.

⁴³ Ср.: *Шанидзе А.Г.* Категория ряда в глаголе: Общие вопросы формообразования глаголов на примере грузинского языка. — Изв. ИЯИМК, 1941, т. X, с. 209–229; *Он же.* Основы грамматики грузинского языка. Тбилиси, 1973, I. Морфология, с. 215–235. На груз. яз.

⁴⁴ Ср.: *Гамкрелидзе Т.В.* "Валентность" и "персональность" глагола. — В кн. Лингвистический сборник. Тбилиси, 1979, с. 33–51. На груз. яз.

семантику числа. Исключение составляет группа сванских глаголов, имеющих в этой роли префикс l(a)-/n//j, ср.: li 'он есть', läsw 'он был', lāg 'он стоит' и др. В сванских диалектах различаются и инклюзивный и эксклюзивный показатель 1 л. мн. ч.⁴⁵

С категорией лица здесь тесно связана категория версии, с наибольшей регулярностью функционирующая в сванском языке. Эта категория характеризует действие в плане его предназначенности для субъекта или объекта. Различаются три версии — субъектная, объектная и нейтральная. Первая из них, показателем которой во всех языках служит префикс i-, указывает на предназначенность действия для субъекта (груз. i-šenebs 'он строит себе то', мегр. i-šetens 'он делает себе то', сван. i-sqi 'он делает себе то'). Следует заметить, что нередко этот префикс служит также средством передачи отношений органической принадлежности (ср. лаз. xe i-bonims 'руки свои мое'). Объектная версия подчеркивает предназначенность действия для объекта. Ее показателем при формах 1 и 2 л. объекта для всех языков является префикс i- (груз. m-i-šenebs 'он строит мне то', сван. ž-i-sqi 'он делает тебе то'); при формах 3 л. в грузинском, мегрельском и лазском языках налицо префикс u-, а в сванском — o- (груз. u-šenebs 'он строит ему то', сван. x-o-sqi 'он делает ему то'). Наконец, нейтральная версия не содержит указаний относительно предназначенности действия для субъекта или объекта. Она характеризуется либо нулевым признаком (груз. ban-s 'он мое то', лаз. kodums 'он строит то'), либо префиксом a- в грузинском и сванском и префиксом o- в обоих занских языках (груз. a-šenebs 'он строит то', сван. a-sqi 'он делает то', мегр. o-gšce 'он видит то').

Важной структурной чертой картвельского транзитивного глагола, резко обособляющей его от абхазско-адыгского и нахско-дагестанского, является систематическое проведение категории залога разграничением форм актива и пассива (подразделение интранзитивных глаголов на медиоактивные и медиопассивные носит здесь лексический характер). Во всех языках, кроме сванского, налицо три различных типа образования форм страдательного залога — префиксальный, суффиксальный и аблаутный. В сванском при большей роли последнего отсутствует суффиксальный тип⁴⁶.

В грузинском префиксами страдательного залога служит i- в абсолютных и e- в релятивных формах глагола (i-šegeba 'пишется то', e-šegeba 'пишется то ему'). В языках занской ветви обоим префиксам закономерно соответствуют i- и a- (мегр. i-šare(n) 'пишется то', a-šare(n) 'пишется то ему', лаз. i-čqigen 'режется то', a-čqigen 'режется то ему'). Суффиксальное образование форм пассива широко представлено в грузинском языке и очень ограничено — в мегрельском и лазском. Его показателем служит -d (в древнегрузинском был известен и суффикс -en//n, причем -d использовался только при основах с исходом на сонорные n, r и l): груз. qet-d-eba 'делается то', grzel-d-eba 'продолжается то'; мегр. go-tan-d-u 'рассвело', go-šiton-

⁴⁵ *Ониани А.Л.* Вопросы исторической морфологии картвельских языков: Категория глагола — лицо, число, инклюзив-эксклюзив. Тбилиси, 1978, с. 213–243. На груз. яз.

⁴⁶ О категории залога в картвельских языках см.: *Джорбенадзе Б.А.* Вопросы образования и функции глагольной категории залога в грузинском языке. Тбилиси; 1975. На груз. яз.; *Шанидзе А.Г.* Основы грамматики грузинского языка, с. 280–313.

d-и 'покраснело то'; лаз. mo-ɕon-d-и 'понравилось то', ko-ɕkind-и 'появилось то'. Некоторые грузинские галаголы знают параллельное образование форм страдательного залога как префиксального, так и суффиксального типа, ср.: da-i-žanga // da-žang-d-a 'заржавело то', da-e-tanxma // da-tanxm-d-a 'согласился // он' (в отдельных случаях подобные параллельные формы несколько дифференцированы и семантически). Наконец, третий тип образования пассива восходит к закономерностям аблаутного чередования глагольной основы. В грузинском формы 1-й серии глагольных времен этого типа имеют распространение -eb: v-tb-eb-i 'я греюсь', tb-eb-a 'греется он'. Особенностью сванского языка является систематическое противопоставление актива и пассива в большой группе глаголов вторичным аблаутным чередованием: если для форм страдательного залога здесь характерна огласовка e//ä или a, то для форм действительного залога — огласовка i//ä: ср. a-tāx 'он возвратился' ~ a-tix 'он возвратил', a-xar 'он сломался' ~ a-xir 'он сломал'⁴⁷.

Различение залогов в картвельских языках характеризует и причастия. Причастия настоящего времени — действительного залога, причастия будущего и прошедшего времени — страдательного. Так называемые отрицательные причастия (сван. u-dga-a 'неубитый', u-žb-a 'невареный') — также страдательного залога. Принято считать, что встречается здесь и залоговая дифференциация имен действия (масдаров). Ср. груз. țexa 'ломать' ~ tqdota 'ломаться', мегр. xircua 'раздирать' ~ харсua 'лопаться', сван. li-twpe 'терять' ~ li-twep 'теряться'.

Картвельскому глаголу присуща категория потенциалиса, тесно связанная с категорией залога и указывающая на возможность совершения действия. В грузинском и сванском языках значение потенциалиса совмещают префиксальные формы пассива лишь небольшого числа глаголов: груз. i-tkmis 'говорится // можно сказать', i-ɕmeva 'съедается // можно есть' и нек. др. В лазском языке два типа образования форм страдательного залога — с коаффиксами i-...-e и a-...-e — всегда имеют и семантику потенциалиса (лаз. i-ɕag-e-n 'пишется // можно писать', i-tas-e-n 'сеется // можно сеять' при a-ɕag-e-n 'у него пишется // он может писать', a-tas-e-n 'у него сеется // он может сеять'). Только в мегрельском категория потенциалиса четко противопоставлена категории залога. Здесь словоформа с коаффиксами i-...-e и a-...-e обладает исключительно значением потенциалиса. Исторически прослеживаемая недифференцированность форма пассива, потенциалиса и версии указывает на пути становления в картвельских языках категории залога⁴⁸.

Морфологическая категория вида (аспекта) характеризует в картвельских языках действие с точки зрения его завершенности ~ незавершенности. Различаются два аспекта — совершенный и несовершенный. Роль показателей совершенного вида играют глагольные превербы, обычно сохраняю-

⁴⁷Ср.: Топуриа В.Т. К образованию форм страдательного залога 3-го типа в грузинском языке. — Сообщ. АН ГрузССР, 1942, т. 3. № 9. На груз. яз.; Мачавариани Г.И. "Корневой тип" страдательного залога в картвельских языках. — В кн.: Вопр. структуры картв. языков. Тбилиси, 1959, I. На груз. яз.

⁴⁸Ср.: Чикобава А.С. Грамматический анализ чанского (лазского) диалекта. Тбилиси, 1936, с. 113. На груз. яз.

щие при этом и свою локативную семантику, ср.: груз. v-*ṣege* 'я писал' ~ da-v-*ṣege* 'я написал', mi-v-*ṣege* 'я написал туда'.

Тесно связаны друг с другом здесь глагольные категории времени и наклонения, формами которых картвельский глагол очень богат. В грузинском и лазском языках в зависимости от характера используемой основы глагола противопоставляются две серии времен. Формы первой серии опираются обычно на распространенную основу глагола настоящего времени, а формы второй — на простую основу глагола прошедшего совершенного времени (аориста). В грузинском языке к первой серии времен относятся: настоящее, прошедшее несовершенное, сослагательное I, будущее, условное (производное от будущего), условно-сослагательное, результативное I, а ко второй — прошедшее совершенное (аорист), сослагательное II, результативное II и сослагательное III. Кроме того, основа аориста исходна для образования и прошедшего обычности (пермансива), встречающегося в восточногрузинских диалектах. В лазском языке первая серия глагольных времен включает: настоящее, прошедшее несовершенное, сослагательное I, будущее I, условное I, результативное I, а вторая — прошедшее совершенное (аорист), сослагательное II, условное II, результативные II и III, будущее II, сослагательное III, условное III, а также результативное IV. Между двумя сериями времен могут быть распределены и временные словоформы сванского глагола. Здесь в первую серию входят: настоящее, прошедшее несовершенное, сослагательное I, будущее I (совершенное), будущее II (несовершенное), заглазные I и II, а также условное; ко второй серии должны быть отнесены: прошедшее совершенное (аорист), сослагательное II, результативные I и II, а также сослагательное III. Наконец, в мегрельском принято выделять четыре серии глагольных времен: первая включает настоящее, прошедшее несовершенное, сослагательное I, будущее и условное I, вторая — прошедшее совершенное (аорист), сослагательное II и условное II; третья — результативные I и II, сослагательное III и условное III; четвертая — результативные III и IV, сослагательное IV и условное IV⁴⁹.

Из изложенной классификации нетрудно увидеть тесную взаимосвязь категорий времени и наклонения в картвельских языках. Помимо изъявительного, сослагательного и условного наклонений налицо здесь и повелительное, формы 2 л. которого базируются на форме аориста (груз. *ḳitx-e!* 'спроси!', тохар^ṣ-*e-t!* 'сварите!' при *ḳitxe* 'ты спросил' и тохар^ṣ*et* 'вы сварили'), а формы 1 и 3 л. — на форме сослагательного III (мегр. *ṣar-a-s!* 'пусть он пишет!', р^ṣ*ar-a-t!* 'напишем!' при *ṣaras* 'чтобы он написал' и р^ṣ*arat* 'чтобы мы написали'). Формы прохибитива образуются двойко, так, груз. частица отрицания *ni* сочетается с презенсной словоформой глагола, а частица отрицания *ag* — с аористной словоформой.

Следует подчеркнуть изобилие в картвельских языках различного рода "дефектных" глаголов, недостаточных в отношении тех или иных морфологических категорий (ср. также широкое распространение супплетивизма

⁴⁹Ср.: Чикобава А.С. К вопросу о группировке конъюгационных основ грузинского глагола. — ИКЯ, 1962, т. XIII, с. 93—108; Топурия В.Т. Сванский язык. 2-е изд. Тбилиси, 1967, I. Глагол, с. 69 и след., 268 и след. На груз. яз.; Маргвелашвили М.Г. Образование рядов (скрив) в мегрельском. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1983.

основ)⁵⁰. Особенно бедны последними статические глаголы. Значительная часть морфологических категорий картвельского глагола (лица, версии, потенциалиса, вида) должны рассматриваться как достаточно древние, восходящие еще к общекартвельскому состоянию. В качестве наиболее поздно сформировавшейся категории здесь рассматривают категорию залога. Вместе с тем разветвленной системе глагольных времен должна была предшествовать градация аспектных форм. В целом морфологические черты общекартвельского глагола лучше всего сохранились в сванских диалектах.

К классу неизменяемых слов в картвельских языках относятся наречия и служебные слова (послелого, союзы, частицы, междометия). Наречия по своей семантике разделяются на наречия места, времени, образа действия, причины и цели, а также относительные. Структурно различаются простые, или корневые, и производные. Простые наречия составляют меньшинство, ср.: груз. *guš'in* 'вчера', *xval* 'завтра', мегр. *ži* 'вверх', *tudo* 'вниз', сван. *gar* 'только', *აჯაუ* 'опять'. Производные наречия чаще обнаруживают форму обстоятельственного (груз. *natl-ad* 'ясно', мегр. *mangaŋ-o* 'крепко', лаз. *dj-d-o* 'очень', сван. *t̄kic-d* 'действительно'), дательного (груз. *dila-s* 'утром', мегр. *mala-s* 'быстро', сван. *p̄dja-s* 'близко'), реже отложительного и творительного падежей. Иногда структура производных наречий остается неясной.

Служебные слова представлены послелогоми, союзами и частицами. Послелого, которыми здесь наиболее богаты грузинский и сванский языки, управляют преимущественно генитив и датив (груз. *ukonlob-is gamo* 'из-за отсутствия', *tovl-sa-vit* 'как снег'); и реже — некоторыми другими; например, мегр. *x* управляет направительным падежом (ср. *'ude-sa-x* 'до дома'). Иногда в роли послелого выступают наречия (груз. *skivr-is kveš* 'под сундуком', мегр. *oze-ši gale* 'вне двора'). В грузинском и сванском послелого иногда могут употребляться и в препозиции к имени (ср. груз. *garda amisa* 'кроме этого'). Союзы разделяются на простые и сложные. Особенно богат ими грузинский язык. В сванском функции подчинительных союзов выполняют относительные местоимения и наречия. Частицы также шире представлены в грузинском и сванском. Среди многочисленных междометий выделяется большая группа подзываний и понуканий животных и птиц.

В синтаксической системе картвельских языков различают три вида словосочетаний — именные, глагольные и наречные. Принято выделять четыре типа синтаксической связи слов в предложении — примыкание, согласование, управление и координацию ("взаимоуправление").

Примыкание характеризует здесь преимущественно наречия и несогласуемые и неуправляемые определения. Так, в языках занской ветви и в сванском препозитивное определение примыкает к своему определяемому. Аналогичное правило касается и грузинских препозитивных определений с исходом основы на гласную; в то же время препозитивные определения с консонантным исходом основы при творительном и обстоятельном падеже определяемого могут обнаруживать так наз. неполное

⁵⁰ Ср.: Гагуа К.С. Недостаточные в отношении времени глаголы в сванском языке. Тбилиси, 1976. На груз. яз.

согласование (ср. *šav-s tqe-d* 'черным лесом', *cal-is xel-it* 'одной рукой'). Согласование встречается в именных и глагольных словосочетаниях, но имеет весьма ограниченное распространение. В большей степени оно было характерно для древнегрузинского языка, в котором помимо согласования членов комплетивной синтагмы в числе обычно согласовались в числе и падеже также компоненты атрибутивной синтагмы, ср.: др.-груз. *traval-n-i ganqurp-n-a* 'многих он излечил', *mpriŋvel-n-i cisa-n-i* 'птицы небесные'. Если в лице согласование подлежащего и сказуемого соблюдается постоянно, то в числе оно, как правило, отсутствует при именах неодушевленных (груз. *xe-eb-i izrdeba* 'деревья растут', букв. 'деревья растут'). Глагольное сказуемое управляет падежами подлежащего и прямого дополнения. Определяемое управляет родительным падежом определения (ср. лаз. *radīšai-š biči* 'сын падишаха', сван. *baṭ-i(š) žweg* 'стая гусей'). Форма управляемого обстоятельства может варьировать. Координацией называется в картвельстике такой комбинированный способ связи, при котором сказуемое, выраженное транзитивным глаголом, управляя падежами подлежащего и прямого дополнения, согласуется с ними в лице и числе, ср. лаз. *hemu-k ma m-o-šletin-u* 'он меня спас', где глагол управляет падежом подлежащего (личное местоимение 1 л. неизменяемо), а его личные показатели зависят от именных компонентов конструкции⁵¹.

В картвельских языках имеются как простое, так и сложное предложение. Удельный вес первого особенно велик в бесписьменных языках. Простое предложение характеризуется отчетливой вербоцентрической структурой⁵². В трактовке членов предложения в грузиноведческой традиции встречаемся со своеобразием. Так, здесь нередко различаются два вида дополнений — дополнения-объекты и простые дополнения. Отличие первых от вторых заключается в том, что они обычно отражаются в морфологической структуре глагола личными показателями. Они подразделяются далее на прямые и косвенные. Например, в грузинском предложении *torola-m niskart-it amogliža gamdenime balax-i* 'жаворонок клювом выдернул несколько травинок' налицо простое дополнение *niskart-it* 'клювом' (твор. пад.) и прямое дополнение *balax-i* 'травинку'. Морфологическим признаком косвенного дополнения является его постановка при любой словоформе глагола-сказуемого в дательном падеже. В состав главных членов предложения помимо подлежащего и сказуемого нередко включают также прямое, а иногда и косвенное дополнение⁵³. Различаются атрибутивное и субстантивное определение. Первое связано со своим определяемым падежным согласованием, а второе управляется в падеже (генитиве). На согласование подлежащего и сказуемого в числе накладывает свои ограничения принадлежность подлежащего к классу неодушевленных субстантивов.

⁵¹ Ср.: Чикобава А.С. Проблема простого предложения в грузинском языке. Тбилиси, 1928, 1. Подлежащее и дополнение в древнегрузинском языке; 2-е изд. Тбилиси, 1968. На груз., русск. и франц. яз.; *Он же*. Грамматический анализ..., с. 225.

⁵² Ср.: Кизириа А.И. Состав простого предложения в картвельских языках. Тбилиси, 1982. На груз. яз.; *Он же*. Состав простого предложения в древнегрузинском языке. Тбилиси, 1963. На груз. яз.

⁵³ Ср.: Каачадзе Л.М. Синтаксис современного грузинского языка. 2-е изд. Тбилиси, 1977, с. 48–51. На груз. яз.

Сложносочиненное предложение знает как бессоюзную, так и союзную связь. Основные типы придаточных предложений — определительное, дополнительное, подлежащее, придаточное места (а также времени, образа действия и др.). Все они налицо и в древнегрузинском. Позиция придаточного предложения свободна. Сложноподчиненные предложения с несколькими придаточными свойственны почти исключительно грузинскому литературному языку. Подчинение передается союзами, союзными словами и интонацией. Для лазского языка характерно введение придаточного предложения падежной формой (обычно датива или генитива) финитного глагола, ср.: *bere-k kinci žiru-ši, dido kai daşonu* 'когда мальчик увидел птицу, очень она ему понравилась'.

Во всех картвельских языках обычно принято различать номинативную, "эргативную" (последний термин здесь очень условен), а также выделяемую лишь частью исследователей дативную конструкцию предложения. Первая из них предполагает постановку подлежащего при презентных словоформах всех глаголов и при аористных словоформах интранзитивных и пассивных форм транзитивных в номинативе, а возможного в первом случае прямого дополнения — в дательно-винительном, ср.: сван. *māge adgāi dāşdw-s* 'человек убивает медведя', груз. *sxepi işva* 'лошадь лежала' и *saxli aşenda kolektivis mier* 'дом построен коллективом'. Вторая конструкция, которая скорее напоминает активную, а не эргативную, обуславливается аористными словоформами актива транзитивных глаголов и множества интранзитивных и характеризуется оформлением подлежащего повествовательным падежом, ср.: груз. *muydel-ma santel-i moişana* 'священник принес свечу', *kurciq-ma işkura* 'джейран прыгнул'. Наконец, в составе дативной конструкции подлежащее приобретает форму дательно-винительного падежа, ср. груз. *da-s iqvars zma* 'сестра любит брата'. Следует подчеркнуть, что различение всех перечисленных выше конструкций оказывается в картвельских языках в значительной степени пережиточным, вследствие чего в грамматической концепции А.Г. Шанидзе оно не проводится⁵⁴. Не распространяются эти правила и на построения с аористными словоформами глагола в зайской группе. Так, в мегрельском транзитивные и интранзитивные глаголы постоянно строят номинативную конструкцию предложения (ср. *osur-k kumortu* 'женщина пришла', *osur-k gaatibu şga-i* 'женщина согрела воду'). Трудно говорить о функционировании эргативной конструкции и в лазском языке (ср. *bozo-k ibgars* 'девушка плачет' при *uşta-k oxor-i kodums* 'плотник строит дом')⁵⁵. Дативная конструкция характеризует в картвельских языках ряд глаголов чувствования и обладания, ср.: груз. *tama-s sami da qavda* 'у отца были три сестры', сван. *erxi-s xondaх korte lizi* 'некоторые хотели идти домой'.

Подобно другим языкам с развитой морфологией картвельские языки не располагают строго обязательным словопорядком в предложении, хотя и знают предпочтительную схему последнего. Сказуемое чаще всего тяготеет к концу предложения. Непосредственно ему обычно предшествует

⁵⁴ Шанидзе А.Г. Грамматический субъект при некоторых непереходных глаголах в грузинском. — Тр. каф. др.-груз. языка ТГУ, 1961, 7.

⁵⁵ Ср.: Климов Г.А. Типология картвельских языков. — В кн.: Климов Г.А., Алексеев М.Е. Типология кавказских языков. М., 1980, с. 87–88.

прямое дополнение или обстоятельство образа действия. В начале предложения, как правило, помещается подлежащее, за которым следует обстоятельство места и времени (иногда, впрочем, и предшествующие подлежащему) и косвенные дополнения. Различные виды определений обычно предшествуют своим определяемым, ср.: мегр. *arti čiče čukik gašerulā xvitātēšē do sčariša dinilā* 'одна маленькая мышка выбежала из норы и в воду вошла', лаз. *ar očari-k paraskeši ndyas počaša javi kogeiyu do kogamaču* 'один орчинец в пятницу на базар масло повез и продал'⁵⁶.

Картвельские языки характеризуются исключительно богатым и тематически разветвленным словарем. Так, восьмитомный "Толковый словарь грузинского языка" лишь частично учитывает диалектную лексику, которой посвящено специальное двухтомное издание (лексически очень богатым был и древнегрузинский язык)⁵⁷. В этих языках широко представлены синонимия, черпающая многочисленные дублеты из диалектов и иноязычных источников (встречаются синонимические ряды, содержащие до пяти-шести членов). Омонимия развита в ограниченной мере, занимая наиболее заметное место в грузинском языке⁵⁸. Богата здесь и отраслевая терминология.

Подобно другим группам кавказских языков, в этих языках значительное место занимает пласт лексики звукоподражательного и звуко-символического характера. В мегрельском (и менее ярко в лазском и грузинском) принципы звукописи обнаруживают в рамках некоторых словарных групп определенную системную градацию, ср.: *skičkonua* 'щипать мелко', *skičkonua* 'ест, брезгливо отщипывая', *zgižgonua* 'щипать крупно', *žgižgonua* 'щипать грубо, драть'⁵⁹.

Несмотря на то что основу словарного фонда современных картвельских языков составляет исконно картвельская лексика, прямую преемственность входящих в него слов по отношению к лексике общекартвельского состояния легко показать лишь в отношении количественно весьма ограниченного материала. Последний охватывает такие характерные лексические группы, как номенклатура родства, космогоническая терминология и названия явлений природы, наименования частей тела человека и животного. Сюда же относятся названия диких и некоторых домашних животных и птиц, ряда деревьев и растений, а также многочисленные названия элементарных действий и состояний. К этому же пласту лексики принадлежат местоименные слова, а также количественные числительные первого десятка.

⁵⁶ Ср.: *Tschenkéli K. Einführung in die georgische Sprache. Zürich, 1958, Bd. I, S. 12; Почуха Б.А. К вопросу о порядке слов в грузинском языке. — ИКЯ, 1962, т. XIII, с. 116–122; Vogt H. L'ordre des mots en géorgien moderne. — Bedi Kartlisa (Revue de kartvélogie), Paris, 1974, vol. XXXII.*

⁵⁷ Толковый словарь грузинского языка. Под общей ред. А.С. Чикобава. Тбилиси, 1950–1964, т. I–VIII. На груз. яз.; *Глонти А.А. Словарь грузинских народных говоров. Тбилиси, 1974–1975, т. I–II. На груз. яз.; Абуладзе И.В. Словарь древнегрузинского языка. Тбилиси, 1973. На груз. яз.*

⁵⁸ *Глонти А.А. Грузинская лексикология. Тбилиси, 1964. На груз. яз.; Нейман А.Б. Словарь грузинских синонимов. Тбилиси, 1961. На груз. яз.; Почуха Б.А. Лексикология грузинского языка. Тбилиси, 1974. На груз. яз.*

⁵⁹ *Nesser Fr. Studien zur georgischen Wortbildung. — Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes. Wiesbaden, 1953. 31.*

Грузинский	Мегрельский	Лазский	Сванский	
gul-	gur-	guri	gwi	'сердце'
ena-	nina-	nena	nan-	'язык'
taw-	[ti-]	ti	ʃta	'голова'
mze-	bʒa-	mʒora	mʒ-	'солнце'
zɣva-	zɣva-	zuɣa	zuɣwa	'море'
dye-	dya-	ndya	la-dey-	'день'
zma-	ʒima-	ʒuma	ʒam-il-	'брат'
asul-	asur-	osuri	haswiʃ-	'дочь'
datv-	tunt-	mtuti	dāstw-	'медведь'
xar-	xoʒ-	xoʒi	qān-	'бык'
mçer-	çand-	mçazi	mēr-	'муха'
vaʃl-	uʃkur-	oʃkuri	wisgw-	'яблоко'
ançl-	inçir-	inçiri	gānçw-	'бузина'
matqł-	montqor-	montqori	mātq	'шерсть'
rʒe-	bʒa-	mʒa	ləʒe	'молоко'
sam-	sum-	sumi	semi	'три'
otx-	otx-	otxo	wōstxw	'черыре'
rec-	rç-	(r)ç-	raʃ-	'стлать'
txar-	txor-	ntxo(r)-	ʃtxar-	'рыть'
k(u)m-	kum-	mkom-	kwām-	'дымить'
gb-	gib-	gub-	ʒb-	'варить'
txel-	txitxu-	tutxu	dətx-el	'тонкий'

- Статистический анализ исконного словаря выявляет значительно большую степень взаимной близости грузинского и языков занской подгруппы, чем каждой из этих единиц со сванским. Так, грузинский со сванским объединяет всего около 400 словарных изоглосс, а с занской подгруппой — всего около 350 изоглосс. В то же время установлено уже около 1000 грузинско-занских лексических параллелей. Налицо несколько большая степень лексической близости мегрельского к грузинскому по сравнению с лазским: если мегрельский разделяет с грузинским свыше 260 специфических изоглосс, отсутствующих в лазском, то исключительно грузинско-лазских параллелей насчитывается едва около 40. Интересно, что в ряде случаев мегрельские лексемы оказываются и семантически ближе к грузинским, чем к лазским.

Особенности распределения исконного словаря по картвельским языкам позволяют выдвинуть интересные гипотезы культурно-исторического плана. Так, сванский разделяет с другими картвельскими скотоводческую терминологию, ср.: общекартв. *tqa- 'коза', *matqł- 'шерсть овцы', *per- 'пена (текущая из пасти животного)', *pur- 'корова', *qamł- 'шкура овцы', *qan- 'бык', *ʒ1aɣł- 'собака', *reç- 'гнать (скот)', *qwer- 'кастрировать (скот)' и т.д. То же относится, по-видимому, к отдельным терминам земледелия. Однако терминов, связанных с оседлой земледельческой культурой, сванский с другими картвельскими языками не разделяет. Такие характерные в последнем отношении основы, как *baga- 'ясли (для скота)', *beɣel-

'амбар', *sқа- 'улей', *qana- 'нива', *tes- 'сеять', *mqen- : mqn- 'прививать (дерево)', *pig- 'отбивать (косу)', *sel- 'косить', *c₁ weg- 'корчевать лес (под пашню)' и др., составляют исключительно грузинско-занские явления⁶⁰.

Одним из важнейших путей обогащения лексики каждого из картвельских языков является словообразование. Здесь одинаково развиты как аффиксальная деривация, так и композиция. Типы первой — префиксальный, суффиксальный и префиксально-суффиксальный. Ныне наиболее продуктивен из них последний, посредством которого образуются различные виды причастий (груз. m-kiṭxv-el-i 'читающий, читатель', мегр. o-ṣar-al-i 'предназначенный для писания', сван. u-tiḥ-a 'невозвращенный'), масдары (лаз. o-ngar-u 'плакать', сван. li-kw-isg 'говорить'), имена орудий и мест (груз. sa-xḡ-e 'пастушья палка', мегр. o-kos-al-e 'веник', лаз. o-kotum-al-e 'курятник', сван. la-xm-ḡ 'свинарник'), имена происхождения (сван. lu-ṣn-u 'сванский'), порядковые и дробные числительные (груз. me-at-e 'десятый', мегр. pa-otx-al- 'одна четвертая') и некоторые другие категории слов.

Суффиксацией образуются некоторые причастия (груз. paḥ-ul-i 'увиденный', мегр. xant-ir-i 'нарисованный'), прилагательные (груз. gul-ad-i 'смелый', лаз. ḡoman-er-i 'вчерашний', сван. miṣw-ār 'рогатый'), имена происхождения (amerik-el-i 'американец', мегр. zugid-ur-i 'зугдидский, зугдидец'), масдары (груз. tiḡ-il-i 'плач', мегр. 'id-ir-i 'кушля') и др. В глагольном словообразовании видное место занимает в картвельских языках суффиксальный каузатив, параллельно совмещающий и пермиссивную семантику. Каузативные глаголы образуются как от транзитивных, так и интранзитивных (последние становятся таким образом транзитивными). В грузинском выделяются каузативы с суффиксальными элементами -in (daṣera 'написать' > daṣerineba 'заставлять, позволять написать'), -ev (ṣama 'есть' > ṣteva 'кормить') и -ev-in. В мегрельском соответственно имеем суффиксы -in, -ar и их комбинацию. В лазском в этой роли обычно выступает аффикс -ar. Наконец, в сванском каузативная деривация использует аффикс -up, которому нередко предшествуют аффиксы многократности -āl, -ā, -ās и др. Широко представлено здесь и суффиксальное образование уменьшительных имен (груз. qas-a 'человечек', gor-aḡ-i 'холмик', ded-iḡo 'мамочка', biṣ-up-a 'мальчуган', мегр. ṣima-ia 'братец'; хе-ху 'ручонка'; сван. qad-ol 'топорик', pal-uld 'лисичка', qalxm-ul 'рыбка'). В сванском распознается даже довольно широкая группа существительных и прилагательных, являющихся по своему происхождению демикутивами, ср.: daq-a 'коза', doṣd-ul 'луна', ṣam-il 'брат', ḡwin-el 'вино', ṣwin-el 'старый', daṭx-el 'тонкий' и мн. др.).

Довольно распространено здесь и префиксальное словообразование, наиболее характерное для сванского языка, где оно производит причастия (pa-sam 'услышанный', mḡ-gem 'строящий'), масдары (li-bem 'привязывать', li-keḡ 'брать'), имена профессий (me-ṣāṣ 'конюх', mḡ-ldeḡ 'пастух'), имена происхождения (mi-ṣwāp 'сван', mḡ-kṣāḡ 'черкез') и др. В прошлом удельный вес префиксальной деривации в картвельских языках должен был быть значительно большим⁶¹. В сфере глагольного словообразования здесь большую роль играют превербы. Наиболее богаты последними мегрельский, где насчитывается около 90 превербов и лазский с примерно 50 превербами,

⁶⁰ Климов Г. А. Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964.

⁶¹ Топурия В. Т. Труды. Тбилиси, 1979, т. III, с. 63–102. На груз. яз.

передающими тонкие нюансы направления действия. В грузинском их в несколько раз меньше. Незначительно их число и в сванском языке, где они еще не строго отделены от наречий, вследствие чего встречаются и в позиции к глаголу, ср.: *čw-anḡi // anḡi ču* 'он спускается'. Превербь разделяются на простые и сложные (ср. груз. *mo-vida* 'он пришел сюда' при *ga-mo-vida* 'он вышел сюда'). В языках занской ветви ряд компонентов сложных превербов самостоятельно не употребляются⁶².

Словосложение, служащее здесь также очень продуктивным способом словообразования, особенно развито в грузинском языке и широко проявляется уже в его письменных памятниках V–XI вв. Основные типы картвельских композитов – копулятивные и детерминативные. И те и другие подразделяются с точки зрения семантики их составляющих компонентов на разнотемные (груз. *dye-ḡame* 'сутки' букв. 'день + ночь', сван. *žamil-dašwīg* 'брат и сестра'), с одной стороны, и редупликативные (груз. *tqe-tqe* 'лесом', лаз. *хохе(г)и-хохе(г)и* 'ползком' – с другой). Из характерных для грузинского языка моделей редупликативных образований в мегрельском, лазском и за отдельными исключениями в сванском отсутствуют композиты с союзом *da* 'и' (ср. груз. *kval-da-kval* 'следом'), а в занской ветви – сложения с перегласовкой основы (ср. груз. *bind-bundi* 'сумерки') и с заменой начального согласного или целого слога (ср. груз. *saḡa-maḡa* 'поминутно', *koḡ-maḡi* 'лачуга'). Образования, сохраняющие семантику своих компонентов, часто встречаются в грузинском и сравнительно редко – в мегрельском и лазском. Композиты с причастным компонентом, выражающие единое понятие, распространены также главным образом в грузинском языке⁶³.

Очень важный источник обогащения словарного состава картвельских языков всегда составляли заимствования. Особенно широко иноязычный по происхождению материал выявляется в грузинском и лазском языках. В грузинском словаре, если не считать показаний ряда диалектов, подверженных особо сильной интерференции, значительными пластами представлены греческие, армянские, арабские (около 500 слов), средне- и новоперсидские (около 600 слов) и тюркские заимствования⁶⁴. Впрочем, многие из них, являясь в основном достоянием памятников средневековой грузинской литературы, ныне уже относятся к разряду архаизмов: Специальный интерес в свете ранней истории картвелов представляют древнейшие приобретения из индоевропейского и семитского источников (см подробнее с. 196 и след. в гл. VII). Среди многочисленных заимствований в лазском языке помимо грузинизмов должны быть отмечены грецизмы и особенно турцизмы. А.С. Чикобава подчеркивает, в частности, что здесь исконные названия времен года исчезли из памяти народной; названия дней недели и месяцев бытуют почти лишь в речи женщин; в названиях предметов до-

⁶² Ср.: *Асагуани И.Ш.* Превербь в занском (мегрельско-чанском) языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1953; *Топурия В.Т.* Сванский язык, с. 266–267.

⁶³ *Топурия В.Т.* Труды, т. III, с. 103–131; *Каухчишвили Т.С.* Композиты в древнегрузинском языке. – Тр. ТГУ, 1952, т. 67; *Саникидзе Л.К.* Редупликация в сванском и занском языках. – ЕИЯЯ, 1978, т. IV.

⁶⁴ Ср.: *Андроникашвили М.К.* Арабские слова, проникшие в грузинский язык через персидский. – Тр. ТГУ, 1965, т. 105; *Она же.* Очерки по иранско-грузинским языковым взаимоотношениям. Тбилиси, 1966, I. На груз. яз.

машней утвари, яств, одежды, обуви доминируют заимствованные слова; связь с лексикой других картвельских языков в этой области минимальная”⁶⁵. Множество грузинизмов можно насчитать и в мегрельском, где они частично затрагивают основной словарный фонд языка (ср. мегр. *ķiser-i* 'шея', *saḡb-i* 'бровь', *zval-i* 'кость' и др.). Меньший удельный вес выявляет усвоенная лексика в сванском. Здесь это прежде всего грузинизмы, отчасти восходящие еще к древнегрузинскому (ср. *ḡendḡaj* 'прощение', *ḡoj* 'время') и все более распространяющиеся в новое время, а также мегрелизмы. Незначительные лексические группы восходят в сванском к тюркскому, осетинскому и абхазско-адыгскому источникам. В позднейшее время через посредство русского в картвельские языки проникло большое число интернационализмов.

ГЛАВА IV

НАХСКО-ДАГЕСТАНСКИЕ ЯЗЫКИ

Генетическое единство нахско-дагестанских (по иной терминологии — восточнокавказских) языков уже давно не вызывает каких-либо сомнений, что и дает основания рассматривать их в качестве единой группы кавказских языков. Хотя еще П.К. Услар утверждал, что "грамматически чеченский язык должен быть причислен к группе дагестанских"¹, одна из их подгрупп — нахские языки — нередко обособляется в самостоятельную группу кавказских языков, исходя из точки зрения, согласно которой она отстоит от остальных языков, называемых дагестанскими, несколько более далеко. Нахско-дагестанские языки распадаются на несколько подгрупп, обнаруживающих более близкую степень родства входящих в них языков — нахскую, авароандоцезскую, лакско-даргинскую, лезгинскую, а также хиналугскую, представленную единственным языком. Необходимо учитывать и то обстоятельство, что хотя большинство исследователей полагают в настоящее время, что лакский и даргинский образуют единую подгруппу, это мнение до сих пор не было сколько-нибудь строго обосновано.

В состав нахской подгруппы входят близкородственные чеченский и ингушский языки, а также бацбийский. Оба первых, объединяемых термином "вейнахские языки", представлены в Чечено-Ингушской АССР; диалекты чеченского языка известны, кроме того, в пределах Грузинской ССР и Дагестанской АССР, а на бацбийском говорят лишь в сел. Земо-Алвани Грузинской ССР. Авароандоцезскую подгруппу составляют тринадцать языков: аварский, восемь андийских (собственно андийский, ботлихский, годоберинский, каратинский, ахвахский, багвалинский, тиндинский и чамалинский) и пять цезских или дидойских (собственно цезский, хваршинский, гинухский, бежтинский и гунзибский). Необходимо заметить, что некоторые авторы рассматривают годоберинский язык в качестве диалекта

⁶⁵ Чикобава А.С. Чанско-мегрельско-грузинский сравнительный словарь. Тбилиси, 1938, с. 445.

¹ Ср.: Магомедов А.А. Неизданные письма П.К. Услара. — Изв. АН ГрузССР, ОЛЯ, 1968, № 5, с. 200.

машней утвари, яств, одежды, обуви доминируют заимствованные слова; связь с лексикой других картвельских языков в этой области минимальная”⁶⁵. Множество грузинизмов можно насчитать и в мегрельском, где они частично затрагивают основной словарный фонд языка (ср. мегр. *ķiser-i* 'шея', *saḡb-i* 'бровь', *zval-i* 'кость' и др.). Меньший удельный вес выявляет усвоенная лексика в сванском. Здесь это прежде всего грузинизмы, отчасти восходящие еще к древнегрузинскому (ср. *ḡendḡaj* 'прощение', *ḡoj* 'время') и все более распространяющиеся в новое время, а также мегрелизмы. Незначительные лексические группы восходят в сванском к тюркскому, осетинскому и абхазско-адыгскому источникам. В позднейшее время через посредство русского в картвельские языки проникло большое число интернационализмов.

ГЛАВА IV

НАХСКО-ДАГЕСТАНСКИЕ ЯЗЫКИ

Генетическое единство нахско-дагестанских (по иной терминологии — восточнокавказских) языков уже давно не вызывает каких-либо сомнений, что и дает основания рассматривать их в качестве единой группы кавказских языков. Хотя еще П.К. Услар утверждал, что "грамматически чеченский язык должен быть причислен к группе дагестанских"¹, одна из их подгрупп — нахские языки — нередко обособляется в самостоятельную группу кавказских языков, исходя из точки зрения, согласно которой она отстоит от остальных языков, называемых дагестанскими, несколько более далеко. Нахско-дагестанские языки распадаются на несколько подгрупп, обнаруживающих более близкую степень родства входящих в них языков — нахскую, авароандоцезскую, лакско-даргинскую, лезгинскую, а также хиналугскую, представленную единственным языком. Необходимо учитывать и то обстоятельство, что хотя большинство исследователей полагают в настоящее время, что лакский и даргинский образуют единую подгруппу, это мнение до сих пор не было сколько-нибудь строго обосновано.

В состав нахской подгруппы входят близкородственные чеченский и ингушский языки, а также бацбийский. Оба первых, объединяемых термином "вейнахские языки", представлены в Чечено-Ингушской АССР; диалекты чеченского языка известны, кроме того, в пределах Грузинской ССР и Дагестанской АССР, а на бацбийском говорят лишь в сел. Земо-Алвани Грузинской ССР. Авароандоцезскую подгруппу составляют тринадцать языков: аварский, восемь андийских (собственно андийский, ботлихский, годоберинский, каратинский, ахвахский, багвалинский, тиндинский и чамалинский) и пять цезских или дидойских (собственно цезский, хваршинский, гинухский, бежтинский и гунзибский). Необходимо заметить, что некоторые авторы рассматривают годоберинский язык в качестве диалекта

⁶⁵ Чикобава А.С. Чанско-мегрельско-грузинский сравнительный словарь. Тбилиси, 1938, с. 445.

¹ Ср.: Магомедов А.А. Неизданные письма П.К. Услара. — Изв. АН ГрузССР, ОЛЯ, 1968, № 5, с. 200.

ботлихского, а гунизбский — качестве диалекта бежтинского. Основной ареал распространения авароандоцезских языков — западная полоса горного Дагестана с выходом их отдельных энклавов в Азербайджанскую и Грузинскую ССР, а также в Чечено-Ингушскую АССР. Лакско-даргинскую группу образуют лакский и даргинский языки (следует отметить определенную условность понятия даргинского языка, характеризующегося настолько сильной диалектной дифференциацией, что часть дагестановедов вычлениют здесь на правах самостоятельных языков чирагский, мегебский, а иногда и кубачинский), локализующиеся преимущественно в центральной части горного Дагестана. В лезгинскую подгруппу входят девять языков, которые распадаются на несколько более тесно связанных мелких генетических группировок: лезгинский, агульский, табасаранский (так называемые восточнолезгинские языки), цахурский, рутульский (цахурско-рутульская ветвь), крызский, будухский (шахдагские языки) и, наконец, обособленно стоящие арчинский и удинский языки. Современный ареал их распространения может быть грубо очерчен как юг Дагестанской АССР и север Азербайджанской ССР (удинский язык представлен частично и в пределах Грузинской ССР). Занимающий изолированную позицию хиналутский язык, еще в недавнем прошлом обычно рассматривавшийся в качестве ингредиента лезгинской подгруппы, представлен в сел. Хиналут в северо-восточной части Азербайджанской ССР. Нельзя не упомянуть, что носители целого ряда нахско-дагестанских языков, например, чеченского, аварского и лакского, представлены также в некоторых странах Ближнего Востока (в частности, в Турции насчитывают до 10 тыс. аварцев²). Общее число говорящих на нахско-дагестанских языках приближается в настоящее время к цифре порядка 2 млн. 700 тыс. человек (оценка), из которых на территории СССР насчитывается 2 млн. 600 тыс. человек.

Характерной чертой нахско-дагестанского языкового ландшафта является высокая степень его диалектной пересеченности, обусловленная факторами как общественного, так и географического порядка. Диалектная раздробленность достигает своего максимума в аварской и даргинской языковых областях, где взаимопонимание говорящих в ряде случаев сильно затруднено. В настоящее время наиболее продвинуты диалектологические исследования аварского, лакского, даргинского и лезгинского языков³.

Обычно предполагается, что в становлении современных нахско-дагестанских языков решающую роль играли процессы дивергенции их праязыкового состояния. Однако отставание их сравнительно-исторического исследования пока не позволяло не только проследить конкретные пути его исторической филиации, но и определить степень взаимного родства отдельных языковых подгрупп — нахской, авароандоцезской, лакской, даргинской, лезгинской и хиналутской (хотя промежуточная позиция лакского и даргинского между авароандоцезской и лезгинской подгруппами обычно

² Charachidzé G. Grammaire de la langue avar (langue du Caucase Nord-Est). Paris, 1981, p. 13.

³ Ср.: Микаилов Ш.И. Очерки аварской диалектологии. М.; Л., 1959; Он же. Сравнительно-историческая морфология аварских диалектов. Махачкала, 1964; Хайдаков С.М. Очерки по лакской диалектологии. М., 1966; Гасанова С.М. Очерки даргинской диалектологии. Махачкала, 1971; Гайдаров Р.И. Ахтынский диалект лезгинского языка. Махачкала, 1961; Мейланова У.А. Очерки лезгинской диалектологии. М., 1964; Магомедов А.А. Кубачинский язык: Исследование и тексты. Тбилиси, 1963; Он же. Мегебский диалект. Исследование и тексты. Тбилиси, 1983.

не вызывает сомнений). Решение этих вопросов в определенной степени будет, по-видимому, зависеть от выяснения места нахских языков среди остальных нахско-дагестанских, остающегося в специальной литературе предметом дискуссии. Если одни авторы рассматривают их в качестве равноправных ингредиентов этой языковой группы, то другие придерживаются точки зрения об их более отдаленном родстве с дагестанскими (вплоть до обособления их в самостоятельную группу кавказских языков). Можно полагать, что в ходе решения этой интересной проблемы придется считаться с тем обстоятельством, что известная специфика нахских языков по сравнению с дагестанскими (ср., например, такие фонетические характеристики, как довольно бедная относительно большинства последних система консонантизма, процессы позиционной дезагглютивизации древних смычногортанных, наличие ряда характерных комплексов согласных, а также некоторые черты грамматического строя) может быть обязана в какой-то мере аланскому, т.е. старосетинскому языковому субстрату. Продолжающиеся исследования показывают большую сложность реконструкции сколь угодно единого "промежуточного" праязыкового состояния для лакского и даргинского языков, что серьезно затрудняет сведение обоих в единую подгруппу нахско-дагестанских языков. Можно упомянуть, что недавно была высказана и точка зрения о существовании в прошлом "промежуточного" нахско-лакского единства⁴. Наряду с общепринятым ныне признанием принадлежности арчинского языка к числу лезгинских, у него усматривают определенные связи и с более северными подгруппами нахско-дагестанских языков — авароандопезской и лакско-даргинской⁵. Недавно была приведена некоторая совокупность разноуровневых свидетельств в пользу обособления хиналугского языка в ранг самостоятельной подгруппы нахско-дагестанских языков⁶.

Длительность процесса дивергенции нахско-дагестанских языков можно представить себе, исходя из того, что эпоху "распада" прадагестанского языкового состояния Е.А. Бокарев относит к III тысячелетию до н.э., а Б.К. Гигинейшвили определяет ее последней четвертью III тысячелетия до н.э.⁷

Из всей совокупности нахско-дагестанских языков лишь один — удинский, — по всей вероятности, располагал древнеписьменной традицией. Исторические источники единодушно свидетельствуют о том, что язык немногочисленных дошедших до нас памятников письменности Агвани (Кавказской Албании) должен был отражать собой древнеудинское состояние. Эти сведения подтверждаются и начавшейся дешифровкой агванской (кавказско-албанской) письменности, представлявшей собой оригинальное грецизованное ответвление арамейской графической основы, обнаруженные памятники которой относятся, по-видимому, к эпохе VII—

⁴ Fühnrich H. Zum Verhältnis zwischen Nachisch und Lakisch. — Zeitschr. für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung. 1983, Bd. 36, H. 2.

⁵ Ср.: Кахадзе О.И. Арчинский язык и его место среди родственных дагестанских языков. Тбилиси, 1979, с. 515—528.

⁶ Алексеев М.Е. К классификации лезгинских языков. — ВЯ, 1984, № 5.

⁷ Гигинейшвили Б.К. Сравнительная фонетика дагестанских языков. Тбилиси, 1977, с. 25—26.

IX вв. н.э.⁸ В промежутке между XII–XV вв. вместе с проникновением в Чечено-Ингушетию и Дагестан христианства здесь получил некоторое распространение грузинский литературный язык (к настоящему времени в Дагестане выявлено около пятидесяти грузинских надписей). С XI в. в связи с начавшимся проникновением ислама здесь стала распространяться арабская грамотность, с течением времени ставшая обслуживать и нужды местной светской литературы. Однако зачатки письменности на нахско-дагестанских языках (аварском, лакском, даргинском) с использованием арабской графики, восходящие к XV–XVI вв., получили в дальнейшем ограниченное применение. Не получили какого-либо практического использования алфавиты, созданные для ряда этих языков П.К. Усларом во второй половине прошлого столетия⁹.

В настоящее время статус младописьменных литературных языков имеют чеченский, ингушский, аварский, лакский, даргинский, лезгинский и табасаранский языки. В XX столетии их письменность первоначально была построена на основе арабской графики (так называемого нового аджама), замещенной затем с 1928 г. латиницей. Наконец, в 1936–1938 гг. был осуществлен ее переход на кириллическую основу, создавший базу единой грамотности говорящих на национальном и русском языках. Нормы чеченского литературного языка оказались ориентированными на характерные черты диалекта плоскостной Чечни. Создание ингушского литературного языка было облегчено фактом отсутствия в ингушском диалектов. Аварский литературный язык сформировался на базе так называемого "болмаца" (авар. *bol mac* 'общественный язык') — уже значительно ранее сложившегося межплеменного *lingua franca*, обслуживавшего как аварцев, так и целый ряд соседних более мелких народностей. Лакский литературный язык опирается прежде всего на нормы кумухского диалекта. Даргинский литературный язык складывается при преимущественной ориентации на акушинский диалект при постоянно возрастающем удельном весе ряда других диалектов. В основу лезгинского литературного языка был положен пользовавшийся среди лезгин историческим престижем гюнейский диалект. Табасаранский литературный язык опирался в своем становлении на говоры южного диалекта, хотя в нем получили отражение и некоторые особенности северного. Ныне все литературные нахско-дагестанские языки переживают этап интенсивного развития. На них функционируют печать (отражающая разножанровую литературу), радио, телевидение, театр.

Несмотря на значительное разнообразие фонологических систем нахско-дагестанских языков, они могут быть в принципе охарактеризованы как хорошо развитые¹⁰ в отношении консонантизма и относительно небогатые в плане вокализма. Необходимо, однако, отметить, что в некоторых случаях (особенно в нахских и авароандоцезских языках) представлены и достаточно разветвленные вокалические системы. Объединяет эти языки

⁸ *Абрамян А.Г.* Дешифровка надписей кавказских агван. Ереван, 1964, *Климов Г.А.* К состоянию дешифровки агванской (кавказско-албанской) письменности. — ВЯ, 1967, № 3; *Муравьев С.Н.* Три этюда о кавказско-албанской письменности. — ЕИКЯ, 1981. VIII.

⁹ Ср.: *Саидов М.-С.* Из истории возникновения письменности у народов Дагестана. — Языки Дагестана. Махачкала, 1976, вып. III.

и ряд особенностей значительно слабее изученной их фонологической синтагматики.

Число гласных фонем варьирует по языкам от трех, засвидетельствованных в южных диалектах аварского, до тридцати с небольшим, хотя в большинстве случаев оно колеблется в пределах десяти-пятнадцати. Наибольшим богатством вокализма отличаются нахские языки (в чеченском — 33 гласных фонемы, в ингушском — 28, в баббийском — 21), с одной стороны, и авароандоцезские (в гунзибском — 24 гласных, в бежтинском — 18) — с другой. Усложненность ряда вокалических систем обуславливается здесь противопоставлением долгих гласных кратким (напр., в некоторых андийских и цезских языках), назализованных — неназализованным (напр., в баббийском, некоторых андийских и цезских), фарингализованных — нефарингализованным (напр., в цезском, лакском, диалектах даргинского, ряде лезгинских языков), лабиализованных — нелабиализованным. Поскольку фарингализованные гласные сложно взаимодействуют в ряде языков с соседними согласными заднего образования, в специальной литературе продолжается дискуссия о локализации признака фарингализации¹⁰.

Не всегда ясен и статус лабиализованных. Нередко дифференциальные признаки долготы или назализации имеют сравнительно ограниченную функциональную нагрузку (в ряде случаев долгие и назализованные гласные трактуются как вторичные, полученные в результате комбинаторных преобразований). В некоторых языках, например в авароандоцезских, гласные анлаута произносятся обычно с твердым приступом. Подлинные дифтонги налицо, по-видимому, только в чеченском и ингушском языках¹¹. Следует учесть, однако, что в описательных дагестановедческих исследованиях дифтонгами, как правило, называют двухфонемные последовательности в составе гласного и одного из глайдов, т.е. сочетания типа *aj*, *ja*, *aw*, *wa*. Представление об акустических характеристиках гласных фонем в нахско-дагестанских языках дает таблица арчинского вокализма (табл.).

Повсеместно представлены здесь фонемы *a*, *i* и *u*. Очень широко функционирует по языкам и гласный среднего ряда среднего подъема *ə* (в отдельных случаях совпадающий с русским *ы*), во многих работах описательного плана ошибочно квалифицируемый в качестве иррационального. В целом ряде случаев очевидны позиционные основания функционирования долгих и назализованных гласных. Умлаутизованные фонемы, характеризующие ряд лезгинских языков (особенно — локализованных в Азербайджане) и хиналугский, по-видимому, обязаны своим происхождением воздействию азербайджанского¹². В этих же языках наблюдается непосредственное проведение гармонии гласных.

¹⁰ Ср.: *Ибрагимов Г.Х.* Фарингализованные звуки в цахурском и рутульском языках. — ЕИКЯ, 1974, т. I.

¹¹ Ср.: *Дешериев Ю.Д.* Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. Грозный, 1963, с. 176–222; *Дешериев Г.И.* Сравнительно-типологическая фонетика чеченского и русского языков. Грозный, 1965.

¹² Ср.: *Магометов А.А.* Влияние азербайджанского языка на вокализм хиналугского языка. ЕИКЯ, 1982, т. IX.

	Передние		Непередние			
			нелабиализованные		лабиализованные	
	краткие	долгие	краткие	долгие	краткие	долгие
Верхние	i	ī			u	ū
Средние	e	ē	ə		o	ō
Нижние			a	ā		

Несмотря на известное отставание соответствующих экспериментальных работ, можно сказать, что артикулярные и акустические характеристики гласных в этих языках в целом сравнительно близки, хотя и обнаруживают иногда свою специфику даже по отношению к ближайшим родственным языкам. Так, например, "арчинские передние гласные (/i/, /e/) имеют несколько более заднюю локализацию, чем передние в других лезгинских языках, и, коартикулируя с предшествующими согласными, не палатализируют их либо палатализируют умеренно. Непередние нелабиализованные (/a/, /ə/) локализируются в центральном ряду. Непередние лабиализованные (/u/, /o/) занимают задний неглубокий ряд (в отличие от глубоких задних в других лезгинских языках), при коартикуляции с предшествующими согласными они не придают им оттенка веляризованности. Средние гласные (/e/, /o/) в основном виде произносятся без сдвига в сторону сужения или расширения. Нижний гласный /a/ представлен нормальным широким звуком (в отличие от суженного (средне-нижнего) звука соседнего лакского языка)¹³. Признаки назализации и долготы гласных выражены по языкам не в одинаковой степени.

По-видимому, на правах архаичного явления, восходящего еще к праязыковому состоянию, в большинстве нахско-дагестанских языков функционируют морфологически значимые вокалические чередования (аблаут). Чаще всего они служат для разграничения прямой и косвенной основ имени существительного (ср. чеч. *тиох* 'ветер' ~ род. пад. *тех-иⁿ*, авар. *holo* 'горох' ~ эрг. пад. *hali-sa*, лак. *бару* 'солнце' ~ род. пад. *бару-ил*) или его основ единственного и множественного числа (ср. дарг. *qəl* 'корова' ~ *qul* 'коровы', авар. *qala* 'крепость' ~ *qul-bi* 'крепости'). В отдельных случаях, особенно характерных для аварского языка, такие чередования сопровождаются уподоблением второго гласного словоформы, ср.: авар. *beŋer* 'голова' ~ род. пад. *boŋr-ol*, абс. пад. мн. числа *buŋr-ul*. Во многих языках известны также глагольные вокалические чередования, служащие для разграничения глагольных видов или способов действия, ср.: чеч. *ladaⁿ* 'капнуть' ~ *liedaⁿ* 'капать (итератив)'; авар. *tirize* 'крутить' ~ *tereze* (длит. форма); дарг. *bares* 'сделать' ~ *bires* 'делать'.

¹³ Кибрик А.Е., Кодзасов С.В., Оловяникова И.П., Самедов Д.С. Опыт структурного описания арчинского языка: Лексика. Фонетика. М., 1977, т. I, с. 214.

Богатство консонантных систем нахско-дагестанских языков обусловлено широким спектром используемых артикуляционных зон, в число которых входят, в частности, латеральная, увулярная, фарингальная и ларингальная. Кроме того, многие ряды противопоставлений здесь нередко удваиваются за счет различия соответствующих лабиализованных и нелабиализованных фонем. В итоге, например, в агульском языке насчитывают 73 согласных в арчинском — 70, в лезгинском и рутульском — по 60, в табасаранском — 55. Наиболее ограниченным инвентарем консонантов характеризуются нахские языки. Предполагается, что в истории нахско-дагестанского консонантизма имели место процессы постепенного передвижения более задних артикуляций в более передние (одно из заметных в этом отношении исключений образует отражение древних латералов).

Смычные согласные здесь обычно представлены троечными, а иногда и четверечными оппозициями. Если троечная система строится противопоставлением звонкого, глухого придыхательного и смычно-гортанного членов (ср. $b \sim p \sim p$, $d \sim t \sim t$, $g \sim k \sim k$), то четверочная возникает в условиях присоединения к ним глухого непридыхательного типа соответствующего русского (ср. $b \sim p \sim \bar{p} \sim p$, $d \sim t \sim \bar{t} \sim t$, $g \sim k \sim \bar{k} \sim k$). Аффрикаты наряду с троечной образуют иногда четверочную и даже пятерочную систему оппозиций в виду возможности геминии глухого придыхательного и смычно-гортанного членов: $\text{ʒ} \sim \text{č} \sim \text{č} \sim \text{č} \sim \text{č}$. Спиранты обычно выявляют бинарную или тернарную систему противопоставлений в составе соответствующих звонкого и глухого негеминированного членов, к которым может также присоединяться глухой геминированный. Уместно заметить, впрочем, что под встречающийся в специальной литературе термин "геминированный согласный", как отмечает Е.А. Бокарев, подводятся совершенно различные группы согласных. Геминированными в собственном понимании этого слова могут быть спиранты или аффрикаты, отличающиеся особым напряжением артикулирующих органов и соответственно большей длительностью (к ним не относятся просто удвоенные согласные, например *лл*, *мм* и т.п.). Они обозначаются обычно удвоением соответствующих букв (*сс*, *цц*, *хх*). Геминированных смычных в дагестанских языках, строго говоря, не существует. Так иногда называют смычные непридыхательные, например *тт*, *кк* в лакском, лезгинском, или же аффрикаты, например, *кк*, *к'к'* в аварском. Вместо термина "геминированные" встречаются также термины "сильные", "твердые", "напряженные" и т.д.¹⁴

Латеральные согласные представлены в бацбийском языке, во всех авараноцезских (так, например, в ахвахском зафиксировано шесть латералов), а также в арчинском. Довольно широким набором во всех нахско-дагестанских языках выступают увулярные согласные. Как правило, налицо также фарингальные и ларингальные консонанты.

В консонантизме этих языков довольно широко распространены две специфические черты. С одной стороны, это фонологическая ущербность

¹⁴ Бокарев Е.А. Дагестанские языки: Введение. — В кн.: Языки народов СССР. М., 1967, т. IV. Иберийско-кавказские языки, с. 249.

звонких аффрикат **З** и **Ѕ**, во многих случаях более или менее свободно чередующихся со спирантами **z** и **ž** (например, в удинском языке они представлены в большинстве случаев в заимствованном и дескриптивном материале). С другой стороны, бросается в глаза очень незначительная фонологическая нагрузка по языкам смычно-гортанного **p**. Напротив, некоторые другие своеобразные черты их консонантизма оказываются локально ограниченными. Так, в части языков, например в аварском и андийских, вместо увулярных смычных налицо увулярные аффрикаты. В ряде случаев встречаются палатализованные согласные (если в цахурском они фонологизованы, то, например, в тиндинском и багвалинском они выступают лишь на фонетическом уровне). В отдельных андийских языках засвидетельствованы смычно-гортанные спиранты **ʃ** и **ʒ**. Яркую специфику табасаранского языка составляет имеющаяся здесь серия дентолабиализованных шипящих спирантов и аффрикат (всего шесть фонем), отличных от простых лабиализованных. В тиндинском языке отмечено наличие межзубного спиранта типа английского звонкого **th**.

В плане частотной характеристики употребления фонем нахско-дагестанские языки обнаруживают заметные различия. Так, в аварском в первую десятку наиболее часто встречающихся согласных входят фонемы **p, l, b, r, d, g, h, w, s** и **l**, в лакском ее составляют **p, l, r, w, b, j, ɟ, d, t̪** и **q**, в даргинском — **p, l, r, b, s, d, w, h, z** и **m**, в лезгинском — **r, n, d, l, w, z, m, j, s** и **k**, в табасаранском — **r, n, d, ɣ, b, j, l, z, ʃ** и **m**, в удинском **p, b, x, l, t, k, r, t̪, m** и **s**. Обращает на себя внимание тот факт, что среди этих фонем почти не представлены абруптивы.

Несмотря на слабую обследованность рассматриваемых языков (за исключением нахских¹⁵) в плане фонологической синтагматики, можно утверждать, что они существенно отличаются от картвельских и абхазско-адыгских языков. Бросается в глаза их тенденция избегать консонантные последовательности. Здесь двухчленные сочетания согласных обычно содержат сонорный. Наиболее заметные исключения из этого правила характеризуют нахские языки, где встречаются комплексы согласных **xk, xk̆, rx, r̆x, st, ɟq** и некоторые другие. В лезгинских языках консонантные последовательности нередко оказываются результатом редукции гласного в предударном слоге. Преобладают корни фонетической структуры **CV** и **CVC(V)**, первая из которых особенно характерна для глаголов. Развита тенденция к консонантному анлауту слова, одним из проявлений которой служит "твердый" приступ начального гласного слова. По языкам распространено позиционное оглушение и реже — озвончение согласных, а также метатеза (особенно сонорных в консонантном комплексе).

Ударение в большинстве нахско-дагестанских языков должно быть охарактеризовано как слабо выраженное динамическое и разноместное, ср.: авар. **ruːnəl** 'раны' (абс. пад. мн. ч.) ~ **ruːnəl** 'раны' (род. пад. ед. ч.), дарг. **waːʃib** 'пришел' ~ **waːʃib** 'пришедший'. В ряде случаев — особенно отчетливо дающих о себе знать в авароандоцезском ареале — труд-

¹⁵ Ср.: *Чрелашвили К.Т.* Система согласных в нахских языках. Тбилиси, 1975, с. 132–275. На груз. яз.

ности определения его позиции обусловлены его сложным взаимодействием с тоновыми различиями¹⁶. Иногда закономерности ударения оказываются здесь связанными с определенными классами слов. Так, в годоберинском языке в именах существительных акцент приходится на второй от начала слог, а в глаголах — на последний или предпоследний¹⁷. Несколько лучше изучены закономерности ударения в лезгинских языках. Например, арчинский язык характеризуется ударением на первом или втором слоге слова (причем оно может падать только на корень, или — при определенных условиях — на непосредственно следующий за ним грамматический аффикс)¹⁸. В лезгинском языке оно, как правило, закреплено за вторым от начала слова слогом, ср.: лезг. *tüqün* 'глотать', *bubá* 'отец', *četin* 'трудный', *tilífuq* 'телефон', *lampá* 'лампа'¹⁹. При этом характерное для лезгинского явление редукции гласных в предударном слоге служит свидетельством его достаточной силы. В удинском языке ударение в большинстве случаев соотносится с последним слогом слова. В заимствованной лексике ударение часто сохраняет его позицию в языке-источнике (последнее особенно касается тюркизмов).

Среди наиболее общих путей исторической эволюции фонологических систем нахско-дагестанских языков можно, по-видимому, назвать тенденцию к некоторому упрощению инвентаря согласных фонем (ср., в частности, широко представленный процесс делатерализации исторических латеральных, ныне утраченных в вейнахских языках, лакском, даргинском и в лезгинских за исключением арчинского, а также случаи утраты лабиализованных согласных)²⁰. В некоторых случаях предполагается постепенное передвижение артикуляционных характеристик консонантов вперед. Существенно оговориться в этой связи, что нередко исследователи сталкиваются здесь с такой ситуацией, когда "показания одной части языков не находят подкрепления в другой части, т.е. показания относятся к разным формулам звукосоответствий"²¹. Некоторые специфические линии развития прослеживаются в фонетическом строе отдельных языковых подгрупп²².

Нахско-дагестанские языки характеризуются хорошо развитой морфологической системой. Ее бросающейся в глаза особенностью является

¹⁶ Кибрик А.Е., Кодзасов С.В., Старостин С.А. О просодической структуре слова в дагестанских языках. — В кн.: Публикации Ин-та рус. яз. АН СССР, 1978, вып. 115.

¹⁷ Саидова П.А. Годоберинский язык: Грамматический очерк. Тексты. Словарь. Махачкала, 1973, с. 36—39.

¹⁸ Кибрик А.Е. и др. Опыт структурного описания арчинского языка, с. 264.

¹⁹ Жирков Л.И. Законы лезгинского ударения. — В кн.: Язык и мышление. М.; Л., 1940, т. X.

²⁰ Ср.: Бокарев Е.А. Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. Махачкала, 1961; Он же. Сравнительно-историческая фонетика восточно-кавказских языков. М., 1981; Гигинейшвили Б.К. Сравнительная фонетика дагестанских языков.

²¹ Гигинейшвили Б.К. Указ. соч., с. 133.

²² Ср.: Гудава Т.Е. Консонантизм андийских языков: Историко-сравнительный анализ. Тбилиси, 1964; Он же. Историко-сравнительный анализ консонантизма дидойских языков. Тбилиси, 1979; Имнашвили Д.С. Историко-сравнительный анализ фонетики нахских языков. Тбилиси, 1977; Талибов Б.Б. Сравнительная фонетика лезгинских языков. М., 1980.

исключительное богатство именного словоизменения. При преобладании в морфологии принципа агглютинации немалая роль принадлежит здесь и чертам флективности, отчетливо проявляющимся как в глаголе, так и в имени (последние, как правило, имеют архаичный характер, ср. прежде всего аблаутные чередования в глаголе). Если в имени существительном словоизменение исключительно суффиксальное, то в глаголе и прилагательном используются и префиксы. Степень синтеза в глагольных и именных словоформах существенно варьируют по языкам.

Имя существительное различает здесь морфологические категории числа и падежа. Часть прилагательных, некоторые местоимения и числительные располагают также категорией класса (в субстантивах отглагольного происхождения встречаются окаменелые классные экспоненты). В системе именного словоизменения принцип агглютинации проводится, по-видимому, более последовательно, чем в глагольном.

Категория числа свойственна имени существительному всех этих языков и сводится к противопоставлению форм единственного и множественного чисел. В целом весьма заметен и удельный вес субстантивов, часто выступающих в единой форме обобщенного числа (ср. хин. *ħajwan* 'животное', *ħuwal* 'овца' и др.). Во многих языках наряду с присоединением суффикса множественности в той или иной мере распространена и перегласовка корня, ср.: авар. *ebel* 'мать' ~ *ulb-ul* 'матери', *hoko* 'арба' ~ *hak-al* 'арбы', сег 'лиса' ~ *cur-dul* 'лисы'. В целом ряде случаев форма множественного числа существительного осложняется так называемыми вставками или наращенными (ср. инг. *paβ* 'сон' ~ *paβ-ar-aš*, *lo* 'выкройка' ~ *l-ar-aš*, цез. *nešu* 'серп' ~ *nešu-ma-bi*, са 'звезда' ~ *sa-dura-bi*). Однако случаи радикальной перестройки основы очень редки (ср. лак. *č^wu* 'лошадь' при *dučri* 'лошадь').

В целом имя существительное характеризуется здесь существенно различающимися наборами показателей множественности. Наиболее богаты суффиксами множественного числа — особенно, если учесть и диалектный материал, — лакский и даргинский языки, располагающие их тремя с лишним десятками²³. Довольно много их и в арчинском языке. Представляется, что такое многообразие отражает собой этап неунифицированности соответствующих формантов, существенно варьирующих от одной подгруппы языков к другой. Различия в степени унифицированности показателей плюралиса дают о себе знать даже в рамках отдельных языковых подгрупп. Подобная картина налицо, например, в цезских языках. Так, в трех из них — цезском, гинухском и хваршинском — этих формативов очень немного (в цезском подавляющее число субстантивов образует плюралис суффиксом *-bi*, и лишь немногие имеют *-a*; в гинухском почти все имена существительные присоединяют показатель *-be*; в хваршинском диалекте хваршинского языка соответствующим окончанием служит *-ba*). Однако в гунизбском языке в этой роли выступают уже восемь различных формативов, а в бежтинском — даже четыр-

²³ Ср.: Гвинджилия Л.С. Образование множественного числа существительных в даргинском и лакском языках. Тбилиси, 1978. На груз. яз.; Мусаев М.-С.М. Именное словоизменение даргинского языка: Категория числа. Махачкала, 1980.

надцать²⁴. Довольно унифицированная картина наблюдается в этом отношении в восточнолезгинских языках. Так, в табасаранском налицо основной показатель множественности -аг, имеющий три вариации, зависящие от характера огласовки корня субстантива. В лезгинском выступают суффиксы -ег (в именах с корневым гласным переднего ряда, ср. *γil-eg* 'руки'), -аг (в именах с гласным заднего ряда, ср. *sal-ag* 'огороды') и -јаг (в словах с исходом на гласный, ср. *buba-jaγ* 'отцы'). Еще один показатель плюралиса -bug выступает при субстантивированном употреблении здесь прилагательных. Очень сходное распределение форматов характеризует образование форм множественного числа и в агульском языке. В ряде лезгинских языков, испытывающих заметное воздействие со стороны тюркских, в лексемах, усвоенных из последних, употребителен и соответствующий тюркский показатель множественности, ср. таб. *daγ-lar* 'горы', *baγ-lar* 'сады'.

Падежные системы располагают здесь богатейшими парадигмами, чем представляют особый интерес для разработки общей теории падежа²⁵. Число падежей достигает в отдельных языках сорока и более единиц (в табасаранском языке — до сорока восьми, в лакском — около сорока, в лезгинском и агульском — по двадцать восемь). Принято различать основные или грамматические падежи, передающие субъектно-объектные отношения, и локативные, передающие пространственные отношения денотатов. К числу основных здесь относятся абсолютный, эргативный, дательный, родительный и встречающиеся иногда творительный и аффективный. Абсолютный падеж служит падежом подлежащего фактативного (непереходного) глагола, а также падежом "прямого" дополнения при агентивном (переходном). Эргатив оформляет подлежащее агентивного глагола и "косвенное" — особенно инструментальное — дополнение. Дательный здесь обычно называют падеж, обладающий широкой направительной семантикой. Родительный падеж характеризуется отсутствием у него объектной функции при возможности его замены абсолютным и в субъектной. Таким образом, оба последних падежа функционально существенно отличны от датива и генитива номинативных языков. В языках, где известен самостоятельный, т.е. не совпадающий с эргативом, творительный падеж, последний имеет довольно узкую функцию орудийности. Существующий в некоторых языках (например, в большинстве андийских, в цахурском) особый аффективный падеж оформляет подлежащее при аффективном глаголе. Спецификой ряда андийских языков является наличие параллельной формы родительного падежа, различающей классные показатели согласования с именным классом определяемого (она употребляется лишь в именах существительных I класса, ср. анд. *it̪u-w woçi* 'отца брат' при *it̪u-j̪ joçi* 'отца сестра'). Два генитива констатируют и в цезских языках, где форматив одного из них характеризует субстантив-определение к существительному в форме абсолютного падежа, а форматив второго — субстантив-определение к существительному в форме

²⁴ Бокарев Е.А. Цезские (дидойские) языки Дагестана. М., 1959, с. 268.

²⁵ О падежных системах здесь см., например: Дешериева Т.И. Структура семантических полей чеченских и русских падежей. М., 1974; Именное склонение в дагестанских языках. Махачкала, 1979.

косвенного. Наконец, два генитива различаются в будухском и хиналугском языках, где они дифференцируют отношения органической и неорганической принадлежности. Особенность лакского языка составляет формальное совпадение эргатива и генитива.

Общей особенностью системы склонения нахско-дагестанских языков считается склонение по принципу двух основ, одна из которых формально-немаркированная, т.е. прямая, характеризует абсолютный падеж, а вторая, ложащаяся в основу образования всех остальных падежей, характеризует эргативный. Ср., например, его реализацию в агульском языке:

Абс. пад. gaga 'отец'	čal 'пояс'	zaw 'небо'
Эрг. пад. gaga-di	čal-i	zaw-u
Род. пад. gaga-di-n	čal-i-n	zaw-u-n
Дат. пад. gaga-di-s	čal-i-s	zaw-u-s ²⁶ .

Небольшую группу падежей, промежуточных между основными и локативными, составляют встречающиеся здесь такие падежи, как сравнительный (в нахских языках, цезском, рутульском, хиналугском), совместный (в нахских языках, даргинском), предзначительный (в нахских языках) и предметный (в даргинском).

Большинство падежей передают пространственные отношения. Локативы, иногда называемые здесь послеложными падежами, подразделяются на несколько серий в соответствии с особым ключевым окончанием, характеризующим каждую серию и обозначающим нахождение денотата в чем-либо, на чем-либо, под чем-либо, около чего-либо, в соприкосновении с чем-либо и т.д. (в аварском языке пять таких серий, в лакском — шесть, в цезском — семь, в табасаранском — семь или восемь в зависимости от диалекта). В свою очередь внутри каждой серии имеются падежи, отвечающие на вопросы где?, куда?, к чему?, откуда? и т.д. Например, в лакском языке налицо следующие формы локативов субстантива *qāta* 'дом', входящих в серию с общим признаком -x 'за чем-либо': *qātu-x* 'за домом', *qātu-x-un* 'за дом', *qātu-x-unmaj* 'по направлению за дом', *qātu-x-ux* 'через пространство за домом', *qātu-x-a(tu)* 'из-за дома'. В серию с признаком -w 'в чем-либо' аналогичным образом входят локативы: *qātu-w-u* 'в доме', *qātu-w-un* 'в дом', *qātu-w-unmaj* 'по направлению в дом', *qātu-w-ux* 'через дом', *qātu-w-a(tu)* 'из дома'. Однако в большинстве нахско-дагестанских языков в силу происходящего процесса свертывания локативной системы эти серии представлены дефектно, так что обычно в составе каждой из них налицо только по три падежа, отвечающих на вопросы где?, куда?, откуда? Так, в частности, в бацбийском языке насчитывается всего лишь тринадцать локативов.

Падежные окончания в большинстве случаев одинаковы в обоих числах. В формах множественного числа субстантивов падежный показатель присоединяется к аффиксу множественности, ср.: чеч. *bedar-š-na* 'одеждам' (дат. пад. мн. ч.), хварш. *tuṭ-za-z* 'мухами' (твор. пад. мн. числа),

²⁶ Магомедов А.А. Агульский язык: Исследование и тексты. Тбилиси, 1970, с. 72-73.

лезг. *к'чаџ-ег-ип 'ног'* (род. пад. мн. ч.). Однако достаточно часто наблюдаются и различного рода отклонения. В частности, в некоторых случаях основа множественного числа субстантива может здесь выглядеть существенно отличным образом от основы единственного числа за счет варьирующих по своему фонетическому облику "вставок" или "наращений", трактуемых иногда вместе с конечным числовым аффиксом в качестве сугубых форм множественности, образованных посредством комбинации двух-трех соответствующих простых показателей.

Существуют некоторые основания предполагать, что в прошлом нахско-дагестанские языки характеризовались также именной категорией притяжательности, передававшейся классными экспонентами. Об этом может свидетельствовать небольшая архаическая группа имен органической принадлежности в даргинском языке, изменяющихся по соответствующим классным показателям, ср.: *w-aḥ* 'лицо мужчины', *г-aḥ* 'лицо женщины', *b-aḥ* 'морда животного', *d-aḥ* 'лицо вообще'. Сходные факты по уже окаменевшим образованиям прослеживаются в нахских, аварском и некоторых иных языках.

Нахско-дагестанский глагол характеризуется также достаточным развитием морфологии. В том или ином наборе здесь обычно представлены такие его словоизменительные категории, как класс (нередко синкретически передающий и значение числа), время, наклонение, способ действия. Морфологическая категория лица встречается довольно редко. Значение вида синкретически передается временными аффиксами. Семантика числа, как правило, передается соответствующими показателями класса или лица. Наряду с занимающей в глагольной морфологии основное место суффиксацией определенное развитие здесь получила и префиксация. В подавляющем большинстве языков прослеживается функционирование древних и вторичных аблаутных чередований, функциональная значимость которых нуждается в специальном исследовании.

В подавляющем большинстве этих языков глагол располагает классным спряжением (исключение составляют лишь удинский, лезгинский, агульский и отчасти табасаранский). При этом словоформа агентивного (переходного) глагола отражает класс "прямого" дополнения, а словоформа фактививного (непереходного) глагола — класс подлежащего (о системе именных классов см. ниже на с. 103). Ср.: авар. *dica waç w-ecula* 'я брата (I кл.) хвалю', *dica jaç j-ecula* 'я сестру (II кл.) хвалю', с одной стороны, и *dup w-uçula* 'я (I кл.) голодаю' и *dup j-uçula* 'я (II кл.) голодаю' — с другой²⁷. Таким образом, характерной особенностью эргативной структуры глагола здесь приходится признать функционирование только абсолютной серии аффиксов при отсутствии эргативной²⁸.

В лезгинском и агульском языках, если не считать некоторых особенностей выражения в них форм императива, по существу нет ни классного, ни личного спряжения (аналогичным образом выглядит и морфологичес-

²⁷ Ср.: Хайдаков С.М. Система глагола в дагестанских языках. На материале аварского, арчинского и цахурского языков М, 1975; Глагол в языках Дагестана. Махачкала, 1980.

²⁸ Климов Г.А., Алексеев М.Е. Типология кавказских языков. М, 1980, с. 236–237

кая структура так наз. неклассных глаголов, широко представленных и в остальных языках). Здесь лицо выражается обычно лексически. Исключительно личное спряжение представлено только в удинском языке. Наконец, в нескольких случаях глагол совмещает классный принцип спряжения с личным (бацбийский, лакский, даргинский, табасаранский языки, закатальские говоры аварского). Поскольку при этом личные показатели иногда очень близки к облику соответствующих личных местоимений, очевидно недавнее происхождение в этих случаях морфологической категории лица, ср.: табл. *uzu jukuga-za* 'я убиваю' при *uzu jukuga-zu* 'меня убивают', где *-za* — личный аффикс субъектной серии, а *-zu* — личный аффикс объектной. Об этом свидетельствует и то обстоятельство, что классное спряжение строится всегда в соответствии с исторически первичным префиксальным строем нахско-дагестанского глагола, в то время как личное спряжение основано на позднейшем суффиксальном (в табасаранском глаголе бросается в глаза и то, что личное спряжение здесь уже отвечает нормам номинативности, составляющей вторичный компонент нахско-дагестанской языковой структуры)²⁹.

Что касается генезиса классных показателей, то он представляется менее ясным. Из существующих в этом плане точек зрения следует упомянуть высказанную еще в 20-х годах мысль о происхождении здесь классных экспонентов из древних местоименных основ. По существу не противоречит ей и мнение, согласно которому они представляют собой "осколки" некогда существовавших самостоятельных лексем³⁰. Такая гипотеза наиболее вероятна по отношению к классным показателям *b* и *d* ($> r$). В то же время характерные экспоненты класса мужчин *w* и класса женщин *j*, нередко квалифицирующиеся как показатели классов несколько более поздней формации, то их соблазнительно генетически увязать с довольно широко распространенной в языках мира оппозицией звукотипов *w* и *j* как символов мужского и женского начал (необходимо учитывать вместе с тем, что в некоторых дагестанских языках засвидетельствован и несколько осложняющий картину чисто фонетический процесс $r > j$). В ходе наблюдающегося затухания классной системы показатели морфологической категории класса подвержены действию двойкой закономерности. В одних случаях, переставая функционировать, они сливаются с основой слова, в других они утрачиваются (последняя возможность, по-видимому, реализуется в глаголах и прилагательных, употребляемых преимущественно со строго определенной группой субстантивов).

Глагольные категории вида и способа действия (аспекта) в нахско-дагестанском языкознании обычно не получают строгого разграничения. Судя по семантике соответствующих показателей, как правило, речь идет, скорее, о категории способа действия. Так, согласно Г.Б. Муркелинскому, "почти каждый лакский глагол может выступать в трех видах (аспектах): 1) начального действия, 2) действия продолжающегося или регулярно

²⁹ Ср.: *Андагуладзе Н.Д.* Некоторые вопросы истории классного и личного спряжения в иберийско-кавказских языках. Тбилиси, 1968. На груз. яз.

³⁰ Ср.: *Dumézil G.* Introduction à la grammaire comparée des langues caucasiennes du Nord. Paris, 1933, p. 37 *passim*; *Дешериев Ю.Д.* Нахские языки. — В кн.: Языки Азии и Африки. М., 1979, т. III, с. 188.

повторяющегося, 3) действия по временам повторяющегося"³¹. "Ингушский глагол, — пишет Р.И. Долакова, — характеризуется однократным и многократным видами. Глагол однократного вида выражает неповторяющееся действие, а многократного вида — повторяющееся. Значения совершенности и несовершенности действия передаются временными формами глагола"³². Говоря условно о "видах" в бацбийском языке, Ю.Д. Дешериев подчеркивает, что "бацбийские глаголы не различаются по признаку совершенности и несовершенности действия"³³.

В наиболее общем случае в глаголе имеет место противопоставление однократного способа действия многократному. В целом ряде языков представлены также начинательный, повторительный, усилительный и некоторые другие способы действия. Число нейтральных в этом отношении глаголов существенно варьирует от одного языка к другому (так, если в лакском языке последних немного, то, напротив, в лезгинском они составляют подавляющее большинство)³⁴.

В роли показателей морфологической категории способа действия здесь выступают либо вокалические чередования в основе, либо специальные аффиксы, либо редупликация основы. В ряде случаев соответствующие аффиксы прослеживаются по существу лишь диахронически. Так, например, Л.И. Жирков, установивший общность табасаранского языка с лакским и даргинским в аффиксальном выражении длительного "вида" глагола, писал, что при сравнении с фактами этих языков мы можем догадываться, что наличие (в табасаранском. — Г.К.) *l* или *g* перед другими согласными глагольного корня есть именно указание на оформление данного глагола как глагола длительного вида, но отсутствие регулярности в этих образованиях вынуждает из области морфологии переносить эти факты в области лексики и помещать в словаре глаголы *uxuz* 'читать', *ixuz* 'говорить' ..., как отдельные слова, в настоящее время уже не выявляющие форматива длительного "вида". Сходным образом рецессивные признаки функционирования категории способа действия можно усмотреть в некоторых уже лексикализованных парах лезгинских глаголов типа *xup* 'пить' ~ *xup-ag-ɨp* 'неоднократно, много пить', *gaxup* 'говорить' ~ *gaxup-ag-ɨp* 'неоднократно, много говорить' или типа *fip* 'идти' ~ *x-fip* 'снова идти', *aɨp* 'наполняться' ~ *a-x-ɨp* 'снова наполняться'³⁵.

В нахско-дагестанских языках бросается в глаза весьма различная емкость временных парадигм глагола. Наряду с языками, располагающими ограниченными наборами временных форм (ср. аварский, андийский)³⁶,

³¹ Муркелинский Г.Б. Грамматика лакского языка: Фонетика и морфология. Махачкала, 1971, ч. I, с. 187.

³² Долакова Р.И. Ингушский язык. — В кн.: Языки народов СССР, т. IV. Иберийско-кавказские языки, с. 221.

³³ Дешериев Ю.Д. Бацбийский язык. Фонетика. Морфология. Синтаксис. Лексика. М., 1953, с. 133.

³⁴ Ср.: Хайдаков С.М. Система глагола в дагестанских языках, с. 37–78.

³⁵ Ср.: Толуриа Г.В. Основные морфологические категории лезгинского глагола. Тбилиси, 1959, с. 86–90. На груз. яз.

³⁶ Ср.: Церцвадзе И.И. Андийские языки: Грамматический анализ с текстами. Тбилиси, 1965, с. 352 и след.

арчинский и др.), здесь известны и языки с широкой временной парадигмой (ср. ингушский³⁷, лакский, табасаранский и др.). Необходимо учесть, впрочем, что в целом ряде случаев в этом отношении между исследователями имеются серьезные разногласия. В частности, даргинский глагол насчитывает, судя по разным описаниям, семь, восемь, десять или даже тринадцать дифференцированных во временном плане форм. Временные формы могут быть разделены на синтетические и аналитические. В основе последних, особенно характерных для группы презенса, обычно лежит сочетание причастия основного глагола со связкой, ср.: чеч. *qant vaqana vi* 'сын поехал' (недавнопрошедшее заглазное незавершенное), авар. *insua ɣweɬ doʔuleb wuɣo* 'отец дерево рубит' (настящее), лак. на *čičlaj uga* 'я пишу' (настоящее обычное). В образовании временных форм в ряде языков участвуют и деепричастия. Обращает на себя внимание нередкая связь форм настоящего и будущего времен. Интересна также ориентированность некоторых временных форм на передачу заглазного действия.

По-видимому, определенной степенью общности для исторического развития временных систем нахско-дагестанского глагола обладает следующее заключение М.-С.М. Мусаева по даргинскому материалу. "Есть основания полагать, — пишет автор, — что первоначально в даргинском языке различалось только два времени — прошедшее и непрошедшее, т.е. настоящее-будущее, и обе формы по своему значению были очень близки к видовым (точнее, аспектуальным. — Г.К.) формам. Форма прошедшего времени напоминала форму совершенного вида, а форма настоящего-будущего — форму несовершенного вида. Отмеченное явление достаточно наглядно подтверждается даже тем, что в современном даргинском языке формы прошедшего времени в основном образуются на базе глагольной основы совершенного вида, а формы настоящего и будущего времен — исключительно на базе глагольной основы несовершенного вида. К тому же в кубачинском и мегебском диалектах, помимо настоящего и будущего времен, функционирует еще форма настоящего общего времени, которая, очевидно, в прошлом была единственной формой, выражающей значение как настоящего, так и будущего времени... Что же касается наличия видовых форм в рамках прошедшего и будущего времени на современном этапе, то это надо понимать как результат новообразований"³⁸.

С категорией времени здесь тесно связана категория наклонения, передающаяся в ряде случаев синкретически — единой морфемой с временной. Число наклонений существенно варьирует по языкам (от четырех до девяти), что, впрочем, нередко обуславливается неодинаковым подходом исследователей. Среди них чаще всего выделяют обычно беспризнаковое изъявительное, а также повелительное (императив и прохибитив), сослагательное, условное и вопросительное. Исторически предполагается более бедная система модальных противопоставлений. Так, например, исходя из критерия способов образования форм наклонений,

³⁷ Ср.: Дешериева Т.И. Исследование видо-временной системы в нахских языках. М., 1979.

³⁸ Мусаев М.-С.М. Словоизменительные категории даргинского языка: Время и наклонение. Махачкала, 1983, с. 48.

в истоках соответствующей системы даргинского глагола предполагается бывшее бинарное противопоставление изъявительного и повелительного-желательного наклонений.

Важную роль в грамматическом строе рассматриваемых языков играют причастия и деепричастия (абсолютивы). Обычно различаются причастия и деепричастия настоящего и прошедшего времени. Во многих языках, например в лакском и даргинском, имеется и причастие будущего времени. Причастия, как правило, производятся посредством суффиксов от соответствующей временной формы глагола или от деепричастий. Часто они изменяются по классам, нередко различают способ действия (однократный и многократный), а при субстантивированном употреблении склоняются как субстантивы. Знают изменение по классам и деепричастия. Обе категории вербидов ложатся в основу образования аналитических форм многих глагольных времен.

Говоря о глагольной системе, нельзя не упомянуть о строгом различении здесь двух всегда четко взаимноразграниченных категорий слов — масдаре (т.е. отглагольном имени) и инфинитиве.

Другие именные части речи обнаруживают в плане морфологии определенную специфику.

Имена прилагательные здесь либо формально совпадают с наречиями, либо характеризуются своими словообразовательными признаками. В целом ряде языков, например в аварском, лакском и даргинском, различаются беспризнаковая краткая форма прилагательного и специально маркированная полная форма (ср. авар. *bercin* ~ *bercin-ab* 'красивый', лак. *jaṭul* ~ *jaṭul-ssa* 'красный', дарг. *aq* ~ *aq-si* 'высокий', арч. *bec* ~ *bec-t-ūt* 'слепой'), которые имеют наодинаковое употребление. В частности, краткие прилагательные имеют тенденцию обозначать постоянные эпитеты обозначаемых денотатов, получая особенно широкое употребление в языке поэзии. Заимствованные прилагательные такого разделения форм не знают. Довольно редко по языкам встречаются так наз. сложные прилагательные типа авар. *laḥ-seḥer-ab* 'черный как сажа', лак. *luḥi-ṣan-ssa* 'темно-черный'.

В атрибутивной функции прилагательные, как правило, не изменяются ни по падежам, ни по числам. В языках с классной системой часть прилагательных изменяется по классам посредством префиксального или суффиксального показателя, "согласуемого" с именным классом определяемого субстантива, ср.: авар. *bercin-aw* 'красивый (класс мужчин)', *bercin-aḥ* 'красивая (класс женщины)', *bercin-ab* 'красивое (класс вещей)'. Однако даже в этих языках число неизменяемых по классам прилагательных обычно весьма велико. В цезских языках прилагательные в атрибутивном употреблении различают две падежных формы — простую при определяемом в абсолютном падеже и маркированную при определяемом в одном из косвенных падежей, ср. гин. *jegi tek* 'хорошая книга', но *jegi-ja tek-moz* 'хорошей книге' (дат. пад.). Лишь в очень немногих языках допускается факультативное употребление прилагательного-атрибута, согласующегося с формой плюралиса определения, ср. гин. *regi//regi-ho toqbe* 'хорошие ножи'. Падежное и числовое словоизменение прилагательные получают здесь обычно лишь при самостоятельном употреблении, т.е. при их субстантивизации.

Степени сравнения как морфологическая категория имени прилагательного, как правило, отсутствуют. Исключения составляют нахские языки, где морфологически различаются положительная, сравнительная, а также степень неполноты качества (ср. чеч. *dika* 'хороший' ~ *dika-x* 'лучший'; *sijŋ* 'синий' ~ *sijŋ-o* 'синеватый'). В остальных языках степени сравнения передаются описательно, обычно в этой роли выступает построение с формой сравнительного или одного из местных падежей (аблатива) имени сравниваемого денотата, ср. крыз. *Paŋi Aħmad-waŋ budub* 'Пари старше Ахмеда' (-*waŋ* — флексия сравнительного падежа). В других случаях они замещаются построениями со словами 'чем' (функция сравн. степени), 'самый' (функция превосходн. степени). Ср. арч. *un ʔittu zon kilaw* 'ты моложе меня', букв. 'ты маленький чем (*kilaw*) я'. Разделение прилагательных на качественные и относительные не пользуется в специальной литературе популярностью не только в силу отсутствия степеней сравнения, но и ввиду того обстоятельства, что вместо относительных прилагательных здесь часто выступают имена существительные в форме генитива.

В отдельных языках прилагательные способны присоединять частицы эмфатического или дейктического характера. Ср. гин. *eži* 'большой' ~ *~eži-ŋu* 'тот, который большой'.

Числительные обычно подразделяются в нахско-дагестанских языках на количественные, порядковые, разделительные (дистрибутивные) и кратные. В ряде языков количественные числительные характеризуются в самостоятельном употреблении особым признаком, ср.: авар. *ki-go* 'два', *šu-go* 'пять', *pus-go* 'сто', дагг. *aw-al* 'четыре', *ureg-al* 'шесть', *γ-al* 'двадцать'. Числительные от 11 до 19 образуются сочетанием названия десяти с обозначениями единиц и нередко характеризуются соединительным элементом, ср.: лезг. *çi-sad* 'одиннадцать', *çi-qūd* 'двенадцать' при лак. *aç-nija sawa* 'одиннадцать', *aç-nija tuɟwa* 'четыренадцать' (обратный порядок компонентов засвидетельствован лишь в нахских языках). В сфере числительных от 30 до 90 конкурируют две словообразовательные системы — вигезимальная (исторически предшествующая) и десятичная. В роли обозначений двадцати, ста и тысячи, как правило, выступают непроизводные образования (два последних в большинстве случаев являются заимствованиями)³⁹. Порядковые числительные обычно строятся на базе количественных описательно посредством присоединения того или иного причастия от глагола 'сказать', ср. авар. *ki-abilew* 'второй', букв. 'два-сказанный' (и здесь исключение составляют нахские языки, в которых налицо соответствующие суффиксальные производные, ср. баџб. *ši-ɥe* 'второй' при *ši* 'два'; аналогичное исключение зафиксировано и в удинском). В крызском, будухском и хиналугском языках употребительны порядковые числительные, заимствованные из азербайджанского. Разделительные числительные строятся здесь посредством простой редупликации основы количественного или разновидностью редупликации с усложнением второго компонента, ср. авар. *ki-ki* 'по два', рут. *sa-sa* или *sa-sapa* 'по одному'. Кратные числительные образуются либо присоединением особого суффикса к форме соответствующего коли-

³⁹ См.: *Гудава Т.Е.* Количественные числительные в аварско-индийско-диндийских языках: историческо-сравнительный анализ. — ЕИКЯ, 1980, т. VII.

чественного (ср. арч. -lan в ebqa-lan 'четырежды', лезг. -га в wad-га 'пять раз'), либо описательно — путем присоединения к нему лексемы 'раз' (ср. агул. sa galaj 'одиножды', рут. sada režikim 'одиножды'). "Вопросительные" числительные представлены резко варьирующими по языкам самостоятельными образованиями.

Будучи употребленными в атрибутивной функции количественные и порядковые числительные обычно не изменяют своей формы (нередко, однако, встречается их классное варьирование). Субстантивируясь, они склоняются также как существительные.

Местоимения здесь принято подразделять на личные, указательные, притяжательные, вопросительные, возвратные, определительные, неопределенно-личные. Налицо две особенности личных местоимений. Во-первых, это очень широко распространенное различие инклюзивной и эксклюзивной форм местоимения 1 л. мн. ч. (ср. чеч. vaj 'мы (с вами)' ~ txo 'мы (без вас)', авар. piš 'мы (с вами)' ~ niž 'мы (без вас)', таб. uhi 'мы (с вами)' ~ ubi 'мы (без вас)'). Во-вторых, это то обстоятельство, что в роли личных местоимений 3-го лица здесь фактически выступают указательные местоимения. Характерной спецификой указательных местоимений является обычное резграничение в них трех степеней удаления, последняя из которых оказывается часто в свою очередь детализованной по нахождению на вертикальной оси, ср.: лак. wa 'этот' (у 1 л.), mi 'этот' (у 2 л.), ta 'тот' (у 3 л.), qa 'тот' (у 3 л. выше говорящего) и ga 'тот' (у 3 л. ниже говорящего). Притяжательные местоимения практически совпадают с формой родительного падежа личных. В разряде вопросительных местоимений лексема 'кто?' соотносена исключительно с человеком, а 'что?' относится ко всему остальному. Возвратные и определительные местоимения представлены особыми существенно варьирующими по языкам лексемами. Неопределенно-личные основаны на вопросительных. О собственно отрицательных местоимениях говорить здесь трудно.

Падежная парадигма местоимений значительно уже, чем у субстантивов. Для нее очень типичен супплетивизм основ, выступающих в прямом падеже и в косвенных. В некоторых случаях личные местоимения 1 и 2 л. не различают форм абсолютного и эргативного падежей. Отдельные разряды местоимений в языках с классными системами (в аварском, лакском и др.) изменяются по классам⁴⁰.

Наречия представлены разрядами наречий образа действия, места, времени, меры и степени. Наиболее значительны по своему составу разряды наречий образа действия, места и времени. В своем большинстве они не располагают специальными признаками и, таким образом, формально совпадают с краткими именами прилагательными. Во многих случаях для них характерны, однако, и определенные формативы (ср. бацбийские наречия на -š, лакские — на -ni или -na, арчинские — на -ži, агульские — на -di, -j и др.), суффилируемые к соответствующим прилагательным. В некоторых наречиях прослеживаются ныне окаменелые падежные формы. Наречия места и времени могут приобретать показатели различ-

⁴⁰ Ср.: Местоимения в языках Дагестана. Махачкала, 1983.

ных локативов. Степени сравнения наречий передаются описательно. Изредка встречается возможность изменения наречий по классам, ср.: авар. žani-w (I класс), žani-j (II класс), žani-b (III класс) 'внутри'⁴¹.

К числу служебных слов здесь относятся послелогов, союзы и частицы. Во многих случаях разделение наречий и послелогов оказывается весьма условным. Часть послелогов присоединяется к формам местных надежд или к дативу⁴². Если послелогов и частицы, как правило, исконны, то среди союзов встречается множество заимствованных, ср. союзы agar 'если', amta 'но', wa 'и', ja 'или', повторяющиеся в большинстве языков. Известны также сложные союзы.

Междометия выражают различного рода эмоции, а также передают оклики. По нахско-дагестанским языкам широко распространено различие специфических обращений к мужскому и женскому адресату речи, ср.: бацб. jajew! — к мужчине, jajo! — к женщине; авар. le! — к мужчине, jo! — к женщине; лак. da! — к мужчине, il! — к женщине; лезг. jada! — к мужчине, jajuš! — к женщине. Весьма употребительны также очень разветвленные системы подзываний и понуканий домашних животных.

В типологическом плане синтаксический строй нахско-дагестанских языков характеризуется господством признаков эргативности, наряду с которым присутствует всегда более или менее заметный номинативный компонент⁴³. Последний наиболее отчетливым образом выступает в лезгинских языках, типологическое состояние одного из которых — удинского — служит в специальной литературе даже предметом дискуссии.

Важнейшим признаком эргативности здесь является противопоставление эргативной и абсолютной конструкций предложения, обуславливаемое лексическим качеством глагольной лексемы, выступающей в его предикативном центре⁴⁴. Агентивные (транзитивные) глаголы организуют эргативную конструкцию предложения (ср. авар. waças xig beqana 'брат поле пахал'), в то время как фактививные (интранзитивные) — абсолютную конструкцию (ср. авар. emen qoqowe wuqana 'отец домой вернулся'). Существующий во всех нахско-дагестанских языках класс аффективных глаголов, или так называемых *verba sentiendi*, образует аффективную конструкцию предложения (ср. авар. insu-da waş wihana 'отец сына видел'). Немногочисленные посессивные глаголы строят особую посессивную конструкцию предложения (ср. авар. šu dir bugo 'у меня есть лошадь'). Наконец, заметно варьирующий по своему составу по языкам класс диффузных или лабильных глаголов способен параллельно обуславливать две конструкции предложения — эргативную и абсолютную: так, например, аварский глагол bekize 'ломать, -ся' строит в зависимости от смысло-

⁴¹ О наречиях в дагестанских языках см.: *Имнайшвили Д.С.* Дидойский язык в сравнении с гинухским и хваршийским языками. Тбилиси, 1963, с. 242–249.

⁴² Ср.: Система прерербов и послелогов в иберийско-кавказских языках. Черкесск, 1983, с. 183 и след.

⁴³ Ср.: *Климов Г.А., Алексеев М.Е.* Типология кавказских языков. с. 192–205, 240–256.

⁴⁴ Ср.: *Кибрик А.Е.* Материалы к типологии эргативности. — В кн.: Проблемная группа по эксперим. и прикл. лингвистике (Ин-т рус. яз. АН СССР). Предварительные публикации. М., 1979–1981, вып. 126–130, 140–141.

го задания либо эргативную конструкцию (авар. *dica ɣweɟ bekaŋa* 'я дерево сломал'), либо абсолютную (*ɣweɟ bekaŋa* 'дерево сломалось').

В свете приведенных иллюстраций должно быть очевидным, что здесь, как и в других группах кавказских языков, предложение обнаруживает отчетливую вербоцентрическую структуру. Одним из ее характерных показателей являются различные модели глагольного управления падежами синтаксически связанных со сказуемым именных членов предложения — подлежащего и дополнений. В составе эргативной конструкции предложения подлежащее оформляется эргативом, "прямое" дополнение — абсолютным падежом, а в составе абсолютной конструкции подлежащее имеет форму абсолютного падежа и "косвенное" дополнение — одного из косвенных. В составе аффективной конструкции подлежащее характеризуется дательным (//местным) или специальным аффективным падежом, а дополнение — абсолютным. Наконец, в посессивной конструкции подлежащее приобретает форму родительного падежа, а дополнение — абсолютного⁴⁵. Выделяемая некоторыми дагестановедами локативная конструкция предложения в большинстве случаев представляет собой одну из разновидностей аффективной, что удостоверяется уже самим составом организующих ее глаголов.

Вместе с тем непосредственное проведение принципов эргативности в нахско-дагестанских языках обуславливает в их синтаксических системах известные отклонения в сторону номинативного строя. По-видимому, наиболее яркое из них получает свое отражение в возможности построения "абсолютной" (по существу — уже номинативной) конструкции предложения также агентивным (транзитивным) глаголом-сказуемым, представленным словоформой длительного способа действия, ср.: лак. *pu ɟat buɟlaɟ* 'отец разламывает хлеб', цах. *zə oɟkanna voŋa* 'я пишу'. Сказуемое подобных построений, иногда квалифицируемых в качестве "общей" конструкции, здесь часто представлено аналитической формой глагола. Однако в ряде случаев можно уже говорить о так называемых длительных глаголах как об интранзитивных. Ср. авар. глагол *wesarize* 'косить, заниматься косьбой', обуславливающий, в отличие от агентивного *besize* 'косить', конструкцию предложения, не допускающую позиции "прямого" дополнения: *dow wesarula maɟarda* 'он косит (занимается косьбой) на горе'.

В силу развитости именной и глагольной морфологии в нахско-дагестанских языках порядок слов в предложении здесь относительно свободен. Тем не менее существует основной словопорядок, характеризующий стилистически нейтральное предложение. Организующий предложение глагол-сказуемое заметно тяготеет к маргинально правой позиции. Тесно связанное с ним "прямое" дополнение, как правило, ему непосредственно предшествует. "Косвенное" дополнение занимает еще более левое положение. Что касается словопорядка в составе атрибутивного комплекса, то здесь определение (прилагательное, субстантив в форме родительного падежа, числительное, местоимение) всегда предшествует своему

⁴⁵Ср.: *Бокарев А.А.* Синтаксис аварского языка. М.; Л., 1949; *Гаджиев М.М.* Синтаксис лезгинского языка. Махачкала 1954, Ч. I. Простое предложение; *Хаммагомедов Б.Г.-К.* Очерки по синтаксису табасаранского языка. Махачкала, 1970.

определяемому. Наконец, подлежащее обычно имеет тенденцию к наиболее дистантному положению по отношению к сказуемому и, таким образом, часто оказывается в начале предложения. Так, например, даргинское простое предложение *nipi mura derdira* 'я сено скошил' может иметь шесть порядков расположения слов, выбор каждого из которых диктуется коммуникативным заданием (впрочем, проблема актуального членения предложения представляет собой почти неразработанный раздел синтаксиса нахско-дагестанских языков). Естественно, однако, что нередки и контексты, изменение линейных отношений слов в которых влечет за собой изменение и их синтаксических взаимоотношений, ср. дарг. *gursila žagasi hewa* 'девушки красивое платье' при *žagasi gursila hewa* 'красивой девушки платье'⁴⁶.

В нахско-дагестанских языках обычно выделяют такие способы подчинительных синтаксических связей между членами предложения, как согласование, управление и примыкание. Наименее распространенным из них является согласование (ср. согласование в числе компонентов атрибутивного комплекса таб. *sad-ar mār-x-ār* 'одни сани'). В большинстве случаев о согласовании членов синтагмы можно говорить лишь очень условно. Так, например, показатель класса здесь встречается в прилагательном или глаголе, но не в именном компоненте словосочетания, ср. таб. *sa-r usta* 'один мастер' (скорее здесь можно говорить об управлении имени классом определения). В цезских языках есть особая форма так наз. 2-го родительного падежа, "согласующегося" с определяемым субстантивом в форме косвенного падежа, ср. цез. *kedbe-s tek* 'книга дочери', но *qedbe-z tek-ma* 'в книге дочери'. Примыкание и управление широко распространены. Примыкание — способ связи компонентов атрибутивных и адвербиальных синтагм, ср. таб. *jaŷli kas* 'высокий человек', *jaŷli kas-diz* 'высокому человеку' или таб. *zarbdı žarŷub* 'быстро бежать'. Примером управления могут служить и такие словосочетания, как таб. *juŷŷdikan ulxıb* 'говорить о соседе' (где субстантив оформлен местным исходным падежом III серии)⁴⁷. Отглагольные имена (масдар, причастия) сохраняют здесь модель управления соответствующего глагола.

Сложное предложение представлено значительно слабее, чем простое, что особенно отчетливо выступает по материалам бесписьменных языков (так, в хиналутском отмечается почти полное отсутствие сложных предложений⁴⁸). Сложносочиненное предложение сводится обычно к соположению двух простых, объединенных интонационным контуром. Ввиду недостаточной развитости специальных подчинительных союзов сложноподчиненным построениям русского языка здесь чаще всего соответствуют причастные, деепричастные и масдарные обороты в составе простого предложения (ср., например, таб. *šwul uldubšwnu, qird ulubnu* 'осень пройдя, зима наступила', т.е. 'когда осень прошла, наступила зима',

⁴⁶ Абдуллаев З.Г. Очерки по синтаксису даргинского языка. М., 1971, с. 27–31.

⁴⁷ Ханмагомедов Б.Г.-К. Очерки по синтаксису табасаранского языка. Махачкала, 1970, с. 9–12.

⁴⁸ Кибрик А.Е., Кодзасов С.В., Оловяникова И.П. Фрагменты грамматики хиналутского языка. М., 1972, с. 238. Ср., однако: Дешериев Ю.Д. Грамматика хиналутского языка. М., 1959, с. 184–194.

дарг. (кубач.) *waše tamap bāqib, diš⁷u sače gal* 'когда закончил работу, юноша пришел ко мне', досл. 'закончив работу, пришел ко мне юноша').
 Нередко сложноподчиненное предложение строится посредством особых аффиксальных форм глагола-сказуемого зависимого предложения (ср. авар. *suqmaq fuṣarab baqal-da nižeda bač batana* 'там, где кончалась тропинка, мы нашли волка', лак. *ta uwk-šiwu na wiḥ buws-šija* 'я говорил тебе, что он приехал'). Следует вместе с тем отметить, что по крайней мере в ряде литературных нахско-дагестанских языков в принципе встречаются и вполне развитые типы таких предложений, на что указывал уже М.М. Гаджиев. Ср., например, "dun son darsalda wuḳinčo, šaj gureful uktun wuḳana 'я вчера на уроке не был, потому что был болен' (аварский язык); *agar ina uṣar uṣarča, pagu uṣanna* 'если ты придешь, я тоже приду' (лакский язык); *nu waxes hejrus, senkun dila ḥanči leb* 'я прийти не могу, потому что у меня есть работа' (даргинский язык) и т.д."⁴⁹. Наконец, в лезгинском и табасаранском языках довольно широкое распространение получил союз *ki, hi* 'что' (< перс. *ki*), вводящий придаточное изъяснительное предложение. По-видимому, не приходится отрицать, что окончательному становлению здесь подлинных типов сложноподчиненного предложения способствует интенсивное воздействие соответствующих синтаксических моделей русского языка.

В этих языках широко развиты вместе с тем различные виды так называемого осложненного предложения, т.е. предложения с развернутыми подлежащим, сказуемым, определением, обстоятельством. Ср., например, осложненные предложения с развернутым подлежащим: лак. *Musal arcu dullussa ṣarssa largunni* 'ушла женщина, которой Муса дал деньги'; таб. *paq xabaqqan yarzlan abqu kari yabknu* 'вчера с кручи свалившийся теленок сдох'.

Важнейшим принципом организации именного словаря в нахско-дагестанских языках является именная классификация, отсутствующая лишь в трех языках — удинском, лезгинском и агульском, а также в южном диалекте табасаранского языка. Согласно этому принципу, все субстантивы распределены здесь на несколько лексических групп (с различной степенью прозрачности их семантической мотивированности) — от двух в северном диалекте табасаранского языка до восьми в нахских языках. Принадлежность имени существительного к какому-либо классу, как правило, не маркируется (видимое исключение составляют некоторые отглагольные субстантивы), но отражается в характере согласования синтаксически связанных с ним глагола, прилагательного, части местоимений и т.д. посредством соответствующих классных компонентов в словоформах последних. Общее число функционирующих в языке именных классов устанавливается не всеми исследователями одинаково, хотя, по-видимому, преобладает подсчет, основанный на перекрестном учете показателей в форме единственного и множественного чисел в словоформах согласуемых с субстантивами членов предложения. Для этих языков наиболее характерна четырехчленная именная классификация,

⁴⁹ Гаджиев М.М. Синтаксис лезгинского языка. Махачкала, 1963, ч. II. Сложное предложение, с. 5—6; *Оч же*. Сложноподчиненное предложение в лезгинском языке. — ВЯ 1956, № 1.

различающая классы названий мужчин (хин. *yucar* 'бог', *ləgəld* 'мужчина', *gəda* 'мальчик', *usta* 'мастер', *halamxer* 'пастух'), женщин (хин. *xinimķir* 'женщина', *gəsa* 'сестра', *riši* 'дочь', *borc* 'тетя'), животных и отдельных вещей (хин. *rxta* 'собака', *ķuța* 'щенок', *kukaç* 'курица', *ķaz* 'змея', *gta* 'волк', *gama* 'табун', *ķind* 'мост'), всего остального (хин. *dalag* 'работа', *haid* 'праздник', *ķaķin* 'камень', *pil* 'глаз', *fikir* 'мысль', *silah* 'оружие', *pitç* 'вошь'). Три именных класса различаются в аварском и даргинском языках, четыре — в цезском, лакском, цахурском, рутульском, крызском, хиналугском языках, пять — в андийском и чамалинском, шесть в чеченском, ингушском, гунзибском, инхокваринском диалекте хваршинского, восемь — в бацбийском⁵⁰. В распределении по классам заимствований решающая роль обычно принадлежит семантической и отчасти формальной аналогии.

Диакронические исследования отчетливо свидетельствуют о происходящем по языкам процессе постепенного затухания классной системы. Ср. наличие ряда уже изживших ее языков, затемненность семантического критерия классного распределения субстантивов, а также существование во всех языках множества глаголов и прилагательных, лишенных классного согласования. Есть основание предполагать, что древнейшая классная оппозиция в нахско-дагестанских языках, сводившаяся к противопоставлению классов одушевленных и неодушевленных, смещавшегося к различению разумных и неразумных (т.е. человека и вещей), в дальнейшем должна была осложниться разделением класса разумных на классы мужчин и женщин, что результировало на каком-то этапе в характерной и для ряда современных языков четырехклассной системе.

В глагольной лексике нахско-дагестанских языков решающее значение имеет характерное для представителей эргативного строя распределение глаголов на классы агентивных (транзитивных) и фактививных (интранзитивных) глаголов. Кроме того, здесь обычно выделяемы классы диффузных (лабильных), аффективных глаголов и некоторых других, выдающих свои проекции на синтаксический и морфологический уровни.

Отношения лексической синонимии и омонимии представлены по разным языкам неодинаковым образом. В целом в этом плане значительно менее богаты бесписьменные языки (одно из редких исключений составляет арчинский язык, испытывавший в разные периоды заметное воздействие со стороны лакского и аварского). Как синонимия, так и омонимия характеризуют здесь главным образом имена существительные и лишь в очень ограниченной мере затрагивают глагольную лексику. Если синонимические ряды нередко образуются здесь за счет заимствований, то омонимы обязаны своим возникновением как заимствованиям, так и преобразованиям звукотипа лексем вследствие различных фонетических процессов⁵¹.

Заметную роль в пополнении словарного состава играет здесь словооб-

⁵⁰ Ср.: *Хайдаков С.М.* Принципы именной классификации в дагестанских языках. М., 1980. Ср.: *Мельников Г.П., Курбанов А.И.* Логические основания именной классификации в цахурском языке. — В кн.: Вопросы структуры языка. М., 1964.

⁵¹ Ср., например: *Хайдаков С.М.* Очерки по лексике лакского языка. М., 1961, с. 74–83.

разование. Хотя степень развитости последнего существенно варьирует по языкам, в целом оно представлено в нахско-дагестанских языках значительно беднее, чем в абхазско-адыгских и картвельских. Используется как аффиксальная деривация, так и словосложение. Из обоих способов более продуктивно аффиксальное словообразование, в то время как словосложение занимает очень скромное место.

В имени существительном единственным способом аффиксальной деривации является суффиксация. Указывают, что она "отличается рядом таких особенностей, которые говорят о сравнительной молодости данного пути развития лексики, а также о том, что процесс становления последнего все еще продолжается. К таким особенностям относятся следующие: а) сравнительная малочисленность средств; б) семантическая, а в ряде случаев и фонетическая недифференцированность ряда суффиксов; в) грамматический синкретизм многих суффиксов, а также универсальный характер отдельных из них"⁵². По крайней мере для части средств суффиксального словообразования справедлив тезис об их историческом соприкосновении с элементами именного словоизменения⁵³. Среди наиболее продуктивных средств именной деривации здесь можно назвать суффиксы, образующие абстрактные имена существительные (ср. авар. -ti в *ɟwari-ti* 'узость, теснота', дарг. -deš в *waj-deš* 'зло', лезг. -wal в *dust-wal* 'дружба'), обозначения людей по роду их занятий (ср. авар. -qan в *ɟolbo-qan* 'виноградарь', лезг. -qan в *xre-qan* 'овцевод') или по этнической принадлежности (ср. лезг. -wi в *awar-wi* 'аварец'), а также топонимы.

В глагольном словообразовании заметную роль играют префиксы. В частности, в бацбийском, даргинском, целом ряде лезгинских языков (например, в табасаранском, цахурском, крызском), а также в хиналутском функционирует система глагольных превербов. Среди последних иногда различают направительные и местные. В кубачинском диалекте даргинского языка засвидетельствованы и сложные превербы, состоящие из комбинации двух простых⁵⁴. В некоторых языках, например в лезгинском, глагольные превербы прослеживаются ныне в основном лишь диахронически. Предполагается, что превербы возникают на базе сращения бывших наречий с основой глагола. В ряде случаев встречается аналитический способ глагольной деривации посредством вспомогательного глагола 'сказать', базой которого служат дескриптивные образования, ср.: лак. *ɟaŋk ušin* 'спрыгнуть', *ɟulɟ ušin* 'глотнуть', арч. *ħaɲp-bos* 'лягать', *ma-bos* 'блеять (об овцах)'. Продуктивными типами представлено образование каузативных глаголов, обычно совмещающих здесь семантику как понуждения, так и разрешения. Если в одних случаях оно реализуется аналитическими построениями в составе полнозначного глагола и вспомогательного семантики 'оставлять', то в других случаях налицо уже по существу соответствующие синтетические образования.

Словосложение играет в именном и особенно в глагольном словооб-

⁵² Гайдаров Р.И. Лексика лезгинского языка. Махачкала, 1966, с. 33.

⁵³ Там же, с. 33–37.

⁵⁴ Ср.: Магомедов А.А. Кубачинский язык, с. 176–183.

разовании весьма скромную роль, что резко противопоставляет эти языки абхазско-адыгским. Среди именных композитов имеются построенные на базе двух существительных, двух глаголов или двух прилагательных. Производный глагол может быть образован присоединением имени к базовому глаголу (ср. авар. *berçwaze* 'взглянуть' при *ber* 'глаз и *çwaze* 'клеить').

В исконном словаре нахско-дагестанских языков прослеживается система закономерных фонологических корреспонденций, обнаруживающая их генетическое единство. В этот словарь входят такие семантические сферы лексики, как названия явлений природы, диких и некоторых домашних животных, дикорастущих деревьев и растений, родственных отношений, частей тела, обозначения целого ряда элементарных действий и качеств, простейшие числительные и основные местоимения⁵⁵. Объем сохранившегося исконного словаря существенно варьирует по языкам (впрочем, известные его подсчеты дают несовпадающие цифры: так, в табасаранском языке он определяется в одном случае как ненамного превышающий половину всего лексического фонда, а в другом — цифрой 80%).

Следует подчеркнуть в этом контексте, что в силу слабой этимологической разработанности лексики этих языков во множестве работ исконный материал здесь недостаточно четко ограничивается от заимствованного. Неучет семантики слов нередко результирует в антиисторических решениях, допускающих реконструкцию для праахскодагестанского, прадагестанского и некоторых более поздних состояний таких лексем как 'коса (орудие)', 'кирка//мотыга', 'лемех', 'железо', 'раб', 'осел', 'кошка (домашняя)', 'сливочное масло' и мн. др. Так, коса не только отсутствует в каких-либо археологических комплексах, но и вообще, как известно из этнографии, распространялась по Дагестану еще в новое время (у арчинцев, например, во второй половине XIX в.), ср. также изолированное положение ее обозначений *çiniq*, *çinaq*, *çmiq* в дагестанском корнеслове при сходных абхазско-адыгских названиях косы, восходящих, по В.И. Абаеву, к осетинскому. Невозможно реконструировать для общего нахско-дагестанского или общедагестанского состояния лексему *gaza* 'кирка//мотыга', поскольку это железное орудие не могло появиться здесь до эпохи раннего железа (VIII—VII вв. до н.э.). Постуляция общедагестанской лексемы 'лемех' игнорирует факт, что лемех засвидетельствован в Дагестане лишь со II в. до н.э. Институт рабства возникает в южном Дагестане только с последних веков до н.э., что не позволяет проецировать нахские и дагестанское обозначение раба в сколько-нибудь древнюю эпоху. Костные останки осла, широкое распространение которого по Дагестану приурочивается лишь к промежутку II в. до н.э. — III в. н.э., впервые встречаются здесь в комплексе VII—IV вв. до н.э. Только еще позже могло появиться обозначение кошки типа *gatu*, *getu*, общее с ее индоевропейскими и некоторыми афразийскими названиями (ее древнейший для Закавказья костяк обнаружен в урартском комплексе VI в. до н.э.). Значительно более осторожного подхода требуют к

⁵⁵Ср.: Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков. М., 1971; Хайдаков С.М. Сравнительно-сопоставительный словарь дагестанских языков. М., 1973.

себе и предлагаемые некоторыми авторами реконструкции названий культурных растений, в ряде случаев находящие свои аналогии далеко за пределами нахско-дагестанской языковой области (ср., например, лезг., агул. *serg*, крыз., буд. *sarg* 'чеснок' при др.-перс. *sigra* 'лук, чеснок'; чеч. *sula*, лезг. *sil*, агул. *sul*, хин. *səlg* 'рожь, овес' при тюркск.-кипчакск. *sulu(g)*). Едва ли возможно признать общедагестанскими и вообще сколько-нибудь древними некоторые другие лексемы, повторяющиеся по этим языкам в идентичном или почти идентичном виде, ср.: *kuc* 'форма, вид, характер', *qaba* 'кувшин, горшок', *dazu* 'граница, рубеж' и т.п.

Среди различных пластов заимствований особый интерес здесь представляют древнейшие из них, восходящие к каким-то старым индоевропейскому, семитскому и, по-видимому, "азианическому" источникам. К их числу принадлежат, в частности, обозначения серебра (ср. авар. *žaras*, ботл. *arsi*, лак. *arçu*, дарг. *arc*, *ās*, таб., агул. *ars*), ярма (ср. чеч., инг. *duq*, авар. *ruļ*, лак. *ruḷ*, дарг. *duḷ*, арч. *oḡḡ* и др.), ключа (ср. авар. *ḷul*, анд., ботл. *re-ḷul*, лак. *ḷula*, арч. *terem-ḷul* и др.), доски или сиденья (ср. цез. *ḡḡurī*, дарг. *urḡulī*, арч., лезг., таб. *ḡul*, цах. *ḡuwa* и др.).

Несколько варьирующими по своему составу наборами здесь представлены лексические заимствования предисламской эпохи, т.е. датирующиеся временем до XII в., из среднеперсидского, армянского и аланского (староосетинского) источников. Проникновение среднеперсизмов и арменизмов увязывается здесь в основном с периодом культурного влияния Агванского (Кавказско-Албанского) царства и в наибольшей степени характеризует лезгинские языки. Среди среднеперсизмов и арменизмов, строгое взаимное разграничение которых, впрочем, нередко оказывается затруднительным, здесь можно назвать обозначение меча (ср. чеч., лак., дарг., лезг., агул., удин. *tur*), товарища/друга (ср. авар., анд., дарг. *halmay*, лак. *halmay-ḡu*, арч. *halmay-tu*), креста (ср. лак. *ḡaḥ*, таб., агул., цах. *ḡaḥ*, лезг., а также семантически отклоняющееся удин. *ḡaḥ* 'свет'), бурки (чеч. *warti*, авар., лак. *warsi*, дарг. *warsi*, *warti*, арч. *warti*, таб. *werḥ*). Аланские заимствования, по-видимому, в целом более распространены в авароандоцезских и нахских языках. Их примерами могут служить названия пророка (авар., анд. *awarag*, лак. *idaws*, дарг. *idbag*, *idabag*, арч. *idbag*, цах. *idāg*), надочажной цепи (авар. *ḡaxaḡ*, ахв. *ḡaxaḡi*, дарг. *ḡaxaz*, арч. *daḡəzi*), косы (авар. *ḡiniḷ*, лак. *ḡiniḷw*, *ḡniḷ*, арч. *ḡiniḷw*, рут. *ḡinaḷ*, *ḡinag*, цах. *ḡanaḷ*), суки (авар. *ḡwaḡi*, анд. *geḡi*, лак. *ḡwaḡi*, дарг. *ḡaḡa*, арч. *ḡwaḡi*)⁵⁶.

Грузинизмы, засвидетельствованные в нахско-дагестанских языках, во множестве случаев оказываются отголосками эпохи экономического и культурного расцвета Грузии в XI–XII столетиях. Именно к этому времени они восходят в ареалах распространения нахских и, по-видимому, лезгинских языков. Нередко их семантика охватывает сферы хозяйства, культуры и христианской религии. Ср., например, ингуш. *ḡuota* 'пахота', *eḡaḥ* 'церковь', *ḡira* 'воскресенье', *ḡuotam* 'курица', *mangal* 'коса, магха 'пост', *moḡyar* 'священник', *paḡaska* 'пятница', *ḡar-g* 'крест'. Что касается

⁵⁶ Ср.: *Виноградова О.И.* Древние лексические заимствования в дагестанских языках. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1982.

цезской языковой области, то здесь грузинизмы распространялись значительно позднее — в основном в XVII—XIX вв. Их преимущественная семантическая сфера затрагивает сельскохозяйственную терминологию и обозначения утвари. Ср. гунз. *bali* 'вишня', *ixo* 'утка', *qobzi* 'ложка', *qalata* 'корзинка с ручкой', *kišjawri* 'слива', *neso* 'дыня', *paqxi* 'борона', *simindi* 'кукуруза', *toqi* 'мотыга', *xaçu* 'лук', *æremi* 'арба'.

Чрезвычайно широкий пласт заимствований лексики нахско-дагестанских языков составляют так называемые интернационализмы мусульманского мира, представленные арабизмами, а также персизмами и тюркизмами. За эпоху многовекового господства ислама их словарь пополнился множеством арабизмов, охватывающих понятия самых различных сфер жизни (мораль, религия, наука, экономика), ср.: авар. *adabijat* 'литература', *allah* 'бог', *barakať* 'благодать', *murad* 'желание', *qurban* 'жертва', *tawariť* 'история', *namus* 'честь, достоинство', *pašiat* 'наставление'. Часть подобных лексем здесь уже перешла в разряд архаизмов. В период усилившегося культурного влияния Ирана было усвоено немало персидских лексем, ср.: авар. *ambar* 'амбар', *bazar* 'базар', *bel* 'лопата', *gamús* 'буйвол', *diwan* 'суд', *hunar* 'умение, искусство', *xurda* 'мелочь', *ustar* 'мастер', *cakar* 'сахар'. Но особенно значительный по своему объему фонд, отражающий предметы торговли и различные продукты, составляют здесь тюркизмы (в основном — заимствования из азербайджанского и кумыкского), ср.: авар. *bilta* 'фитиль', *gama* 'корабль', *γuruš* 'рубль', *haq* 'котел', *juk* 'ноша, вьюк', *tutun* 'табак', *cahma* 'сапог', *caña* 'сани' и др. Согласно приблизительной оценке, например, в лезгинском языке насчитывается около 800 арабизмов, 400 персизмов и 1300 тюркизмов⁵⁷. Следует, однако, иметь в виду, что многие персизмы и тюркизмы здесь распространялись уже в довольно позднее время через одни языки в другие. Так, например, в андийские и цезские языки они обычно проникали через посредство аварского⁵⁸.

Наиболее поздний слой усвоенной лексики составляют в нахско-дагестанских языках русизмы. Их объем особенно сильно возрос в пореволюционный период. Дореволюционные русизмы, проникавшие устным путем в основном с XVIII в., отличаются значительной степенью адаптации своей фонетической структуры нормам конкретных языков (ср. *rić* 'печь', *rić* 'почта', *riqun* 'фургон', *turba* 'труба', *kurra* 'крупя', *bidro* 'ведро', *карек* 'копейка'). В последующий период сюда вошло множество лексем, связанных с социалистическим строительством, культурой и наукой, принципами нового общежития и быта.

Существующие опыты культурно-исторической интерпретации лексики нахско-дагестанских языков пока немногочисленны и затрагивают главным образом нахский материал⁵⁹.

⁵⁷ Гайдаров Р. И. Лексика лезгинского языка.

⁵⁸ Ср.: Тюркско-дагестанские языковые контакты: Исследования и материалы. Махачкала, 1982: Бокарев Е. А. Цезские (дилойские) языки Дагестана, с. 21—22, 75 и др.

⁵⁹ Ср.: Генко А. Н. Из культурного прошлого ингушей. — В кн.: Зап. коллеги востоковедов при Азнат. музее АН СССР. Л., 1930, Т. 5. Также: Алироев И. Ю. Нахские языки и культура. Грозный, 1978.

ГЕНЕТИЧЕСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ
КАВКАЗСКИХ ЯЗЫКОВ

Среди кавказоведов едва ли не общепризнано, что рассмотрение проблемы генетических взаимоотношений всех групп кавказских языков — абхазско-адыгской, каргвельской и нахско-дагестанской — составляет один из важнейших и наиболее интересных аспектов сравнительного изучения этих языков. Совершенно очевидно, что ее положительное решение позволило бы уже на генетической основе объяснить происхождение по крайней мере части общекавказских структурных и материальных параллелизмов, в настоящее время получающих более правдоподобное истолкование в рамках типологических и ареальных взаимоотношений рассматриваемых языков. Естественно, что реализация последнего условия привела бы к переформулировке основных задач кавказского языкознания и, таким образом, фундаментально изменила бы самый характер проблематики последнего как лингвистической отрасли.

Несмотря на то обстоятельство, что интуитивное мнение об отдаленном родстве всех групп кавказских языков было сформулировано П.К. Усларом еще на раннем этапе их изучения в 1864 г.¹, трудно признать, что в последующий период оно достигло сколько-нибудь заметного успеха. Уже сам П.К. Услар, познакомившись с кавказскими языками несколько ближе, сформулировал несколькими годами позже (в 1870 г.) весьма отличный вывод, согласно которому "горские языки составляют особое семейство или даже несколько семейств"². Наконец, заключительную формулировку П.К. Услара по этому вопросу встречаем в одном из его писем, относящемся, по-видимому, к 1871—1872 гг., где он признает существование только на Северном Кавказе "двух семейств: западнокавказского и восточнокавказского"³ (несколько позднее Фр. Мюллер утверждал, что в пользу родства рассматриваемых языков можно привести столько же доводов, сколько и против него⁴).

Хотя в течение очень длительного времени знакомство с фактическим материалом подавляющего большинства кавказских языков оставалось довольно фрагментарным, важнейшую по своему существу субъективную причину по сей день неопределенной в этом отношении ситуации (если, естественно, отвлечься от возможного отсутствия самого объективного факта родства) следует видеть в серьезном отставании методической оснащенности исследования, сопутствовавшем немногочисленным в истории науки опытам межгруппового сравнения. Об этом достаточно красноречиво свидетельствует уже то обстоятельство, что некоторые лингвисты ожидали обоснования гипотезы внутреннего родства кавказских языков

¹ Услар П.К. Этнография Кавказа: Языкознание. Тифлис, 1888, II. Чеченский язык. Отд. I. Письма, с. 35.

² Там же, с. 49.

³ Магомедов А.А. Неизданные письма П.К. Услара. — Вестн. АН ГрузССР, ОЛЯ, 1968, 5, с. 200.

⁴ Müller Fr. Über die sprachwissenschaftliche Stellung der kaukasischen Sprachen. — In: Orient und Occident, Göttingen, 1864, II.

от совершенно недоказательной в генетическом плане типологической или характерологической аргументации или от накопления некоторой суммы материальных соположений, объем которых также не зависит каким-либо образом от характера генетических взаимоотношений языков.

В направлении соответствующих работ, которое было представлено в прошлом трудами Н.Я. Марра, П. Чарая и И.А. Джавахишвили, поставленную проблему предполагалось разрешить накоплением структурных и материальных параллелизмов между конкретными кавказскими языками⁵ (подобный подход дает иногда о себе знать и в настоящее время). Так, единственное посвященное этому вопросу исследование известного советского историка прошлого И.А. Джавахишвили, обнаруживает незнание автора с методами лингвистической компаративистики и, в частности, с той выдающейся ролью, которая принадлежит в ней постуляции системных фонетических соотношений в материале (ср., впрочем, резко расходящийся с содержащимся в книге опытом положительного решения вопроса тезис автора, согласно которому "на современном этапе изучения так называемых кавказских языков мысль об их тождестве (генетическом. — Г.К.) не может быть выдвинута даже в виде рабочей гипотезы"⁶). Даже Н.С. Трубецкой в период своего увлечения идеей возможности структурного определения языковых семей высказывался в пользу родства абхазско-адыгских и нахско-дагестанских языков на основании всего лишь таких трех общих, как ему представлялось, для них структурных параллелизмов, каковыми, по его мнению, являются: а) богатство согласными фонемами, б) различие активного (т.е. эргативного. — Г.К.) и пассивного (т.е. абсолютного) падежей, в) историческая моноконсонантность глагольного корня, а также ряда общих элементов в словарном фонде⁷. Естественно, что при таком подходе, полностью игнорировавшем уже хорошо известный компаративистике того времени фактор системности соотношения элементов родственных языков, за которым нетрудно увидеть недооценку принципа системной организации языковой структуры, обоснование гипотезы внутреннего родства кавказских языков не могло быть сколько-нибудь продвинуто.

Между тем история языкознания убедительно продемонстрировала, что любой критерий, связанный со сходством в структуре и материале сравниваемых языков, не способен заменить общепринятого в методике современной компаративистики метода выявления системных соотношений в материале (должно быть очевидным, в частности, что даже возрастание объема сходств в языках с углублением исследования в историю последних может иметь не генетическое, а типологическое или ареальное объяснение). К каким недоразумениям приводит опора на критерии

⁵ *Марр Н. К вопросу о положении абхазского языка среди яфетических.* — МЯЯ. СПб., 1912, V; *Чарая П. Об отношении абхазского языка к яфетическим.* — МЯЯ. СПб., 1912, IV; *Джавахишвили И.А. Первоначальный строй и родство грузинского и кавказских языков: Введение в историю грузинского народа.* Тбилиси, 1937, II, особенно с. 91 и 97—104. На груз. яз.

⁶ *Джавахишвили И.А. Первоначальный строй ...*, с. 91.

⁷ *Troubetzkoy N. Langues caucasiques septentrionales.* — In: *Les langues du monde.* Paris, 1924, p. 327—328.

сходства в решении генетических проблем, красноречиво свидетельствует опыт индоевропеистики на раннем этапе ее развития, когда Фр. Бопп "установил" родство огромной совокупности языков Старого Света в составе индоевропейских, малайско-полинезийских и картвельских⁸. Общеизвестно, что генетическое единство самих индоевропейских языков стало неоспоримым фактом лишь после того, как А. Потт последовательно проверил материал, сравнивавшийся в известной юношеской работе Фр. Боппа, по системе звуковых корреспонденций⁹.

Таким образом, нельзя согласиться с встречающимся еще в сравнительно недавнем прошлом высказыванием, согласно которому в истории сравнительно-исторического языкознания звуковые соответствия устанавливаются лишь как завершение сравнительно-исторического изучения родственных языков. Е.А. Бокарев писал в этой связи следующее: "И.М. Дьяконов совершенно правильно указывает... , что сравнительно-историческое изучение семитских языков началось как раз с установления таких соответствий; начало сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков также связано с установлением Раском и Гриммом перебора в германских языках. Но если даже признать, что индоевропейское языкознание не сразу пришло к положению о регулярности звуковых соответствий, то это не значит, что при сравнительно-историческом изучении других языковых групп можно игнорировать опыт индоевропейского языкознания и механически копировать методику начальных периодов развития сравнительно-исторического метода. При сравнительно-историческом изучении кавказских языков надо учесть все достижения сравнительно-исторического языкознания и в том числе вывод о том, что наличие закономерных звуковых соответствий является неизменным условием генетического сближения языков"¹⁰. Незнакомство с этим обстоятельством в довольно широких кругах кавказоведов привело к тому, что известный немецкий картвелист Г. Феррих был вынужден опубликовать специальную монографию, посвященную критериям обоснования генетического родства языков в современной лингвистике¹¹.

Тем более трудно разделить точку зрения, согласно которой в абхазско-адыгских языках, в родстве которых у кавказоведов нет сомнений, пока еще не выявлены закономерные соответствия (впрочем, при этом делается исключение для фонетических корреспонденций адыг. $\underline{1}$ ~ абх.-абаз. \underline{z} , адыг. \underline{x} ~ абх.-абаз. \underline{y} и адыг. $\underline{1}$ ~ абх.-абаз. \underline{y}). Это мнение высказывают главным образом кавказоведы, не признающие звукосоответствиями фонетические соотношения так называемой идентичности. Между тем,

⁸ *Bopp Fr.* Über die Verwandtschaft der malayisch-polynesischen Sprachen mit den indisch-europäischen. Berlin, 1841; *Idem.* Die kaukasischen Glieder des indoeuropäischen Sprachstamms. Berlin, 1847.

⁹ *Pott A.* Etymologische Forschungen auf dem Gebiete der Indo-Germanischen Sprachen, mit besonderem Bezug auf die Lautumwandlung im Sanskrit, Griechischen, Lateinischen, Littauischen und Gothischen. Lemgo; Detmold, 1833-1836, Bd. I, II.

¹⁰ *Бокарев Е.А.* К итогам дискуссии о "хеттско-иберийском" языковом единстве. - ВЯ, 1956, № 1, с. 71-72.

¹¹ *Феррих Г.* Критерии обоснования генетического родства языков и некоторые вопросы основных морфемных структур раннего общекартвельского языка-основы. Тбилиси, 1978. На груз. яз.

подобно тому как это имеет место в картвельских и нахско-дагестанских языках, такие системные звукосоответствия прослеживаются и в абхазско-адыгских языках, о чем свидетельствует целый ряд публикаций советских и зарубежных авторов¹².

Естественно поэтому, что принципиальный шаг в методической вооруженности рассматриваемой гипотезы может наступить только с распространением среди кавказоведов убеждения в том, что любые структурно-сопоставительные штудии, хотя бы дополненные некоторой совокупностью материальных соположений, в лучшем случае способны определить возможный ориентир для последующего сравнительно-генетического исследования (ср., например, в какой-то степени подобную роль известных классификаций Э. Сэпира и Дж. Гринберга в изучении генетических взаимоотношений соответственно североамериканских и африканских языков) и что генетическое доказательство должно быть связано исключительно со сравнительно-историческим исследованием и в первую очередь с обнаружением системы закономерных звукосоответствий в исконом материале, подобно тому как именно констатацией закономерных звукосоответствий была обоснована генетическая целостность каждой из отдельных групп кавказских языков¹³.

”Если бы между картвельскими и севернокавказскими языками, — пишет в этой связи Т.В. Гамкрелидзе, — прослеживалась общность закономерного характера (т.е. не являющаяся результатом случайных совпадений или заимствования) в субстанции значимых элементов — корневых и аффиксальных морфем, — то она бы с необходимостью проявилась в наличии регулярных звуковых (фонемных) соответствий между картвельскими и севернокавказскими языками. Поскольку такого рода фонемные соответствия между отдельными группами кавказских языков не выявлены (между картвельскими, с одной стороны, и абхазско-адыгскими и нахско-дагестанскими — с другой), утверждения о существовании между ними ”материальной общности морфем” носят во всяком случае преждевременный характер. Научная правомерность объединения картвельских и северно-кавказских языков в общую генетическую семью всегда будет оспариваться теми исследователями, которые, исходя из принципов современной диахронической лингвистики, считают генетическое родство между языками окончательно доказанным лишь в том случае, если между ними

¹²Ср.: *Troubetzkoy N. Les consonnes laterales des langues caucasiques septentrionales.* — BSLP, 1922, t. XXIII, f. 3, p. 188–189 et 199; *Домтагидзе К.В. К генезису одного ряда троечных спирантов в адыгских языках.* — Докл. и сообщ. Ин-та языкознания, 1953, IV, с. 91–98; *Deeters G. Die kaukasischen Sprachen.* — In: *Handbuch der Orientalistik.* Leiden; Köln, 1963, 1 Abt., 7 Bd. Armenisch und kaukasische Sprachen; *Lafon R. Les sibilantes labialisées dans les langues caucasiques septentrionales.* — *Bedi Kartlisa.* Paris, 1965, vol. XIX–XX; *Idem. Notes de phonétique comparée des langues caucasiques du Nord-ouest.* — *Ibid.*, Paris, 1966, vol. XXI–XXII; *Климов Г.А. Вопросы методики сравнительно-генетических исследований.* Л., 1971, с. 28.

¹³Ср., например: *Sommerfelt A. Études comparatives sur le caucasique du Nord-Est.* — NTS, 1934, Bd. VII; 1938, Bd. IX; 1947, Bd. XIV; *Бокарев Е.А. Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков.* Махачкала, 1961; *Мачавариани Г.И. Общекартвельская консонантная система.* Тбилиси, 1965. На груз. яз., и мн. др.

устанавливаются фонемные соответствия закономерного характера"¹⁴. Иначе говоря, обоснования родства всех групп кавказских языков можно ожидать лишь на том же пути, на котором приводятся строгие доказательства их внутригруппового генетического единства. "Пока эти регулярные соотношения, — пишет Г.В. Церетели, — не будут установлены, вопрос о генетических связях между картвельскими языками и горскими языками Кавказа останется скорее предметом веры, чем знания, и как бы велика ни была эта вера, положению о родстве она доказательной силы не прибавит"¹⁵.

Отсутствие у кавказоведов контакта с опытом классической компаративистики не позволяло, однако, до начала 60-х годов внедрить в исследовательскую практику этот критерий, зарекомендовавший себя в силу своей универсальности во всех остальных отраслях генетического языкознания.

Так, в кавказоведческой литературе получило распространение мнение, будто закономерные соотношения, представленные фонетически однородными звукотипами (например, /o/ ~ /o/, /s/ ~ /s/, /m/ ~ /m/ и т.п.), не являются соответствиями, так как "идентичное" является будто бы "недифференцированным материалом", представляющими собой не соответствия, а совпадения. "Такая точка зрения, — как указывает Г.В. Церетели, — привела бы к отрицанию регулярности фонологических соответствий между родственными языками, что по существу означает отрицание тех принципов, на которых зиждется сравнительно-историческое языкознание"¹⁶.

Отсутствие такого контакта внушало даже отдельным кавказоведам, в частности картвелистам, мысль, что звуковые соответствия в кавказских языках "специфичны" и имеют "более сложный характер", чем в индоевропейских языках (подобное впечатление возникало, по всей вероятности, на фоне неудачных опытов выявления звукосоответствий в ходе сопоставления материала отдельных современных представителей разных групп этих языков). "Однако, как это выявили последующие исследования, — пишет в этой связи Т.В. Гамкрелидзе, — за "специфичностью" и "более сложным характером" звуковых соответствий в картвельских языках, по сравнению с языками индоевропейскими, скрывалось фактически неудовлетворительное состояние сравнительного картвельского языкознания, недостаточная изученность картвельского языкового материала и отсутствие строгих методов анализа при установлении соответствий между лингвистическими единицами. В таких условиях нельзя было, естественно, рассчитывать на создание сколько-нибудь удовлетворительной системы сравнительной грамматики картвельских языков, сводящей воедино все многообразие исторических структур и хотя бы отдаленно сравнимой с системой сравнительной грамматики языков индоевропейских или семит-

¹⁴ Гамкрелидзе Т.В. Современная диахроническая лингвистика и картвельские языки. П. — ВЯ. 1971, № 3, с. 43—44.

¹⁵ Церетели Г.В. О теории сонантов и аблаута в картвельских языках. — В кн.: Гамкрелидзе Т.В., Мачавариани Г.И. Система сонантов и аблаут в картв. языках: Типология общекартв. структуры. Тбилиси, 1965, с. 048—049.

¹⁶ Там же, с. 033—034.

ких¹⁷. То же самое следует сказать и о характере звукосоответствий и в остальных группах кавказских языков, с успехом исследуемых посредством классической процедуры сравнительного языкознания. Не приходится, разумеется, сомневаться в том, что кавказские языки не составляют в рассматриваемом отношении какого-либо исключения на фоне остальных языков мира.

Как это уже неоднократно подчеркивалось в специальной литературе, доказательство генетических связей между кавказскими языками (если абстрагироваться от возможного отсутствия самого факта родства между ними) сопряжено вместе с тем и с серьезными трудностями объективного порядка, заставляющими настаивать на максимальной строгости применения соответствующей процедуры. В этом контексте достаточно ограничиться приведением довольно яркой формулировки А. Мейе, суммировавшего объективные трудности кавказской компаративистики следующим образом: "Нигде, как здесь, не требуется максимальная тонкость в изысканиях. Приходится стоять перед простыми обломками. Исторические данные не снабжают почти ничем. Сравнительный метод оказывается, следовательно, особенно трудным для применения на практике как вследствие того, что эти языки, за исключением грузинского, засвидетельствованы в новое время, так и вследствие особенностей структуры самих языков и, что еще более тяжко, вследствие того факта, что вначале не видно никакого общего великого культурного языка. Потому-то, как и везде, где работа сопряжена с особыми трудностями и где трудность подойти к чему-либо удерживает осторожные умы, множатся, как это видим, торопливые попытки и скороспелые выводы в этой области, где нередко фантазия играет чересчур большую роль"¹⁸.

Непредубежденному исследователю бросаются в глаза не только существующие между их отдельными группами серьезные расхождения структурного плана, но и, если, конечно, оставить в стороне многочисленные совместные заимствования интернационализмов мусульманского мира, а также весьма значительный в кавказских языках пласт звукоподражательной и звукосимволической лексики, резко очерченная материальная специфика каждой из их групп. Так, здесь глубоко различен состав основных рядов местоимений и числительных. То же самое касается фонда прилагательных (уместно заметить, что даже в рамках картвельских языков почти не видно прилагательных, способных претендовать на общекартвельский характер). Весьма немного сопоставимых лексем и среди имен существительных и глаголов. Например, согласно подсчетам Г. Деетерса, из ста словарных (фактически — корневых) сопоставлений, предложенных в свое время Н.С. Трубецким с целью накопления материала обеих севернокавказских групп для поисков закономерных звукосоответствий¹⁹, ныне ед-

¹⁷ Гамкрелидзе Т.В. Современная диахроническая лингвистика и картвельские языки. I. — ВЯ, 1971, № 2, с. 25–26; ср.: Мачавариани Г.И. Сравнительно-исторический метод и картвельские языки. — В кн.: Проблемы языкознания. Докл. и сообщ. сов. ученых на X Междунар. конгр. лингвистов. М., 1967, с. 262–263.

¹⁸ Meillet A. Peu. на Caucasicca. Ed. A. Ditt. — BSLP, 1927, t. XXVII, f. 2, p. 192–193.

¹⁹ *Trubetzkoy N. Nordkaukasische Wortgleichungen.* — In: Wiener Zeitschr. für die Kunde des Morgenlandes. Wien, 1930, XXXVII, 1–2.

ва ли половина сохраняет интерес с точки зрения генетического исследования, и можно отметить всего лишь около двадцати общекавказских лексических изоглосс, способных претендовать на исконный характер. С другой стороны, не менее строго подходящий к решению генетических проблем Х. Фогт указывает, что общекавказские лексические параллелизмы могут быть пересчитаны по пальцам²⁰. Не случайно, что выполненные на базе известной методики М. Сводеша опыты лексико-статистического анализа материала обнаружили очень низкий процент схождений в так называемом основном словаре (basic vocabulary) между избранными единицами сравнения, характеризующий и неродственные языки. Так, процент схождений между грузинским и адыгейским составляет от 5,14 до 7,52%, между грузинским и аварским — от 5,60 до 3,22% и между адыгейским и аварским — от 9,76 до 12,90%²¹. Глубокие различия здесь в словаре подчеркивает и Ж. Дюмезиль, еще в 30-х годах этого столетия отчетливо видевший непосредственную несопоставимость лексического материала отдельных групп кавказских языков²².

Ж. Дюмезилью принадлежит и одна из наиболее ранних попыток преодоления подобных трудностей своеобразным подходом к материалу, справедливо охарактеризованным в свое время Л.И. Жирковым как отступление от классической методики компаративизма. В соответствии с этим подходом поиски закономерных звукосоответствий между отдельными группами кавказских языков рекомендовалось продолжить на материале грамматических морфем, а не в словаре. "В то время как фонетические соотношения, которые можно постулировать сравнением словарей в собственном смысле слова, — писал Ж. Дюмезиль еще в 1933 г., — очень нестабильны, фонетические соответствия, устанавливаемые между формативами..., часто представляются замечательно четкими и стабильными"²³. Однако в дальнейшем это предложение не нашло своей реализации не только у других кавказоведов, но и в исследовательской практике даже самого Ж. Дюмезиля (имеется лишь одно исключение²⁴). Более того, уже в 1935 г. Г. Деетерс подчеркнул, что подобный способ решения компаративистских задач не позволяет ожидать какого-либо прогресса в построении сравнительной грамматики кавказских языков²⁵. Действительно, известная ог-

²⁰ Ср.: Deeters G. — Рец. на кн.: Bouda K. Baskisch-kaukasische Etymologien. — Deutsche Literaturzeitung, 1952, Jg. 73, 4, стлб. 209; Vogt H. Le basque et les langues caucasiennes, — BSLP, t. LI, f. 1, 1955, p. 134; см. также: Kuipers A.H. Phoneme and morpheme in Kabardian (Eastern Adyghe), 's-Gravenhage, 1960, p. 109–112. Скептически оценивает попытку Н.С. Трубецкого и В. Пизани. См.: Pisani V. Sulla "Introduzione allo studio delle lingue caucasiche" di Adolfo Ditt. — In: Pisani V. Linguistica generale e indoeuropea. Milano, 1947, p. 214.

²¹ Tovar A. El método lexico-estadístico y su aplicación a las relaciones del vascuence. San-Sebastiano, 1961, p. 13.

²² Dumézil G. Langues caucasiennes. — In: Les langues du Monde. Paris, 1952, p. 228.

²³ Dumézil G. Introduction à la grammaire comparée des langues caucasiennes du Nord. Paris, 1933, p. 22–24; Idem. Morphologie comparée et phonétique comparée (A propos des langues caucasiennes du Nord). — BSLP, 1937, t. XXVIII, f. 1, p. 121–138.

²⁴ Dumézil G. Recherches comparatives sur le verbe caucasien. — In: Bibliothèque de l'Institut français de Leningrad, Paris, 1933, XV.

²⁵ Deeters G. — In: Orientalistische Literaturzeitung, 1935, N 8/9, col. 539; ср. также: Фенрих X. К иберийско-кавказской гипотезе. — ВЯ, 1974, № 2, с. 83.

раниченность фонемного репертуара грамматических аффиксов, а также множество последних в условиях развитой морфологии кавказских языков, казалось бы, делали возможным довольно несложное выявление между ними различных "звукосоответствий". Однако ближайшие исследования продемонстрировали очень существенные расхождения в морфологических системах отдельных групп кавказских языков, резко ограничивавшие объем сколько-нибудь заслуживающих внимания их материальных параллелизмов (достаточно упомянуть, например, полное отсутствие или минимальную развитость падежной парадигмы в абхазско-адыгских языках при коренным образом отличной картине в нахско-дагестанских, глубокие категориальные различия морфологической структуры глагола в обеих севернокавказских группах, отсутствие лексической и морфологической категорий класса, обособляющее картвельские языки от остальных и т.п.).

Другое объективное препятствие на пути генетического доказательства составляет малоконсонантная структура корневых и аффиксальных морфем, типичная для обеих севернокавказских групп. "Языковеды, оперирующие короткими корневыми элементами, а иногда даже (расчленивая корни) частями их, — писал в этой связи А. Мейе, — заранее лишают себя возможности достигнуть искомого доказательства... Сопоставление, опирающееся только на одну или две корневых согласных, не имеет доказательной силы, если только его не подкрепляют особые обстоятельства"²⁶. Последнее препятствие, однако, еще более усугубляется широко признанным в кавказоведении так называемым моновокалическим характером общеабхазско-адыгской фонологической системы, от которого весьма недалеко удалились и ее продолжения в современных абхазско-адыгских языках. Сказанное означает, что учет вокализма в сопоставляемом материале остается возможным лишь при сравнении картвельских и нахско-дагестанских фактов.

Приходится учитывать, далее, что ввиду ограниченной развитости исторической словообразовательной аффиксации в севернокавказских языках (особенно характерной для абхазско-адыгских языков) лексическое сравнение возможно здесь, как правило, исключительно на корневом уровне, соотносясь, таким образом, с так называемой дальней этимологией, со всеми присущими ей слабыми сторонами, в частности, лишенной контролирующих потенций словообразовательного анализа.

Наконец, не благоприятствует генетическому доказательству и то, что, за исключением грузинского языка, засвидетельствованного письменными памятниками, начиная с V в. н.э. (и, как уже указывалось выше, вероятным исключением удинского), кавказские языки не располагают сколько-нибудь древней фиксацией материала.

В соответствии с принципами классической компаративистики Н.С. Трубецкой писал, что "сравнительная грамматика кавказских языков — если только все кавказские языки в действительности составляют единую лингвистическую семью — не будет возможной до тех пор, пока не будут созданы сравнительная грамматика картвельских языков, с одной стороны, и

²⁶ Мейе А. Сравнительный метод в историческом языкознании. М., 1954, с. 36—37; ср.: Meillet A. Рец. на кн.: Dirr A. Einführung in das Studium der kaukasischen Sprachen. — BSLP, 1929, t. XXIX, f. 2, p. 243.

таковая севернокавказских языков — с другой (в начале этой главы уже отмечалось, что Трубецкой придерживался точки зрения о родстве абхазско-адыгских и нахско-дагестанских языков. — Г.К.). Обе эти грамматики должны быть построены независимо друг от друга, с тем чтобы каждая из них выполняла свои задачи. И для того чтобы хорошо справиться с этой работой, следует начать со сравнительной фонетики, затем перейти к морфологии и синтаксису, подобно тому как ее выполняют для всех остальных лингвистических семей мира²⁷.

Достаточно очевидно между тем, что состояние разработки сравнительной грамматики абхазско-адыгских и особенно нахско-дагестанских языков существенно отстает от уровня, достигнутого к настоящему времени сравнительной грамматикой картвельских языков. В частности, значительным отставанием характеризуются ее такие важнейшие в плане генетического доказательства компоненты, как сравнительно-фонетические и этимологические исследования. Так, например, если картвельская этимология располагает ныне целым рядом монографий и руководствуется в основном классической методикой компаративистики²⁸, то этимологическая разработка огромного лексического материала обеих севернокавказских групп представлена всего лишь двумя работами по абхазско-адыгским языкам, воздерживающимися к тому же от реконструкции соответствующих архетипов²⁹ (справедливо будет сказать, что севернокавказская этимология по существу есть этимология без этимонов). Если в картвельском языкознании построены всего две различные модели праязыковой фонологической системы, то имеется несколько опытов реконструкции фонемного инвентаря нахско-дагестанского праязыкового состояния, варьирующих в существенных отношениях (заметные расхождения характеризуют взгляды лингвистов на системы прафонем в рамках отдельных подгрупп этих языков). Следует подчеркнуть также, что именно в севернокавказском языкознании все еще имеет некоторое распространение практика трехэлементного анализа субстантивов на классный префикс, моноконсонантный корень и так называемый суффикс-детерминант, исходящая из мнения, что в древнейшую историческую эпоху "корневой элемент, — как пишет А.С. Чикобава, — обычно конкретизовался в виде именной основы путем наращивания детерминативного суффикса и префикса, показателя грамматического класса... Так, напр., груз. сл. (т.е. грузинское слово. — Г.К.) *datvi* 'медведь', казалось бы, ничего общего не имеет с аварским *si* ('медведь'), но стоит учесть, что в основе *datv*-,*v* (← *u*) детерминант осно-

²⁷ *Troubetzkoy N.* Les consonnes laterales..., p. 184–185; ср. также: *Troubetzkoy N.* Nordkaukasische Wortgleichungen; *Vogt H.* La parenté des langues caucasiennes. — NTS, 1942, Bd. XII, p. 247; *Бокарев Е.А.* Задача сравнительно-исторического изучения кавказских языков. — ВЯ, 1954, № 3, с. 43; *Климов Г.А.* О гипотезе внутреннего родства кавказских языков. — ВЯ, 1968, № 6, с. 19.

²⁸ Ср.: *Чикобава А.С.* Чанско-мегрельско-грузинский сравнительный словарь. Тбилиси, 1936. На груз. яз.; *Климов Г.А.* Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964; *Андроникашвили М.К.* Очерки по иранско-грузинским языковым взаимоотношениям. Тбилиси, 1966, I. На груз. яз.

²⁹ *Шагиров А.К.* Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. М., 1977, А–Н; М., 1977, П–Т; *Он же.* Материальные и структурные общности лексики абхазо-адыгских языков. М., 1982.

вы, да- — префикс категории вещи, корневым же элементом служит лишь -t-, чтобы генетическая связь этих двух столь отличных ныне слов облеклась в форму осязаемой реальности³⁰. Если, однако, принять во внимание, что системность звукосоответствия груз. (картв.) t ~ авар. (нах.-даг.) с так и не была продемонстрирована, а необходимость исторического вычленения префикса да- и суффикса -v осталась непоказанной, то степень достоверности такого трехэлементного анализа окажется очень близкой к эффекту четырехэлементного, который в свое время пропагандировался в кавказоведении представителями школы Н.Я. Марра. Неудивительно поэтому, что этот метод получил в специальной литературе негативную оценку³¹ и в настоящее время по существу не используется на практике.

Незнакомство некоторых кавказоведов с испытанной методической базой компаративистики и, в частности, еще, по-видимому, встречающаяся у них оценка сравнительной реконструкции как некоторой фикции (в отличие от остальных компаративистических дисциплин в кавказоведении до последнего времени лишь очень немногие исследователи прибегают к помощи формул под знаком астериска), обусловили целую серию опытов поиска межгрупповых звукосоответствий на базе непосредственного сопоставления материала их отдельных современных представителей. Чтобы убедиться в примитивности подобного подхода к языкам, в лучшем случае родственным лишь отдаленно, достаточно заметить, что еще более шестидесяти лет назад В. Порциг подчеркивал, что в индоевропеистике никто не занимается таким сравнением — скажем, новоперсидского с английским, — вместо которого обращаются к предварительной реконструкции соответствующих групповых праязыковых состояний³². Между тем характерная для сторонников иберийско-кавказской гипотезы практика все еще сводится к непосредственному сопоставлению, например грузинского материала с абхазским, удинским или аварским, кабардинского материала с аварским, ахвахским или лакским и т.п. Бросается в глаза при этом, что выбор компонентов сравнения обуславливается при этом не логикой предшествующего исследования, обычно подготавливающей некоторые исходные рубежи для последующего поиска, а всецело субъективным фактором профессиональных интересов исследователя.

Естественно, что фонологические соотношения, выявляющиеся в ходе такой процедуры, оказываются не регулярными, а спорадическими, т.е. наблюдающимися в единичных случаях. Однако еще более существенно то обстоятельство, что намечаемые звукосоответствия не образуют единой системы, только и способной, как известно, служить критерием достоверности любого генетического исследования. Если к сказанному добавить некоторые другие объективные факторы, сопровождающие изучение вза-

³⁰ Чикобава А.С. Древнейшая структура именных основ в картвельских языках. Тбилиси, 1942, с. 279–280.

³¹ Ср.: Schmidt K.H. Studien zur Rekonstruktion des Lautstandes der südkaukasischen Grundsprache. Wiesbaden, 1962, S. 18; Vogt H. Contribution à la reconstruction du phonétisme du kartvélien commun. — Bedi Kartlisa, 1963, vol. XLIII–XLIV, p. 33; Гамкрелидзе Т.В. Современная диахроническая лингвистика и картвельские языки. I, с. 27–28.

³² Porzig W. Рец. на кн.: Meillet A. La méthode comparative en linguistique historique. Oslo, 1925. — Indogermanische Forschungen, 1928, Bd. XLVI, H. 3, S. 263.

имоотношений различных групп кавказских языков, в частности нередкий моноконсонантизм глагольного корня, то будет нетрудно увидеть, что значимость подобных звукосоответствий для генетического доказательства близка к нулю. Так, например, звукосоотношение груз. *m* ~ абх. *b*, констатируемое одним из авторов всего лишь на основании двух примеров (др.-груз. *mḡem-i* 'младший' ~ абх.-абаз. *aḡba* то же, груз. *txem-i* 'вершина, голова' ~ абх. *a-xəb* 'крыша', где при неразложимости в свете картвелестики грузинских основ абхазские слова обнаруживают очевидную вычленимость элемента *b*), едва ли может представлять в рассматриваемом здесь отношении какой-либо интерес, пока оно не будет поддержано более широким системным контекстом фонологических корреспонденций (например, однотипным соотношением груз. *p* ~ абх. *d*). Необходимо, впрочем, оговориться, что сторонники охарактеризованного подхода, по-видимому, и не настаивают на доказательности таких соотношений, поскольку они убеждены, что родство кавказских языков в принципе уже установлено до постуляции звукосоответствий в их материале.

Для иллюстрации совокупности трудностей, подстерегающих попытки межгруппового сравнения материала этих языков, даже в случае его предварительного сведения к определенным праязыковым архетипам, целесообразно привести краткий комментарий к нижеследующим, на наш взгляд, более или менее интересным общекавказским словарным параллелизмам. Помимо следующих ниже пословных комментариев здесь необходимо сделать общую оговорку о значительной условности приводимых абхазско-адыгских и особенно нахско-дагестанских архетипов, которые другим исследователям могут рисоваться существенно отличным образом.

Абхазско-адыгский	Картвельский	Нахско-дагестанский
1. *g ^w (a) 'сердце'	*gul- 'сердце'	*raḡw- 'сердце'
2. *ps(a) 'душа'	*sul- 'душа'	*ḡwa- 'душа' (?)
3. *daɣ ^w (a) 'локоть'	*daḡw- 'локоть'	*raḡw- 'локоть'
4. *c(a) 'зуб'	*cal- 'штука'	*ca- 'один'
5. *tq ^w (a) 'два'	*tqub- 'двойня'	*ḡwa- 'двадцать'
6. *x(a) 'три'	*sam- 'три'	*tab- 'три'
7. *tx ^w (a) 'пять'	*xut- 'пять'	*xw- 'пять'
8. *hw(a) 'собака'	*xwad- 'самец'	*xwar- 'собака'
9. *cəɣ ^w (a) 'мышь'	*ciḡw- 'белка'	*ciḡu- 'ласка'
10. *q ^w (a) 'свинья'	*ɣox- 'свинья'	*qwar- 'свинья'
11. *m(a)za 'луна'	*mz ₁ e- 'солнце'	*ʒaz- 'луна'
12. *zaz(a) 'шило'	*zez(w)- 'колючка, шип'	*zaza- 'колючка, шип'
13. *c ^w (a) 'воск'	*c ₁ wil- 'воск'	*cɣ- 'воск'
14. *ʒə 'соль'	*z ₁ m- 'соль'	*zam- 'соль'
15. *ɣ ^w (a) 'сухой, серый'	*ɣw-it- 'желтый'	*ɣur- 'сухой'
16. *px(a) 'теплый'	*px- 'теплый' (?)	*px- 'теплый'
17. *ɕ ^w 'жечь'	*ɕ ₁ w- 'жечь, болеть'	*ɕw- 'болеть'

Абхазско-адыгский	Картвельский	Нахско-дагестанский
18 *z- 'цедить'	*z ₁ - 'донить' (?)	*z(w) 'донить'
19. *kʷag- 'катить, -ся'	*gog- 'катить, -ся'	*gug- 'катить, -ся'
20. *m(a)- 'тот, он'	*ma- 'тот, он'	*ma- 'тот, он'

1. Отнесение к данному ряду нах.-даг. *gakw- (*ɖakw-) 'сердце', связанное, как известно, еще с именем К.П. Услара³³, остается весьма проблематичным ввиду недоказанности префиксального характера начального га- в его структуре (существует небезосновательное предположение, согласно которому классные префиксы исторически характеризовали в этих языках субстантивы только отглагольного происхождения³⁴). Если в дальнейшем удастся все же обосновать префиксальный характер этого элемента (в последней связи возникает, по-видимому, нелегкая задача доказательства функционирования в прошлом нахско-дагестанских языков именной посессивной флексии), то потребуются объяснить факт его повсеместного сохранения в обозначении локтя, где нередко также усматривают окаменелый классный префикс (в противном случае открывается простор для произвольных манипуляций с начальными элементами более широкого круга сопоставляемых субстантивов). Звукосоответствие абх.-адыг. g ~ картв. g ~ нах.-даг. k не только не прослежено на сколько-нибудь достоверном материале, но и тем более не помещено в рамки системного соотношения других звонких фонем (ср. в этой связи сопоставления № 3, 12—14 и 19).

2. Нахско-дагестанский архетип строится исключительно по показаниям языков нахской подгруппы (ср. чеч., инг. sa 'душа' < *sʷa). Нахское слово, возможно, связано с дагестанскими глагольными основами типа авар. sunɬ-ize, арч. sunɬ-bos 'нюхать', однако имеет идеофонический характер³⁵ (ср. и.-евр. *suc- 'сопеть' и его производные), что не позволяет его использовать для доказательства генетических связей языков. Абхазско-адыгская праформа будет сопоставима с картвельской в случае, если удастся обосновать предположение Н.Я. Марра о ее происхождении из более древнего *sw³⁶. Впрочем, нельзя исключать дескриптивный характер соответствующего корня и в картвельских языках (ср. груз. и мегр. su! 'тихо, молчи!').

3. Нахско-дагестанская праформа, в которой ↓ передает звонкий, так называемый седьмой, латеральный согласный, опирается только на данные нахской и авароандоцезской подгрупп, ср.: чеч., инг. dūol : dal, авар. ruɬ 'локоть' (возможность отнесения сюда же нах.-даг. *daɬ 'локоть (мера длины)' весьма сомнительна)³⁷. Абхазско-адыгский архетип выводится

³³ Ср., например: Услар П.К. Этнография Кавказа, с. 35; также: Марр Н.Я. Неполный источник истории кавказского мира. — Изв. АН, 1917, с. 312—313.

³⁴ Талибов Б.Б. К вопросу о структуре именных и глагольных основ в лезгинских языках. — В кн.: Тез. докл. на науч. сессии по сравн.-истор. изучению ибер.-кавказ. языков Сев. Кавказа (14—17 июня 1965 г.). Махачкала, 1965, с. 48.

³⁵ Кубрик А.Е., Коджасов С.В., Оловяникова И.П., Самедов Д.С. Опыт структурного описания арчинского языка. М., 1977, т. 1. Лексика. Фонетика, с. 81.

³⁶ Марр Н.Я. К вопросу о положении абхазского языка..., с. 6.

³⁷ Ср.: Климов Г.А. Кавказские этимологии (1—8). — В кн.: Этимология. 1968. М., 1971, с. 227—228.

только по показаниям адыгских языков (и с оглядкой на факты других групп кавказских языков). Для выделения в слове бывшего классного префикса *da-* или *ta-* не видно оснований (абх. *baω* 'кость' сопоставимо с адыг. *pa(a)* 'кость, остов', а не с обозначением локтя).

4–5. По мнению Г. Деетерса, обе картвельские формы могут быть обязаны воздействию древнего абхазско-адыгского субстрата³⁸ (в этой связи интересна закреплённость обоих в едином словосочетании *ɟubis cali* 'один из двойни'). Ср., однако, № 7, где консонантному комплексу абхазско-адыгского архетипа противостоят другие архетипы без анлаутного *t*. Без объяснения остается исход картвельских праформ. Принадлежность к № 4 нахско-дагестанского слова вызывает нередко сомнения (поэтому вместо него иногда указывают на нах.-даг. **cal* 'зуб' (реконструкция весьма условна). Аналогичным образом, маловероятна возможность соотнесения с № 5 нах.-даг. **ɟwa* (**ɟqwa*), поскольку обозначение двадцати строится в языках с вигезимальной системой словообразования числительных на иных принципах, нежели в языках с децимальной системой³⁹.

6. Сопоставить эти архетипы нелегко фонетически. Согласно Р. Лафону, к сравнению с картвельской праформой из всех нахско-дагестанских слов может быть привлечено только таб. *sim-* в составе *simɟu* 'тридцать'⁴⁰. Наименее оправдана постановка в этот ряд абхазско-адыгского архетипа.

7. В этом случае также налицо трудности фонетического порядка. Приходится принимать префиксальность (?) *t* в одной из форм и его суффиксальность в другой, для чего не приведено каких-либо доказательств.

8. Абхазско-адыгский прототип, реконструированный здесь на основании соображений Г. Деетерса и Г.В. Рогава⁴¹, в наибольшей степени отклоняется от других. Существует мнение о неисконности картвельского слова⁴².

9. Нахско-дагестанская праформа предполагается лишь на основе данных некоторых авароандийских языков (авар. *siɟu*, анд. *saɟu* 'палка'). Кист. *siɟo*, цах. *siɟj* и удин. *siɟ* 'белка' – грузинизмы. Общекартвельский (??) архетип базируется только на груз. *siɟw-* 'белка', имеющем, как иногда предполагается, звукоподражательное происхождение. Абхазско-адыгская праформа, по-видимому, разъясняется как композит⁴³.

10. Нахско-дагестанский архетип малодостоверен, поскольку он построен только на базе нахских фактов (неясно, имеет ли сюда отношение рут. *xwar* 'кабан'). В абхазско-адыгском "соответствии", как и в сопоставлении № 8, необъяснимо отсутствие конечного согласного других языков. Неред-

³⁸ Deeters G. Die kaukasische Sprachen, S. 41.

³⁹ Ср.: Menninger K. Zahlwort und Ziffer (Eine Kulturgeschichte der Zeit). Göttingen, 1957, I. Zählreihe and Zahlsprache. 2 Aufl., S. 46–48, 60.

⁴⁰ Lafon R. Etudes basques et caucasiqes. Salamanca, 1952, p. 64.

⁴¹ Deeters G. Der abchasische Sprachbau – Nachrichten von der Gesellschaft der Wissenschaften zu Cöttingen. Philol.-hist. Klasse, 1931, t. 111, N 2, S. 2e0; Рогава Г.В., Керашева З.И. Грамматика адыгейского языка. Краснодар; Майкоп, 1966, с. 42.

⁴² Андроникашвили М.К. Очерки по иранско-грузинским языковым взаимоотношениям, с. 410.

⁴³ Ср.: Шагирова А.К. Этимологический словарь адыгских языков. А–Н, с. 167–168.

ко груз. зан. *γог-предлагают увязать с его индоевропейскими аналогиями на правах культурного заимствования⁴⁴.

11. Привлечение сюда нах.-даг. *баз⁴⁵ в высшей степени проблематично. Сопоставление картв. и абх.-адыг. праформ допустимо при условии исторической выделимости начального согласного в качестве словообразовательного префикса (в противном случае налицо серьезные семантические препятствия их сближения).

12. Основа подобного звукотипа в обозначении колючки выступает и во многих языках за пределами Кавказа (ср. исп. zarza, бурушаски šaš и т.п.; ср. также не имеющее сюда отношения сван. сапсі 'колючка'), что свидетельствует о звуко-символическом ее характере. Впрочем, абх.-адыг. материал может иметь и иное толкование (возможна связь его с глагольной основой *за- 'цить' ср. абх. а-зах-га⁴⁶).

13. Нахско-дагестанский архетип мало достоверен, так как выводим лишь по фактам авароандоцезских языков. Весьма сомнительна возможность проекции самого понятия воска в общекавказское состояние.

14. Абхазско-адыгская праформа не поддерживается адыгским материалом. К тому же она существенно отклоняется от остальных архетипов формально. Нахско-дагестанская праформа выведена весьма условно.

15. Картвельский прототип сугубо предположительно вычленен из картв. *qwi3₁ - 'печень' и груз. qwit-el- 'желтый'. Нелегко сближается и остальной материал.

16. Нахско-дагестанская праформа строится исключительно по данным нахских и авароандоцезских языков. Картвельский архетип усматривается в картв. *те-рх-е 'ясная погода, ведро' и груз. za-rxul-, сван. lu-rxw 'лето'⁴⁷.

17. Абх.-адыг. *č^w (а)- гипотетически вычленяется из адыг. *таč^wа 'огонь'. Нахско-дагестанским компонентом сравнения чаще оказывается не приводимая праформа, а обозначение огня.

18. Картвельский архетип предположительно усматривается в картвельском названии молока, ср. сван. ləže, допускающее трактовку в качестве причастия прошедшего времени⁴⁸. Однако соотнесение понятия 'доить' с общекавказским состоянием было бы грубым анахронизмом. Реконструкция нахско-дагестанской праформы условна.

19. Основа имеет очевидный дескриптивный характер и ничего не дает для генетического доказательства. Бросается в глаза различие в передаче начального консонанта с № 1.

20. Поскольку аналогичные формы местоименной основы 3 л. встречаются

⁴⁴Ср.: Меликишвили Г.А. К вопросу о древнейшем населении Грузии, Кавказа и Ближнего Востока. Тбилиси, 1965, с. 210. На груз. яз.

⁴⁵Реконструкция Н.С. Трубецкого, см.: Troubetzkoy N. Notes sur les désinences du verbe dans les langues tchéchénolesghiennes (caucasiques orientales). — BSLP, 1929, t. XXIX, p. 165.

⁴⁶Ср.: Deeters G. Eine tscherkessische Grammatik. — Caucasia, 1931, f. 9, S. 141.

⁴⁷Ср.: Чарая П. Об отношении абхазского языка., с. 35–37; Чикобава А.С. Чанско-мегрельско-грузинский сравнительный словарь, с. 188–189; Ломтадзе Э.А. Некоторые корневые элементы в иберийско-кавказских языках. — ИКЯ, 1955, т. VII, с. 417–421.

⁴⁸Ср.: Климов Г.А. Этимологический словарь картвельских языков с. 172–173.

ся в самых различных языках мира (индоевропейских, тюркских, американоиндейских и др.), ценность этого ряда архетипов минимальна.

Уже приведенный очень схематический комментарий к сопоставимому лексическому материалу трех групп кавказских языков показывает, что едва ли не все соположения требуют различного рода оговорок. Особенно неудовлетворительно представлены в списке глагольные основы, столь важные, как об этом свидетельствует опыт компаративистики, для процедуры обоснования языкового родства. Отчетливо выступает в нем и наибольшая проблематичность вовлечения в орбиту сравнения нахско-дагестанского материала (ср., в частности, его нередкую весьма ограниченную ареальную соотношенность, затрудняющую обоснование его праязыковой древности). Но, разумеется, самое важное в рассматриваемом отношении обстоятельство составляет то, что рассмотренный фрагмент лексики не дает оснований усматривать в нем не только системности в звуковых соотношениях, но и не обнаруживает даже какой-либо регулярности последних. Целесообразно подчеркнуть и то, что при попытке выявления общекавказских лексических аналогий приходится отказываться от целого ряда соположений северокавказского материала, ранее предложенных Н.С. Трубецким на уровне конкретных языков.

Лишь немногим лучшее впечатление производят материальные параллелизмы, наблюдающиеся между картвельскими и абхазско-адыгскими языками (соответствующие аналогии картвельских и нахско-дагестанских языков выглядят крайне недостоверно). В то же время чрезвычайно скудно представлены лексические параллелизмы и абхазско-адыгских и нахско-дагестанских языков.

В настоящее время можно привести около сорока абхазско-адыгско-картвельских лексических параллелизмов, представляющих интерес с точки зрения соответствующего генетического доказательства, поскольку они охватывают названия некоторых космических явлений, частей тела, некоторых животных, элементарных качеств и действий и некоторые другие важные в рассматриваемом отношении категории слов. Помимо уже упоминавшихся выше двадцати сопоставлений здесь целесообразно привести следующие⁴⁹.

Абхазско-адыгский		Картвельский	
1. *t̄əʷa	'солнце'	*dʷe-	'день'
2. *pqa	'остов, скелет'	*pɣa-	то же
3. *qa	'рука'	*qe (l)-	то же
4. *z ^w (a)	'ребро, бок'	*z ₁ wal-	'кость'
5. *m (a) qa	'бедро'	*muql ₀	'колени'
6. *(t) qam	'шкура'	*qaml-	'шкура овцы, козы'
7. *qəŋq	'глотка, зев'	*qorq-	то же
8. *b (a) ga	'волк, лиса'	* (m) gel-	'волк'
9. *m (a) ʒa	'насекомое'	*mɕ ₁ er-	то же

⁴⁹Ср.: Климов Г.А. Абхазоадыгско-картвельские лексические параллели. — В кн.: Этимология. 1967 М., 1969, с. 286—295.

Абхазско-адыгский	Картвельский
10. *mɕ(a) 'бузина'	*apɕ ₁ l- то же
11. *kaqa 'твердый, яйцо'	*kaqa 'косточка (плода)'
12. *ɬ ^w 'старый' (об одуш.)	*z ₁ w-el- 'старый' (о неодуш.)
13. *tx(a) 'жидкий, редкий'	*ttx-el- то же
14. *x ^w (a)- 'попадать, -ся'	*xw- то же
15. *ɣ- 'держаться, иметь'	*ɣw- 'иметь' (о неодуш. объектах)
16. *(t)laq- 'лакать'	*loq- 'лизать'

Уже самый общий комментарий к приведенным здесь словарным соположениям свидетельствует о весьма ограниченной степени их эффективности.

Во-первых, должно быть очевидным, что во всех этих случаях сравнение остается на уровне так называемой дальней и, следовательно, по своему существу корневой этимологии, что автоматически элиминирует столь важную (в частности, по своим верифицирующим возможностям) составную часть современного этимологического исследования, каковой является словообразовательный анализ. Возможность случайного сходства сопоставленного материала еще более возрастает вследствие исключительно консонантного сравнения, обусловленного обычно принимающимся "моновокалическим" характером общеабхазско-адыгского состояния, а также ввиду малофонемного состава абхазско-адыгских корней (их "стертости", как исторически интерпретировал последнее обстоятельство Н.Я. Марр⁵⁰).

Во-вторых, в целом ряде примеров (ср. № 1, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 10, 13, 15 и 16) сопоставляемые архетипы имеют ограниченную ареальную соотнесенность в рамках обеих языковых групп, вследствие чего их трудно признать общегрупповыми. Так, с одной стороны, картвельские праформы № 3, 5, 7 и 8 не подтверждаются показаниями сванского языка, а, с другой стороны, абхазско-адыгские праформы под № 1, 4, 5, 6, 10 и 14 не получают поддержки фактами либо абхазско-абазинской, либо адыгской подгрупп. В некоторых случаях сопоставляемые основы имеют довольно очевидный дескриптивный — звукосимволический или звукоподражательный — характер (ср. № 7, 11 и 16). В одном случае (№ 9) картвельский архетип является, по-видимому, производным с словообразовательным префиксом m- от глагольной основы *ɕ₁eg- 'царапать, изображать' (> 'писать'), чего нельзя сказать относительно его абхазско-адыгского аналога. У картвельцев нет уверенности в исконном характере лексемы *(m)gel- 'волк' (указывалось не только на отсутствие слова в сванском, но и на возможность табуистически обусловленного заимствования армянского gel//gajl 'волк'⁵¹). Семантически небезупречно и сопоставление № 12: если в картвельских языках это прилагательное соотносимо только с "неодушевлен-

⁵⁰ Марр Н.Я. К вопросу о положении абхазского языка ..., с. 33—36.

⁵¹ Ачарян Гр. Этимологический коренной словарь армянского языка. Ереван, 1971, т. 1, с. 512. На арм. яз.; ср.: Deeters G. Armenisch und Südkaukasisch. — Caucasia, 1927, f. 4, S. 67.

ными" субстантивами, то в абхазско-адыгских языках оно, напротив, прежде всего сочетается с "одушевленными" (такое различие особенно существенно с точки зрения гипотезы об активном прошлом картвельских и абхазско-адыгских языков). Наконец, если в картвельской праформе *anç₁!- 'бузина' (№ 10) реконструировать анлаутный консонант заднего образования, ожидающийся в соответствии с показаниями сванского gānçw и запретом на вокалическое начало картвельского корня, то ее сопоставление с абхазско-адыгским материалом отпадает.

В итоге приходится констатировать крайнюю ограниченность сопоставимого на современном этапе исследования материала, свидетельствующую с слабости вероятностной базы гипотезы родства абхазско-адыгских и картвельских языков. Незначительный объем сопоставимого материала и очевидная условность принимаемых абхазско-адыгских (а иногда и картвельских) архетипов обуславливают в конечном счете то решающее обстоятельство, что о наличии каких-либо системных фонологических корреспонденций в сравниваемом материале говорить не приходится. Так, например, опыт выявления адыгско-картвельских звукосоответствий в области свистящих и шипящих спирантов и аффрикат, предпринятый Г.В.Рогова, привел его к выводу, что в этой области регулярных соотношений не наблюдается⁵². С другой стороны, К.В. Ломтатидзе говорит только о некоторых спорадических абхазско-картвельских (или абхазско-грузинских) и адыгско-картвельских, но не абхазоадыгско-картвельских соответствиях (при этом следует подчеркнуть и то обстоятельство, что даже для получения последних автору приходится без какой-либо аргументации отсекал затрудняющие сопоставление согласные)⁵³. На фоне приведенных выше словарных параллелизмов некоторого интереса, может быть, заслуживают два фонетических соотношения: картв. *l (или !) ~ абх.-адыг. *θ (нуль звука) в исходе именной основы и соотношение идентичности согласного m в различных положениях⁵⁴. Впрочем, совершенно очевидно, что и эти "соответствия" не образуют необходимой для генетического доказательства системы.

К еще менее удовлетворительным итогам приводит в рассматриваемом аспекте сопоставление материала нахско-дагестанских и картвельских языков. Ниже даются 16 межгрупповых словарных соположений, встречающихся в том или ином виде, обычно — в составе языкового сравнения, в специальной литературе⁵⁵ (нетрудно заметить, что для процедуры

⁵² Рогова Г.В. Некоторые вопросы звуковых соотношений между картвельскими и адыгскими языками. — В кн.: VI (XII) Науч. сес. Ин-та языкознания АН Груз. ССР. План работы и тез. докл. Тбилиси, 1955, с. 37 Трудно назвать регулярными и соответствия грузинских смычногортанных согласных преруптавам адыгских языков, принимаемые здесь Рогова (в дальнейшем он, по-видимому, отказался от подобного решения).

⁵³ Ср.: Ломтатидзе К.В. К звукосоотношению груз. m ~ абх.-адыг. b. — ЕИКЯ, 1980, т. VII, с. 56–58. На груз. яз.; Она же Из грузинско-абхазских звукосоотношений; груз. с абх. ž. — Там же, 1977, т. IV, с. 81–88.

⁵⁴ Ср.: Климов Г.А. Абхазоадыгско-картвельские лексические параллели, с. 288–295.

⁵⁵ Ср., например: Гудава Т.Е. О лексических встречах между грузинским и аварским языками. — Сообщ. АН Груз. ССР, 1954, т. XV, № 10; Она же К вопросу о генезисе латерального звука t^h в языках аварско-индийско-диодской группы и его фоне-

генетического доказательства в силу охватываемых ими более периферийных лексических групп они в целом менее показательны, чем приведенные несколько выше абхазско-адыгско-картвельские сопоставления).

Нахско-дагестанский

1. *jin 'зима'
2. *nolwa 'земля'
3. *kum//kur 'дым'
4. *duk 'просо'
5. *maqa 'ячмень'
6. *kaqal 'гравий'
7. *girdim 'чурбан, валун'
8. *cat//cad 'чурек'
9. *lač 'яблоко'
10. *buhu 'сова'
11. *gurg-in- 'круглый'
12. *š(w)- 'рождаться' (?)
13. *çor- 'цедить'
14. *çun- 'сосать'
15. *çam- 'жевать'
16. *xwix- 'пилить'

Картвельский

- *qin- 'лед, мерзнуть'
- *noqo- 'низменное место'
- *kwam-_l- 'дым'
- *dika- 'пшеница (яровая)'
- *maxa- 'род пшеницы'
- *kaqal- 'орех (грецкий)'
- *kwrdem-_l- 'наковальня'
- *m-çad- 'чурек'
- *waš-_l- 'яблоко'
- *bu-//bγu- 'сова'
- *gurg(w)-al- 'круглый'
- *šew- ·šw- 'рождать, -ся'
- *çur- 'цедить'
- *ç(ow)- 'сосать'
- *çam- 'есть'
- *xe(r)x- 'тереть, пилить'

Как свидетельствует этот материал, отражающий, на наш взгляд, наиболее яркие лексические параллелизмы обеих языковых групп, и здесь отсутствует сколько-нибудь надежная база для генетического исследования.

Очевидна значительная условность почти всех нахско-дагестанских праформ, отражающая неудовлетворительное состояние этимологической разработки соответствующих языков. И в этом случае бросается в глаза исключительно корневой характер сопоставлений со всеми вытекающими из этого обстоятельства следствиями. В целом ряде случаев и здесь налицо ограниченная ареальная соотнесенность восстанавливаемых архетипов в рамках каждой из языковых групп. Так, нахско-дагестанские праформы под № 2, 4, 6, 7 и 15 поддерживаются фактами небольшого числа языков, что не создает уверенности в их соотнесенности с праязыковым состоянием (напр., архетипы *duk 'просо', *kaqal 'гравий' и *girdim 'чурбан, валун' выводятся — если их вообще можно построить — только по показаниям лезгинских языков, имеющих ареальное соприкосновение с картвельским регионом). Трудно признать общекартвельским достоянием обозначение грецкого ореха (№ 6), существующее в картвельских языках

тическом соответствии в картвельских языках. — ИКЯ, 1954, т. VI; *Он же* Сравнительный анализ глагольных основ в аварском и андийском языках. Махачкала, 1960, с. 186, 196–197, 204; *Климов Г.А.* О некоторых словарных общностях картвельских и нахско-дагестанских языков. — В кн. *Этимология.* 1970. М., 1972, с. 349–355

в фонетически недифференцированном облике. Эти лексемы вместе со словами, представленными сопоставлениями № 5 и 8, по всей вероятности, принадлежат к пласту культурной лексики (заслуживают внимания, в частности, две их аналогии в армянском языке — *қақал* 'орех' и *ժա* 'чурек'). Для грузинского обозначения чурека предполагается картвельская этимология⁵⁶. Пшеница "дика", как полагают, занесена в Дагестан из Восточной Грузии, а пшеница "маха" — преимущественный эндемик Западной Грузии⁵⁷. Если учесть к тому же, что говорить о закономерности фонетического соотношения отвечающих им дагестанских слов едва ли возможно, то предполагать их общекавказскую древность нет оснований (допускают, что цах. *dik* 'просо' может восходить к грузинскому⁵⁸). Обозначение совы носит в обеих языковых группах явно дескриптивный характер — как известно, в весьма сходном облике лексема повторяется во многих языках мира (ср. русск. *бухало*, арм. *bu*, араб. *bu*, лат. *būbo*; инг. *bow* считают грузинизмом⁵⁹). Довольно очевиден дескриптивный характер и большинства фигурирующих в приведенном списке глагольных основ (№ 13, 14, 15 и 16)⁶⁰, нередко обнаруживающих свои параллели и за пределами кавказских языков. Прилагательное 'круглый' (№ 11), по-видимому, имеет звукосимволическую природу, чем обусловлено его сходство с аналогичными словами самых различных языков (ср. русск. *круглый*, лат. *sigulus* и т.п.). Следует учитывать к тому же, что сам факт существования разряда имен прилагательных в предполагаемую общекавказскую эпоху нуждается в доказательстве, поскольку он не бесспорен даже для общекартвельского состояния.

Несомненно, что наибольший интерес в рассматриваемом отношении представляют сопоставления под № 1, 2, 3, 9 и 12. Однако и они неодинаково трактуются кавказоведами и, во всяком случае, требуют различных оговорок. Так, например, нуждаются в уточнении картвельские архетипы сопоставлений № 1 и 2⁶¹. Нахско-дагестанскую праформу под № 2 Т.Е. Гудава сопоставляет с другим картвельским материалом⁶². Сопоставление № 3 представляется весьма эффектным, пока исследователь не наталкивается на любопытные аналогии ему в языках некоторых других семей (ср. нем. *Qualm* 'дым'). Недавно была высказана точка зрения о возможно заимствованном характере общекартвельского обозначения яблока⁶³. Наконец, нахско-дагестанская глагольная основа *š(w)- как таковая

⁵⁶ *Имнаишвили И.И.* К этимологии *mčad-i* и *mčwad-i*. — Орион. Акакию Шанидзе. Тбилиси, 1967, с. 165—170. На груз. яз.

⁵⁷ Ср.: *Жуковский П.М.* Культурные растения и их сородичи. М., 1950, с. 76 и 83—84; *Брегадзе Н.А.* Очерки по агроэтнографии Грузии. Тбилиси, 1982, с. 29.

⁵⁸ Ср.: *Кахадзе О.И.* О некоторых терминах хлебных растений в грузинском языке. — ИКЯ, 1956, т. VIII, с. 81.

⁵⁹ *Куркиев А.С.* Основные вопросы лексикологии ингушского языка. Грозный, 1979, с. 133.

⁶⁰ Ср.: *Гудава Т.Е.* О лексических встречах, с. 703.

⁶¹ Ср.: *Климов Г.А.* Этимологический словарь картвельских языков, с. 212 и 148.

⁶² Ср.: *Гудава Т.Е.* К вопросу о генезисе латерального..., с. 58 и 63.

⁶³ *Гамкрелидзе Т.В., Иванюк В.В.* Древняя Передняя Азия и индоевропейская проблема. — ВДИ, 1980, № 3, с. 28; *Fährnrich H.* Zur Rekonstruktion der gemeinkartwelschen Sibilanten. — *Georgica*, 1982, H. 5, S. 40.

неизвестна и лишь предположительно выделена в нахско-дагестанских обозначениях сына или дочери⁶⁴.

Наконец, совершенно неподготовленной оказывается почва для выяснения генетических взаимоотношений абхазско-адыгских и нахско-дагестанских языков. Вполне естественно поэтому, что до недавнего времени не было ни одной специальной работы, посвященной рассмотрению этого вопроса. Основным фактором, определяющим такое положение вещей, является едва затронутая этимологическим исследованием разработка материала нахско-дагестанских языков. Понятно также, что в условиях, когда совершенно отсутствовала подобная разработка и абхазско-адыгского материала, известная статья Н.С. Трубецкого, опубликованная в 1930 г., решала, по признанию самого ее автора, лишь задачу обобщения до некоторой степени достоверного лексического материала для выполнения генетического доказательства в будущем⁶⁵. Более чем полувекое развитие кавказоведения показало, что от большей части предложенных в ней сопоставлений (ни в одном случае не сведенных к групповым общим знаменателям) пришлось отказаться. К настоящему времени стало ясным, что среди них встречаются звуко-символические и даже заимствованные слова, поздние для истории языков лексемы с весьма абстрактной семантикой, а также композиты, получающие свое истолкование в материале одной из групп кавказских языков⁶⁶. Межгрупповые словарные соположения (опять-таки на уровне конкретных языков), встречающиеся в некоторых других публикациях⁶⁷, представляют собой довольно сырой материал, ожидающий применения к нему строгих процедур генетического отождествления.

В 1976 г. появилась единственная специальная работа, посвященная опыту обоснования родства абхазско-адыгских и нахско-дагестанских языков, ориентированная на поиск звукосоответствий в их лексическом материале⁶⁸. Эта книга, однако, будучи отягощенной целым комплексом типичных для предшествовавшего этапа развития науки методических слабостей, служит дальнейшей дескредитации кавказского языкознания. Прежде всего, отказываясь от решения давно назревшей задачи построения внутригрупповых архетипов, ее автор по-прежнему прибегает к сопоставлению лексем отдельных представителей этих групп (так, кабардинские слова непосредственно сопоставляются здесь с аварскими, ахвахские — с убыхскими, кабардинские с ахвахскими и т.д.). Во-вторых, материал сопоставляется на моноконсонантных отрезках, для чего многоконсонант-

⁶⁴ См.: *Иллич-Свитыч В.М. Caucasica*. — В кн.: *Этимология*. 1964. Принципы реконструкции и методика исследования. М., 1965, с. 335.

⁶⁵ *Trubetzkoy N. Nordkaukasische Wortgleichungen*. — *Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes*, 1930, XXXVII, 1–2, S. 76–92.

⁶⁶ К критическому анализу этих сопоставлений ср., например: *Kuipers A.H. Phoneme and Morpheme in Kabardian*, p. 111–112; также: *Schmidt K.H. Studien zur Rekonstruktion...*, S. 3.

⁶⁷ Ср.: *Балкаров Б.Х. Лексические встречи адыгских языков с дагестанскими*. — Уч. зап. КБНИИ, 1964, т. XX; *Он же. Адыго-вейнахские языковые встречи*. — Изв. Чеч.-ингуш. НИИ истории языка и литер. Грозный, 1966, т. VIII, вып. 2.

⁶⁸ *Абдокоев А.И. К вопросу о генетическом родстве абхазско-адыгских и нахско-дагестанских языков*. Нальчик, 1976.

ные лексемы без какой-либо аргументации препарируются путем отбрасывания всех затрудняющих сопоставление согласных; так, например, для постуляции соотношения латерального аварского абруптива *кь* и сонорного адыгского *л* А.И. Абдоков членил сопоставляемые лексемы следующим образом: авар. *клар-кь-ен* 'щeka' ~ адыг. *л-еггвэ* 'лицо', авар. *ан-кь-го* 'семь' ~ адыг. *б-л-ы* 'семь' и т.д. В третьих, бросается в глаза яркий семантический анахронизм большого числа предлагаемых сопоставлений. В частности, исторически некорректно проведение таких параллелей, как каб. *уылгий* ~ авар. *кьау* (должно быть *кьаву*. — Г.К.) 'ржавчина', каб. *лэмыж* ~ авар. *кьо* 'мост', каб. *лэщлэс* ~ авар. *кьогьен* 'полка', каб. *лээхъ* ~ авар. *кьох* 'стерня', каб. *бжьы* ~ авар. *рукь* 'ярмо', поскольку сами обозначаемые этими лексемами реалии не могли существовать у неолитических охотников и собирателей, которыми только и могли быть носители предполагаемого автором общесеверокавказского праязыка.

Столь же произвольны и многочисленные северокавказские сопоставления, содержащиеся и в одной из работ по енисейскому языкознанию⁶⁹. Достаточное представление об их характере дают следующие примеры. Реконструируемая автором северокавказская пралексема **q̄w*ара 'сосуд, лодка', уже не говоря о слабости ее семантической стороны (ср. несовместимое с условиями быта древних кавказцев понятие лодки), строится с опорой на нахско-дагестанские формы, являющиеся тюркизмами (ср. авар. *q̄aba*, чеч. *q̄aba* и др.). Протолексема **r̄l̄s̄*/i/ 'сирота, родственник по второму браку (мачеха, отчим, пасынок)' имеет своими абхазско-адыгскими основаниями абх.-абаз. *ap-psa* 'мачеха' (где специалисты усматривают *ap-* 'мать' и *-psa* 'взамен') и каб. *āpapa-ras* 'мачеха', где адыговеды выделяют *-pa-s/|p^wa-s* (ср. адыг. *pāpa-r^was* то же), т.е. компонент 'место' + несамостоятельный глагольный корень 'сидеть'⁷⁰. Праформа **roq̄*'опу 'дно, низ' не столько объясняет происхождение его абхазско-адыгского продолжения, как полагает автор, **k̄^vā*, сколько, напротив, осложняет (заставляет допускать утрату начального и конечного слогов с двумя консонантами). Протосеверокавказское **pa^wcs^h/a/* 'князь, бог', помимо нереалистичной семантической реконструкции, строится на основе авар. *puca* 'князь' и дагестанских форм, являющихся индоевропейскими, — анд. *puso*, авх. *puša* 'зять, невестка' (ср. также авар. *pus* 'невестка'), с одной стороны, и абх. *a-л^wa* 'бог', в котором, начиная с П.К. Услара, специалисты усматривают окаменелый суффикс множественности одушевленных имен *-w^a*, — с другой⁷¹. Даже по приведенному фрагменту сопоставлений нетрудно заметить, что глубокие анахронизмы нередко представляют собой здесь и соответствующие семантические реконструкции. Если учесть к тому же,

⁶⁹ Старостин С.А. Праенисейская реконструкция и внешние связи енисейских языков. — В кн.: Кетский сборник: Антропология. Этнография. Мифология. Лингвистика. Л., 1982, с. 198–235.

⁷⁰ См., например: Шакрыл К.С. Некоторые лексические и звуковые соответствия в абхазско-адыгских языках. Сухуми, 1968, с. 37; Шагиров А.К. Этимологический словарь адыгских... языков А–Н, с. 61.

⁷¹ Ср.: Чарая П. Об отношении абхазского языка..., с. 31–32; Март Н.Я. О языке и истории абхазов. М.; Л., 1938, с. 96, 99, 117 и др. Не согласуется с авторским решением и другая гипотеза членения слова, ср.: Инал-ипа Ш.Д. О генезисе образа "Анша" — верховного божества абхазов. — Изв. Абхаз. ин-та яз., литер. и истории им. Д.И. Гулиа. Тбилиси, 1974, вып. III, с. 162–164.

что реконструируемая при этом автором фонологическая система насчитывает более ста согласных и девять гласных (при необъяснимо высоком удельном весе трехконсонантных корней), то какие-либо дальнейшие комментарии к подобной процедуре сравнения становятся излишними.

Чтобы продемонстрировать, до каких антиисторических по своему содержанию семантических реконструкций доходит практика северокавказских сопоставлений, достаточно привести следующий пример.

В дагестановедении по сей день довольно устойчиво держится мнение о существовании исконного для нахско-дагестанских и абхазско-адыгских языков обозначения раба, на основании которого даже формулируется вывод, будто соответствующее "общекавказское" слово, впрочем, отсутствующее в картвельских языках, подтверждает наличие на Кавказе социальной категории рабов еще в эпоху предполагаемого рядом дагестановедов общекавказского языкового единства (в конечном счете это мнение, по-видимому, восходит к одному из высказываний А.Н. Генко⁷²). Такое решение приходит в очевидное противоречие с тем обстоятельством, что распад общекавказского культурного и нередко предполагаемого языкового единства мог относиться, как полагают историки на основании археологических данных, к эпохе не позднее V тысячелетия до н. э.⁷³, т. е. ко времени, когда ранние рабовладельческие общества еще не сложились не только в пределах Кавказа, но и даже в Месопотамии. Как известно, становление рабовладельческих отношений даже в экономически более развитом по сравнению с Северным Кавказом того времени Закавказье обычно соотносится в исторической литературе с последними веками I тысячелетия до н. э., так что общественный строй равнинной Агвании (Кавказской Албании), включавшей в себя и часть территории Дагестана, можно характеризовать как общинно-рабовладельческий в лучшем случае начиная с IV—III вв. до н. э. Нелишне заметить в этой связи и то, что наиболее ранние упоминания института рабства в равнинном Дагестане относятся лишь к XI—XIII столетиям, в то время как расцвет рабовладельчества в Дагестане приурочивается к XVI—XVIII столетиям⁷⁴. Против древности в дагестанских языках называемой при этом лексемы *laʷ* 'раб' говорят и аргументы лингвистического порядка (встречающееся иногда сопоставление последней с характерным для ряда лезгинских языков словом *luḳ* 'раб' основано на некотором сходстве звукотипа обоих, а не на системности звуковых корреспонденций). Так, еще Н.С. Трубецкой, ссылаясь на незакономерность фонетического соотношения дагестанского *laʷ* и нахского **lag* (> чеч., инг. *laɟ*) 'раб', приходил к выводу, что первое восходит ко второму на правах культурного заимствования и проникло в другие дагестанские языки уже через посредство аварского⁷⁵ (ср. в последней связи мне-

⁷² Генко А.Н. Из культурного прошлого ингушей. — В кн.: Зап. коллегия востоковедов при Азиат. музее АН СССР. Л., 1930, т. 5, с. 721.

⁷³ Ср.: Джанаридзе О.М. К этнической истории грузинских племен: По данным археологии. Тбилиси, 1976, с. 321.

⁷⁴ Ср.: Тревер К.В. Очерки по истории и культуре кавказской Албании. М.; Л., 1959, с. 61; Рамазанов Х.Х. К вопросу о рабстве в Дагестане. — Уч. зап. Ин-та истории, яз. и литер. Даг. фил. АН СССР, Махачката, 1961, т. IX.

⁷⁵ *Trubetzkoy N. Zur Vorgeschichte der ostkaukasischen Sprachen* — In: *Mélanges de linguistique et de philologie offerts à Jacq. van Ginneken*. Paris, 1937, p. 172—173.

ние Е.А. Бокарева, согласно которому в цезских языках это слово усвоено из аварского⁷⁶). Исследователи отмечают также, что фонетический процесс $g > j$ в вейнахских языках особенно ярко представлен в словарных заимствованиях из осетинского языка (ср. осет. *läg* ~ чеч., инг. *laǰ* 'раб', осет. *sag* ~ чеч., инг. *saj* 'олень', осет. *tärxäg* ~ чеч. *terxij* 'полка', осет. *Ugazmäg* ~ инг. *Orgzmij* 'Урызмаг' (один из персонажей нартского эпоса), осет. *ba-räg* ~ инг. *barij* 'наездник' и др.) и относят самое соотношение этих консонантов к числу наиболее характерных осетинско-вейнахских соответствий в культурной лексике⁷⁷. Естественно поэтому, что точки зрения об общекавказских истоках обозначения раба в северокавказских языках не разделяют и начинающие кавказоведы, отдающие себе отчет в необходимости соблюдения этимологическим исследованием определенной исторической перспективы⁷⁸. Должно быть очевидным, что в сколько-нибудь развитых отраслях компаративистики подобные анахронизмы в семантической реконструкции уже давно невозможны.

Со сколь серьезными препятствиями сопряжено сопоставление абхазско-адыгского и нахско-дагестанского материала, можно показать на примере нижеследующих лексических параллелей, довольно часто фигурирующих в специальной литературе⁷⁹ (поскольку приводимые архетипы строятся едва ли не впервые, их недостаточная надежность должна быть очевидной).

Абхазско-адыгский	Нахско-дагестанский
1. * ζ^w a 'звезда'	* ζ^w ar 'звезда'
2. *bza 'язык'	*maz 'язык'
3. * ζ a 'вошь'	*pa ζ 'вошь'
4. * ζ^w a 'бык'	*u(n)c 'бык'
5. * ζ a 'имя'	* ζ^w ar 'имя'
6. * ζ^w a 'свежий, новый'	* ζ ij 'свежий, новый'
7. * ζ^w a 'десять'	*ji ζ 'десять'
8. * ζ^w a 'сто'	*wa(r) ζ 'сто'

Нетрудно заметить, что здесь сравнение также носит всецело корневой характер. К тому же, за исключением примера 2, оно, как правило, опирается на единственный согласный (что оказывается следствием различия характерных фонологических структур корня — CV в одном случае и SVC — в другом, а также моновокализма древнего абхазско-адыгского состояния). Наконец, этот материал не позволяет усмотреть каких-либо признаков схемы закономерных фонологических корреспонденций.

Нуждается приведенный материал и в некоторых комментариях частно-

⁷⁶ Бокарев Е.А. Цезские (диодийские) языки Дагестана. М., 1959, с. 22.

⁷⁷ Абаев В.И. Осетинско-вейнахские лексические параллели. — Изв. Чеч.-ингуш. НИИ истории языка и литер. Грозный, 1959, т. I, вып. 2, с. 105; ср.: Имнашвили Д.С. Историко-сравнительный анализ фонетики нахских языков. Тбилиси, 1977, с. 256–257.

⁷⁸ Ср.: Чирикба В.А. Общекавказское *lag/lah* 'раб, мужчина'. — Изв. АН Груз. ССР. СЯЛ, 1980, № 2, с. 139.

⁷⁹ Ср.: Trubetzkoy N. Nordkaukasische Wortgleichungen, S. 82–87; Lafon R. Les sibilantes labialisées..., p. 51–57.

го порядка. Так, звукотип протолексем, составляющих параллели 2, 6 и 7, существенно различен. Сопоставление 3 невозможно принять, пока остается необоснованным префиксальный характер элемента *na* в нахско-дагестанском архетипе (к тому же, как известно, свистящая аффриката в обозначении инсектов встречается во множестве языков мира). В связи с параллелизмом 4 возникает вопрос, были ли знакомы носители предполагаемого "севернокавказского" праязыкового состояния с таким домашним животным, как бык? Параллель 6 предполагает сформированность для той же эпохи имени прилагательного, в то время как глагольные истоки этого разряда слов довольно ощутимы еще внутри отдельных групп кавказских языков. Реконструкция абхазско-адыгской праформы обозначения десяти очень условна ввиду резкого отклонения звукотипа соответствующих адыгских лексем. Касаясь сопоставления 8, следует учитывать, что в языках с вигезимальной системой словообразования числительных простые, т. е. построенные не по вигезимальному принципу, обозначения ста возникают весьма поздно и нередко оказываются заимствованными (к тому же приводимый нахско-дагестанский архетип поддерживается только частью языков).

В целом напрашивается вывод, что дальнейшее накопление абхазско-картвельских материальных параллелизмов может оказаться несколько более перспективным направлением в дальнейшей разработке гипотезы внутреннего родства кавказских языков. Это обстоятельство соблазнительно сопоставить с тем фактом, что и в плане характерологического исследования этих языков более интересными являются структурные параллелизмы, обнаруживающиеся между абхазско-адыгскими и картвельскими языками (см. в этой связи главу VI). Однако в настоящее время нет каких-либо оснований переоценивать имеющиеся в этом отношении перспективы. Очевидная немногочисленность сколько-нибудь интересных для генетического доказательства соположений и их возможное ограничение наиболее элементарными инградиентами словаря приводят к мысли, что *argioi* допустимое родство обеих языковых групп может восходить к настолько отдаленной эпохе, когда самый лексический фонд должен был быть относительно небогатым.

Насколько несовершенной в методическом плане остается иберийско-кавказская гипотеза, свидетельствует ее сопоставление с другой областью сравнительного исследования генетических связей языков, характеризующейся столь же резким расхождением специалистов во мнениях — алтаистикой (алтайская гипотеза предполагает в ее минимальном варианте генетическое единство тюркских, монгольских и тунгусско-маньчжурских языков). Едва ли не все исследователи проблемы взаимоотношений алтайских языков — и в этом их очевидное отличие от кавказоведов — признают объем их материальных общностей довольно значительным. Так, согласно подсчетам В. Котвича, общий фонд материальных параллелизмов между тюркскими и монгольскими языками составляет в морфологии около 50%, в лексике — 25%, а между тунгусско-маньчжурскими, с одной стороны, и тюркскими и монгольскими — с другой, — 10% в лексике и около 5% в морфологии⁸⁰. Более того, сторонники алтайской гипотезы претен-

⁸⁰ Котвич В. Исследования по алтайским языкам. М., 1962, с. 321.

дуют на установление некоторых межгрупповых фонологических корреспонденций на уровне соответствующих праязыковых единств (ср., в частности, известный закон Рамстедта — Пеллио). И тем не менее среди специалистов нет недостатка в исследователях, считающих алтаистические построения необоснованными. При этом указывают на ошибки в реконструкции сравниваемых архетипов, на широкий объем материала, возникшего в ходе многовековых контактных связей языков, на возможность случайных совпадений и т. д. В свете сказанного нетрудно заметить, насколько менее перспективно положение иберийско-кавказской гипотезы, не располагающей в настоящее время ни сколько-нибудь значительным числом межгрупповых материальных параллелизмов (должно быть очевидным, на сколь серьезные трудности, ввиду значительных структурных расхождений между отдельными группами кавказских языков, натолкнулся бы даже опыт их подсчета), ни сколько-нибудь серьезными опытами выявления системных звукосоответствий на уровне соответствующих праязыков.

Не случаен поэтому факт скептического отношения к иберийско-кавказской гипотезе со стороны виднейших представителей современной компаративистики, оценивающих ее как лишенную доказательной силы. Так, согласно И.М. Дьяконову, "родство картвельских языков с севернокавказскими не может считаться доказанным и даже маловероятно, а их лексические общности могут объясняться субстратным влиянием севернокавказских языков"⁸¹. Столь же пессимистически высказываются об этом построении такие лингвисты, как У.П. Леман, Т.В. Гамкрелидзе, В. Георгиев⁸² (как известно, ранее в аналогичном духе высказывались А. Мейе и В. Пизани⁸³). Подчеркивая обычное недостаточное знакомство кавказоведов с испытанными методами классической компаративистики, Б.А. Серебрянников указывает, что "перед кавказоведами стоит дилемма: или, пользуясь нормальным сравнительно-историческим методом, установить генетическое родство иберийско-кавказских языков в целом, или прийти к выводу, что три группы кавказских языков — картвельская, абхазо-адыгская и нахско-дагестанская — не являются между собой родственными и образуют только языковой союз"⁸⁴.

Касааясь проблемы внешних генетических связей кавказских языков, прежде всего необходимо затронуть так называемую эвскарю-кавказскую гипотезу, длительная разработка которой продемонстрировала пренебрежение ее сторонников к испытанным методам компаративистики, а иногда

⁸¹ Дьяконов И.М. О прародине носителей индоевропейских диалектов. I. — ВДИ, 1982, № 3, с. 20; ср.: *Он же*. О языках древней Передней Азии. — ВЯ, 1954, № 5, с. 62.

⁸² Ср.: *Lehmann W.P.* Historical Linguistics: an Introduction. N.Y., 1962, p. 44; *Gamkrelidze T.V.* Caucasian Languages. — *Encyclopaedia Britannica*, 1974, vol. IV, p. 1011; *Georgiev V.I.* Introduction to the History of the Indo-European Languages. Sofia, 1981, p. 227.

⁸³ *Meillet A.* — Рец. на кн. *Durr A.* Einführung in das Studium der kaukasischen Sprachen, p. 244; *Pisani V.* Sulla "Introduzione allo studio delle lingue caucasiche" di Adolfo Durr.

⁸⁴ *Серебрянников Б.А.* Проблема достаточности основания в гипотезах, касающихся генетического родства языков. — В кн.: Теоретические основы классификации языков мира: Проблемы родства. М., 1982, с. 28.

и незнакомство с ними. Истоки предположения о родстве пиренейских и кавказских иберов (следует заметить, что термин "ибер" чужд кавказской, в частности, картвельской языковой традиции) и их языков восходят, как известно, к эпохе, не знавшей научного языкознания, и сводятся в конечном счете к античным литературным источникам, различавшим две Иберии — пиренейскую и закавказскую. В лингвистической литературе мысль о наличии родства между иберийскими языками древней Испании и кавказскими, особенно картвельскими, была довольно популярной в конце XIX — начале XX столетий (позднее, с расширением эпиграфической базы древних пиренейских языков были, как известно, высказаны серьезные сомнения в принадлежности баскского к числу иберийских языков Испании).

Для характеристики методической вооруженности этой гипотезы очень показательным то обстоятельство, что в прошлом более или менее уверенно в ее пользу высказывались почти исключительно лингвисты, стоявшие в оппозиции к классической компаративистике, — Г. Шухардт, А. Тромбетти, Г. Винклер, К. Уленбек, Н.Я. Марр, К. Боуда (целесообразно подчеркнуть, что Н.Я. Марр находил, что усилия его предшественников в этом направлении не привели к удовлетворительным результатам). Невозможно усмотреть какого-либо прогресса и в соответствующих штудиях более позднего периода. Вполне закономерно поэтому, что в настоящее время высказывания в поддержку эвскар-кавказской гипотезы встречаются лишь у далеких от науки журналистов и у языковедов, незнакомых с фактами баскского или кавказских языков. Представляется существенным, что точка зрения наиболее оптимистически настроенных в этом отношении лингвистов заключается ныне лишь в поддержке тезиса об актуальности дальнейшей разработки эвскар-кавказской гипотезы⁸⁵. В то же время представители другой точки зрения считают, что разработка последней по-прежнему останется бесперспективной, пока ее сторонники не усвоят начал компаративистики (и, в частности, не сведут кавказский материал к единому историческому знаменателю).

Минимальный интерес представляют опыты сопоставления грамматического строя и лексического материала баскского и кавказских языков, связанные с именем скончавшегося около десяти лет назад французского басколога и кавказоведа Р. Лафона, посвятившего этой теме целую серию статей. Эти опыты получили отрицательную оценку в серьезной баскологической литературе (ср. работы Ж. Лакомба, И. Эчаиде, Л. Мишелены, М. Лепельмана и др.). Представляется, в частности, очень показательным, что автор фундаментального этимологического словаря баскского языка М. Лепельман полностью отказывается от предлагавшихся ранее баско-кавказских лексических сопоставлений ввиду их крайней ненадежности⁸⁶. Резко отрицательную оценку получили эти опыты и в посвященных их ана-

⁸⁵ См.: Чикобава А.С. Басколог-кавказовед Р. Лафон и очередные задачи иберийско-кавказского языкознания. — В кн.: Баскский язык и баско-кавказская гипотеза. Тбилиси, 1976, с. 108—109. На груз. яз.; *Дзидзигури Ш.В.* Баски и грузины. Тбилиси, 1979, с. 168—170.

⁸⁶ *Löpelmann M.* Etymologisches Wörterbuch der baskischen Sprache: Dialekte von Labourd. Nieder-Navarra und La Soule. Berlin, 1968, Bd. 1—2, S. XVII—XIX und XXI.

лизу работах кавказоведов Г. Фогта, Ж. Дюмезиля, Г. Деетерса, а также автора настоящей монографии⁸⁷.

Основным методическим недостатком баскско-кавказских материальных сопоставлений, как они представлены в публикациях Р. Лафона, К. Боуда, А. Товара и П. Иризара, признается полное пренебрежение к критерию системных фонологических корреспонденций, вне учета которого доказательство языкового родства теряет под собой всякую почву. Если к тому же принять во внимание, что до настоящего времени апелляцией к этому критерию не удалось показать и родства отдельных групп кавказских языков, то должно быть понятным, почему непосредственными компонентами сравнения обычно оказываются при этом баскский язык, с одной стороны, и конкретные представители последних — с другой. Для иллюстрации методики сравнения, характерной для работ Р. Лафона, ср. следующие предлагавшиеся им соположения.

1. Баск. *su* (по автору: *su* < **tsu*) 'огонь' ~ лак. *çu*, каб. *maš^wa* 'огонь', груз. *сw* - 'жечь'. Здесь не обосновывается, что баскская форма исторически восходит к *tsu*, а слог *ma*-кабардинского слова произвольно считается префиксом (если бы последнее удалось показать, то тогда, по всей вероятности, изменилась бы и семантика "корневого" элемента *š^wa*, что могло бы усложнить сопоставление). Закономерен вопрос, не лучше ли отражает абхазско-адыгский прототип абх. *а-пса* 'огонь'? Наконец, при возможности обращения к общекартвельскому архетипу **ç₁w*- автор почему-то ограничивается приведением лишь ее грузинского продолжения.

2. Баск. *-(t) zu* (согласно автору, это был суффикс множественности) ~ абх. *-с^wa* (суффикс множественного числа одушевленных имен), убых. *-с^w* (показатель чрезмерного способа действия). Отказ автора от построения архетипа абхазско-адыгского аффикса не позволяет ему решить вопрос о его исконной семантике. Если принять во внимание то обстоятельство, что Р. Лафон почему-то не учитывает наличия аналогичного приведенному убыхскому абхазскому показателю чрезмерного способа действия, то возникает вопрос, с чем же все-таки сопоставим приводимый баскский суффикс? Впрочем, не аргументируется автором и исторически предполагаемая функция последнего суффикса.

3. Баск. *-antz* 'до' ~ абх. *-нза*, убых. *-онза* то же. Отсутствие адыгского соответствия последним формативам не позволяет не только сколько-нибудь надежно реконструировать их абхазско-адыгский прототип, но и определить хотя бы исходность *з* или *z* для абхазско-адыгского материала (если учесть распространенность в кавказских языках перехода *z* в *з* в позиции после *n*, то предположительно можно думать об исходности здесь спиранта).

Если попытаться коротко суммировать объективную значимость всех трех сопоставлений, то придется констатировать, что их автор так и не

⁸⁷ См.: *Vogt H.* Le basque et les langues caucasiennes. — Bulletin de la Société de Linguistique de Paris, 1955, vol. 51, f. 1; *Dumézil G.* Basque et caucasique du Nord-Ouest: Examen des rapprochements lexicaux récemment proposés. — Journ. Asiatique, 1971, CCLIX, f. 1 et 2; *Deeters G.* Die kaukasischen Sprachen, S. 78–79; *Klimov G.A.* Zu Beziehungen zwischen Baskischen und kaukasischen Sprachen. — In: Liber amicorum A. Weijnen, Assen, 1980; ср. также: *Kuipers A.H.* Phoneme and Morpheme in Kabardian, p. 109–111.

достигает здесь решающего звена генетического доказательства — постуляции системности фонологических корреспонденций в сравниваемом материале: баскскому *tz* в первом случае отвечает каб. \hat{s}^w , во втором — абх. и убых. s^w , в третьем — абх. *з* и убых. *z*. Должно быть очевидным, что подобные сопоставления лишены доказательной силы, независимо от того, сколь значительной ни была бы их общая совокупность.

Как подчеркивает Е.А. Бокарев, "наивны с методологической точки зрения и попытки Лафона найти соответствия баскским личным местоимениям и личным показателям в различных кавказских языках. Баскское *pi 'я'* он сопоставляет с лакским *na* и даргинским *nu*; баскскому окончанию 2 л. *-k* он находит соответствие в грузинском глагольном префиксе *g-*, обозначающем объект 2 л. ед. и мн. ч.; баскский глагольный префикс 3 л. ед. ч. он сравнивает с основой различных северокавказских указательных местоимений и наречий. Во множественном числе баскское *gu 'мы'* Лафон сопоставляет с грузинским глагольным префиксом, указывающим на объект 1 л. мн. ч.; баскское *zu* (читается *су*) сопоставляет с абхазо-адыгским s^g , вайнахским *су* и дагестанскими *ичу, чу, шу, жу*; наконец, баскский глагольный префикс 3 л. *i* — с глагольной связкой 3 л. ед. ч. *li* в сванском языке и указательными местоимениями *алу, ала, лам, лу* в будухском и крызском. Конечно, вероятность всех этих сопоставлений близка к нулю"⁸⁸.

Резко отрицательной оценки заслуживают опыты сопоставлений в исследовательской практике другого сторонника эвскар-кавказской гипотезы — К. Боуда. К игнорированию системности звукосоответствий в сопоставляемом материале здесь присоединяется и глубокий антиисторизм семантической реконструкции сопоставлений (что, впрочем, встречается и в работах Р. Лафона)⁸⁹. Так, в предполагаемую автором эпоху баскско-кавказского языкового единства, которая, согласно мнению ее сторонников, могла остоять от современности не менее, чем на пять тысячелетий, он проецирует лексемы, отражающие более поздние этапы развития соответствующих обществ, например характерные термины эпохи развитого земледелия и железа. Как отмечает И. Губшмид, при этом предметом сравнения с кавказским материалом у автора оказываются даже индоевропейские заимствования в баскском⁹⁰. Вполне естественно поэтому, что из общей совокупности 266 баскско-кавказских сопоставлений, предлагаемых К. Боуда в качестве наиболее вероятных, В.И. Георгиев лишь около 15 рассматривает как допустимые⁹¹. "Приступать к сравнению баскского с многочисленными кавказскими языками до основательного сравнительно-исторического их изучения, — пишет Е.А. Бокарев, — это значит терять под

⁸⁸ Бокарев Е.А. Задачи сравнительно-исторического изучения кавказских языков. — ВЯ, 1954, № 3, с. 49—50.

⁸⁹ Ср.: Vogt H. — Рец. на кн.: Bouda K. Baskisch-kaukasische Etymologien. — NTS, 1954, Bd. XVII, p. 537—538.

⁹⁰ Hubschmid J. — Рец. на кн.: Bouda K. Baskisch-kaukasische Etymologien. — Vox Romanica, 1948—1949, X, S. 313.

⁹¹ Георгиев В.И. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958, с. 180—181; ср.: Климов Г.А. Об этимологической методике Карла Боуды: На материале кавказских языков. Этимология. Исследования по русскому и другим языкам. М., 1963.

ногами почву реальных фактов и создавать иллюзорные построения, основанные на чисто внешнем созвучии. При наличии сорока кавказских языков нетрудно найти в каком-либо из них соответствие любому языковому факту баскского языка, особенно если этим фактом является однофонемный корень или форматив, к тому же произвольно выделяемый⁹².

Сказанное выше всецело относится и к работам А. Товара, не владеющего кавказским материалом и приходящего на основе минимума заимствованных из вторых рук лексических сопоставлений к гипотезе об одновременном родстве баскского языка как с кавказскими, так и к семитохамитскими и к ничем не подготовленному выводу о его "смешанном характере"⁹³.

Наконец, в некоторых статьях по этой гипотезе по-прежнему большое внимание уделяется поискам различного рода структурных аналогий между обоими компонентами сравнения, как известно, нерелевантных для процедуры генетического доказательства. Их авторы не учитывают, в частности, того, что принадлежность баскского языка и кавказских к классу эргативных ничего не говорит о наличии между ними генетических связей.

На фоне подавляющего большинства методически беспомощных исследований, ведущихся в этом направлении, некоторое исключение составляют работы Я. Брауна, ограничивающегося рассмотрением проблемы взаимоотношений баскского языка и картвельских⁹⁴. Автор направляет свои усилия на поиски закономерных фонологических корреспонденций в их лексическом материале (впрочем, не на общекартвельском уровне), отдавая себе отчет в гипотетичности своих сопоставлений. Его работы особенно отчетливо показывают, с какими препятствиями сопряжены здесь такие поиски. Так, для получения сколько-нибудь системной картины в звукосоответствиях Я. Брауну приходится в большинстве случаев жертвовать общекартвельскими архетипами и обращаться к материалу отдельных картвельских языков. С этой же целью он вынужден допускать множество семантически неубедительных сопоставлений (ср., например, 'короткий' ~ 'худой', 'грязный' ~ 'уродливый', 'старый' ~ 'мудрый', 'верхушка' ~ 'большой камень', 'каштан' ~ 'ежевика', 'слеза' ~ 'морская, серная вода', 'гной' ~ 'труп', 'страх' ~ 'тоска', 'корень' ~ 'клин', 'давать побегу, стричь' ~ 'клещи', 'просеивать' ~ 'заставлять', 'менять' ~ 'опрокидывать, переворачивать' и др.). В ряде случаев он вынужден гипотетически допускать историческую членность лексем (ср. груз. *poqa* 'почва, земля' < **na-qwa*?; *ṭdav-i* 'шкура' < **d-dav*?; *paзv-i* 'ель' < **na-zi*?; *buṣṭ-i* 'пузырь' < **bu-ṣṭ*?; сван. *lic* 'вода' < **li-c*? и др.). Наконец, в нескольких примерах Я. Брауну приходится апеллировать к лексемам, картвельское происхождение которых вызывает у других исследователей серьезные сомнения (ср. груз. *varcl-i* 'корыто', *vrcin-i* 'ласка (животное)', *ṛiṭna* 'мята', *raṭara* 'маленький', *buṣṭ-i* 'пузырь', *ṭar-* 'вести, проводить', *eḳal-i* 'колючка, шип' и др.). Не приходится удивляться в этих условиях тому обстоятельству, что разные авторы сопоставляют один и тот же картвельский материал с баскским по-разному.

⁹² Бокарев Е.А. Задача..., с. 50.

⁹³ Tovar A. The Basque Language. Philadelphia, 1957, p. 40 *passim*.

⁹⁴ Браун Я. *Euscaro-caucasica*. — ЕИКЯ, 1981, т. VIII, с. 203–215. На груз. и русск. яз.

Таким образом, естественно сделать вывод, что сам фактический материал баскского и кавказских языков отнюдь не располагает компаративиста к оптимизму в возможности положительного решения проблемы. Глубоко различен инвентарь корневых и грамматических морфем обоих компонентов сравнения, один из которых, как отмечалось выше, даже не сведен к общему знаменателю (ср. в этой связи замечание Р. Лафона в одной из его публикаций аналогичного плана, согласно которому в ней только собирается и классифицируется материал для сопоставлений в области морфологии⁹⁵). В частности, в них очень по-разному представлены такие релевантные для генетического доказательства разряды лексики, как местоимения, числительные, характерные тематические группы элементарных имен существительных, например обозначения природных явлений, основного состава флоры и фауны, частей тела и т.п., а также глаголы. "Даже баскологи, приверженцы гипотезы родства баскского с кавказскими языками, — отмечает В. Георгиев, — признают, что баскские названия частей тела, родственных отношений и числительные весьма отличаются от соответствующих слов в кавказских языках"⁹⁶. Об этом довольно отчетливо свидетельствует нижеследующий список баскских числительных первого десятка и личных местоимений в их сопоставлении с соответствующими картвельскими и абхазско-адыгскими архетипами (предлагаемая при этом реконструкция абхазско-адыгских праформ довольно условна⁹⁷).

Баскск.	Картв.	Абх.-адыг.	
bat	*s ₁ xwa-	*z(a)	'один'
bi(ga)	*jor-	*tq ^w (a)	'два'
hirur	*sam-	*s'(a) ?	'три'
laur	*otxo-	*pI(a)	'четыре'
bortz	*xut-	*tx ^w (a)	'пять'
sei(z)	*eks ₁ w-	*x'(a)	'шесть'
zazpi	*šiwid-	*bI(a)	'семь'
zortzi	*arwa-	*ω(a)	'восемь'
bederatzi	*c ₁ xra-	*z ^w (a)?	'девять'
ni	*men-	*sar(a)	'я'
(h)i	*šen-	*war(a)	'ты'
gü	*čwen-	*har(a)	'мы'
zu-ek	*tkwen-	*s ^w ar(a)	'вы'

Как известно, принципиально иным образом выглядят лексические сопоставления в сфере тех же числительных и личных местоимений индоевропейских языков, наиболее поздний этап существования праязыка которого современные исследователи нередко относят к V тысячелетию до н.э.

⁹⁵ Lafon R. Concordances morphologiques entre le Basque et les langues Caucasiques. — Word, 1951, vol. 7, N 3, p. 94.

⁹⁶ Георгиев В. Исследования ..., с. 181.

⁹⁷ Ср.: Балкаров Б.Х. О числительных в западнокавказских языках. — ЕИЯ, 1976, т. III, с. 134 (с несколько отличной реконструкцией).

Сравнительно осторожен в своем сопоставлении хуррито-урартских и нахско-дагестанских языков И.М. Дьяконов, приходящий к выводу, что сопоставляемый им "материал все еще скуден и в значительной части мало надежен", но что "все же вероятность отнесения северовостокавказских и хуррито-урартских языков к одной семье (которую можно было бы назвать "восточнокавказской") ... несомненно, возросла"⁹⁸, с чем, впрочем, очень нелегко согласиться.

Необходимо, наконец, сказать несколько слов о ностратической гипотезе в той ее части, в которой она оперирует картвельским материалом (согласно этой гипотезе, картвельские языки отдаленно родственны индоевропейским, афразийским, дравидийским, уральским и "алтайским"⁹⁹). Постуляция ностратического единства строится на базе выявления определенных фонологических корреспонденций в лексическом фонде и морфологическом инвентаре соответствующих праязыковых состояний (алтайская проблема, вызывающая серьезную дискуссию в кругу специалистов, признается решенной положительно). Не задаваясь здесь целью дать общую оценку ностратического построения, в настоящем контексте достаточно отметить, что лексическое сравнение в его рамках имеет корневой характер и не завершается нахождением соответствующих этимонов. Нельзя не подчеркнуть, однако, следующего: если бы картвельские факты использовались в работе исключительно для построения ностратической гипотезы (и, конечно, в соответствии с их освещением в специальной литературе), то все приводимые далее замечания были бы излишними.

Если обратиться к общему числу 105 ностратических равенств на уровне лексики, представленных в таблице в I томе словаря В.М. Иллич-Свитыча¹⁰⁰, картвельские факты приводятся только в 57 случаях, т.е. реже любых других (как известно, вообще эти факты представлены в словаре наименьшим числом лексем). При учете того, что в словарь не включено за отсутствием авторской обработки 22 сопоставления, естественно, что в первую очередь приходится оценивать всего 35 остающихся картвельских лексем, привлеченных к сравнению. Далее выясняется, что из этого числа 21 картвельская параллель признана спорной самим автором (все они помечены знаком вопроса либо в таблице, либо в корпусе словаря), и, таким образом, в этом материале интерес представляют лишь 14 остающихся сопоставлений.

Среди последних имеются 4 лексемы, трактуемые в формальном плане в противоречии со сравнительной грамматикой картвельских языков. Так, в груз.-зан. *kwa- 'камень' нет оснований выделять суффикс -а как это делает автор, по-видимому, для того, чтобы объяснить незакономерность с точки зрения выводимых им звукосоответствий отсутствие ожидавшегося гласного перед w. Общекартвельское *maŋsqw- 'земляника' без какой-либо аргументации членится на непрослеживаемое в картвельском материале, но, ви-

⁹⁸ Дьяконов И.М. Хуррито-урартский и восточно-кавказские языки. — Древний Восток. Ереван, 1978, 3, с. 38.

⁹⁹ Ср.: Иллич-Свитыч В.М. Материалы к сравнительному словарю ностратических языков. — В кн.: Этимология. 1965. М., 1967, с. 321–373; Он же. Опыт сравнения ностратических языков: Сравнительный словарь: b-к. М., 1971; l-ž. М., 1976.

¹⁰⁰ Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков...: b-к, с. 18–37.

димо, желательное для доказательства ностратической гипотезы * *maq*- 'ягода' и **sqwa*- 'земляника' (наличие в общекартвельском абстрактной лексемы 'ягода' крайне сомнительно и на фоне отсутствия общего обозначения более значимого для грузинской действительности фруктового плода). Вместо принятого автором глагольного корня **d*- 'класть' картвелисты скорее постулируют **dew*-: *dw*¹⁰¹. Наконец, сван. *māre* 'облако' и мегр. *tege* 'небольшое озеро' ('пруд'?) не сводимы к единой пракартвельской лексеме по причинам как фонетического, так и семантического порядка.

Далее, картв. **dud*- 'кончик, макушка', по признанию самого автора, отражает предполагаемую им ностратическую праформу незакономерно и поэтому не должно ложиться в основание доказательства. Налицо здесь и два сомнительных в семантическом плане сближения: к реконструкции ностратического обозначения лисы или рыси привлечено груз.-зан. **lekw*- 'щенок собаки, льва и подобных', а в реконструкции ностратического прилагательного (?) 'липкий' участвует груз.-зан. **lap*-: [l p-] 'грязь, пачкать'. Впрочем, здесь целесообразно подчеркнуть, что вообще предлагаемые в ностратике семантические реконструкции, как отмечает и В.М. Иллич-Свитыч, весьма условны¹⁰². Здесь оставлена в стороне неубедительность некоторых других гипотетических картвельских соответствий ностратическому материалу, уже отмечавшихся в картвелистике¹⁰³.

Что касается 21 словарного сопоставления с привлечением картвельских фактов, оставшихся у автора в необработанных словарных статьях, то складывается впечатление, что отсутствие их конечной формулировки также связано с различного рода препятствиями. Последние тем более очевидны для картвелиста. Так, нет каких-либо оснований утверждать исконность таких лексем, как груз. и мегр. *tuga* 'шакал' и груз. и мегр. *tem-i* 'общество, приход', справедливо трактующиеся в картвелистике в качестве заимствований (ср. перс. *tūga* < ср.-перс. *tūgak* 'шакал'¹⁰⁴ и арм. *tem* 'приход, общество', восходящее в конечном счете к греч. *θέρμη*¹⁰⁵). Три других лексемы — груз. *račv*- 'волосы на теле', груз. *ṭr-ial*- 'крутить, вертеть' и зан. *qwil*- 'убивать' — засвидетельствованы в слишком узком ареале для того, чтобы их было возможно сколько-нибудь уверенно проецировать хотя бы в грузинско-занское состояние (к тому же вторая из них обнаруживает распространение, характерное лишь для звуко-символических основ). В двух случаях предполагалась возможность сближения картвельских лексем с незасвидетельствованным для исконного (несимволического) материала чередованием *p* ~ *p*. Необходимо теперь отказаться от сопоставления картв. **s₁ wel*- 'мочить, мокнуть' с аналогичными лексемами других языков, по-

¹⁰¹ Гамкрелидзе Т.В., Мачавариани Г.И. Система сонантов и аблаут в картвельских языках: Типология общекартвельской структуры. Тбилиси, 1965, с. 310. На груз. яз.; Ср. также: Климов Г.А. Этимологический словарь картвельских языков, с. 72.

¹⁰² Иллич-Свитыч В.М. Материалы к сравнительному словарю..., с. 321.

¹⁰³ Почуха Б.А. Грузинская лексика в "ностратическом словаре". — ВЯ, 1974, № 6, с. 100—105.

¹⁰⁴ Riabinin M. Notes de lexicographie géorgienne: Examen du matériel emprunté. — Memoires de la Société de Linguistique de Paris, 1897, t. X, f. 1, p. 16.

¹⁰⁵ Ачарян Гр. Этимологический коренной словарь армянского языка. Ереван, 1973, т. 2, с. 172. На арм. яз.

сколькx корневым материалом здесь оказывается только *s₁w.¹⁰⁶. То же следует, вероятно, сказать относительно ряда соответствий с участием картвельского глагола 'мазать', так как вместо архетипа *cm- здесь скорее приходится восстанавливать *cwn-: (cwem-)¹⁰⁷. Вместо предполагавшейся автором праформы *çil- 'гнида' картвельцы реконструируют *çil-, что существенно затрудняет намечавшееся им соположение¹⁰⁸. Встречаемся в этом списке и с некоторыми очевидными недоразумениями. Например, приводимое в особом ряду соответствий картв. *qwer- 'testiculum' неотделимо от картв. *qwer- 'холостить', фигурирующего в иной словарной статье под отличным ностратическим архетипом, а картвельскому (точнее – грузинскому) корню qit- ошибочно приписано значение 'слышать'.

Из всей совокупности приводившихся в литературе по ностратике материалов некоторый интерес в рассматриваемом здесь контексте представляет ряд картвельско-индоевропейских лексических параллелизмов, которые в настоящее время могут быть дополнены более широким материалом, ожидающим своего специального анализа. Даже если отвлечься от словарной группы более или менее очевидной культурной или дескриптивной окраски, остается некоторое число картвельско-индоевропейских параллелизмов, которые могли бы составить предмет генетического исследования.

ГЛАВА VI

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КАВКАЗСКИХ ЯЗЫКОВ

В соответствии с широко распространенной в современной лингвистике практикой разграничения формальной и содержательно ориентированной (иначе – контенсивной) типологии в настоящей главе рассматриваются два по существу различных круга вопросов. С одной стороны, здесь затрагивается проблема взаимоотношения абхазско-адыгских, картвельских и нахско-дагестанских языков в плане их формальной структуры, т.е., строго говоря, характерологии. С другой стороны, здесь содержится их сравнительная характеристика в плане контенсивной типологии*.

История изучения кавказских языков складывалась, как известно, таким образом, что наиболее интересные результаты были достигнуты наукой именно в последнем направлении (ср., например, исследования И.И. Мещанинова, А.С. Чикобава и ряда других авторов). Тем не менее, кавказоведение выработало к настоящему времени некоторую совокупность представлений и о формально-типологических параметрах этих языков на разных уровнях их структуры – фонологическом, морфологическом, синтак-

¹⁰⁶ Сарджвеладзе З.А. О древнегрузинских соответствиях двух занских глагольных основ. – Сообщ. АН Груз. ССР. 1970, 58, № 1, с. 233–234. На груз. и русск. яз.

¹⁰⁷ Мачавариани Г.И. О трех рядах сибиллянтных спирантов и аффрикат в картвельских языках. – В кн.: XXV Междунар. конгр. востоковедов. Докл. делегации СССР. М., 1960, с. 5 и 9.

¹⁰⁸ Мачавариани Г.И. Общекартвельская консонантная система. Тбилиси, 1965, с. 42. На груз. яз.

*Редактор не разделяет гипотез автора, изложенных в этой главе (Б.С.).

сколькx корневым материалом здесь оказывается только *s₁w.¹⁰⁶. То же следует, вероятно, сказать относительно ряда соответствий с участием картвельского глагола 'мазать', так как вместо архетипа *cm- здесь скорее приходится восстанавливать *cwn-: (cwem-)¹⁰⁷. Вместо предполагавшейся автором праформы *çil- 'гнида' картвельцы реконструируют *çil-, что существенно затрудняет намечавшееся им соположение¹⁰⁸. Встречаемся в этом списке и с некоторыми очевидными недоразумениями. Например, приводимое в особом ряду соответствий картв. *qwer- 'testiculum' неотделимо от картв. *qwer- 'холостить', фигурирующего в иной словарной статье под отличным ностратическим архетипом, а картвельскому (точнее – грузинскому) корню qur- ошибочно приписано значение 'слышать'.

Из всей совокупности приводившихся в литературе по ностратике материалов некоторый интерес в рассматриваемом здесь контексте представляет ряд картвельско-индоевропейских лексических параллелизмов, которые в настоящее время могут быть дополнены более широким материалом, ожидающим своего специального анализа. Даже если отвлечься от словарной группы более или менее очевидной культурной или дескриптивной окраски, остается некоторое число картвельско-индоевропейских параллелизмов, которые могли бы составить предмет генетического исследования.

ГЛАВА VI

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КАВКАЗСКИХ ЯЗЫКОВ

В соответствии с широко распространенной в современной лингвистике практикой разграничения формальной и содержательно ориентированной (иначе – контенсивной) типологии в настоящей главе рассматриваются два по существу различных круга вопросов. С одной стороны, здесь затрагивается проблема взаимоотношения абхазско-адыгских, картвельских и нахско-дагестанских языков в плане их формальной структуры, т.е., строго говоря, характерологии. С другой стороны, здесь содержится их сравнительная характеристика в плане контенсивной типологии*.

История изучения кавказских языков складывалась, как известно, таким образом, что наиболее интересные результаты были достигнуты наукой именно в последнем направлении (ср., например, исследования И.И. Мещанинова, А.С. Чикобава и ряда других авторов). Тем не менее, кавказоведение выработало к настоящему времени некоторую совокупность представлений и о формально-типологических параметрах этих языков на разных уровнях их структуры – фонологическом, морфологическом, синтак-

¹⁰⁶ Сарджвеладзе З.А. О древнегрузинских соответствиях двух занских глагольных основ. – Сообщ. АН Груз. ССР. 1970, 58, № 1, с. 233–234. На груз. и русск. яз.

¹⁰⁷ Мачавариани Г.И. О трех рядах сибилантих спирантов и аффрикат в картвельских языках. – В кн.: XXV Междунар. конгр. востоковедов. Докл. делегации СССР. М., 1960, с. 5 и 9.

¹⁰⁸ Мачавариани Г.И. Общекартвельская консонантная система. Тбилиси, 1965, с. 42. На груз. яз.

*Редактор не разделяет гипотез автора, изложенных в этой главе (Б.С.).

сическом. В этой связи целесообразно подчеркнуть и то обстоятельство, что сравнительно-типологическое исследование всех групп кавказских языков в формальном и контенсивном планах приводит к далеко не однозначной квалификации их взаимоотношений. Так, если в плане формальной типологии (характерологии) устанавливается промежуточное в целом положение картвельских языков, по отношению к которым абхазско-адыгские и нахско-дагестанские представляют собой структурно полярные звенья, то совершенно иную картину обнаруживает сопоставление этих трех групп в плане контенсивной типологии. В последнем аспекте, напротив, скорее должны быть объединены обе северокавказские группы, характеризующиеся более или менее выдержанным эргативным строем, в то время как картвельская группа, будучи в своей основе номинативной, выявляет также заметный компонент активного строя. Так или иначе, по существу остается в силе известное замечание Г. Деетерса, согласно которому кавказские языки "по своему строю столь различны, что об общем «кавказском» языковом типе не приходится говорить"¹.

Взаимоотношения всех трех групп кавказских языков и в плане формальной типологии могли бы, по-видимому, выглядеть по-разному в зависимости от избранных оснований сравнения. В настоящей главе эти взаимоотношения определяются с точки зрения той разновидности формально-типологического рассмотрения, которая известна в практике лингвистического описания как характерологическая (последняя предполагает анализ сколь угодно широкой совокупности структурных явлений формального плана в рамках ограниченного списка языков). Представляется, что только такой выбор позволяет в настоящее время дать сколько-нибудь развернутую формально-типологическую характеристику объекта рассмотрения. В соответствии с ним в последующем изложении последовательно суммируются основные структурные характеристики кавказских языков на уровнях фонетики, морфологии, синтаксиса и лексики. Естественно, что при этом обсуждаются только те их черты, которые трудно приписать действию фактора ареального или генетического порядка².

В фонологических системах кавказских языков уже сравнительно давно обнаружено некоторое число общих черт, которые на современном уровне знаний науки трудно приписать действию ареального или, тем более, генетического фактора. Эти черты почти всецело лежат в плане их консонантизма и едва затрагивают вокализм.

В вокализме этих языков, характеризующихся существенной неоднородностью (от минимального фонемного инвентаря в абхазско-адыгских языках до максимального в нахско-дагестанских), структурных общностей крайне немного. В существующих обзорах кавказского вокализма последние либо не фиксируются, либо вообще отмечается их отсутствие³. В ка-

¹Deeters G. Der abchasische Sprachbau. — In: Nachrichten von der Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philol.-hist. Klasse. Berlin, 1931, S. 190.

²В изложении материала этой главы автор опирается в значительной степени на коллективную монографию "Структурные общности кавказских языков" (М., 1978).

³Ср.: Deeters G. Die kaukasischen Sprachen. — In: Handbuch der Orientalistik. Leiden; Köln, 1963, Bd. VII. Armenisch und kaukasischen Sprachen, S. 26 passim; Кодзасов С.В. Фонетические общности. — В кн.: Структурные общности кавказских языков. М., 1978, с. 98.

честве повсеместно распространенной черты здесь можно назвать вокалические чередования, имеющие морфологическую функцию, в связи с чем они и затрагиваются ниже в составе параллелизмов их морфологических систем. Конечно, при необходимости можно было бы перечислить несколько негативных по своей сущности признаков кавказского вокализма. Ср., в частности, обычное отсутствие здесь истинных дифтонгов, поскольку последовательности гласных с глайдами *w* и *j*, несомненно, представляют собой бифонемные комплексы (если признавать бедность языка дифтонгами типологическим признаком агглютинативного строя⁴, то подобное соотношение достаточно хорошо подтверждается и на кавказском материале). Должна быть, однако, очевидной минимальная значимость такого рода общностей для сравнительного исследования рассматриваемых языков.

Общим для системы "кавказского" консонантизма является чрезвычайно широкое использование ларингальных артикуляций, выражающееся в систематическом противопоставлении звонким согласным глухих придыхательных, с одной стороны, и глухих смычно-гортанных (абруптивных) — с другой. У кавказоведов нет каких-либо сомнений в том, что минимально тернарный характер оппозиционных рядов смычных согласных и аффрикат в составе соответствующих звонкого, глухого придыхательного и глухого смычно-гортанного членов одинаково первичен для консонантизма всех групп этих языков⁵ (что касается глухих непридыхательных или так называемых преруптивов, то, при их отсутствии в картвельских языках, в абхазско-адыгских и, по-видимому, нахско-дагестанских они могут быть исторически выведены из звонких)⁶.

Несомненно, единой характеристикой "кавказского" консонантизма следует считать и развитость фарингальных артикуляций, вызывающих в некоторых случаях (главным образом в нахско-дагестанских языках) ассимилятивное воздействие и на систему вокализма.

В области консонантизма "наиболее характерной фоностатистической чертой кавказских языков, — пишет И.Г. Меликишвили, — является различная функциональная сила звонких согласных в классах смычных, аффрикат и щелинных; в классе смычных частотность звонких преобладает над частотностью глухих, а в классах аффрикат и щелинных частотность глухих преобладает над частотностью звонких. Второй фоностатистической характеристикой языков Кавказа является высокая частотность велярных щелинных. В классе щелинных частотность велярных выше частотности шипящих и уступает в этом отношении лишь свистящим фонемам"⁷.

В парадигматике фонологических систем отдельных групп кавказских языков налицо множество расхождений. Так, яркой обособляющей чертой

⁴ Ср.: *Серебренников Б.А.* Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974, с. 281.

⁵ Ср.: *Ахаледиани Г.С.* О некоторых основных вопросах фонетики грузинского языка. — В кн.: *Фонетический сборник*. Тбилиси, 1959, I, с. 45.

⁶ Ср.: *Талибов Б.Б.* Сравнительная фонетика лезгинских языков. М., 1980, с. 290 и след.; *Кумахов М.А.* Сравнительно-историческая фонетика адыгских (черкесских) языков. М., 1981, с. 131–141; *Толуриа Г.В.* Об одной закономерности в системе преруптивов лезгинского языка. — *ЕИКА*, 1974, т. I.

⁷ *Меликишвили И.Г.* Отношение маркированности в фонологии. Тбилиси, 1976, с. 159.

абхазско-адыгских языков оказывается минимально развитый вокализм (ср., в частности, опыты "моновокалической" интерпретации, предложенные А.Н. Генко для абазинского языка и А. Койперсом — для кабардинского⁸). В области консонантного инвентаря их специфику составляют противопоставление твердых и мягких согласных (ср. абх. $s_{\gamma} \sim \check{s}$, $\check{c}_{\gamma} \sim \check{c}$ и др.), с одной стороны, и наличие особого рода свистяще-шипящих согласных (типа \check{s} , \check{z} , \check{z} , \check{c}) — с другой. Обе эти черты почти не встречаются в нахско-дагестанских языках и вообще неизвестны картвельским. Фонологические системы нахско-дагестанских языков отличаются в большинстве случаев значительным богатством вокалического инвентаря (особенно широкие системы вокализма засвидетельствованы в нахских и авароандоцезских языках). Отличительной чертой их консонантизма можно считать противопоставление так называемых геминированных и негеминированных согласных.

Наиболее ограничен по своему составу фонемный инвентарь картвельских языков. В сфере фонемной парадигматики его специфику образует негативная по своему существу черта отсутствия ряда серий консонантов, например лабиализованных или латеральных согласных, встречающихся в других кавказских (предпринятая в прошлом попытка реконструкции латеральных для исторического прошлого этих языков⁹ оказалась несостоятельной). Если по степени развитости своего вокализма картвельские языки занимают промежуточную позицию между обеими северокавказскими группами, то их консонантизм сводится к тому общему, что объединяет последние. В плане синтагматики фонем они выделяются тем, что для них наиболее характерны скопления консонантных фонем, образующие, например в грузинском языке, последовательности в три, четыре, пять и даже шесть согласных. Благодаря последнему обстоятельству здесь имеет место максимальная консонантная насыщенность текста (в занской ветви, характеризующейся минимальной для картвельского ареала консонантной насыщенностью текста, нередко скопления трех согласных и изредка встречаются четырехконсонантные).

Таким образом, естественно прийти к выводу, что в целом наибольшие взаимные расхождения обнаруживают фонологические системы абхазско-адыгских и нахско-дагестанских языков. Вместе с тем картвельские языки в силу сравнительной простоты их фонетического инвентаря скорее приближаются к таким индоевропейским языкам Кавказа, как армянский и осетинский, чем к северокавказским¹⁰.

Несколько более удовлетворительно (главным образом за счет учета многопризнаковой "анкеты") изучены формально-типологические черты кавказских языков на уровне морфологии. Из изложенных в описательных главах настоящей работы характеристик каждой из их групп вытекает вы-

⁸Ср.: Генко А.Н. Абазинский язык: Грамматический очерк наречия тапанта. М., 1955, с. 20; Kuipers A.H. Phoneme and Morpheme in Kabardian (Eastern Adyge) 's-Gravenhage, 1960, p. 32-66.

⁹Van Ginneken Jacq. Contribution à la grammaire comparée des langues du Caucase. — In: Verhandelingen der koninklijke Nederlandsche akademie van wetenschappen: Afd. Letterkunde. N.R. Deel XLII. Amsterdam, 1938.

¹⁰Ср.: Job D.M. Probleme eines typologischen Vergleichs iberokaukasischer und indogermanischer Phonemsysteme im Kaukasus. Frankfurt/M.; Bern, 1977.

вод о принадлежности всех их к классу агглютинативных. Однако наряду с преобладающим агглютинативным компонентом во всех группах налицо и варьирующий по своему удельному весу флективный. Последний приходится выделять во всех трех случаях прежде всего за счет того обстоятельства, что здесь в той или иной степени представлены аблаутные чередования гласных, трактующиеся в специальной литературе преимущественно как архаизм. Неодинаковыми по группам оказываются и соотношения синтеза и анализа в слове, а также префиксального и суффиксального строя. Наиболее общий вывод, напрашивающийся из межгруппового типологического сопоставления на уровне морфологии, заключается в том, что если абхазско-адыгские и нахско-дагестанские языки должны быть признаны в этом отношении полярными структурами, то картвельские языки занимают довольно очевидную промежуточную позицию¹¹.

Преимущественно агглютинативный морфологический тип кавказских языков был, как известно, замечен еще на раннем этапе их изучения. С максимальной последовательностью он реализован в абхазско-адыгской группе, несколько менее отчетлив в картвельской и еще менее последователен в нахско-дагестанской (ср. в этой связи точку зрения П.К.Услара, говорившего о более или менее полисинтетическом характере "западнокавказского семейства" при более или менее флективном характере "восточнокавказского"¹²).

Действительно, здесь нельзя не заметить очень высокого удельного веса морфемных сочетаний, в которых не происходит какого-либо слияния морфем. Это обстоятельство свидетельствует о том, что индекс агглютинации в кавказских языках в целом достаточно высок. Морфологическая структура слова, как правило, здесь весьма прозрачна (наиболее очевидные нарушения этой закономерности встречаются в нахско-дагестанском ареале). Каждому аффиксу обычно присуще единственное грамматическое значение (подобно многим другим языкам мира двузначными чаще всего оказываются личные или классные показатели глагола, совмещающие в большинстве случаев значение числа). В соответствии с принципами агглютинации функционируют и так называемые вставки, т.е. формальные сегменты, выступающие в морфологической структуре имени в нахско-дагестанских и картвельских языках в позиции перед падежными или числовыми показателями.

В большинстве кавказских языков представлен по существу единый тип именного склонения, в котором словоформа субстантива строится по формуле: основа (корень) + (суффикс множественного числа) + падежное окончание. Ср., например, адыгейск. *ʃab žā-xā-mčā* 'когтями' (твор. пад. мн. ч.), груз. *tixl-eb-it* 'коленями' (твор. пад. мн. ч.), лезг. *guš-ar-iz* 'девушкам' (дат. пад. мн. ч.). Процесс унификации типов склонения отмечает

¹¹ Климов Г.А. К типологической характеристике картвельских языков. В сопоставлении с другими иберийско-кавказскими. — В кн.: XXV Междунар. конгр. востоковедов. Докл. делегации СССР. М., 1960; ср.: Чикобава А.С. Грузинский язык. — В кн.: Языки народов СССР. М., 1967. IV. Иберийско-кавказские языки, с. 22; Шмидт К.Х. Проблемы генетической и типологической реконструкции кавказских языков. — ВЯ, 1972, № 4, с. 20—21.

¹² См.: Магомедов А.А. Неизданные письма П.К.Услара. — Вестн. АН Груз. ССР. СЛЯ, 1968 5, с. 200.

ся и в тех случаях, когда наблюдается более сложная картина, характерная для нахско-дагестанских языков, в которых распространена модель склонения по принципу двух основ. По этому поводу Л.И.Жирков писал, например, что "табасаранское склонение является единым в том смысле, что все аффиксы падежей одинаковы для всех имен существительных, если оставить в стороне тот факт, что основа косвенных падежей может образовываться по разным типам, так что в табасаранском словаре придется для очень многих слов, наряду с формой именительного падежа, указывать также и какой-либо из косвенных падежей"¹³. Если согласиться с известной точкой зрения, считающей одним из характерных признаков агглютинативного строя явление групповой флексии, то нельзя не признать, что кавказские языки проводят его достаточно последовательно. Последнее явление особенно отчетливо выступает в способе морфологического оформления членов атрибутивной синтагмы, с одной стороны, и некоторых однородных членов предложения — с другой (в свое время Н.Финк даже считал, например, грузинский язык ярким представителем особого языкового типа, характеризующегося групповой флексией¹⁴). Ср., например, адыгейск. wəpā dəxā-g 'красивый дом' (абс. пад. ед. ч.), мегр. da do žima-s 'сестре и брату' (дат. пад. ед. ч.), лаз. da do nusa-k 'сестра и невестка' (повеств. пад. ед. ч.), лезг. kesib ležber-in 'бедных крестьян' (род. пад. мн. ч.).

В каждой из групп кавказских языков можно назвать языки с различной степенью выдержанности норм агглютинативного строя. Так, среди абхазско-адыгских языков в наибольшей мере агглютинативный принцип проводится в абхазском языке, где аблаут представляет собой по преимуществу пережиточное явление. В ареале картвельской языковой области эта черта в максимальной степени присуща языкам занской ветви: здесь наряду с наиболее унифицированными словоизменительными парадигмами имеются самые слабые следы апофонических чередований. Наконец, среди нахско-дагестанских языков агглютинативность наиболее последовательным образом проводится лезгинскими языками.

Еще более интересно то обстоятельство, что процесс усиления агглютинативного компонента морфологической структуры за счет ослабления флективного наблюдается и в истории кавказских языков. Так, «расхождения между R^a и R^b в области склонения (имеются в виду особенности падежных флексий первого, сочетающих и семантику множественного числа. — Г.К.), — писал К.Д.Дондуа, — настолько значительно, что Н.Я.Марр, называя способ образования множественного числа в древнелитературном грузинском "почти флективным" в противоположность агглютинативному, в "народном", или "вульгарном" (в совр. грузинском), усматривает здесь одно из расхождений вообще между двумя "социальными языками"»¹⁵.

Хотя в целом, как это справедливо отмечается в специальной литературе, кавказские языки тяготеют в морфологической структуре слова к синтезизму, удельный вес последнего в их отдельных группах далеко не одина-

¹³ Жирков Л.И. Табасаранский язык: Грамматика и тексты. М.; Л., 1948, с. 58; ср. также: Дондуа К.Д. Об агглютинативном характере грузинского склонения. — В кн.: Дондуа К.Д. Статьи по общему и кавказскому языкознанию. Л., 1975, с. 34.

¹⁴ Finck N. Die Haupttypen des Sprachbaus. Stuttgart, 1965, S. 144.

¹⁵ Дондуа К.Д. Об агглютинативном характере..., с. 35.

ков. Как правило, он оказывается различным в рамках глагольной и именной словоформы даже единого языка.

С максимальной степенью развития синтетического строя сталкиваемся, несомненно, в абхазско-адыгских языках, морфологический тип которых неоднократно квалифицировался в качестве полисинтетического, несмотря на то что в понимании его конкретных проявлений среди исследователей нет единства (обычно их ограничивают лишь планом словоизменятельных форм, хотя иногда усматривают и в словообразовании). Как отмечал Г.П.Сердюченко, "в полисинтетических языках особое морфологическое развитие и исключительно важную синтаксическую роль приобретает глагол, обычно выступающий в предложении в роли сказуемого-предиката. В состав глагола-сказуемого при полисинтетическом строе включаются многочисленные и разнообразные лично-местоименные и локально-пространственные префиксы, связывающие глагол-сказуемое с имеющимися в предложении подлежащим, прямым и косвенным дополнениями, а иногда и обстоятельством. Таким образом, глагол-сказуемое выполняет здесь особые синтезирующие функции, как бы объединяя в себе разрозненно данные в предложении отдельные слова — его члены, тем самым отражая в своей структуре весь строй предложения. Именно эта особая, полисинтезирующая роль глагола-сказуемого в горских языках Западного Кавказа и дает основание относить эти языки к полисинтетическим, т.е. к многосоединяющим"¹⁶. Высказывавшийся в аналогичном духе Н.Ф.Яковлев полагал, что "полисинтетизм представляет собой здесь дальнейшее развитие инкорпорации"¹⁷. Действительно, некоторые глагольные словоформы абхазско-адыгских языков могут служить хрестоматийными примерами этой их особенности. Ср., в частности, приводимую М.А.Кумаховым кабардинскую форму *u-a-qa-da-d-ej-z-ya-sa-za-f-a-ta-qa* 'я тогда не смог заставить его обратно вывезти тебя оттуда вместе с ним', состоящую из корневой морфемы *sa-* 'вести, везти' и аффиксальных морфем, из которых: *u-* — префикс объекта 2 л. ед. ч., *a-* — префикс объекта 3 л. мн. ч., *qa-* — на-правительный префикс (преверб) 'сюда', *da-* — префикс категории союзности, *d-* — локальный префикс, *ej-* — префикс объекта 3 л. ед. ч., *z-* — префикс субъекта 1 л. ед. ч. (озвонченная форма), *ya-* — каузативный префикс, *-za-* — суффикс обратного действия, *-f-* — суффикс потенциалиса, *-a-* — суффикс прошедшего времени, *-ta-* — суффикс 'тогда', *-qa* — суффикс глагольного отрицания¹⁸.

Довольно очевиден синтетический характер слова, особенно глагольного, и в картвельских языках. Хотя о полисинтетизме здесь говорить не приходится, в них встречаются нередкие примеры сложной морфологической структуры глагольной словоформы. Так, в приглагольной позиции здесь одновременно могут присутствовать до четырех грамматических

¹⁶ Сердюченко Г.П. Язык абазин. — Изв. Акад. пед. наук РСФСР, 1955, вып. 67, с. 97.

¹⁷ Яковлев Н.Ф. Изучение яфетических языков Северного Кавказа за Советский период. — В кн.: Языки Северного Кавказа и Дагестана. М.; Л., 1949, 2, с. 310.

¹⁸ Кумахов М.А. Типологическая характеристика слова в полисинтетических языках Западного Кавказа. — В кн.: Лингвистическая типология и восточные языки. М., 1965, с. 161; ср. также: Шакрыл К.С. Аффиксация в абхазском языке. Сухуми, 1961, с. 9.

морфем (ср. лаз. *ko-mo-m-i-donit* 'приведите мне его', *ko-dolo-w-o-byit* 'мы засыпали то внутрь'), а в суффиксальной — до трех (ср. груз. *aqeteb-d-e-s* 'чтобы он делал то'). Вместе с тем памятники письменности свидетельствуют о том, что в древнегрузинском языке степень синтетизма слова была выше, нежели в современном грузинском. В последней связи достаточно упомянуть отмечавшиеся в специальной литературе вероятные пережитки инкорпоративных построений глагола, функционирование структурно близкого к последним явления тмезиса в глаголе (в частности, включения в его морфологическую структуру различных частей обстоятельственной семантики или даже местоимений), употребление так называемого родительного падежа с отношением в именной структуре (явление сводится к дальнейшему падежному согласованию имени в форме родительного падежа со своим определяемым).

В наименьшей степени синтетизм характеризует нахско-дагестанские языки, обнаруживающие в преобладающем числе случаев весьма скромное развитие морфологической структуры глагола (ср. факты нахских, аваро-андоцезских и ряда лезгинских языков, а также широкое функционирование аналитических глагольных форм). Следует учитывать, впрочем, что с относительно развитым синтетизмом встречаемся здесь в именных словоформах различных локативных падежей.

Напротив, элементы аналитизма здесь наиболее широко выступают в нахско-дагестанских языках, где они реализуются в словоизменении как глагола (аналитические формы времен¹⁹), так и прилагательного (степени сравнения).

Элементы флективности представлены в кавказских языках явлениями глагольного и именного аблаута, супплетивизма основ (в подавляющем числе случаев — глагольных) и некоторыми другими фактами. Аблаутные чередования гласных, которые здесь повсеместно приняты разделять на первичные и вторичные, служат прежде всего для взаимного обособления прямой и косвенной основ имени и глагольных основ, противопоставленных по способу действия (однократному и многократному) или по агентивности (транзитивности) ~ фактивности (интранзитивности), но в ряде случаев выполняют более широкие функции. Обычно предполагают, что происхождение первичных аблаутных чередований следует относить к глубокой древности. Достаточно старыми оказываются и так называемые вторичные модели аблаута. Вместе с тем структурная позиция аблаутных чередований варьирует не только по группам рассматриваемых языков, но и по отдельным языкам внутри групп.

Хотя древние и более поздние модели аблаутных чередований были взаимно разграничены уже в картвельстической традиции, их общекартвельские истоки впервые были строго продемонстрированы в специальном труде Т.В.Гамкрелидзе и Г.И.Мачавариани²⁰. Как подчеркивает в предисловии к этой работе Г.В.Церетели, здесь "апофоническое чередование гласных впервые представлено как общекартвельское (протокартвельское) явле-

¹⁹ Ср.: Хайдаков С.М. Система глагола в дагестанских языках. М., 1975, с. 116–149.

²⁰ Гамкрелидзе Т.В., Мачавариани Г.И. Система сонантов и аблаут в картвельских языках. Типология общекартвельской структуры, Тбилиси, 1965. На груз. и рус. яз.

ние. Аблаут мыслится здесь не как явление, возникшее после дифференциации картвельских языков, а рассматривается как отраженный в отдельных картвельских языках механизм протокартвельского апофонического чередования гласных. Он постулирован для общекартвельского языкового уровня (для протокартвельского). На основании анализа структур всех картвельских языков создана диахроническая теория общекартвельского аблаута. В работе выявлены случаи апофонии в картвельских языках на различных хронологических уровнях их развития и путем сравнительной и внутренней реконструкции восстановлены общекартвельские модели апофонического чередования, которые оказались идентичными или почти идентичными индоевропейскому аблауту²¹. Не приходится удивляться тому обстоятельству, что степень сохранности этих моделей оказывается по языкам различной (установлено, в частности, что слабее всего они представлены в настоящее время в занском ареале).

Процесс разложения системы аблаута в картвельских языках Т.В.Гамкрелидзе и Г.И.Мачавариани описывают следующим образом: «Основная тенденция преобразования общекартвельских структурных моделей заключалась в выравнивании форм с чередующимися гласными и парадигматической унификации глагольных и именных основ, что приводило к постепенному разрушению первичной системы аблаута и усилению соответственно функциональной роли аффиксов.

Общекартвельская языковая система, существенным структурным признаком которой являлось морфологическое чередование гласных или "символизм", сопоставимый типологически с индоевропейским аблаутом, преобразуется в направлении утери ею "символического" характера, разрушается механизм функциональных чередований гласных, и картвельская языковая система сближается с языками чисто агглютинативного типа с постоянным, стабильным характером морфонологической структуры слова.

Элиминация структурных признаков, характерных для "символически-агглютинативного" общекартвельского языкового типа, и возрастание удельного веса чисто агглютинативных характеристик является, в частности, общей тенденцией исторического развития грузинского языка.

Аналогичные процессы имели место в занских диалектах, в которых почти полностью затемнена первоначальная система аблаутных отношений в результате вокализации сонантов и парадигматической унификации форм. В этом отношении особенно далеко зашло развитие чанского (лазского. — Г.К.) языка, который типологически наиболее близок к чисто агглютинативному языковому типу.

Иначе трансформировалась общекартвельская морфонологическая система в сванском языке. Вследствие специфических фонологических преобразований в сванских диалектах появились новые весьма продуктивные типы функциональных чередований гласных, которые наложились на сохранившиеся в модифицированном виде общекартвельские аблаутные модели. В результате возникла особая, специфически сванская система морфонологических чередований гласных. С точки зрения удельного веса

²¹ *Церетели Г.В.* О теории сонантов и аблаута. — В кн.: Гамкрелидзе Т.В., Мачавариани Г.И. Система сонантов и аблаут..., с. 041.

аблаутных структур в системах исторических картвельских диалектов сванский язык занимает особое место, сближаясь с "символической" системой общекартвельского языка»²².

Работы картвелистов послужили толчком для изучения аблаутных отношений в абхазско-адыгских языках. Соответствующие чередования качественного и количественного порядка, характеризующие в первую очередь систему глагольного словоизменения и словообразования, наделены здесь многогранными функциями. Общность части этих чередований для абхазско-абазинской и адыгской подгрупп, например вокализма а ~ э (> Θ), служащего для передачи противопоставления иплативных (иначе — центростремительных) и элативных (иначе — центробежных) форм глагола, позволяет их проецировать еще в праязыковое состояние. Однако использование аналогичного чередования для передачи противопоставления основ фактитивного ("непереходного") и агентивного ("переходного") глагола, наблюдаемое исключительно в адыгской подгруппе, должно относиться к более поздней эпохе. В сфере имени подобные чередования носят менее регулярный характер²³.

Процессы исторических преобразований в сфере аблаута, затемняющие его первоначальный тип, можно усмотреть и в нахско-дагестанской языковой области. Как отмечает Ю.Д. Дешериев, "изменение корневого гласного (внутренняя флексия) при образовании различных именных и глагольных форм — явление настолько широко распространенное в ингушском и чеченском языках, что оно привлекло внимание первых исследователей чеченского языка"²⁴. О важнейшей роли аблаутных чередований в структурном механизме нахских языков свидетельствует тот отмеченный тем же автором факт, что случаи устойчивого функционирования именной основы со стабильным вокализмом вообще оказываются здесь редкими. Ю.Д. Дешериев подчеркивает, что модели аблаута уходят своими корнями в глубокую древность²⁵.

Различные модели аблаутных чередований, засвидетельствованных как в глагольном, так и в именном словоизменении, довольно широко распространены и в дагестанских языках (исключение составляет часть лезгинских языков, характеризующихся значительной последовательностью проведения агглютинативного принципа организации морфологической структуры слова). По-видимому, здесь также возможна хронологическая рубрикация чередований, по крайней мере определенная часть которых способна претендовать на общность для различных языковых подгрупп. В настоящее время невозможно, однако, дать сколько-нибудь обобщенную характеристику аблаутных отношений в этих языках, поскольку их исследование едва лишь начинается²⁶.

²² Гамкрелидзе Т.В., Мачавариани Г.И. Система сонантов и аблаут..., с. 466–467.

²³ Ср.: Кумахов М.А. К проблеме аблаута в абхазо-адыгских языках. — ЕИЯ, 1974, т. I, с. 80–90.

²⁴ Дешериев Ю.Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. Грозный, 1963, с. 364.

²⁵ Там же, с. 269–273.

²⁶ Ср.: Гамзатов Р.Э. К аблауту в глагольной системе аварского языка. — ЕИЯ, 1982, т. IX, с. 156–162.

Несомненно, древним достоянием рассматриваемых языков является и супплетивизм глагольных основ в отношении категории числа, т.е. противопоставление так называемых сингулярных и плюральных форм (оно отражает исторический этап неразвитости соответствующей морфологической категории). Явление представлено во всех их группах, охватывая на правах архаизма очень незначительное число глаголов. Ср. для абхазско-адыгских языков убых. t^w - (ед. ч. объекта) $\sim q'a$ (мн. ч. объекта) 'давать', s - (ед. ч. субъекта) $\sim \acute{z}wa$ - (мн. ч. субъекта) 'сидеть', γ - (ед. ч. субъекта) $\sim \gamma'a$ - (мн. ч. субъекта) 'висеть', t^w - (ед. ч. субъекта) $\sim \gamma a$ - (мн. ч. субъекта) 'стоять, находиться'. В картвельском ареале оно может быть проиллюстрировано груз. gd -eba (ед. ч. объекта) $\sim qd$ -a (мн. ч. объекта) 'бросать', sm -a (ед. ч. объекта) $\sim sxm$ -a (мн. ч. объекта) 'сажать, ставить', mo - $\acute{q}vl$ -a (ед. ч. объекта) $\sim da$ -xoc-va (мн. ч. объекта) 'убивать', va gd-na (ед. ч. субъекта) $\sim svep$ -a (мн. ч. субъекта) 'падать'. Наконец, из группы нахско-дагестанских языков это явление может быть представлено, например, бабб. $daar$ (ед. ч. субъекта) $\sim da$ x $\acute{q}ar$ (мн. ч. субъекта) 'приходить', $lallar$ (ед. ч. объекта) $\sim la$ x $\acute{q}ar$ (мн. ч. объекта) 'гнать', $dollar$ (ед. ч. объекта) $\sim dex$ $\acute{q}ar$ (мн. ч. объекта) 'сунуть'²⁷.

Очевидный параллелизм морфологии кавказских языков образует значительный удельный вес префиксального строя в их глагольном спряжении. В абхазско-адыгской и картвельской группах префиксальное выражение получают общие для них морфологические категории лица, версии и потенциалиса (в каждой из обеих префиксами передаются и некоторые другие категории, не говоря уже о ряде словообразовательных элементов). В нахско-дагестанских языках префиксами прежде всего выражается морфологическая категория класса. Мнение о глубокой древности здесь префиксального типа спряжения общепринято в специальной литературе²⁸. В его пользу свидетельствуют несколько обстоятельств, из которых в настоящем контексте достаточно упомянуть два наиболее существенных. Во-первых, в рамках каждой из групп кавказских языков прослеживается высокая степень материальной общности префиксальных грамматических показателей, нередко восходящих еще к праязыковому состоянию, образующая довольно разительный контраст с существенно варьирующим материалом суффиксальных показателей. Во-вторых, выявляется, что префиксальные элементы действуют здесь либо на эргативной основе (ср. положение в обеих группах северокавказских языков), либо на основе, близкой к активной (ср. факты картвельских языков), а не на исторически более поздней — номинативной. Напротив, имеется возможность показать, что по крайней мере некоторые из суффиксальных элементов позднейшего происхождения функционируют на номинативной основе.

Все кавказские языки разделяют, наконец, ряд общностей в плане формального синтаксиса.

²⁷ См.: Dumézil G. Le verbe Oubykh: Études descriptives et comparatives. Paris, 1975, p. 38–44; Шанидзе А.Г. Основы грамматики грузинского языка. Тбилиси, 1973, I. Морфология, с. 501–505. На груз. яз.: Дешериев Ю.Д. Бацбийский язык: Фонетика. Морфология. Синтаксис. Лексика. М., 1953, с. 133.

²⁸ Ср.: Чикобава А.С. Иберийско-кавказское языкознание, его общелингвистические установки и основные достижения. — Изв. АН СССР. ОЛЯ, 1958, т. XVII, вып. 2, с. 125.

Прежде всего здесь необходимо упомянуть вербоцентрическую структуру предложения, достаточно отчетливо выступающую в абхазско-адыгских, картвельских и нахско-дагестанских языках. Действительно, тот факт, что структурной доминантой (по иной терминологии — "главной координатой") предложения здесь является глагол-сказуемое, во многих случаях как бы представляющее все предложение в миниатюре, признается едва ли не всеми кавказоведами. Именно характер глагольной лексемы, функционирующей в предложении, определяет как синтаксическую конструкцию предложения, в частности, число предполагающихся в нем именных актантов, так и характер морфологического оформления членов предложения.

Вместе с тем трудно принять высказывание некоторыми авторами мнения о существовании в кавказских языках трехсоставной структуры предложения, в соответствии с которым в качестве третьего главного члена последнего, наряду со сказуемым и подлежащим, называется прямое дополнение²⁹ (об условности последнего понятия для представителей эргативного строя см. ниже, на с. 157). Думается, что исключительная ориентация такого мнения на нередкое отражение в словоформе глагольного сказуемого прямого, а иногда — и косвенного дополнения (ср. прежде всего морфологическую структуру абхазско-адыгского глагола, способную содержать до четырех личных показателей именных членов предложения) представляет собой проявление морфологизма в подходе к решению собственно синтаксической проблематики и поэтому не может служить достаточным основанием для квалификации дополнения в качестве главного члена предложения. Другим соответствующим контраргументом могут служить отмечавшиеся в кавказоведческой литературе случаи несоответствия морфологической структуры глагольной словоформы составу представленных в предложении дополнений³⁰. Напротив, можно привести немало свидетельств того, что кавказские языки не составляют в этом отношении какого-либо исключения, включая прямое дополнение в состав группы сказуемого. Одним из показателей его зависимости от сказуемого является здесь его приглагольное положение — непосредственная антепозиция³¹.

В сфере порядка слов в предложении во всех группах рассматриваемых языков господствуют единые, хотя и не очень строгие правила. Сказуемое здесь заметно тяготеет к маргинально правой позиции. "Прямое" дополнение чаще всего непосредственно предшествует сказуемому: "Косвенное" дополнение обычно располагается раньше "прямого". Таким образом, линейное расположение слов в простом нераспространенном предложении может быть здесь отображено формулой SOV³². Имеются, по-видимому,

²⁹ Ср., например, *Яковлев Н.Ф.* Краткая грамматика кабардино-черкесского языка. Ворошиловск, 1938, вып. 1. Синтаксис и морфология, с. 9–10; *Он же.* Синтаксис чеченского литературного языка. М.; Л., 1940, с. 34.

³⁰ Ср.: *Шанидзе А.Г.* Субъектный префикс 2-го лица и объектный префикс 3-го лица в грузинских глаголах. — В кн.: *Шанидзе А.Г.* Вопросы структуры и истории грузинского языка. Тбилиси, 1957, I, с. 174. На груз. яз.

³¹ *Климов Г.А.* Очерк общей теории эргативности. М., 1973, с. 82–87.

³² К порядку слов в кавказских языках см.: *Яковлев Н.Ф.* (при участии Хумпарова А.Х., Саидова М.С., Бекова А.С.). Синтаксис чеченского литературного языка. М.; Л., 1940, с. 15–21; *Почхуа Б.А.* К вопросу о порядке слов в грузинском языке. — ИКЯ, 1962, т. XIII, с. 109–124; *Циколия М.М.* Порядок слов в абхазском языке. Тбилиси, 1973. На груз. яз.; Структурные общности кавказских языков, с. 49–56.

основания говорить о тенденции к дистантному расположению подлежащего, тяготеющего к началу предложения, и сказуемого, тяготеющего к его концу, поскольку нередко они оказываются разобщенными длинной цепочкой второстепенных членов.

Разновидность определений (адъективные, генитивные и др.) большей частью предшествуют здесь своим определяемым независимо от того, какой частью речи последние выражены. Наиболее существенное отступление от этой закономерности, как заметил еще один из пионеров отечественного кавказоведения Г. Розен, наблюдаются в абхазско-адыгских языках, где некоторые категории определений — особенно качественные прилагательные — оказываются в постпозиции к своему определяемому (ср. абх. *alaga2^w gaxa* 'старик бедный', адыг. *uc ǰxwantǰ* 'трава зеленая'). Другое заметное отступление от нее зафиксировано в древнегрузинском языке, где оно прежде всего связано с характерной постпозицией имени прилагательного (ср. *qmaj didi* 'голос громкий', *tuali pačiosani* 'камень драгоценный'). Различные виды обстоятельств в кавказских языках обычно тяготеют к антепозиции по отношению к слову, к которому они относятся, а нередко выдвигаются и к началу предложения.

Так, о линейных отношениях слов в даргинском языке З.Г. Абдуллаев пишет следующее: "... обычный порядок слов в даргинском простом предложении строится по формуле: подлежащее + объект + сказуемое... Другие второстепенные члены предложения располагаются более или менее свободно между подлежащим и сказуемым. При этом слово, которое интонационно подчеркивается в предложении, ставится обычно перед сказуемым... Поскольку по своим синтаксическим связям объект связан со сказуемым больше, чем другие члены предложения, то обычно он и попадает под интонационное ударение. Дополнение (косвенное, — Г.К.) ставится перед объектом, обстоятельства могут быть расположены как после подлежащего, так и перед ним. Определительные слова ставятся перед определяемыми — подлежащим, объектом или дополнением. При наличии относительного и качественного определений относительное определение предшествует качественному, а последнее ставится перед определяемым словом. За исключением определительных слов, которые неизменно ставятся перед определяемыми словами, все другие слова могут быть свободно перемещены. Следовательно, могут быть всевозможные способы расположения слов в предложении. Однако эти способы далеко не одинаковы по оттенкам значения и связаны с передачей тончайших оттенков мысли"³³. Ср. еще несколько соответствующих иллюстраций из разных языков: абх. *Ƙuasta Nina, aš^w q^w ə ilitajt* 'Костя Нине книгу дал', каб. *Murat sabijm mə'ārasǰ dǰuxpǰǰxuaš* 'Мурат ребенку яблок купил', груз. *ǰen viyacas sigarets stxov* 'ты у кого-то сигарету просишь', лаз. *Omerik ar kuncxiši tude mončaperi muqi koziru* 'Омер под одним кустом спелую ежевику увидел', авар. *Muslimatiča tukadasa ǰed bačana* 'Муслимат из лавки хлеб принесла', лак. *buttal cala arspan ǰazssa lu lavsunni* 'отец своему сыну интересную книжку купил', дарг. *luni dag bugasi ǰalǰali daqal mura derdira* 'я вчера острой косой много сена накосил'.

По совокупности таких структурных признаков, как словопорядок SOV

³³ Абдуллаев З.Г. Очерки по синтаксису даргинского языка. М., 1971, с. 29

в предложении, функционирование послелогов (вместо предлогов), а также антепозиция определения в форме генитива своему определяемому, кавказские языки могут быть отнесены к языкам типа III в схематике, разработанной Дж. Гринбергом³⁴.

Основными способами синтаксической связи членов единой синтагмы здесь являются примыкание, на базе которого получает широкое распространение так называемая групповая флексия, управление (например, падежом существительного со стороны послелога) и взаимоуправление или координация (последний способ обычно отмечается при характеристике синтаксических связей между глаголом-сказуемым, подлежащим и "прямым" дополнением). Напротив, согласование, особенно в его узком понимании, по существу отсутствует (наиболее заметное исключение из этого правила налицо в древнегрузинском языке). Необходимо подчеркнуть, впрочем, что четкая и выполненная с единой теоретической позиции рубрикация характера синтаксических связей слов в предложении составляет насущную задачу дальнейших исследований.

В абхазско-адыгских языках встречаются интересные архаизмы, отражающие, по-видимому, былой инкорпоративный способ связи компонентов как предикативной, так и непредикативной синтагм (в них можно усматривать издавна существующую в них тенденцию к полисинтетизму). Впервые случаи отсутствия в глагольной словоформе какого-либо аффиксального выражения именного компонента синтагмы, оказывающегося в непосредственной препозиции к глагольному сказуемому, были отмечены Ж. Дюмезилем³⁵. Согласно более поздней формулировке К.В. Ломтатидзе, в убыхском и абхазском языках "имя ряда номинатива (субъект, объект), если оно непосредственно предшествует глаголу, не отражается в нем соответствующим показателем: оно как бы само входит в состав глагола, например, убых. ас'к'ан, абх. ас'э-сојт 'лошадь-идет', убых. ас'э-з-бајан, абх. ас'э-з-бојт 'лошадь-я-вижу' и т.д."³⁶. Вероятные следы инкорпоративного способа связи компонентов синтагмы могут быть усмотрены и в адыгских языках. Так, "иллативная (т.е. центростремительная. — Г.К.) форма *дэ-пшы-хьэ-н* 'влезать' образована путем инкорпорирования основы глагола *пшы-н* 'ползти' в состав прерывистой основы глагола *дэ ... хьэ-н* 'войти'. Элативная (т.е. центробежная. — Г.К.) форма *дэ-пшы-н* 'вылезать' также имеет синонимичный вариант *дэ-пшы-чы-н*, образованный путем инкорпорирования основы глагола *пшы-н* 'ползти' в состав прерывистой основы глагола *дэ ... чы-н* 'выходить'³⁷. Заметим, что Н.Ф. Яковлев рассматривал в качестве инкорпоративных комплексов и такие формы, как адыг. *бә'х* 'много едят', *таса'х* 'мало едят'³⁸. Еще одно вероятное свидетельство

³⁴ Гринберг Дж. Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов. — В кн.: Новое в лингвистике. М., 1970, вып. V. Языковые универсалии, с. 144–145 и 149.

³⁵ Dumézil G. *Études comparatives sur les langues caucasiennes du Nord-Ouest: Morphologie*. Paris, 1932, p. 157.

³⁶ Ломтатидзе К.В. Отражение в глаголах члена предложения ряда номинатив в абхазско-адыгских языках. — В кн.: Вопр. синтаксич. строя ибер.-кавказ. языков. Нальчик, 1977, с. 15–21.

³⁷ Кумахов М.А. Словоизменение адыгских языков. М., 1961, с. 203.

³⁸ Яковлев Н.Ф. Изучение яфетических языков..., с. 310.

былой инкорпорации составляет превербная деривация в глагольном слове абхазско-адыгских языков, элементы которой по сей день нередко сохраняют теснейшую связь с лежащими в их основе именами существительными. Среди превербов, не утративших связи с соответствующими субстантивами в адыгейском языке, можно, например, назвать такие как *ʃhã*, указывающий на верхнюю часть предмета (ср. *ʃhã* 'голова'), *ʃã*, передающий семантику 'под' (ср. *ʃã* 'дно'), *pa-* с семантикой 'перед' (ср. *pa* 'нос'), *by^w*- со значением 'рядом, сбоку' (ср. *by^w* 'бок').

Сложное предложение представлено преимущественно сложносочиненным типом. Развитые типы сложноподчиненных предложений ограничены почти исключительно картвельскими языками. Моделям сложноподчиненных предложений в абхазско-адыгских и нахско-дагестанских языках обычно соответствуют особые обороты с использованием причастных и деепричастных форм глагола, выступающих вместо глагольного сказуемого подчиненного предложения (необходимо, впрочем, отметить распространенность взгляда, интерпретирующего причастные и деепричастные конструкции горских кавказских языков в качестве подчиненных предложений).

Несколько общих черт объединяют кавказские языки в сфере словообразования. Так, здесь повсеместно распространена так называемая каузативная деривация, служащая для производства глагольных лексем с семантикой побуждения к действию (в большинстве случаев соответствующие словообразовательные элементы совмещают и семантику пермиссива), ср.: абх. *a-g-ž^w-ra* 'поить, давать пить', при *a-ž^w-ra* 'пить', груз. *da-ʒeg-ineb-a* 'заставлять, давать писать' при *ʒega* 'писать', авар. *turiz-abize* 'гноить' при *turize* 'гнить'. Другой словообразовательный параллелизм общекавказского характера представляют собой композиты типа *bahuvrihi*, построенные путем сложения имени существительного и соотношенного с ним прилагательного, ср.: абх. *a-g^w-ž^wpa* 'жестокосердный', груз. *gul-gil-i* 'равнодушный', лак. *dard-du-ssa* 'печальный'. Как отмечал еще Г. Деетерс, одной из подобных общностей является здесь так называемая вигезимальная модель словообразования числительных выше двадцати³⁹. Лексема семантики 'двадцать' ложится в основу построения числительных следующих десятков по модели: $30 = 20 + 10$, $40 = 2 \times 20$, $50 = 2 \times 20 + 10$ и т.д. В тех немногих случаях, когда вигезимальный принцип проводится систематически, в соответствии с ним образуется и обозначение ста, а также числительных более высоких порядков (ср., например, бабб. *pxa-uz-ɬa* 'сто', букв. 5×20). В диахроническом плане установлена тенденция преобразования вигезимального принципа в децимальный. Любопытно, что даже в тех языках, где ныне уже господствует децимальная система, отчетливо прослеживаются рецессивные признаки былой вигезимальной. Как известно, однотипным образом строятся в рассматриваемых языках разделительные числительные: в основе их образования лежит редупликация простой формы соответствующих количественных числительных (ср.: абх. *bʒba-bʒba* 'по семь', груз. *xut-xuti* 'по пять', авар. *ki-ki* 'по два'). Единными для всех групп кавказских языков оказываются и некоторые более частные словообразовательные модели⁴⁰.

³⁹ Deeters G. Die kaukasischen Sprachen, S. 67.

⁴⁰ Структурные общности кавказских языков, с. 23–27.

Таким образом, в плане формальной типологии, объектом которой могут, как известно, оказаться существенно варьирующие структурные параметры, взаимоотношения отдельных групп рассматриваемых языков будут представляться довольно различным образом. Так, в плане предпосчитанного в этой главе направления формально-типологического сравнения, определяемого обычно как характерологическое, естественно прийти к выводу о том, что картвельская группа занимает промежуточное положение между довольно резко расходящимися в этом отношении обеими северокавказскими группами. Иначе обстоит дело в плане фонологической "типологии" — в последнем картвельские языки в целом обнаруживают обособленную позицию, сближающую ее скорее с такими индоевропейскими языками Кавказа, как армянский и осетинский. Вместе с тем диахронический аспект фонологической "типологии" обнаруживает наряду с точками соприкосновения картвельских языков с индоевропейскими их заметный параллелизм с абхазско-адыгскими.

Переходя к контенсивно-типологической характеристике абхазско-адыгских, картвельских и нахско-дагестанских языков, как она рисуется в настоящее время, следует подчеркнуть, что, будучи обогащенной рядом новых наблюдений и уточнений, в целом она по существу подтверждает оценку их типологического состояния, данную уже более четырех десятилетий тому назад в известных исследованиях И.И. Мещанинова⁴¹.

При легко демонстрируемой принадлежности обеих северокавказских групп к представителям эргативного строя абхазско-адыгские языки в целом довольно близки к эталону эргативности (хотя в них можно усмотреть и ряд остаточных явлений активного строя), в то время как в нахско-дагестанских языках уже отчетливо обозначена тенденция к номинативизации. Весьма отличимым образом приходится квалифицировать структурное состояние современных картвельских языков, отражающее собой совмещение черт активной и номинативной типологии при безусловной доминанции признаков последней⁴². Тем самым контенсивно-типологическое исследование совокупности кавказских языков возбуждает серьезные сомнения в корректности ранее высказывавшейся точки зрения, согласно которой по своим структурно-типологическим моментам картвельские языки ближе всего стоят к абхазско-адыгским и нахско-дагестанским (чаще всего разделяемые кавказскими языками типологические общности обязаны сохранению в них отдельных черт активного строя).

Весьма последовательная реализация принципов эргативного строя, как они представляются в недавних теоретических работах по типологии, в абхазско-адыгских языках свидетельствует о том, что их структурное состояние сравнительно близко к эталону эргативности. На уровне лексики здесь налицо базовое распределение глагольных слов по классам "транзитивных" и "интранзитивных" (в том его специфическом понимании, которое вооб-

⁴¹ См.: Мещанинов И.И. Новое учение о языке: Стадиальная типология. Л., 1936, с. 162–214; Он же. Общее языкознание. К проблеме стадиальности в развитии слова и предложения. Л., 1940, с. 161–176 и 199–221; Он же. Структура предложения. М.: Л., 1963, с. 75–81; Он же. Эргативная конструкция в языках различных типов. Л., 1967, с. 47–92 и др.

⁴² Климов Г.А., Алексеев М.Е. Типология кавказских языков. М., 1980.

ще характерно для представителей эргативного строя и позволяет квалифицировать точнее оба последних как агентивный и фактитивный⁴³), на уровне синтаксиса — структура предложения, в которой профилирует со всеми своими логическими производными корреляция эргативной и абсолютной конструкций, на уровне морфологии — противопоставление эргативной и абсолютной серий личных показателей в глагольном спряжении и (в адыгских языках и убыхском) эргативного и абсолютного падежей в именном склонении.

Несмотря на недостаточно четкое разграничение во многих специальных работах понятий глагольной лексемы как обобщенной совокупности словоформ и ее конкретной словоформы (следствием чего являются нередкие формулировки типа "от кабардинского глагола *щытц* 'стоит', образуется глагол *щигъэтц* 'он заставляет его стоять'"), нетрудно показать, что в рассматриваемых языках профилирующим принципом организации глагольного словаря является его разбиение на два основных класса, которые более адекватно можно назвать агентивным и фактитивным. Об этом красноречиво свидетельствует то обстоятельство, что именно этим разбиением здесь обуславливается своеобразие типологии предложения, с одной стороны, и специфика морфологической структуры как глагола, так и связанных с ним именных членов предложения — с другой. Следует особо подчеркнуть, что к числу фактитивных при этом относятся многие семантически переходные глаголы. Так, во-первых, это глаголы, обозначающие поверхностное воздействие на объект, например 'толкать', 'ударять', 'хватать', 'тянуть', 'щипать', 'царапать', 'кусать', 'лизать', 'сосать' и др. Во-вторых, это лексемы семантики 'ждать', 'звать', 'просить', 'провождать', 'обгонять' и др. (известны и отдельные интересные для общей теории эргативности исключения из обоих разрядов)⁴⁴. Напротив, некоторые семантически непереходные глаголы трактуются как агентивные. В то же время иные группы глагольных лексем (*verba sentiendi*, диффузные) здесь не продуктивны и более или менее приспособлены к функционированию в условиях эргативности.

Наиболее характерной чертой синтаксической структуры абхазско-адыгских языков является корреляция эргативной и абсолютной конструкций предложения. Эргативная конструкция обусловлена наличием в предложении транзитивного глагола-сказуемого и помимо "прямого" дополнения может включать и "косвенное" (если учесть условность использования понятий "транзитивного" и "интранзитивного" глаголов при описании эргативной системы, то приходится признать и условность обоих последних понятий), ср.: абх. *sara azuab dazgoj* 'я девочку беру', адыг. *ǝz̥m aš̥c̥a qz̥'at̥əu* 'старик голову поднял'. Абсолютная конструкция предложения задается фактитивным глаголом-сказуемым и может включать в свой

⁴³ См.: Кибрик А.Е. Структурное описание арчинского языка методами полевой лингвистики. — Автореф. дис. ... докт. филол. наук М., 1976, с. 34–35.

⁴⁴ См.: Яковлев Н.Ф., Ашхамаф Д.А. Грамматика адыгейского литературного языка. М.; Л., 1941, с. 68–71; Яковлев Н.Ф. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М.; Л., 1948, с. 16–21; Шакрыл К.С. Аффиксация в абхазском языке, с. 19; Catford J.C. Ergativity in Caucasian languages. — In: Montreal Working Papers in Linguistics (May, 1976). Papers from the Sixth Meeting of the North Eastern Linguistic Society Montreal, 1976, vol. 6, p. 44.

состав "косвенное", но не "прямое" дополнение (уже в этом пункте очевидно ее структурное отличие от номинативной конструкции, свойственной представителям номинативного строя), ср.: абх. *jeç s-ab Moskvan^w daajt* 'вчера мой отец приехал из Москвы', адыг. *laža-r mǎza-m k^wayǎ* 'старик пошел в лес'. Аналогично и другим эргативным языкам, особенно тесную синтаксическую связь, находящую свое отражение и на уровне морфологии, здесь обнаруживают подлежащее и фактитивный глагол-сказуемое, с одной стороны, и "прямое" дополнение и агентивный глагол-сказуемое — с другой. Эти отношения отражаются и в характерном стилистически нейтральном для всех рассматриваемых языков словопорядке членов предложения, который может быть схематически представлен в виде формулы $S - O_2 - O_1 - V$ (где S — символ подлежащего, V — сказуемого, O_1 — "прямого" дополнения и O_2 — "косвенного" дополнения), ср.: абх. *ah^w antkar atahma-da adarğa itejt* 'царь старику известие дал', каб. *jejǎžak^wǎ-m šala-m txǎǎg iritaš* 'учитель парню книгу дал'.

Особенное многообразие форм проявления эргативности характеризует морфологическую систему абхазско-адыгских языков. В глагольной морфологии здесь в первую очередь необходимо отметить функционирование двух серий личных показателей — эргативной и абсолютной, передающих субъектно-объектные отношения действительности синкретически, вследствие чего их невозможно интерпретировать в качестве субъектной и объектной. Если в адыгских языках обе серии обнаруживают определенное материальное расхождение, то в остальных случаях их отличие проявляется главным образом позиционно: одно из важнейших для представителей эргативного строя различий морфологической структуры транзитивного и интранзитивного глагола и заключается в несовпадении правил аранжировки их личных показателей (ср. выше, с. 42). Показатели эргативной серии соотносятся с подлежащим при агентивном глаголе и с "косвенным" дополнением, в то время как показатели абсолютной серии соотносятся с подлежащим при фактитивном глаголе и с "прямым" дополнением. Вполне аналогична и функциональная нагрузка эргативного и абсолютного падежей, представленных в адыгских языках и убыхском, субъектно-объектная "диффузность" которых также вполне очевидна. Первый из них оформляет подлежащее при агентивном глаголе-сказуемом и "косвенное" дополнение (ср. адыгейск. *šǎ-m ǰǰǎ qǎ'atǎy* 'конь голову поднял', Murat *axǎ-mǎ a-fit-xǎy* 'Мурат им написал'), второй — подлежащее при фактитивном глаголе-сказуемом, а также "прямое" дополнение (ср. адыгейск. *yupǎy^w ǎ-r šǎ-m ježǎ* 'сосед коня зовет', *yupǎy^w ǎ-m č₂ǎyǎ-r ǰyǎtǎsǎy* 'сосед дерево посадил'). Подобно другим представителям выдержанного эргативного строя, здесь отсутствуют генитив и датив, по-видимому, соотносящиеся типологически с падежной парадигмой номинативных языков (ср. органическую включенность косвеннообъектного отношения в функции эргатива)⁴⁵. Недифференцированность форм действительного и страдательного залогов в абхазско-адыгском транзитивном глаголе составляет, как известно, также

⁴⁵ Ср.: Курилович Е. Проблема классификации падежей. — В кн.: Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962, с. 195—196; Бенвенист Э. К анализу падежных функций: латинский генитив. — В кн.: Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974, с. 162—164; Климов Г. А. К типологии падежных систем. — Изв. АН СССР. СЛЯ, 1981, № 2.

характерную черту эргативной системы. Наконец, в соответствии с принципами последней оказывается и то обстоятельство, что функционирующую здесь версионную диатезу невозможно, строго говоря, свести к оппозиции субъектной и объектной версии.

Обращает на себя внимание также то, что на службу механизма эргативности в абхазско-адыгских языках поставлены и морфофонемные чередования. Так, в специальной литературе установлено, что личные показатели 1 л. обоих чисел и 2 л. мн. ч. эргативной серии подвергаются фонетическому уподоблению в сочетании с последующим начальным звонким согласным основы транзитивного глагола и, напротив, не подвергаются ему в совершенно аналогичных условиях в составе словоформы интранзитивного глагола (если в абхазско-абазинских диалектах и, по-видимому, в убыхском это уподобление всецело сводится к процессу озвончения, то в адыгских языках, распространяясь также на показатель 2 л. ед. ч., оно охватывает и другие ассимилятивные процессы)⁴⁶. Вместе с явлением аблаута, различающим ступени а ~ *ʕ* (> *ə*) и дифференцирующим здесь глагольные лексемы по признаку агентивности ~ фактивности, эти факты могут рассматриваться как определенные свидетельства в пользу целносистемного понимания контенсивных языковых типов, поскольку они лежат уже в плане такого раздела фонологии, которым является морфонология.

Значительная близость структуры абхазско-адыгских языков к эталону эргативности позволяет отчетливее увидеть на их фактическом материале самое существо того содержательного стимула, так называемой типологической глубинной структуры, семантической детерминанты, который и вызывает к жизни весь механизм эргативности. По всей вероятности, этот стимул сводится к противопоставлению не субъектного и объектного начал, как это имеет место в номинативных языках, и не активного и инактивного начал, представленного в активных, а агентивного и фактивного (в иной терминологии — агентивного и пациентного). Именно последним обстоятельством и объясняется очевидный синкретический характер передачи субъектно-объектных отношений действительности парадигматическими средствами представителей эргативного строя.

На фоне широкого функционирования в абхазско-адыгских языках импликаций эргативности в них достаточно ощутимы и некоторые структурные черты, типологически интерпретирующиеся в качестве остаточных явлений активного строя. Как известно, частично они попали уже в поле зрения И.И. Мещанинова, усматривавшего очевидную связь эргативной структуры абхазского языка с предшествовавшим ему иным типологическим состоянием. Констатация аналогичных фактов, по-видимому, стоит и за недавно сформулированным мнением К.-Х. Шмидта о принадлежности этих языков к кругу раннеэргативных⁴⁷.

⁴⁶ *Ломтагидзе К.В.* Категория переходности в абхазском глаголе. — Изв. ИЯИМК, 1942, т. XII, с. 9–10; *Она же.* Тапантский диалект абхазского языка. Тбилиси, 1944, с. 124. На груз. яз.; *Розава Г.В., Керашева З.И.* Грамматика адыгейского языка. Краснодар; Майкоп, 1966, с. 136 и след.

⁴⁷ *Schmidt K.H.* Probleme der Ergativkonstruktion. — In: Münchener Studien zur Sprachwissenschaft, 1977 Н. 36, S. 102. 111. О структуре активного строя см.: *Климов Г.А.* К характеристике языков активного строя. — ВЯ, 1974, № 4; *Он же.* Типология языков активного строя. М., 1977.

В первую очередь к числу реминисценций активного строя здесь следует отнести разбиение глаголов на динамические и статические, аналогичное их распределению на классы активных и стативных в представителях активной типологии и пересекающееся с ныне бесспорно профилирующей дифференциацией глагольных лексем на агентивные и фактививные. Нетрудно показать, что такое разбиение лежит уже преимущественно в плане диахронии, поскольку, выдавая еще ограниченные морфологические проекции (ср. префиксальный показатель динамичности *wá-* в презентных словоформах адыгского глагола и суффиксальный *-wa* — абхазско-абазинского и убыхского), оно не оставляет никаких синтаксических последствий. В настоящее время, по-видимому, более корректно говорить о динамической и статической словоформах единого агентивного и фактививного глагола, ср.: абх. *d-ɬʷoɟt* 'он садится' при *d-ɬʷoɟr* 'он сидит', *də-sʷoɟt* 'он засыпает' при *də-sʷoɟr* 'он спит'. Среди других вероятных отклонений лексической системы активного строя в абхазско-адыгских языках можно назвать ныне непродуктивные и ограниченные по своему составу классы непроектируемых диффузных (лабильных) и аффективных (инверсивных) глаголов, тесную связь качественных прилагательных с чистой глагольной основой, недоразвитость разряда притяжательных местоимений и ряд других явлений.

В сфере синтаксиса в этом плане заслуживают внимания отдельные прецеденты функционирования эргативообразной конструкции предложения с интранзитивным глаголом-сказуемым активного действия, переживания немотивированной в рамках эргативной системы аффективной (инверсивной) конструкции, а также некоторые другие факты, среди которых необходимо упомянуть постпозитивную постановку по отношению к своему определяемому качественных прилагательных, образующую явную аналогию месту определения, выраженного чистой основой стативного глагола в рамках активной системы. Если учесть, что инкорпоративный способ синтаксической связи слов в предложении составляет преимущественную характеристику активного строя, а не эргативного, то наблюдаемые в абхазско-абазинских диалектах реликты инкорпорации⁴⁸ могут также получить свое диахроническое объяснение в структуре активного строя.

Как и следовало предполагать, наибольшая совокупность остаточных явлений активности прослеживается здесь в самой консервативной с точки зрения контентивно-типологического подхода морфологической структуре Будучи более заметными в глагольной морфологии абхазско-адыгских языков, они ощутимы в ряде случаев и в именной. В глаголе в этом смысле обращает на себя внимание возможность реконструкции на основе и ныне проводимого в этих языках разграничения так называемых центробежных (элативных) и центростремительных (иллативных) форм былого противопоставления центробежной и нецентробежной версий активного глагола (формальными экспонентами обоих служат, гласные *a* и *ə* > *ʌ*, образующие аблаутное чередование). В то же время специальное различие динамических и статических словоформ единого ныне глагола позволяет усматривать в нем определенную морфологическую компенсацию исторического принципа лексемного противопоставления динамических и статических

⁴⁸ *Домтатидзе К.В.* Отражение в глаголах члена предложения

глаголов. Не менее интересной в этом отношении представляется здесь и неоднократно отмечавшаяся в специальной литературе возможность выведения темпоральных градаций глагола из аспектуальных типа Aktionsart'a, до сих пор представленных весьма широким набором показателей различных способов действия (любопытно, что и в настоящее время этот набор выступает в динамических глаголах более отчетливым образом, нежели в статических, что составляет аналогию подобного его распределения и между активными и стивными глаголами в рамках активной системы). Отметим здесь, наконец, совершенно необычный для эргативных языков факт отсутствия в морфологической структуре адыгейского и кабардинского транзитивного глагола показателя 3 л. "прямого" дополнения при наличии показателя подлежащего (ср. каб. *je-tx 'он(то) пишет', je-d 'он(то) шьет', je-h 'он(то) несет'* и т. п.), что также может трактоваться как архаизм, восходящий к активной системе. Наиболее ярким пережитком структуры активного строя в области именного словоизменения здесь, по-видимому, следует признать функционирование в адыгских языках (почти всецело — в адыгейском) именной посессивной флексии с ныне уже не вполне последовательной дифференциацией форм органической и неорганической принадлежности, ср.: адыгейск. *s-pä 'мой нос', s-xu 'моя дочь', sə-maqä 'мой голос'* при *si-waňä 'мой дом', si-txəʃ 'моя книга', si-šə 'моя лошадь'*. В некоторых случаях засвидетельствованы довольно интересные в этом плане процессы транспозиции архаических отношений с более высоких уровней языка, например с лексического, на иерархически более низкие, особенно на морфологический. Ср., в частности, специфические словоизменительные признаки динамичности и произвольности в глаголе, как бы компенсирующие былые принципы структурной организации глагольной лексики (классы активных глаголов и глаголов произвольного действия и состояния в представителях активного строя).

В структуре абхазско-адыгских языков можно, вероятно, усмотреть и значительно менее отчетливые отголоски переживавшейся ими некогда классной типологии (ср. опыты выделения некоторых из них в работах Г.В. Рогава и К.В. Ломтатидзе⁴⁹). В этой связи представляется справедливым мнение М.А. Кумахова, согласно которому "если постулировать существование действующих классных префиксальных показателей в именных основах, то с точки зрения релятивной хронологии они могут соотноситься лишь с эпохой, предшествовавшей периоду западнокавказского единства"⁵⁰. О трудностях эмпирического порядка, на которые наталкиваются попытки соответствующего доказательства, свидетельствует, в частности, тот факт, что выдвинутому в этой связи мнению об исторической реинтерпретации в глагольном спряжении абхазско-адыгских языков былых классных показателей в личные противоречит почти во всех

⁴⁹ Ср.: *Рогава Г.В.* К вопросу о структуре именных основ и категориях грамматических классов в адыгских (черкесских) языках. Тбилиси, 1956; *Ломтатидзе К.В.* К вопросу об окаменелых экспонентах грамматических классов в именных основах абхазского языка. — *Сообщ. АН Груз. ССР*, 1961, т. XXVI, № 1, с. 115–122.

⁵⁰ *Кумахов М.А.* Теория генеалогического древа и вопросы дифференциации западнокавказских языков. — *ВЯ*, 1976, № 3, с. 54.

случаях достаточно отчетливая генетическая связь этих показателей именно с соответствующими местоимениями⁵¹.

Значительно более богатыми традициями континентально-типологического исследования располагает современная картвелистика. В центре внимания последней неизменно находились вопросы исторического преобразования типологии картвельских языков, столь ощутимого на всех уровнях их структуры. В итоге достаточно давним достижением науки явилось общепринятое и находящее свое эмпирическое обоснование в фактах древнегрузинского литературного языка положение о таком совмещении в их структуре признаков номинативной и неноминативной типологии, тенденция развития которого приводит к увеличению удельного веса первых⁵². В настоящее время, когда единое в прошлом понятие эргативности расчленено на два понятия — собственно эргативного строя, с одной стороны, и активного — с другой, возникает возможность показать, что неноминативный компонент картвельских языков должен быть скорее охарактеризован как активный, а не эргативный. Вместе с тем во всех картвельских языках налицо решительное преобладание удельного веса номинативного компонента над активным.

Как свидетельствуют результаты недавних исследований, основу типологии современных картвельских языков образует номинативный компонент, отчетливо заявляющий о себе на всех уровнях их структуры⁵³. Весьма красноречивым отражением этого обстоятельства служит метаязык грамматической концепции А.Г. Шанидзе, с успехом описывающий структурный механизм грузинского языка в терминах номинативной системы⁵⁴. Все еще достаточно ощутимый их активный компонент занимает здесь явно подчиненное положение. В целом напрашивается общий вывод о ранненоминативном характере картвельской языковой типологии.

В сфере принципов структурной организации лексики за это говорит профилирующее здесь распределение глагольных слов по классам транзитивных и интранзитивных, как оно реализуется в представителях номинативного строя, т. е. с более отчетливой субъектной или объектной интенцией, чем это имеет место в эргативных языках. В ряде случаев оно получает свое закрепление в словообразовательном плане. Ср. груз. *tqdoma* 'ломаться' ~ *texa* 'ломать', *cvdoma* 'изнашиваться' ~ *sveta* 'изнашивать', мегр. *doxipa* 'садиться' ~ *doxipara* 'сажать', *çiradia* 'цедиться' ~ *çiridia* 'цедить', сван. *li-deg* 'гаснуть' ~ *li-dge* 'гасить', *li-kwer* 'гнить' ~ *li-kwre* 'гноить'.

В области синтаксиса прежде всего обращает на себя внимание единая,

⁵¹ Об этом см.: Шакрыл К.С. Аффиксация в абхазском языке, с. 13–16; Dumézil G. Documents Anatoiens sur les langues et les traditions du Caucase. Paris, 1967, V. Études Abkhaz, p. 15, 18, Грамматика абхазского языка: Фонетика и морфология. Сухуми, 1968, с. 74.

⁵² Ср.: Чикобава А.С. Проблема эргативной конструкции в иберийско-кавказских языках. Тбилиси, 1948, I. Историческое взаимоотношение номинативной и эргативной конструкций по данным древнегрузинского литературного языка, с. 133–147; Мещанинов И.И. Эргативная конструкция..., с. 51 и след.

⁵³ Климов Г.А., Алексеев М.Е. Типология кавказских языков, с. 81–114.

⁵⁴ См.: Шанидзе А.Г. Основы грамматики грузинского языка. 1-е изд.: Тбилиси, 1953, I. Морфология. 2-е изд.: Тбилиси, 1973. На груз. яз.; Он же. Грамматика древнегрузинского языка. — Тр. каф. др.-груз. языка ТГУ, 1976, 18.

т. е. независимая от характера глагольного сказуемого, номинативная типология картвельского предложения. Одним из наиболее ярких выражений последнего обстоятельства служит систематическое и, следовательно, проводимое с глагольными словоформами всех временных серий разграничение действительного и страдательного оборотов переходного предложения, ср.: груз. *dana-m gaḡta pur-i* 'нож разрезал хлеб' при *pur-i gaḡta dan-it* 'хлеб разрезан ножом' (как известно, противопоставление обоих оборотов возможно лишь в рамках номинативной конструкции предложения). В то же время падеж подлежащего с признаком *-m* в грузинском языке, являющийся чисто субъектным и оформляющий подлежащее как при транзитивных, так и при множестве интранзитивных глаголов, невозможно признать эргативом (совершенно аналогичная картина наблюдается в этом отношении и в других картвельских языках). Таким образом, подтверждается недавно высказанное в специальной литературе мнение о том, что и в построениях с аористными словоформами глагола-сказуемого нормы эргативности также не выдерживаются, как и в построениях с его презенсными словоформами⁵⁵. В соответствии с доминирующим номинативным компонентом картвельской языковой структуры оказывается и функционирование здесь прямого дополнения. С точки зрения соотношения обоих типологических компонентов в картвельских языках заслуживает внимания сам факт дискуссионности вопроса о преобладании в них схемы SOV или SVO словоупорядка в предложении, первый из которых характерен для активных и эргативных языков, а второй — для номинативных. Что же касается нередкого для древнегрузинского языка словоупорядка VSO, то он, по всей вероятности, обязан воздействию языка переводной литературы. Наконец, в пользу номинативности синтаксических норм здесь свидетельствуют и результаты теста на сокращение кореферентного имени (Equi-NP deletion test): такие построения, как груз. *movida Nacarkakia da gaavso guda nacrit* 'пришел Нацаркекия и наполнил бурдюк золой' или лаз. *kaḡi idu do ḡiḡka doxaziru* 'человек пошел и приготовил дрова' вполне обычны.

В свете контенсивной типологии, признающей наиболее консервативный характер морфологической системы языка, особенно показательным представляется значительное преобладание черт номинативности в словоизменении картвельских языков. Отметим прежде всего, что в глагольном спряжении здесь функционируют субъектная и объектная серии личных показателей, принципиально отличные своей функциональной стороной от эргативной и абсолютной серий эргативной системы. Если личные показатели субъектной версии соотносятся обычно с подлежащим (одно из исключений составляют словоформы аффективных глаголов), то личные показатели объектной — с дополнениями. В результативных словоформах глагольного сказуемого налицо и другое встречающееся в целом ряде номинативных языков явление — смешение афиксов обеих серий в функции единой субъектной, ср. груз. *mo-v-sulvar* 'я, оказывается, пришел' при *da-m-ilevia* 'я, оказывается, вышел'. Подобно многим другим представителям номинативного строя здесь широко распространено тождество мор-

⁵⁵ Aronson H.J. Towards a semantic analysis of case and subject in Georgian. — *Lingua*, 1970, vol. 25, N 3, p. 295–296.

фологической структуры транзитивного и интранзитивного глаголов, ср. груз. *m-i-ḳet-eb-s* 'он мне делает (то)' при *m-i-z-i-s* 'он у меня сидит'.

Хорошо известен факт систематического проведения в картвельских языках залоговой диатезы транзитивного глагола (сформированы специальные морфемы страдательного залога). Четко выявляется и залоговая соотнесенность различных причастий. Другой морфологической категорией глагола, используемой здесь для передачи оттенков субъектно-объектных отношений действительности, и, следовательно, функционирующей в составе парадигматических элементов номинативной системы, является категория версии, представленная корреляцией субъектной, объектной и нейтральной форм.

Характерные черты номинативной типологии выступают и в устройстве падежной парадигмы рассматриваемых языков. Не вызывает сомнений наличие в ней подлинного именительного падежа, оформляющего здесь, как и в других номинативных языках, подлежащее как при транзитивном, так и интранзитивном глаголе-сказуемом. Очевидное функциональное тождество маркированных и немаркированных показателей картвельского номинатива сопровождается существующими между ними отношениями дополнительной дистрибуции. Именно таково, в частности, соотношение падежных флексий *-m(a)* и *-i/θ*, выступающих в грузинском в построениях с аористными словоформами сказуемого. Флексия *-m(a)* оформляет здесь подлежащее при транзитивном глаголе, выраженном формой активного залога, и при интранзитивном глаголе разряда медиоактивных (отсюда становится понятным, почему она никогда не трактуется в качестве окончания эргатива в грамматической концепции А.Г. Шанидзе). Напротив, флексия *-i/θ* оформляет подлежащее при транзитивном глаголе, выраженном формой пассивного залога, и при интранзитивном глаголе разрядов медиопассивных и статических страдательных. Системные соображения диктуют правомерность постулатов здесь и винительного падежа, как необходимого типологического коррелята номинатива. Если признать, что на роль показателей морфологически несамостоятельного аккузатива претендуют флексии *-s* (в построениях с презенсными словоформами глагола-сказуемого) и *-i/θ* (с его остальными словоформами), то тем самым обнаружится интересный параллелизм совмещения единими показателями функций двух падежей по отношению вещей в армянском языке, где налицо также морфологически несамостоятельный аккузатив, один из показателей которого совпадает с формантом дательного падежа, а другой — с формантом именительного. В пользу постулатов противопоставления обоих позиционных падежей номинативной системы в картвельских языках косвенным образом говорит и функционирование в них вполне сформированных, т. е. располагающих всеми присущими им субъектно-объектными функциями, родительного и дательного падежей, рассматривающихся в теоретической лингвистике в качестве транспозиций номинатива и аккузатива⁵⁶.

⁵⁶ *Курлович Е.* Проблема классификации падежей, с. 195–196; *Курлович Е.* The inflectional categories of Indo-European. Heidelberg, 1964, p. 32; *Бенвенист Э.* Канализация падежных функций..., с. 162–164; *Ревзин И.И.* Семантика праславянского и индоевропейского родительного в свете гипотезы Бенвениста. — В кн.: Конф. по сравн.-истор. грамматике индоевр. языков (12–14 дек.). Предварит. материалы. М., 1972, с. 68–69; *Климов Г.А.* К типологии падежных систем.

Сказанное выше свидетельствует в пользу необходимости решительного отказа от все еще встречающейся в практике типологических исследований механической (и по своему существу подрывающей принцип системности языка) трактовки прецедентов так называемой парциальной активности или эргативности языковой структуры.

История грузинского литературного языка, обладающего письменными памятниками, начиная с V в. н. э., с одной стороны, и данные сравнительной реконструкции картвельских языков — с другой, всецело поддерживают уже давно сложившуюся в специальной литературе точку зрения, согласно которой с течением времени удельный вес номинативного компонента в картвельской языковой структуре продолжает возрастать. Это означает прежде всего, что параллельно с усилением роли оппозиции субъекта и объекта в ней происходит последовательное увеличение роли противопоставления глаголов по признаку переходности ~ непереходности. Необходимо еще раз подчеркнуть, однако, что уже в древнегрузинском состоянии черты номинативного строя были, безусловно, профилирующими.

Совокупность наблюдаемых в картвельских языках неноминативных черт образует некоторую целостную в типологическом отношении систему, основанную на глубинном противопоставлении активного и инактивного начал, нередко приближающегося к оппозиции одушевленного и неодушевленного, и скорее всего соотносится со структурой активного строя. Напротив, здесь не видно явлений, которые мотивировались бы сколько-нибудь однозначным образом принципами эргативности. Очень широко представленные пережитки импликаций и фреквенталий активности даже на столь прогрессивном с точки зрения контенсивно-типологической схематики уровне, каковым является лексический, позволяют предположить, что все соответствующие факты иллюстрируют собой процесс преобразования активной типологии языка непосредственно в номинативную, т. е. без посредства эргативной ступени.

В сфере лексики в этом плане прежде всего обращает на себя внимание возможность реконструкции для прошлого картвельских языков оппозиции динамических и статических глаголов, аналогичной противопоставлению активных и стативных в рамках активной системы. Наряду с этим класс аффективных (и шире — инверсивных) глаголов, исторически выводимый из значительно более широкого класса глаголов непроизвольного действия и состояния активной системы, еще по сей день остается не вполне растворенным среди транзитивных и интранзитивных (процесс такого растворения иллюстрируют, в частности, такие глагольные лексемы, которые допускают как аффективное, так и транзитивное или интранзитивное построение, ср. груз. *m-ešinia* 'я боюсь', при *v-šišob* 'я боюсь'). Не менее показательны в этой связи и факты ныне уже недостаточно последовательного противопоставления "одушевленных" и "неодушевленных" синонимических глаголов. Ср., например, следующие пары мегрельских соотносительных глаголов:

"Одушевленные"	"Неодушевленные"
žiga 'лежать'	zupa 'лежать'
dontxapa 'падать'	dolapa 'падать'
škwidapa 'тонуть'	doncqvala 'тонуть'

"Одушевленные"		"Неодушевленные"	
g'ipara	'стареть'	dažvešeba	'стареть'
bağa	'дуть'	gkuala	'дуть'
g'qara	'окружать'	golqara	'окружать'

В свете гипотезы об активной типологии древнейшего пракартвельского состояния немалый интерес представляют история формирования посессивных глаголов (до сих пор различающих одушевленность и неодушевленность предметов обладания), реликтовый числовой супплетивизм глагольных лексем, затрагивающий, как правило, лишь исторически активные глаголы, этимологическое тождество именных лексем, обозначающих части человеческого/животного организма или растения и некоторые другие факты.

Наконец, в свете несформированности класса имен прилагательных в активном состоянии целесообразно упомянуть большие трудности реконструкции прилагательных на общекартвельском уровне.

В области синтаксической структуры к элементам наследия активного строя в картвельских языках должны быть отнесены многочисленные пережитки функционирования активной конструкции предложения с междоактивными глаголами (ср. груз. dro-m ganvio 'время прошло', лаз. mteli-k ixelu 'все обрадовались', сван. māg-em adžəbne 'человек шлюнул'), неактивной конструкции со статическими страдательными (ср. груз. mo-xis-s xanžal-i eba 'у старика висел кинжал'), а также еще неизгладившиеся черты аффективной конструкции, несколько более отчетливым образом выступающие при презенсных словоформах соответствующих глаголов. Можно думать, наконец, что модель словопорядка в предложении SOV, конкурирующая здесь со схемой SVO, должна быть также отнесена на счет доминативного состояния.

Как и следовало того ожидать, особенно много свидетельств в пользу гипотезы об активном прошлом картвельских языков можно усмотреть в их морфологической структуре. Заслуживает при этом внимания уже исторически одноличный (по всеобщему признанию субъектной суффиксации за новообразование) принцип их глагольного спряжения, как известно, не характерный для представителей эргативного строя. Значительно важнее сама реконструируемая для общекартвельского состояния схема функционирования личных показателей, принципиально отличная от эргативной и очень близкая к соответствующей схеме активных языков. Здесь легко реконструируются две серии таких показателей, которые могут быть квалифицированы как активная и неактивная (в этом свете интересен материальный параллелизм последних аффиксов с древнейшими суффиксальными показателями субъекта "неволевого действия" в протоиндоевропейском⁵⁷).

Активная серия	Неактивная серия
1 л. *xw-	1 л. *m-
2 л. *x-	2 л. *g-
3 л. *θ(?)	3 л. *θ(?)

⁵⁷ Иванов Вяч.Вс. Праязыки как объекты описания в издании "Языки мира". — В кн.: Теоретические основы классификации языков мира. М., 1980, с. 184—185.

Еще и поныне словоформы транзитивного глагола, равно как и множества интранзитивных глаголов активного действия, получают в картвельских языках личные префиксы первой серии, и, напротив, такая наиболее яркая пережиточная группа стативных глаголов, как "статические страдательные", приобретает личные префиксы второй серии (ср. *m-abia* 'у меня привязано то', *m-art'ia* 'я опоясан тем' и т. п.). Интересно и то обстоятельство, что, подобно языкам активного строя и в отличие от представителей эргативного, личные аффиксы прямого и косвенного дополнений здесь формально не разграничены (некоторое исключение составляют формы 3 л., где на правах новообразования возникло такое разграничение).

Оппозиция субъектной и нейтральной версий глагола (с включением в последнюю версию нахождения на чем-либо), представленная соответственно префиксами 1- и а-, в принципе сводима к предполагаемому для прошлого картвельских языков противопоставлению форм центробежной и нецентробежной версий активного глагола. Аналогичное истолкование напрашивается и для ранее установленного факта происхождения темпоральной системы картвельского глагола из аспектуальной, противопоставлявшей различные способы действия. В сфере именной морфологии в таком же ракурсе следует, по-видимому, трактовать некоторые формальные и функциональные особенности картвельского номинатива (ср. охарактеризованное в III главе соотношение его маркированных и немаркированных алломорф) и аккузатива (ср. случаи совпадения его признака с показателем дательного падежа).

За некоторыми явлениями, более рельефным образом выступающими в ласком языке, по-видимому, скрываются отголоски различия в далеком прошлом именных притяжательных форм органической и неорганической принадлежности. В виду имеются, во-первых, признающаяся за архаическую черту обычность для него построений типа *xe i-ḳvatums* 'руку себе-режет', *ḳupḳi do-i-bopu* 'лицо себе-вымыл' (т. е. включающих обозначения частей тела) при грамматической неотмеченности построений типа *ḳvali i-ḳvatums* 'сыр себе-режет', *kovali i-ḳvatums* 'хлеб себе-режет'⁵⁸, и во-вторых, преимущественная характерность оформления посессивной флексией терминов родства, обозначений частей тела и названий некоторых других реалий, тесно связанных с человеком и животным, ср. *da-skani* 'сестра-твоя', *xe-muḣi* 'рука-его', *ḣoxo-skani* 'имя твое'. К кругу фактов, опять-таки ведущих к структуре активного строя, могут быть, наконец, отнесены хорошо известные из специальной литературы многочисленные формы морфологического обособления различных построений по признаку одушевленности ~ неодушевленности, столь характерные еще для древнегрузинского состояния, но позднее утрачивающие свои позиции в пользу признаков различия человека и вещи.

Если согласиться с гипотезой об активной типологии древнейшего пракартвельского, то возникает возможность констатации еще одной глубокой типологической аналогии между древним состоянием картвельских языков и общиндоевропейским позднейшего периода, характеризующей

⁵⁸ Ср.: Чикобава А.С. Грамматический анализ чанского (лаского) диалекта с текстами. Тбилиси, 1936, с. 107–108. На груз. яз., Ломтадзе К.В. Категория версии в картвельских и абхазско-адыгских языках. – ЕИЯ, 1976, т. III, с. 91–92.

наиболее общие тенденции их структурной эволюции (принципиально отличный путь развития имеет место в автохтонных языках Северного Кавказа, иллюстрирующих эргативное состояние). Поскольку констатируемый процесс номинативизации картвельских языков затронул фундаментальные черты их структуры, едва ли возможно его приписать действию фактора древнейших картвельско-индоевропейских контактов. Не будет, по-видимому, преувеличением считать, что в плане контенсивно-типологической схематики основное различие современных картвельских и индоевропейских языков сводится к неодинаковой степени реализации процесса номинативизации исторически активного строя. Таким образом, здесь остается подчеркнуть, что промежуточная позиция картвельской языковой структуры между абхазско-адыгской, с одной стороны, и нахско-дагестанской — с другой, может быть усмотрена лишь в одном — формально-грамматическом — из аспектов лингвистической характерологии.

Типологическая интерпретация профилирующих структурных черт нахско-дагестанских языков подтверждает общепринятое в современном кавказоведении мнение об их эргативном состоянии⁵⁹. Об этом свидетельствует основной набор импликаций эргативности, выявляемых здесь на всех уровнях языковой структуры: распределение глагольных лексем по классам "транзитивных" и "интранзитивных" (как показывают недавние исследования, точнее говорить о противопоставлении здесь агентивных и фактитивных глаголов) на уровне лексики, корреляция эргативной и абсолютной конструкций предложения на уровне синтаксиса, различие эргативного и абсолютного падежей в именном склонении и соответственно эргативного и абсолютного рядов классовых или личных показателей в глагольном спряжении на уровне морфологии и т. д. Однако эти черты проводятся здесь непосредственно, поскольку в целом ряде фрагментов языковой структуры налицо и некоторый номинативный компонент, единодушно признающийся в специальной литературе позднейшим.

Как и следовало того ожидать, исходя из естественной иерархии, существующей в уровневой структуре языка, ведущим и определяющим как синтаксическую специфику построения предложения, так и характерные черты морфологического строя нахско-дагестанских языков, оказываются проявления эргативного принципа в сфере лексики и прежде всего — противопоставление по признаку "транзитивности" (агентивности) ~ "интранзитивности" (фактитивности) в глагольном словаре. Несмотря на очевидные отклонения от эталона эргативности в этих языках достаточно заметен значительно меньший удельный вес признака глагольной переходности ~ непереходности, чем это имеет место в номинативной системе. Ср. наличие варьирующих по своему объему специфических классов диффузных (по иной терминологии — лабильных, переходно-непереходных), аффективных и possessивных глаголов. Не менее показательны в этом отношении и то обстоятельство, что определенная группа семантически переходных глаголов трактуется здесь как интранзитивные или как особый класс, управляющих косвенным объектом (обычно это лексемы семантики 'кусать', 'ругать', 'догонять', 'щипать', 'щекотать' и др.).

Одну из основных черт синтаксического строя нахско-дагестанских язы-

⁵⁹ Климов Г.А., Алексеев М.Е. Типология кавказских языков, с. 170—279.

ков составляет корреляция эргативной и абсолютной конструкций предложения, организуемых соответственно агентивными и фактивными глаголами. Наблюдаемое при этом разнообразие морфологических разновидностей обеих — глагольной (где отношения эргативности всецело выражены в глаголе-сказуемом), смешанной (где эти же отношения передаются как в словоформе глагола-сказуемого, так и в словоформах синтаксически связанных с ним имен) и именной (в которой отношения эргативности выражаются лишь в составе синтаксически связанных с глаголом имен) — также в основном укладывается в рамки принципов эргативного строя. В целом довольно характерна для нахско-дагестанских языков и типичная для эргативной системы схема словопорядка SOV (где S — символ подлежащего, O — "прямого" дополнения, V — глагола-сказуемого). Наиболее существенные отклонения от синтаксиса эргативной системы наблюдаются лишь в удинском языке, в котором особенно заметна роль номинативного типологического компонента (интереснейшее "взаимодействие" эргативной и номинативной систем в структуре удинского языка, несомненно, нуждается в специальном исследовании). Как показали недавние наблюдения, возникшее у некоторых авторов в начале 70-х годов, впечатление о том, что в нахско-дагестанских языках при эргативной морфологии имеет место по существу номинативный синтаксис⁶⁰, является явным преувеличением.

На уровне морфологии к чертам эргативности нахско-дагестанских языков следует отнести важнейшие характеристики именного и глагольного словоизменения. В парадигме именного склонения это корреляция эргативного и абсолютного падежей. При этом субъектно-объектный синкретизм, характеризующий эргативную систему, затрагивает здесь не только абсолютив, единодушно признающийся падежом субъекта при фактивном глаголе и "прямого" объекта при агентивном, но в значительной степени и эргатив, обычно несущий наряду с субъектной функцией и некоторые косвенно-объектные (чаще других — инструментальную). В глагольном спряжении этих языков функционирует абсолютный ряд классных показателей, дублирующий субъектно-объектный синкретизм абсолютного падежа, при отсутствии эргативного ряда. В системе личного спряжения в лакском, даргинском и табасаранском языках все же обнаруживаются две серии аффиксов — абсолютная и эргативная. К типично эргативным чертам глагольной морфологии здесь следует отнести и отсутствие залоговых противопоставлений глагола.

Наряду с безусловно профилирующими эргативными чертами этих языков должны быть отмечены и признаки их номинативного компонента. Так, на уровне синтаксиса во многих нахско-дагестанских языках встречаются две разновидности номинативной по своему характеру конструкции предложения: а) так называемая общая конструкция предложения с аналитической формой глагола-сказуемого (типа авар. *emen teḥ ḡalulew wugo* 'отец книгу читает') и б) конструкция с глагольной словоформой длительного вида (типа дарг. *nu žuz-li uḡulra* 'я книгу читаю'). В специальной литературе эти построения справедливо квалифицируются

⁶⁰ Ср.: Anderson St. On the syntax of ergative languages. — Proceedings of the XI-th International Congress of Linguists. Bologna, 1974; Comrie B. Ergativity. — In: Syntactic typology: Studies in Phenomenology of Language. Sussex, 1978, p. 346, 355.

в качестве инноваций. Наблюдаемый процесс номинативизации строя этих языков свидетельствуется и характерными явлениями в их морфологической структуре. В глагольном спряжении, например, он заявляет о себе становлением в некоторых случаях собственно субъектной и объектной серий личных показателей (ср. положение в табасаранском и крызском языках). Повсеместное по существу формирование родительного и дательного падежей, причисляемых в теоретических работах к падежной парадигме номинативной системы (Е. Курилович, Э. Бенвенист, Ж. Одри), косвенно указывает на признаки перестройки самой оппозиции эргатива и абсолютива. Более непосредственным образом в пользу такого типологического преобразования говорит широко распространенное в этих языках использование абсолютного падежа в роли именительного, оформляющего подлежащее при агентивном глаголе-сказуемом в составе упомянутой общей конструкции предложения (ср. также прецеденты преобразования субъектно-объектного по своей природе эргативного падежа в чисто субъектный эргатив, функционально приближающийся к именительному падежу номинативной системы). Как об этом догадывался уже И.И. Мещанинов, особое положение здесь занимает удинский язык, наиболее продвинутый по сравнению с остальными нахско-дагестанскими по пути номинативизации⁶¹. В нем, в частности, уже полностью сформирована характерная для представителей номинативного строя единая — субъектная по своей природе — серия личных показателей глагола. Более того, свидетельства далеко зашедшей структурной перестройки падежной системы, прежде всего преобразование оппозиции эргативного и абсолютного падежей в противопоставление номинатива и аккузатива, позволяют в настоящее время думать о преобладании в этом языке уже характеристик номинативной типологии.

Наконец, нельзя пройти мимо наличия в структуре нахско-дагестанских языков таких явлений, как остаточное функционирование диффузных (лабильных) и аффективных (инверсивных) глаголов, а также отдельные следы былого распределения глагольных лексем по классам активных и пассивных. Вместе с некоторыми другими характеристиками рассматриваемых языков (более отчетливым образом выступающими в их морфологических системах), которые также интерпретируются в качестве структурных архаизмов, они способны послужить свидетельством того, что в отдаленном прошлом и эти языки переживали активное состояние.

Таким образом, с точки зрения континентально-типологической характеристики каждая из групп кавказских языков имеет свое индивидуальное лицо. Абхазско-адыгские языки, по всей вероятности, близки к эталону эргативности. Нахско-дагестанские языки при очевидном преобладании эргативного типологического компонента обнаруживают и заметный номинативный (наиболее отчетливо выступающий в некоторых лезгинских языках). Наконец, в картвельских языках при преимущественно номинативном характере структуры вполне ощутимы и рецессивные признаки активного строя. Если учесть то обстоятельство, что реликты активности в том или ином структурном наборе прослеживаются также в обеих север-

⁶¹ Ср.: Мещанинов И.И. Общее языкознание, с. 249–250.

нокавказских группах, то напрашивается заключение, что более ранним типологическим состоянием всех кавказских языков должно было быть активное (в случае подтверждения этой гипотезы список языковых группировок, характеризовавшихся некогда активным строем⁶², будет существенно пополнен). Вместе с тем нельзя не замечать здесь и довольно глубокого различия в путях типологической эволюции обеих севернокавказских групп, с одной стороны, и картвельской — с другой.

ГЛАВА VII

АРЕАЛЬНЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КАВКАЗСКИХ ЯЗЫКОВ

История кавказского языкознания складывалась, как известно, таким образом, что такой его интереснейший аспект, как проблема ареальных взаимоотношений рассматриваемых языков, по сей день остается наименее разработанным (автор настоящей монографии исходит из широко распространенной в настоящее время трактовки ареальной лингвистики как самостоятельного аспекта истолкования структурных и материальных сходств между языками, возникающих на базе конвергентных процессов в условиях языкового контактирования в определенной зоне). По справедливому мнению Г. Фогта, практикующийся акцент межгрупповой проблематики кавказоведения на ее генетическом аспекте создает "опасность заслонить от нас другие направления исследований, видимо, более плодотворные..., однако необходимо спросить себя, не пришло ли время самым последовательным образом воспользоваться методами ареальной лингвистики"¹.

Между тем весьма пересеченный языковой ландшафт кавказского ареала, нередко далеко не совпадающий в своих изоглоссах с распределением его характеристик, обусловленных генетическим или типологическим фактором, безусловно заслуживает стать предметом самостоятельного рассмотрения посредством как метода картографирования, так и другими средствами ареальной лингвистики. Даже самая начальная стадия соответствующих исследований дает, по-видимому, основания согласиться с выводом, согласно которому "как с точки зрения пространственного размещения большого количества самобытных языков, так и разнообразия распространения языковых явлений кавказская ареальная лингвистика представляет собой... один из уникальных объектов для дальнейших лингво-географических наблюдений"². Последний вывод представляется тем более оправданным, если учесть, что кавказские языки контактируют на Кавказе и с некавказскими (тюркскими, иранскими, армянским, айсорским). Не приходится сомневаться и в том, что прогресс подобного направления

⁶² Ср.: *Климов Г.А.* Принципы континентальной типологии. М., 1983, с. 183–185.

¹ *Фогт Г.* Индоевропейские языки и сравнительные методы. — ВЯ, 1971, № 4, с. 39.

² *Гецадзе И.О.* К лингвогеографическому обзору кавказского языкового ареала. — В кн.: Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Л., 1977, с. 106; ср.: *Она же.* Особенности ареального распределения лингвистических явлений в условиях языкового взаимодействия: На материале иберийско-кавказских языков. — В кн.: Взаимодействие лингвист. ареалов: Теория, методика и источники исследования. Л., 1980, с. 201.

нокавказских группах, то напрашивается заключение, что более ранним типологическим состоянием всех кавказских языков должно было быть активное (в случае подтверждения этой гипотезы список языковых группировок, характеризовавшихся некогда активным строем⁶², будет существенно пополнен). Вместе с тем нельзя не замечать здесь и довольно глубокого различия в путях типологической эволюции обеих севернокавказских групп, с одной стороны, и картвельской — с другой.

ГЛАВА VII

АРЕАЛЬНЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КАВКАЗСКИХ ЯЗЫКОВ

История кавказского языкознания складывалась, как известно, таким образом, что такой его интереснейший аспект, как проблема ареальных взаимоотношений рассматриваемых языков, по сей день остается наименее разработанным (автор настоящей монографии исходит из широко распространенной в настоящее время трактовки ареальной лингвистики как самостоятельного аспекта истолкования структурных и материальных сходств между языками, возникающих на базе конвергентных процессов в условиях языкового контактирования в определенной зоне). По справедливому мнению Г. Фогта, практикующийся акцент межгрупповой проблематики кавказоведения на ее генетическом аспекте создает "опасность заслонить от нас другие направления исследований, видимо, более плодотворные..., однако необходимо спросить себя, не пришло ли время самым последовательным образом воспользоваться методами ареальной лингвистики"¹.

Между тем весьма пересеченный языковой ландшафт кавказского ареала, нередко далеко не совпадающий в своих изоглоссах с распределением его характеристик, обусловленных генетическим или типологическим фактором, безусловно заслуживает стать предметом самостоятельного рассмотрения посредством как метода картографирования, так и другими средствами ареальной лингвистики. Даже самая начальная стадия соответствующих исследований дает, по-видимому, основания согласиться с выводом, согласно которому "как с точки зрения пространственного размещения большого количества самобытных языков, так и разнообразия распространения языковых явлений кавказская ареальная лингвистика представляет собой... один из уникальных объектов для дальнейших лингво-географических наблюдений"². Последний вывод представляется тем более оправданным, если учесть, что кавказские языки контактируют на Кавказе и с некавказскими (тюркскими, иранскими, армянским, айсорским). Не приходится сомневаться и в том, что прогресс подобного направления

⁶² Ср.: *Климов Г.А.* Принципы континентальной типологии. М., 1983, с. 183–185.

¹ *Фогт Г.* Индоевропейские языки и сравнительные методы. — ВЯ, 1971, № 4, с. 39.

² *Гецадзе И.О.* К лингвогеографическому обзору кавказского языкового ареала. — В кн.: Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Л., 1977, с. 106; ср.: *Она же.* Особенности ареального распределения лингвистических явлений в условиях языкового взаимодействия: На материале иберийско-кавказских языков. — В кн.: Взаимодействие лингвист. ареалов: Теория, методика и источники исследования. Л., 1980, с. 201.

исследований помимо его самодовлеющей ценности оказал бы плодотворное воздействие и на генетическое и типологическое изучение кавказских языков, поскольку он способствовал бы устранению из сферы их внимания некоторых параллелизмов контактного происхождения, все еще нередко фигурирующих у ряда кавказоведов в ходе обоснования тех или иных положений генетического или типологического порядка. Так, с одной стороны, бросается в глаза, что в межгрупповых материальных сопоставлениях, затрагивающих проблематику генетического плана, значительная доля материала все еще принадлежит различного рода культурным замешиваниям. С другой стороны, далеко не всегда бывает легко взаимно разграничить общие структурные изоглоссы ареального и типологического плана (что особенно сказывается при сопоставлении нефундаментальных характеристик языковых систем).

Еще на начальном этапе изучения кавказских языков в поле зрения исследователей оказались их наиболее очевидные структурные параллелизмы (ср., в частности, известные наблюдения П.К. Услара об особенностях их фонетического и грамматического строя). Довольно рано впечатление о наличии ряда общих свойств всех языков Кавказа получило распространение и за пределами немногочисленного тогда круга кавказоведов. Оно повторялось, например, в работах И.А. Бодуэна де Куртенэ, Й. Карста, Ж. ван Гиннекена и некоторых других авторов. Так, первый из них подчеркивал, что подобные черты встречаются в языках Кавказа "при полной независимости от наличия или отсутствия их древнего генетического родства"³. Необходимо оговориться, впрочем, что в некоторых случаях такие общности приписывались всем кавказским языкам без достаточных оснований (например, Ж. ван Гиннекен утверждал, что их исторически общей изоглоссой была серия латеральных согласных фонем, рефлексy которых он усматривал без сколько-нибудь серьезной аргументации в целом ряде характерных для картвельских языков консонантных комплексов⁴).

Действительно, к настоящему времени исследовательская традиция установила довольно широкую совокупность разноуровневых характеристик, в той или иной мере объединяющих все группы кавказских языков⁵. На уровне фонологической системы — это богатство консонантизма, характеризующегося не менее чем тернарным противопоставлением смычных и аффрикат (в составе звонкого, глухого придыхательного и абруптивного членов оппозиции), а также наличие особых рядов согласных заднего образования — фарингальных и ларингальных. В плане морфологии эти языки отмечены преобладанием агглютинативного строя, сопровождающегося элементами флективности (прежде всего аблаутными чередованиями), а также функционированием субъектно-объектной префиксации в структуре глагола. Среди синтаксических параллелизмов здесь бросаются в глаза отчетливая вербоцентрическая структура предложения, принципиальное

³ Бодуэн де Куртенэ И.А. Избр. работы по общему языкознанию. М., 1963, т. II, с. 112.

⁴ van Ginneken Jacq. Contribution à la grammaire comparée des langues du Caucase. — In: Verhandelingen der koninklijke Nederlandsche akademie van wetenschappen. Afd. Letterkunde. N.R. Deel XLII. Amsterdam, 1938.

⁵ Структурные общности кавказских языков. М., 1978.

единство словопорядка (подлежащее + дополнения + сказуемое; определение + определяемое), функционирование некоторых однотипных периферийных конструкций предложения (в частности, аффективной). Наконец, в сфере лексики все группы кавказских языков объединяются довольно значительным слоем интернационализмов мусульманского мира (арабского, персидского и турецкого происхождения), имеющим определенную культурную окраску.

Однако, как это уже следует из предшествующих глав настоящей работы, не видно оснований приписывать перечисленные общности кавказских языков фактору их конвергентного развития. Их большинство слишком значимо в языковом механизме, чтобы допустить возможность их ареального распространения. К тому же они прослеживаются внутригрупповыми генетическими и типологическими исследованиями с достаточно ранней эпохи. Невозможно объяснить межгрупповым взаимодействием и названный лексический пласт, обязанный своим становлением внешним для культурной истории Кавказа обстоятельствам.

Своеобразным парадоксом в этом свете оказывается то обстоятельство, что уже длительное время встречающееся в лингвистической литературе понятие кавказского языкового союза в составе автохтонных и сопредельных (прежде всего осетинского и армянского) языков Кавказа, выдвигавшееся, впрочем, как правило, некавказоведами (ср. работы В. Полака, Э. Локера, В. Пизани и др.), так и не получило сколько-нибудь строго обоснования⁶. Единичные серьезные работы ареальной проблематики затрагивают лишь ее маргинальные аспекты, концентрируя свое внимание на параллелизмах, существующих между картвельскими и индоевропейскими языками Кавказа⁷. Не говоря уже о явно недостаточной теоретической и методической оснащенности ареальной лингвистики в целом, приходится сдержанно отнестись и к осторожному обобщению В. Пизани, согласно которому на Кавказе мы можем в настоящее время наблюдать языковой союз в процессе становления (*Sprachbund im Werden*)⁸.

Тем более беспочвенной следует считать попытку В. Полака постулировать существование в прошлом некоторого более широкого славянско-кавказского языкового союза, предпринятую более сорока лет назад⁹. Он

⁶ Ср. в этой связи: *Polák V. L'état actuel des études linguistiques caucasiennes.* — *Archiv Orientální*, 1950, vol. XVIII, N 1—2, p. 402—405; *Locker E. Georgisch und Kaukasisch.* — In: *Istituto Lombardo di Scienze e Lettere. Rendiconti. Classe di Lettere*, 1963, vol. 97.

⁷ *Deeters G. Armenisch und Südkaukasisch.* — *Caucasica*, 1926, 3; 1927, 4; *Job D.M. Probleme eines typologischen Vergleichs iberokaukasischer und indogermanischer Phonemsysteme im Kaukasus.* Frankfurt/M.; Bern, 1977. Ср также: *Гамкрелидзе Т.В., Мачавариани Г.И.* Система сонантов и аблаут в картвельских языках: Типология общекартвельской структуры. Тбилиси, 1965, с. 365—379 и 467—474. На груз. яз.

⁸ *Pisani V. Sostrati anari e indoeuropeo occidentale.* — In: *Pisani V. Saggi di linguistica storica.* Torino, 1959, p. 85. Несколько раньше он писал, что здесь «две или три языковые группы, совершенно различные по происхождению, настолько сближаются между собой, что можно говорить о "кавказских языках" как языках, имеющих многие общие элементы, которые придают им вид языковой семьи» (см.: *Пизани В.* Этимология: История—проблемы—метод. М., 1956, с. 54).

⁹ *Polák V. K problemám lexikálních shod mezi jazyky kavkazskými a jazyky slovanskými: Kritický a historický přehled dosavadní práce.* — In: *Listy Filologické a Pedagogické. Ročník 70.* Praha, 1946.

полагал, что некогда достаточно тесные контакты должны были существовать не только между автохтонными народами Кавказа, но между последними и праславянскими обитателями южнорусских степей. По мнению автора, наследием этих контактов являются, в частности, отдельные словарные совпадения славянских и кавказских языков. Подобно другим в принципе аналогичным работам, ограничивающимися поисками внешних сходств между компонентами сравнения, в его статье бессистемно сопоставляется ряд общеславянских лексем со сходными словами то одних, то других кавказских языков вне учета их реальной истории. Так, например, в одних случаях славянскому слову подыскивается его аналогия в картвельских языках, в других — его общеджуганское соответствие, в третьих — его цезский параллелизм и т.д. Не говоря уже об очевидных слабостях такого подхода, игнорирующего системные критерии лингвистического исследования при наличии широкого выбора кавказских компонентов сравнения, необходимо заметить, что в подавляющем большинстве случаев объектом подобной интерпретации оказывается материал, более убедительно разъясняющийся профессиональными кавказоведами¹⁰.

От подобных взглядов принципиально отличается позиция целого ряда кавказоведов, гипотетически допускающих, что кавказские языки представляют собой единство ареального порядка (А. Дирр, Г. Деетерс, А.Г. Шанидзе, Г.В. Церетели, Т.В. Гамкрелидзе, Г. Фогт, К.Х. Шмидт, А.Е. Кибрик и др.). Должно быть очевидным, что констатация кавказского языкового союза станет возможной только на основе выявления совокупности его структурных признаков, сложившейся в ходе конвергентного процесса, что по существу составляет программу на будущее. Между тем в настоящее время невозможно признать общекавказский характер набора таких признаков, как богатство согласными (в особенности, лабиализованными, спирантами и аффрикатизованными латералами), различие активного падежа (*casus agens*) и пассивного (*casus patiens*), моноконсонантность глагольного корня, которые Н.С. Трубетцкой считал общим достоянием северокавказских языков¹¹. Существенно отличным образом выглядит набор структурных параллелизмов кавказских языков, охарактеризованный в коллективном труде 1978 г., перед которым также не ставилась задача выявления ареально обусловленных общекавказских изоглосс¹². При ареальном изучении картвельских языков следует также учитывать возможность выявления в них отдельных черт балканского союза (ср. обнаружение Г. Шухардтом соответствующих фактов в лазском языке). Таким образом, трудно сомневаться в том, что подчеркнутая Г.В. Церетели актуальность разработки вопросов кавказской ареальной лингвистики¹³ способна стимулировать возникновение по существу нового направления кавказоведческих исследований.

¹⁰ Ср.: *Gusejnov G. Zur Frage des slawisch-kaukasischen Sprachbundes.* — In: *Sprache in Geschichte und Gegenwart.* Jena, 1980.

¹¹ *Troubetzkoy N. Langues caucasiques septentrionales.* — In: *Les langues du monde.* Paris, 1924, p. 327.

¹² Структурные общности кавказских языков.

¹³ *Церетели Г.В. О теории сонантов и аблаута в картвельских языках.* — В кн.: *Гамкрелидзе Г.В., Мачавариани Г.И. Система сонантов и аблаут...*, с. 046–049.

В предшествующих главах, посвященных характеристикам отдельных генетических групп кавказских языков, уже было отмечено, что наиболее очевидные и далеко идущие следствия ареального взаимодействия наблюдаются внутри каждой из них. Ср. роль грузинского языка как контактной доминанты в картвельской языковой области, былую роль адыгейского — в абхазско-адыгском ареале, аналогичную роль аварского — в определенном ареале нахско-дагестанской языковой территории (по крайней мере в зоне распространения андийских и цезских языков). Поэтому в соответствии с принятой в настоящей монографии структурой проблемных глав здесь рассматриваются главным образом вопросы межгруппового взаимодействия кавказских языков*.

Конечно, было бы легкомысленным пренебрегать известными науке фактами интенсивных контактов здесь между отдельными языками различной групповой принадлежности. Достаточно указать, например, на интересную историю грузинско-удинского языкового соприкосновения на территории бывшей кавказской Албании, а также на многовековую мегрельско-абхазскую и грузинско-бацбийскую интерференцию в пределах Грузии. Однако в целом масштабы межгруппового взаимодействия кавказских языков представляются, по крайней мере на современной ступени его изученности, сравнительно ограниченными. Тем более трудно сомневаться в том, что еще менее значительным — в силу конкретных общественно-исторических условий жизни носителей кавказских языков в прошлом, на протяжении длительного времени благоприятствовавших центробежным тенденциям, — должен был быть удельный вес их ареального контактирования в древности. Так, Г. Фогт находит вполне правдоподобными указания античных источников на большее число этих языков в современную им эпоху¹⁴. Антропологи считают, что географические и этнические барьеры накладывали здесь в прошлом резкие ограничения на процесс расообразования и приводили к разделению территории Кавказа на его отдельные очаги¹⁵. Во всяком случае с конца неолитической революции, т.е. с V тысячелетия до н.э., как отмечают археологи, на территории Кавказа существует три отчетливо обособленные культурные зоны, с которыми принято соотносить и соответствующие этносы носителей трех групп рассматриваемых здесь языков. В дальнейшем специфика этих культур также скорее возрастала, чем подвергалась выравниванию¹⁶. В частности, о таком положении вещей довольно определенно свидетельствуют многочисленные указания античной традиции. Так, согласно Страбону, в греческой фактории Диоскуриады встречаются представители множества автохтонных племен Кавказа, "из которых ни одно не заботится о том, что происходит в остальном свете, и не понимает языка соседей, так как все

* Понимание автором ареального исследования редактор находит несколько узким (Б.С.).

¹⁴ Фогт Г. Индоевропейские языки ..., с. 37; ср. также: Vogt H. Remarque sur la préhistoire des langues kharthvéliennes. — *Bedi Kartlisa*, 1961, vol. XI—XII, p. 5.

¹⁵ Алексеев В.П. Происхождение народов Кавказа: Краниологическое исследование. М., 1974, с. 79—80.

¹⁶ Джанаридзе О.М. К этнической истории грузинских племен по данным археологии. Тбилиси, 1976, 1976, с. 335 и след.

живут разрозненно и не вступают друг с другом в сношения по гордости или по свирепости¹⁷.

В резком противоречии с реальным историческим контекстом оказалась поэтому сформулированная еще в 1912 г. гипотеза о теснейших контактах картвельских и абхазско-адыгских языков в глубокой древности, по крайней мере до начала новой эры, будто бы результировавших в формировании сванского языка как продукта их "скрещения" (объективно эта гипотеза оказалась одним из отражений теории об этнической и языковой смешанности сванов, как известно, созданной царскими чиновниками в конце XIX в.¹⁸). Согласно последней ее версии, разделявшейся и некоторыми значительно более поздними исследователями, предполагалось, что соответствующие этнолингвистические процессы должны были происходить в глубине территории Западной Грузии, где даже усматривались некоторые топонимические отложения адыгского языкового субстрата¹⁹.

Однако в настоящее время эта гипотеза, построенная в конечном счете на переоценке Н.Я. Марром фактора смешения в эволюции языков, не пользуется в кавказоведении популярностью. Действительно, как это теперь нетрудно увидеть, она оперировала слишком немногочисленными и к тому же ненадежными фактами, не идущими ни в какое сравнение с огромной совокупностью типично картвельских черт структуры и материала сванского языка, сообщающих ему статус полноправного представителя картвельских языков²⁰. Как показали последующие работы, даже те явления, на которые ссылались сторонники этой гипотезы, нередко получают более адекватную интерпретацию на картвельской почве. Значительно более осторожно смотрят современные кавказоведы и на предположение о наличии в Западной Грузии и, тем более, в северо-восточной Анатолии следов адыгской топонимики²¹ (некоторое представление об уровне практиковавшихся в прошлом в этой связи этимологических выкладок дает, например, предлагавшееся толкование греческого топонима Синоп на черноморском побережье Анатолии посредством кабардинского *psəñ* 'родник', будто отражаемого и лакским *šip*, 'вода', и кабардинского 'ур' 'губа'²²).

¹⁷ Латышев В. Известия древних писателей греческих и римских о Скифии и Кавказе. — ВДИ, 1947, № 4, с. 215 и 224.

¹⁸ Оценку последней см. в работе :Гасвиани Г.А. Социально-экономическая структура Сванети в XI—XVIII вв. Тбилиси, 1980, с. 12.

¹⁹ Ср., например: Марр Н.Я. Из поездок в Сванито. — Христианский Восток. СПб., 1913, II, вып. 1, с. 16; Он же. Кавказоведение и абхазский язык. — Журн. мин. нар. просв., 1916, LXIII (№ 5, отд. 4), с. 15; Джанашиа С.Н. Адыгейские элементы в топонимике Грузии. — Изв. Груз. фил. АН СССР, 1940, 1, №8; Сванско-адыгейские (черкесские) языковые встречи. — Изв. ИЯИМК, 1942, т. XII с. 254—274.

²⁰ Топурия В.Т. Сванский язык. Тбилиси, 1931, I. Глагол, с. 35. На груз. яз.; Дондуа К.Д. Адыгейского типа эргатив в сванском: К проблеме морфологического заимствования. — В кн.: Дондуа К.Д. Статьи по общему и кавказскому языкознанию. Л., 1975, с. 126—149.

²¹ Мацавариани Г.И. К вопросу о субстрате в западно-картвельском (занско-сванском) лингвистическом ареале. — ИКЯ, 1966, т. XIV, с. 162—171.

²² См.: Джавахишвили И.А. Основные историко-этнологические проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока древнейшей эпохи. — ВДИ, 1939, № 4, с. 43—44 (кавказские факты записаны у автора неточно).

Так, один из показателей повествовательного падежа в сванском -т, формально очень близкий к адыгскому формативу эргатива -т(а) (позднее было установлено, что для адыгских языков последний является прозрачным новообразованием, еще и в настоящее время вполне отчетливо сохраняющим свою первоначальную функцию дейктического элемента), имеет, как об этом догадывался еще Г. Шухардт²³, очевидную аналогию в грузинской падежной флексии -т(ან), к которой он к тому же ближе и в функциональном плане как специфический падеж подлежащего как при активных словоформах транзитивных глаголов, так и при множестве интранзитивных глаголов. Если к тому же учесть, что усвоение такого фундаментального для грамматического механизма картвельских языков падежа, как повествовательный, из иной языковой среды невероятно, то тем самым подрывается неправдоподобное мнение, согласно которому так называемая 2-я система сванского склонения, будто бы выявляющая флексию "косвенного падежа" на -т адыгских языков, усвоена как в структурном плане, так и в своем материальном выражении из одного из последних²⁴. Сванская вопросительная энклитика -а, к которой также апеллировала гипотеза адыгского субстрата, повторяется в закономерно дифференцированном облике по остальным картвельским языкам (ср. груз. -а, мегр. -о) и, несомненно, восходит к общекартвельскому состоянию. Наконец, привлекавшийся этой гипотезой и сванский глагольный суффикс 3 л. мн. ч. субъекта -х не совпадает с его адыгским аналогом функционально, так как последний имеет, как известно, синкретическую субъектно-объектную семантику, а в роли соответствующего собственно субъектного показателя в адыгских языках выступает префикс а-, ср., например, адыгейск. а-šáγǎ-х 'они повели их', где лицо и число субъекта представлены префиксом.

Очень фрагментарен и, как правило, ненадежен и приводившийся в поддержку рассматриваемой гипотезы лексический материал. Это обстоятельство показательно в том отношении, что при проникновении инородных вкраплений в морфологическую систему языка, принимавшемся этой гипотезой, в нем ожидалось бы достаточно многочисленные отложения и усвоенного лексического материала (ср. положение в мегрельском, испытывающем уже в течении многих столетий мощное воздействие со стороны грузинского языка и изобилующем грузинской лексикой). Так, среди примерно двух-трех десятков отмечавшихся в этой связи сванско-адыгских и сванско-абхазских лексических параллелизмов по очевидному недоразумению фигурировали несколько грузинских, а не сванских слов (ср. бѣе 'ворота', tevz-i 'рыба', queza 'род ритуального хлеба'). Оказались в их числе лексемы, проникшие в сванский из других источников, ср.: сван. rusn, rusd 'господин' < осет. fusun то же (сопоставлялось с адыг. р'šə 'князь'), сван. γoljak, γolak 'овца' < балкар. оулак то же²⁵ (сопоставлялось с адыг. та| 'овца', являющимся поздним тюркизмом).

²³ Шухардт Г. О пассивном характере переходного глагола в кавказских языках. — В кн.: Эргативная конструкция предложения. М., 1950, с. 51.

²⁴ См. об этом: Мачавариани Г.И. К генезису одного типа склонения в сванском. — Тр. ТГУ, 1960, т. 93, с. 93–104.

²⁵ Керкадзе И.К. Зоологическая лексика в древнегрузинском литературном языке. Тбилиси, 1974, с. 47. На груз. яз.

Целый ряд предлагавшихся ранее лексических сопоставлений наталкивается на серьезные трудности фонетического или семантического порядка, ср.: сван. хам, хām 'свинья' при адыг. q^w ā, сван. čāž 'лошадь' при адыг. šə, сван. žwodia 'далекий' при адыг. žəžə, сван. wed 'роса' при каб. wa 'град', сван. taš 'сыр, брызна' при абх. a-š^w.

Попадали в число таких сопоставлений и культурные заимствования поздней эпохи, приобретенные, по всей вероятности, лишь после проникновения сванов на Северный Кавказ в XIII в.²⁶ и иногда повторяющиеся и за пределами адыгских языков, ср.: сван. warg 'дворянин' < адыг. wārg 'то же' (существует, впрочем, и картвельская этимология слова), сван. raq^w 'шапка-папах' < адыг. ра'wā 'то же' (это лексема широкого кавказского распространения, известная и за пределами Кавказа; см. ниже с. 191), сван. kwesep 'пшеница' < адыг. kwāsa 'то же' (слово едва ли могло появиться на Северном Кавказе до экспансии готов в Восточную Европу, крайние места обитания которых историки отмечают на Таманском п-ове).

Подобные гипотезы могли сохранять какую-то степень вероятности до тех пор, пока не началось изучение значительно более доступных исследовательскому контролю результатов ареального взаимодействия языков в пределах каждой из представленных на Кавказе их автохтонных групп. Между тем едва начавшееся в этом направлении исследование убедительно показывает, что наиболее далеко идущие результаты многовекового контактного взаимодействия языков здесь наблюдаются в рамках каждой из этих групп, выдвигавших свои пользовавшиеся особо высоким престижем языки. Так, в картвельском ареале подобную роль на протяжении всего доступного наблюдению периода, бесспорно, принадлежала грузинскому. В абхазско-адыгской языковой области аналогичную роль в течение достаточно длительного времени играли близкие друг к другу адыгские языки. И, наконец, в нахско-дагестанском ареале, где географические условия накладывали дополнительные ограничения на масштаб процессов контактирования, на сходную в какой-то степени роль в разное время претендовали удинский и аварский языки.

Ареальное воздействие грузинского языка на остальные картвельские становится более или менее ощутимым фактом, по-видимому, уже с IV–V вв. н.э., когда Грузия принимает христианство и избирает официальным языком церкви грузинский. Весьма определенными свидетельствами такого влияния оказываются, в частности, разбросанные по всей Грузии древнегрузинские надписи, а также сохранявшиеся в разных ее уголках рукописные списки произведений древнегрузинской литературы. Его прямыми свидетельствами должны быть признаны древнегрузинские лексические заимствования (особенно представленные в сванском). В XI столетии в связи с укреплением центральной государственной власти это воздействие, естественно, должно было усиливаться. В целом наиболее подверженными ему оказались мегрельский и сванский языки, однако на каком-то этапе им, несомненно, был затронут и лазский, лишь с XVI в. попавший за пределы грузинского государства. Действительно, в мегрель-

²⁶См. в этой связи: Лавров Л. И. Расселение сванов на Северном Кавказе до XII в. — Кр. сообщ. ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, 1950, вып. 10, с. 77–83

ском и сванском засвидетельствованы сотни, если не тысячи, лексических грузинизмов (в мегрельском грузинизмы отмечаются даже в таком разряде субстантивов, как обозначения частей тела, ср.: *ķiser-i* 'шея', *labiç-i* 'лопатка', *gĩa* 'подмышка', *ça(r)b-i* 'бровь'). Зафиксированы здесь и усвоенные словообразовательные аффиксы. По-видимому, можно констатировать перенос в мегрельский некоторых грузинских синтаксических моделей (например, связанных с построением сложноподчиненного предложения). Однако едва ли возможно привести здесь хотя бы один вполне достоверный пример морфологического (словоизменительного) заимствования. Так, в картвелистике давно уже отвергнуто мнение Н.Я. Марра о грузинском происхождении дательного падежа с признаком -s в мегрельском и лазском²⁷, а также его еще более невероятная гипотеза о том, что все формативы падежной парадигмы в сванском восходят либо к грузинскому, либо к занскому источнику²⁸. Не пользуется ныне популярностью и старая точка зрения, согласно которой сванский суффиксальный показатель 3 л. субъекта -s усвоен из грузинского. По-видимому, самое большее о чем можно говорить в рассматриваемом контексте — о проникновении в мегрельский грузинских алломорф отдельных морфем (впрочем, возникает вопрос, не ограничено ли такое проникновение их функционированием в составе заимствованных грузинских лексем, ср., например: мегр. *v-e-řidebuk* 'я остерегаюсь' при груз. *v-e-řidebi* 'то же' или мегр. *v-a-řemenk* 'я задерживаю его' при груз. *v-a-řerev* 'то же')²⁹.

Довольно длительный исторический период господства на северо-западном Кавказе адыгских феодалов (XV—XVIII вв.), насколько можно в настоящее время судить, результировал в распространении в убыхском, абазинском и абхазском языках исключительно лексических адыгизмов (любопытно, что в одних случаях они предполагают кабардинский источник, в других — адыгейский). Их максимум налицо в абазинских говорах, и поныне контактирующих с адыгскими, весьма значительно их число и в убыхском, и, наконец, их минимум зафиксирован в абхазском языке, где они к тому же иногда выступают уже на правах архаизмов языка фольклора. Следует подчеркнуть, что даже в абазинском языке нет заимствованных адыгских словоизменительных элементов.

В пределах Восточного Кавказа приходится, по-видимому, считаться с двумя престижными языками, оказывавшими в прошлом заметное воздействие на свое окружение. На раннем этапе таковым должен был являться удинский. — предполагаемый язык христианской церкви Агвани (кавказской Албании), на значительно более позднем — аварский. Уже то обстоятельство, что около 430 г. н.э., как сообщает традиция, была создана агванская, т.е. староудинская, письменность, несомненно свидетельствует о высокой общественной значимости именно этого языка в восточнокавказском ареале того времени. О том же, по-видимому, говорят и находки

²⁷Ср. *Марр Н.Я.* Грамматика чанского (лазского) языка с хрестоматией и словарем. — В кн.: МЯЯ, СПб., 1910, т. 2, с. 12; *Он же.* Грамматика древнелитературного грузинского языка. — Там же. Л., 1925, т. 12, с. 23—24.

²⁸*Марр Н.Я.* Где сохранилось сванское склонение? — Изв. АН, 1911, с. 1199—1206.

²⁹Ср.: *Кипшидзе И.* Грамматика мингрельского (иверского) языка с хрестоматией и словарем. — В кн.: Материалы по яфетическому языкознанию. СПб., 1914, т. 7, с. 057 и 071.

памятников агванской эпиграфики на территории распространения других дагестанских языков. Можно полагать, что по крайней мере часть характерных для последних арменизмов распространилась в свое время через удийское посредство. Значительно более ощутимые следствия принесло многовековое контактирование аварского языка с генетически близкими к нему андийскими и цезскими, а также некоторыми более отдаленно родственными. Оно результировало в возникновении к позднему средневековью так называемого болмаца (авар. *bol mac* 'общественный язык') — общеаварской языковой нормы, превратившейся в подлинный язык межплеменного общения — *lingua franca* значительной части Дагестана. И поныне ширящееся значение его в андоцезском ареале приводит здесь к дальнейшему распространению аварской лексики (за счет нередкой утраты исконного материала), некоторых элементов словообразования, а также к калькированию отдельных синтаксических моделей. Однако даже для последнего относительно узкого ареала трудно говорить о заимствованиях собственно морфологического порядка.

Охарактеризованная картина внутригруппового ареального взаимодействия кавказских языков представляется достаточно показательной для адекватной оценки гипотезы о смешанном картвельско-абхазско-адыгском происхождении сванского языка. Бросается в глаза, что даже в случаях интенсивного воздействия на язык-рецептор (с проникновением в него массы лексем и ряда синтаксических калек) на Кавказе не возникало каких-либо смешанных языков. Естественно, что в сванском языке, реальный материальный и структурный вклад в который абхазско-адыгского компонента весьма незначителен, не приходится ожидать заимствования таких фундаментальных структурных элементов языка, как показатели повествовательного падежа и множественного числа в глаголе. Нельзя не напомнить, впрочем, и того, что генетическая принадлежность языка определяется в компаративистике не в зависимости от удельного веса в нем того или иного компонента (ср., например, огромный процент лексических арабизмов в персидском)³⁰, а по характеру исходной для него традиции (даже если принять корректность различия генетически "чистых" и "смешанных" языков возникнет едва ли разрешимая проблема соответствующей рубрикации конкретных идиомов). Целесообразно отметить, наконец, что с мнением о наличии в древности на территории Западной Грузии абхазско-адыгского субстрата не согласуются и данные антропологических исследований, свидетельствующие в пользу диаметрально противоположного процесса. Согласно точке зрения кавказоведов-антропологов, своеобразное положение абхазов среди остальных носителей абхазско-адыгских языков объясняется их близостью к западногрузинскому типу, что приводит даже к заключению, что "процесс этногенеза абхазов можно рассматривать как переход какой-то группы западных грузин на адыгскую речь"³¹.

³⁰Ср.: *Katicić R.* A Contribution to the General Theory of Comparative Linguistics. The Hague; Paris, 1970, p. 126–136.

³¹*Алексеев В.П.* Происхождение народов Кавказа: Краниологическое исследование. М., 1974, с. 193–194; см. подробнее: *Джанберидзе Г.К.* Взаимоотношения абхазов с картвельскими и адыгскими этническими группами в свете данных археологии. — Тр. Ин-та эксперимент. морфологии АН СССР. Тбилиси, 1963, т. XI.

Уже из самого факта наличия двух ареалов межгруппового соприкосновения кавказских языков — картельско-абхазскоадыгского, с одной стороны, и картельско-нахскодагестанского — с другой, — явствует, что оно предполагает взаимодействие картельского ингредиента с обоими северокавказскими (достаточно древнее и широкое проникновение в центральные области Северного Кавказа индоевропейского массива обусловило невозможность — по крайней мере в историческую эпоху — какого-либо соприкосновения обеих групп северокавказских языков). Вместе с тем с некоторой определенностью о соответствующих языковых контактах можно, по-видимому, говорить лишь со времени формирования грузинской государственности. В частности, есть основания предполагать, например, что отдельные древнейшие параллелизмы картельских и нахскодагестанских языков в сфере культурного словаря, восходящие как будто еще к периоду до начала новой эры, должны были сложиться не в результате воздействия со стороны грузинского, а в процессе воздействия на кавказский языковой мир со стороны языков преемников древних цивилизаций Передней Азии.

Принципиально отличная в этом отношении обстановка сложилась на Кавказе лишь в средние века. "В период объединенного грузинского царства, особенно в XII—XIII вв., — пишет в последней связи П.М. Мурадян, — ареал влияния грузинской культуры был значительно шире, подготавливая почву для христианской миссионерской деятельности в этом регионе. Умножение числа христианских культовых сооружений в Аварии, например, было непосредственным следствием влияния грузинской культуры. Поэтому неудивительно, что в данном регионе сохранилось более десятка (цифра весьма неточна. — Г.К.) грузинских надписей. Собственно, кавказоведение располагает двумя интересными сообщениями об этом: в анонимной грузинской хронике начала XIV в. рассказывается об обращении лезгин в годы царствования Дмитрия Самопожертвователя выходцем из Гареджского монастыря Пименом Салосом. Известно также миссионерство месха по происхождению Антония Наохребелис-дзе. Продолжительность этой миссии засвидетельствована грузинским колофоном от 1310 г., где поименно названы многие христианские центры Северного Кавказа, подчиненные грузинскому патриарху Евфимию. Есть основание полагать, что в названных в этих источниках центрах богослужение велось в основном на грузинском языке, почему для их нужд переписывались грузинские книги. Естественно, в таких условиях и надписи высекались на доступном для христианской общины языке — древнегрузинском"³² (эпоха XI—XIV вв. отмечена и существенным культурным воздействием Грузии на Армению).

К довольно ранней эпохе следует относить и начало контактов между картельскими и абхазско-адыгскими языками. То обстоятельство, что в известиях о древнем периоде грузинские источники ничего не упоминают о носителях последних, объясняется скорее всего тем, что с ними прежде всего должны были соприкасаться сваны и мегрелы. Естественным географическим ареалом этих языковых контактов могла служить Абхазия. Их

³² Мурадян П.М. Грузинская эпиграфика Армении: Источниковедческое исследование. Ереван, 1977, I, с. 281.

наиболее ранний период остается, однако, по существу неизученным. Не решена, в частности, задача убедительной исторической интерпретации ряда топонимов сванского происхождения, засвидетельствованных на территории Абхазской АССР и неоднократно обсуждавшихся в кавказоведческой литературе³³ (ср., например, древнее картвельское название города Сухуми — *Sxum-i* при сван. *sxwim-ra*//*sxum-ra* 'граб', а также *γumig-iš-i* 'Гумуриши' при сван. *γumig*//*γumig* 'ель'; ср. также Цибела (т.е. Цибельда) византийских источников при сван. *çir-ga* 'бук'). Хотя подобные факты и согласуются с выдающейся в прошлом ролью сванов в причерноморской полосе Кавказа, отчетливо зафиксированной еще античными источниками (так, если доверять сообщению Страбона о том, что горы спускались в греческую факторию Диоскуриады главным образом для покупки соли, то при этом прежде всего вспоминается факт отсутствия соли в соседствующей горной Сванетии), их реальный исторический фон остается совершенно неясным. Несколько более определенным образом рисуется эпоха грузинско-абхазского языкового взаимодействия, начавшаяся не позднее VIII столетия, когда возникло западногрузинское Абхазское царство (с конца IX в. здесь, в частности, отмечается распространение грузинской письменности). Это взаимодействие должно было усиливаться с X столетия, когда уже образовалось объединенное грузинское царство.

Особенно очевидны результаты интенсивной абхазско-мегрельской интерференции, заявляющей о себе ныне двуязычием сопредельной зоны, которое уходит своими корнями еще в средневековье (основными компонентами взаимодействия являются абжуйский диалект абхазского языка и зугдидско-самурзаканский диалект мегрельского). Следствия этой интерференции обоюдны и заявляют о себе на разных уровнях языковой структуры.

Весьма многочисленны словарные мегрелизмы и грузинизмы в абхазском языке, с одной стороны, и абхазизмы в мегрельском (некоторое число их налицо также в грузинском и лазском) — с другой. Ср. среди первых такие лексемы, как *a-ward* 'роза', *a-waxar* 'фундамент', *a-kałmax* 'форель', *a-kinɔr* 'огурец', *a-ɔuba* 'гроб', *a-laɔacia* 'акация', *a-lɔga* 'ось', *a-masar* 'кол', *a-oxwama* 'церковь', *a-uɔu* 'ярмо', *a-kortu* 'грузин', *a-ɔwerɔk* 'земляной червь', *a-qwarəl* 'каплун', *a-ç(q)arpat* 'вилы', *a-çqwandar* 'епископ' и др. Среди вторых ср. мегр. *abarɕa* 'айван, крыльцо', *agvara* 'скотный двор', *aɕama* 'персик', *aruni* 'весна', *arɔa* 'вертикальный столб дома', *bɕake* 'борода', *dagva* 'глухой', *tiɔi* 'баран', *ɔwaɕa* 'утка', *labasa* 'палка с железным наконечником', *paxuta* 'недоуздок', *piɔa* 'подойник', *weɕama* 'шкворень ярма', *ɕaɕa* 'мягкая мелочь', *rasxa* 'хижина, шалаш', *ɕagva* 'род деревянной посуды', *ziɔva* 'пantalоны', *ɕaɕa* 'почки (орган)' и др.³⁴ (некоторые из перечисленных здесь слов встречаются также в отдельных диалектах лазского и грузинского языков). Другое несомненное свидетельство этих контактов лежит в плане глагольного словообразования. В мегрельском и лазском оказались усвоенными из абхазского — главным образом в качестве вторых компонентов сложных превербов направления — нес-

³³ Ср., например: Орбели И. А. Избр. труды, Ереван, 1913, с. 495 (сноска).

³⁴ Ср.: Чарая П. Об отношении абхазского языка к яфетическим. — МЯЯ. СПб., 1912, IV.

колько превербов: *sa-, ta-, la-, qa-, qa-la-* (первый из них обычно огождествляется с известным и в грузинском языке *sa(r)-*, а второй отсутствует в лазском)³⁵. Напротив, предполагается, что мегрельский словообразовательный аффикс наречий *-as* (ср. мегр. *mal-as* 'быстро', *mangar-as* 'крепко') проник в абхазский язык в форме *-(a)s*, ср. абх. *jaʒa-s* 'в качестве брата', *wara-s* 'в качестве бурки'. По мнению Т.Е. Гудава, в мегрельском и лазском усвоен абхазский послелог *-x(a)*³⁶. Известно, наконец, немало общих мегрельско-абхазских фразеологизмов. Один из них, по-видимому, абхазского происхождения, зафиксирован и в лазском, ср. лаз. *kaɪ maʒonɔ* 'мне понравилось' (досл. 'мне хорошим привиделось') при абх. *bzia izbojɬ* 'мне нравится' (досл. 'я хорошим вижу')³⁷.

В последней связи заслуживает упоминания, что факты кавказских языков (наряду с аналогичным материалом афразийских) внушили Г.В. Церетели идею, согласно которой иногда "у языков, восходящих по прямой линии к определенной группе (семье. — Г.К.), одновременно путем конвергентного развития устанавливаются в одной части такие же или почти такие же закономерные отношения с другой группой (семьей. — Г.К.) или группами языков как с родственной группой. Эти языки таким образом становятся по отношению друг к другу в разносторонние генетические связи, называемые нами аллогенетическими"³⁸. В частности, он указывает, что "между отдельными языками Кавказа, может быть, даже группами этих языков, существует определенное сходство, которое вряд ли можно объяснить простым заимствованием. Так, например, при значительных различиях между абхазско-адыгейской и южнокавказской (картвельской) группой языков одновременно существуют такие совпадения как в структуре, так и в материальной части даже глагола, что иначе как аллогенетическими связями это трудно объяснить"³⁹.

Естественно, что зоной исторического соприкосновения картвельских и нахско-дагестанских языков служили северные и восточные рубежи Грузии (Хевсуретия, Пшавия, Тушетия, частично Кахетия), где и поныне сохраняются довольно отчетливые следы топонимики некартвельского происхождения. Последнее обстоятельство позволяет предполагать былое наличие здесь субстратного населения. Здесь, как известно, издревле локализовались окраинные представители нахской, авароандоцезской и лезгинской подгрупп нахско-дагестанских языков. Хотя и в этой зоне языковое воздействие в принципе должно было быть взаимным, в целом и в этом случае основным стимулом многовековой иррадиации ареальных изоглосс служил грузинский язык. Так, если нахско-дагестанские элементы встречаются почти исключительно в восточногрузинских диалектах, где они представлены довольно ограниченным лексическим материалом, то,

³⁵ Чикобава А.С. Морфологические встречи абхазского языка с картвельскими языками. — Изв. ИЯИМК, 1942, т. XII, с. 149–168.

³⁶ Гудава Т.Е. Абхазский послелог в занском языке. — Сообщ. АН Груз. ССР, 1947, т. VIII, № 3, с. 193–196.

³⁷ Гамкрелидзе Т.В., Мачавариани Г.И. Система сонантов и аблаут в картвельских языках. Типология общекартвельской структуры. Тбилиси, 1965, с. 252. На груз. яз.

³⁸ Церетели Г.В. О языковом родстве и языковых союзах. — ВЯ, 1968, № 3, с. 14.

³⁹ Там же, с. 17.

напротив, воздействие грузинского языка оставило в нахско-дагестанских языках более глубокий след.

Хронология наиболее ранних контактов может быть при этом определена в какой-то мере по тем единичным лексическим вкраплениям нахско-дагестанского характера, которые зафиксированы уже в письменных памятниках древнегрузинского языка (V–XI вв. н.э.). Наиболее яркими из них считаются груз. хе- 'дерево' (ср. бацб. хе 'то же'), qdal-i 'самка лошади или осла' (ср. бацб. qadal 'самка, кобыла' при чеч. qđla, инг. qal, имеющие свои дальнейшие соответствия во многих дагестанских языках⁴⁰), obo-i 'сирота' (ср. авар., гуыз., бежт. ħobol 'гость, чужестранец'), туха 'дуб' (при цах. moq, рут. maxw, таб. mürx 'дуб, желудь'). Полагают, что о достаточной давности таких контактов могут свидетельствовать также бацбийские грузинизмы aqseb 'воскресенье' при груз. აყვება и geps 'седьмица, неделя' при груз. msgeps-i⁴¹. Вместе с тем такие бацбийские лексемы, как toq 'мотыга' или vepaq 'виноградник', еще не обязательно указывают на их происхождение из древнегрузинского, поскольку в аналогичном фонетическом облике они еще и поныне представлены в горских диалектах северо-восточной части Грузии. Следует признать, однако, что в целом почти все остальные грузинизмы нахско-дагестанских языков носят очевидную новогрузинскую окраску.

В рассматриваемом контексте Г.А. Меликишвили считает симптоматичным, что «не только Страбон и другие иноземные источники находят население горной Иберии сильно отличным от жителей низменности (первые, по Страбону, даже находятся в родстве с сарматами), но и грузинские источники рисуют аналогичную картину. Несомненно, древнегрузинская традиция горные районы Восточной Грузии (южные отроги центральной части Большого Кавказского хребта) считает частично населенными племенами, родственными "кавказианам" (т.е. племенами бацбийско-кистинской и дагестанской групп, жившими в основном на северных склонах хребта) ... Многочисленные сообщения той же грузинской традиции в связи с утверждением христианства в Грузии также подразумевают наличие в горных районах Грузии населения, в этнокультурном отношении обособленно стоявшего от населения равнины (называются "мтиулы — звероподобные люди", чарталийцы, пховельцы, гудамакарцы, эрцо-тианетцы и т.д.)»⁴².

В целом один из несколько лучше изученных аспектов рассматриваемого взаимодействия составляют нахско-грузинские языковые контакты. Насколько позволяет судить известный к настоящему времени материал, их наиболее раннюю страницу открывает соприкосновение восточногрузинских диалектов в горной Тушетии с бацбийским языком. Тушины (под именем *Тουσκοι*) упоминаются в этом регионе еще у Птолемея. Затем здесь же они упоминаются в "Армянской географии" Анания Ширакаци (VII в.). "Судя по народным преданиям и по данным бацбийского

⁴⁰ Ср.: *Trubetzkoy N. Ostkaukasische Wörter für "Frau, Weibchen, Gattin". — Die Sprache. Zeitschr. für Sprachwissenschaft, 1973, Bd. XIX, N. 1, S. 66–67.*

⁴¹ *Црелашвили К.Т. Цова-тушинский язык и некоторые вопросы лексики и морфологии грузинского языка. Тбилиси, 1979, с. 4–5. На груз. яз.*

⁴² *Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959, с. 294–295.*

фольклора, — отмечает Ю.Д. Дешериев, — начало наиболее интенсивных усвоений из грузинского языка можно отнести ко второй половине XVI в., ко времени царствования кахетинского царя Леона⁴³, когда бацбийцы уже спустились в Алазанскую долину Кахетии. Ныне они полностью двуязычны. Наряду с массовыми словарными заимствованиями грузинизмов в бацбийском далеко зашло синтаксическое калькирование; по-видимому, воздействию грузинского языка здесь следует приписать и развитие некоторых грамматических явлений, неизвестных в остальных нахских языках. Н.Я. Марр писал в этой связи со свойственным ему преувеличением роли языкового контактирования следующее: "Тушинский (бацбийский. — Г.К.) сильно разрушен влиянием грузинского языка; лексически он, если можно так выразиться, задушен: не менее двух третей его слов — грузинские; одна половина тушинского народа двуязычна, говорит на родном тушинском и на усвоенном грузинском, другая половина совершенно утратила родную тушинскую речь, говорит на особом тушинском говоре грузинского языка. Не скрою, что и грузинские горцы, в числе их хевсурь и пшавы, мне сейчас представляются такими же грузинизованными племенами чеченского (нахского. — Г.К.) народа"⁴⁴.

Это мнение в какой-то степени было подтверждено дальнейшими исследованиями А.Г. Шанидзе, разъяснившего ряд топонимов Восточной Грузии на материале нахских языков и подчеркнувшего, что исторически "тушинским было именно то, что в дальнейшем стало цова-тушинским"⁴⁵, т.е. бацбийским. В его пользу свидетельствуют и работы Т.Г. Утургаидзе, рассмотревшего в этом плане некоторые специфические черты восточно-грузинских диалектов. Последний усматривает здесь субстратное происхождение таких явлений как, фонемный статус ларингального ' и долгих гласных в тушинском, наличие так называемых сложных послелогов, представляющихся кальками их нахских аналогов, а также небольшую группу лексем, отражающую типичные черты горского жизненного уклада (в то же время интересно замечание Т.Г. Утургаидзе о том, что нахский компонент субстрата восточногрузинских диалектов не следует прямо отождествлять с бацбийским)⁴⁶.

Если оставить в стороне бацбийский язык, а также кистинские диалекты Панкисского ущелья Кахетии, возникшие в результате очень поздних выселений чеченских групп с Северного Кавказа, то в остальных нахских языках грузинизмы практически ограничены уровнем лексики, несмотря на то что культурное воздействие со стороны Грузии, с которым, в частности, было связано распространение христианства, ощущалось в Ингушетии, особенно в бассейне рек Асса и Аргунь, по крайней мере еще с XII в. Ныне число лексических грузинизмов в вейнахских языках едва ли превышает 200 слов. Так, в подытожившей определенный этап в разработке

⁴³ Дешериев Ю.Д. Бацбийский язык: Фонетика. Морфология. Синтаксис. Лексика. М., 1953, с. 309.

⁴⁴ Марр Н.Я. К истории передвижения яфетических народов с юга на север Кавказа. — Изв. АН. ПГ., 1916, с. 1395.

⁴⁵ Шанидзе А.Г. Тушины. — Журн. "Мнатоби", 1972, № 2, с. 105. На груз. яз.

⁴⁶ Утургаидзе Т.Г. Некоторые особенности горских говоров грузинского языка. Тбилиси, 1966, с. 114.

вопроса статье список вейнахских грузинизмов, рассмотренный Т.Б. Гониашвили, насчитывал уже более сотни лексем (впрочем, автор придерживался точки зрения, что часть входивших в него слов обусловлена не ареальным контактом, а предполагаемым родством картвельских и нахских языков). В то же время в бацбийском языке слой грузинизмов насчитывает несколько сот слов⁴⁷. Грузинское воздействие соответственно распространяется здесь и на отдельные словообразовательные аффиксы⁴⁸. Наконец, иногда предполагается, что становление в бацбийском языке личного спряжения, неизвестного остальным нахским языкам, происходило не без влияния со стороны грузинского⁴⁹.

Почти исключительно лексическими заимствованиями ограничивается воздействие грузинского языка на авароандоцезские. Соприкосновение восточногрузинских диалектов с их цезской ветвью и прежде всего с бежтинским и гунизбским языками, то усиливаясь, то ослабевая, продолжается уже на протяжении около двух тысячелетий. Тот факт, что картвелы вступили в контакт с цезами не позднее рубежа новой эры, подкрепляется тем обстоятельством, что уже у Плиния Старшего (23–70 гг. н.э.) и Птолемея (ум. около 160 г. н.э.) обозначение цезов встречается в характерной для грузинских адъективов форме *Διδούροι* (ср. груз. *didou-n-i* 'цезы', *didou-i* 'цезский, дидойский'). В грузинской исторической хронике "Жизнь картлийских царей", приписываемой грузинскому историку XI в. Леонти Мровели, в связи с различными событиями предшествовавшей эпохи неоднократно упоминается пограничная с Кахетией область Дидоэти и ее обитатели — дидойцы, т.е. носители цезских языков⁵⁰. Различные детали грузинско-цезских контактов описывает и дальнейшая грузинская традиция. Как следует думать, особенно тесные экономические связи цезов с Грузией устанавливаются к XVII–XVIII вв. Их отражением было сравнительно широко распространенное еще в начале XX столетия двуязычие среди цезов. По подсчетам М.Ш. Халилова, ныне в цезских языках насчитывается не менее 250 лексических грузинизмов, принадлежащих почти всецело к области культурного словаря (названия культурных растений, домашних животных, сельскохозяйственных орудий, приусадебных построек, некоторых продуктов и т.д.⁵¹). Среди них, однако, не видно сколько-нибудь древних заимствований.

Что же касается обратного воздействия авароандоцезских языков на грузинский, то оно едва ощутимо. Так, к названному выше груз. *obol-i* 'сирота' может быть, вероятно, прибавлено груз. *važ-i* 'отрок, парень', засвидетельствованное в письменных источниках значительно позднее (ср. гин. *uži* 'мальчик'). Поэтому невозможно согласиться с мнением

⁴⁷ Гониашвили Т.Б. Словарные сходжения чеченского и картвельских языков. — Изв. ИЯИМК, 1940, т. V–VI, с. 575–632; Алироев И.Ю. Нахские языки и культура. Грозный, 1978, с. 181–200.

⁴⁸ Ср.: Чрелашивили К.Т. Об одном грузинском суффиксе в бацбийском языке. — Тр. ТГУ, 1963, т. 96, с. 151–154.

⁴⁹ Дешериев Ю.Д. Бацбийский язык: Фонетика, морфология, синтаксис, лексика, с. 322–338.

⁵⁰ Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей: Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана. М., 1979, с. 30, 33, 38, 64, 69.

⁵¹ Ср.: Бокарев Е.А. Цезские (дидойские) языки Дагестана. М., 1959, с. 20–21.

Н.Я. Марра, явно преувеличивавшего масштабы такого воздействия и усматривавшего в нем отражение бывшего сильного влияния дагестанской культуры на грузинскую и даже армянскую⁵².

Судя по всему, наиболее интересная этнолингвистическая ситуация должна была сложиться в ходе многовековых ареальных контактов грузинского языка с некоторыми из лезгинских. Хотя словарные грузинизмы отчетливо засвидетельствованы по крайней мере в трех лезгинских языках — цахурском, рутульском и удинском, они особенно распространены в последнем, представляющем собой, как принято считать, прямого наследника государственного языка исторической Агвании (кавказской Албании). Вместе с тем налицо и некоторые следы обратного воздействия — лексические удинизмы, встречающиеся в восточногрузинских диалектах (в литературном грузинском языке имеется по крайней мере один из них — bokven-i 'пах' при удин. buqun 'живот, брюхо').

Особый интерес в этом отношении представляют собой яркие удинизмы ингилойского диалекта грузинского языка, локализованного в северо-западном регионе Азербайджанской ССР (Кахский, Закатальский и Белоканский р-ны) и являющегося, согласно характеристике А.Г. Шанидзе, наиболее своеобразным среди всех грузинских диалектов⁵³. Последний справедливо подчеркивает, что "некоторые явления в фонетике и морфологии ингилойского носят совершенно исключительный характер..., все это накладывает особую печать на ингилойский и значительно удаляет его от других грузинских диалектов. К сожалению, пока еще нельзя вполне учесть наследия сильно влиявших на него аварского (точнее, удинского. — Г.К.) и татарского (т.е. азербайджанского. — Г.К.) языков"⁵⁴.

Удинизмы так или иначе заявляют о себе здесь на различных уровнях языковой структуры. Например, в фонетической системе диалекта бросаются в глаза такие характерные черты удинской фонетики, как почти полное отсутствие аффрикат *з* и *ж* (ср. ингил. *zayli* 'собака' при груз. *zayli*, *zpa* 'брат' при груз. *zpa*, с одной стороны, и *žul-i* 'вера, религия' при груз. *gžul-i* — с другой), процесс спондантизации *b > v* в неначальной позиции в слове, возникновение геминированных согласных, а также консонантного приступа в словах с вокалическим анулаутом⁵⁵.

Не приходится удивляться тому обстоятельству, что при видимом отсутствии удинизмов в грамматическом строе ингилойского диалекта особенно заметное число последних наблюдается в его лексике (их некоторая часть повторяется, как известно, и в субстратных говорах азербайджанского языка⁵⁶). Ср., в частности, следующие довольно очевидные лексические параллелизмы ингилойского диалекта и удинского языка:

⁵² См.: Марр Н.Я. Непечатый источник истории кавказского мира. — Изв. АН. Пг., 1917, с. 316—317.

⁵³ Ср.: Шанидзе А.Г. — Рец. на: Джанашвили М.Г. Саингило. — Зап. Вост. отд. рус. археол. о-ва. Тифлис, 1915, т. XXII, вып. III—IV, с. 345.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Ср.: Иманшвили Г.М. Особенности ингилойского наречия грузинского языка. Тбилиси, 1966, с. 19 и след. На груз. яз.

⁵⁶ Ср.: Джангидзе В.Т. Ингилойский диалект в Азербайджане: Вопросы грамматической и лексической интерференции. Тбилиси, 1978, с. 44—54.

Ингилойский диал.

arçan	'дерево (строевое)'
girc	'хинкал (ритуальн.)'
қан	'порог'
қағар	'кокошник'
қоқој	'хлебец (круглый)'
қоғман	'стог'
maɣal	'груда снега'
majzar	'передник'
maɣaj	'иди сюда!'
taŋket	'корзина (для винограда)'
taɣaj	'род сосуда'
tiṭib	'кожура (граната)'
toɣanaɣ	'крючок, игла'
ṣiṭriḳ	'легкомысленный'
çigaj	'колышек'
hatar	'как'

Удинский яз.

arçan	'ель'
gərc	'то же'
қан	'то же'
қағар	'то же'
қоқоли	'кусочек хлеба'
қоғман	'то же'
maɣal	'груда, куча'
majzar	'то же'
maɣaj	'сюда'
taŋkiṭ	'то же'
taqqa	'мера, вместительность'
tiṭir	'гранат (дикий)'
toɣanaq	'крючок'
ṣiṭriḳ	'то же'
çik	'сучок'
hetär	'то же'

В приведенном здесь материале обращают на себя внимание лексемы, отражающие сферы традиционного жизненного уклада ингилойцев (о чем свидетельствует то, что часть из них повторяется в цахурском и рутульском языках), а также отдельные слова, относящиеся к разряду наречий и местоимений, которые обычно не заимствуются. Исходя как из подобного лингвистического материала, так и из реального экстралингвистического контекста, азербайджанскими кавказоведами была выдвинута гипотеза о возникновении ингилойского диалекта грузинского языка в результате переключения на грузинский значительной части удиноязычного населения из конфессиональных соображений (ср. в этой связи сохранные грузинской традицией сведения о достаточно высокой активности грузинской церкви в XI—XIII вв. в смежном с Восточной Грузией регионе Агвани, а также известия национального удинского предания о деятельности грузинского проповедника Иоанна среди удин в первой половине XV столетия⁵⁷). В свете этой субстратной по своему характеру гипотезы интересно то обстоятельство, что по своему антропологическому типу ингилойцы резко отличаются от контактирующих ныне с ними восточногрузинских групп и фактически не отличаются от удин (как отмечает М.Г. Абдушелишвили, факт сходства ингилойцев и удин заставляет антропологов думать об их потомственном родстве с коренным населением кавказской Албании⁵⁸).

Воздействие грузинского языка на удинский, цахурский и рутульский

⁵⁷Ср.: Schiefner A. Versuch über die Sprache der Uden. — Mémoires de l'Académie impériale des sciences de St. Petersburg. SPb., 1863, VII ser., t. VI, N 8, S. 4.

⁵⁸Ср.: Абдушелишвили М.Г. К вопросу антропологии удинов. — Сообщ. АН Груз. ССР, 1956, т. XVII, № 5, с. 462

ограничивается, по-видимому, лексическими заимствованиями. Естественно, что особенно много последних в удинском языке, значительная часть носителей которого в течение нескольких столетий была связана в силу конфессиональных соображений с Грузией. Общие для цахурского и рутульского лексические грузинизмы в своем наиболее древнем пласте могут быть обязаны удинскому посредству, хотя факт непосредственного соприкосновения цахурского языка с грузинским в северо-западном Азербайджане трудно считать недавним. Цахурские грузинизмы можно проиллюстрировать такими словами, как *baḳi* 'баранта', *baḳistawī* 'овчар', *bəbəl* 'гребень (птицы)', *boḱij* 'козел', *dadal* 'петух', *diḱ* 'процо', *ḳasḡa* 'мера сыпучих веществ', *ḳomḡij* 'дым', *niḡozij* 'ореховая халва', *sarḡap* 'мыло', *šimḡurḡij* 'пение, мурлыканье', *šidedḡaj* 'золовка', *šimamḡaj* 'деверь', *tiḱij* 'бурдючок', *šidij* 'белка', *šixij* 'крепость, башня', *šabəl* 'каштан'.

Если учесть, что в процессе заимствования особенно подвижным элементом языковой структуры оказывается словарь, то вполне естественно, что в ходе многовековых лингвистических контактов на Кавказе сложился определенный лексический фонд, в значительной степени общий не только для групп автохтонных кавказских языков, но и для некоторых других, представленных в этом ареале языков. "Если бы мы составили, — отмечает в последней связи В.И. Абаев, — карту лексических изоглосс для всего Кавказа, то оказалось бы, что десятки линий во всевозможных направлениях, причудливыми и неожиданными кривыми оплетают всю его территорию, не считаясь ни с какими языковыми и диалектальными перегородками. Иными словами, существует лексический фонд, свойственный не одному только или двум соседним языкам, а трем, четырем и более языкам, нередко весьма удаленным друг от друга, иначе говоря, — межкавказский лексический фонд. При этом мы имеем в виду не общие для многих кавказских языков заимствования из арабского, персидского и турецкого — последние представляют для нас меньший интерес. Мы имеем в виду слова местного кавказского происхождения, распространение которых было обусловлено не внешним влиянием, а внутренней жизнью кавказских народов, их тяготением к культурному единству, превозмогающему историческое многоязычие. Представляло бы высокий интерес собрать и систематизировать весь этот материал и создать, таким образом, "сравнительную лексикологию кавказских языков"⁵⁹.

Сформулированная В.И. Абаевым задача пока еще не решена в кавказской ареальной лингвистике. Тем не менее, если учесть наряду с такими лексемами некоторые старые культурные заимствования, которые со временем распространялись уже из одной группы кавказских языков в другие, то к настоящему времени можно, по-видимому, насчитать несколько десятков подобных общекавказских слов. Некоторые из соответствующих изоглосс имеют весьма длительную историю становления, другие, напротив, оказываются сравнительно недавними образованиями. Нетрудно увидеть, что в формировании их большинства значительную роль сыграл грузинский язык.

⁵⁹ Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. М.; Л., 1949, I, с. 89.

С целью иллюстрации этой категории словаря ниже приводятся только те лексические параллелизмы, которые повторяются в максимальном числе кавказских языков (во многих случаях они разделяются и другими представленными на Кавказе языками).

1. Одну из наиболее древних общекавказских лексических параллелей составляет обозначение черешни или вишни. Культурный характер самой реалии позволяет предполагать распространение лексемы откуда-то с юга (ср. перс. *bālū*, армян. *bal* 'черешня'). Закономерно дифференцированный облик груз. *bal-i*, мегр., лаз *bul-i* дает основания проецировать слово уже в эпоху грузинско-занского единства. Грузинская лексема послужила источником каб. *balij* 'вишня', а также бацб., чеч. *bal* и инг. *boal* 'вишня' (неясен прототип удин. *baj* 'черешня'). По-видимому, иной, однако, опять-таки южный источник, должны были иметь дегестанские названия черешни или вишни (авар., гуыз., лезг., агул. *baʒli*). Слово засвидетельствовано также во многих некавказских языках Кавказа.

2. По всей вероятности, довольно древними заимствованиями должны быть признаны кавказские обозначения курицы, нередко представлявшие исследователям исконными словами⁶⁰. Как известно, регион одомашнения этой птицы находится в юго-восточной Азии, откуда она примерно в VIII–VII вв. до н.э. проникает на Ближний Восток (наиболее ранние изображения курицы засвидетельствованы для Месопотамии в VI в. до н.э.). Несмотря на закономерное соотношение вокализма соответствующих картвельских слов (груз. *katam-i*, мегр. *kotom-i*, сван. *kata-l*), их прототип не может идти здесь глубже грузинско-занского состояния. Если учесть, что сванское ауслатное *l* не может быть древним, то естественно увидеть зависимость адыг. *č̣ətə* (ср. шапсут. диал. *kač̣ətə*) и каб. *ẓ̌əd* от картвельского источника (сложнее объяснить историю, по-видимому, как-то связанного с этими формами абх. *a-ḱʷaḱʷə* 'курица'). Из грузинского происходят бацб. *katam*, чеч., инг. *kuotam*. Неясными, однако, остаются пути проникновения сходных слов в другие нахско-дагестанские языки, ср.: рут. *kaḱ* и цах. *kač̣ə*, с одной стороны, и бажт. *gud̄ə* и гуыз. *gudo* — с другой.

3. Несомненно, весьма ранним достоянием общекавказского лексического фонда является название невестки, снохи. Так адыгейск. и каб. *paṣ̌ə* могут восходить еще к наследию древнейшего иранского элемента в пределах Северного Кавказа. С аналогичным или с хронологически несколько более поздним аланским источником могут увязываться соответствующие формы многих нахско-дагестанских языков, ср.: бацб., чеч. *pus*, авар., анд., ботл. *pusa*, дарг. *pus-* (в составе обозначения куклы), арч. *pus-dur* (в остальных лезгинских языках, ареал распространения которых лежит значительно южнее, эта лексема отсутствует). Несколько иного происхождения должно быть аналогичное картвельское слово, обнаруживающее юго-западный центр тяготения, ср.: мегр. *posa//nisa*, лаз. *pusa//nisa*, а также груз. глоссу *pusa-dia* 'жена дяди', сохраненную в известном словарном собрании грузинского лексикографа XVI–XVII вв. Сулхана-Саба Орбелиани⁶¹. Вви-

⁶⁰ Ср.: Джавахишвили И.А. Первоначальный строй и родство грузинского и кавказских языков. — В кн.: Введ. в историю груз. народа. Тбилиси, 1937, т. II, с. 613–615. На груз. яз.

⁶¹ См.: Орбелиани Сулхан-Саба. Соч. Тбилиси, 1965, т. IV, с. 600. На груз. яз.

ду того что все кавказские разновидности слова признаются обычно зависимыми в конечном счете от продолжения индоевропейского *snuso-s 'невестка', характеризующегося преобразованием исхода основы на а, они должны отражать собой какие-то очень древние контактные связи индоевропейских и различных групп кавказских языков⁶².

4. К довольно древней эпохе может, по-видимому, относиться начало распространения по Кавказу обозначения специфической мужской шапки-папахи. Вероятно, не случайно, что адыгские формы соответствующего слова (адыгейск. ру'о, каб. ра^wǎ) напоминают собой лексемы некоторых дагестанских языков (ср. лак. дара, дарг. дара). От адыгского источника, несомненно, зависит сван. раqw, отражающее его древний облик. Груз. и мегр. рарах-и 'папаха', равно как и формы типа удин. рараq, цах. рарах и хин. рарах обязаны своим происхождением уже значительно более поздней тюрской переработке кавказского слова (давно высказанное предположение, согласно которому в основе последней лежит адыгское (каб.) ра^wǎ-laǎǎ 'шапка + высокая', не кажется убедительным). По мнению В.И. Абаева, эта лексема имеет звуко-символическую природу, поскольку в сходном значении аналогичные слова довольно широко распространены и далеко за пределами Кавказа⁶³.

5. Нередко в качестве одной из общекавказских словарных общностей называется числительное сто. На мысль о его неисконности наводит уже то обстоятельство, что типичная для кавказских языков вигезимальная система словообразования числительных в принципе не нуждается в непрямом обозначении сотни, передающемся в них по модели 5 × 20. Груз. as-i, мегр., лаз оš-i и сван. аšir, äšir, закономерно сводящиеся к общекартвельскому *as₁ir- 'сто' (грузинские диалектные формы с вигезимальной моделью и в этом случае, вероятно, обязаны субстрату), по-видимому, зависят в конечном счете от семитского источника типа аккад. ešgu 'десять'. Определенную аналогию им образует большинство дагестанских обозначений ста, ср.: лак. t-urš, дарг. d-arš, в анлауте которых усматривают окаменелый классный префикс, агул. warš, таб. warž⁶⁴. Еще Н.С. Трубецкой связывал с названными дагестанскими словами их абхазско-адыгские аналоги (абх. š^wǎ, адыг. šǎ 'сто'). Высказана, впрочем, и точка зрения, согласно которой адыгское слово заимствовано из какого-то индоевропейского satem-языка⁶⁵.

6. Огромный временной промежуток охватывает формирование на Кавказе единого обозначения такого экзотического животного, как слон. На раннее проникновение лексемы в Закавказье указывает др.-груз. pilo, ближе всего стоящее к аккад. pīlu, pīru 'слон' (ср. также заимствованное др.-перс. pīru-š). В современных картвельских языках, а также в бацбийском,

⁶² Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М., 1973, т. II, с. 100.

⁶³ Там же, с. 236.

⁶⁴ Ср.: Климов Г.А. Заимствованные числительные в общекартвельском? – В кн.: Этимология. 1965. М., 1967, с. 307–310.

⁶⁵ Ср.: Трубецкой Н. Nordkaukasische Wortgleichungen. – In: Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. Wien, 1930, Bd. XXXVI, H. 1–2, S. 82; Джавахишвили И.А. Первоначальный строй и родство . . . , с. 374–375; Kuipers A.H. Phoneme and Morpheme in Kabardian: Eastern Adyge. 's-Gravenhage, 1960, p. 100.

отражена уже новогрузинская форма слова — *spilo*. Дагестанские названия слона (ср. авар., лак., дарг. *pił*, лезг., удин. *fil*) явно зависят уже от соответствующего персидского слова, распространившегося здесь в средние века. Наконец, к наиболее позднему времени — со второй половины XVI в. — относится проникновение лексемы (через турецкое посредство?) в адыгские языки, ср.: адыг. *pał*, каб. *pał*.

7. Некоторую аналогию истории последнего слова на Кавказе образует судьба названия домашней кошки. Картвельские формы (груз. *қата*, мегр., лаз. *қату*), зависящие, по-видимому, *via armeniaca* от сирийск. *qaṭū* могли быть усвоены еще в первые века н.э. (древнейший костяк кошки в Закавказье обнаружен в урартском комплексе начала VI в. до н.э.). К грузинскому слову примыкают бацб. *қујт*, а также цез. и гин. *қету*. В большинстве дагестанских языков лексема появляется позднее, так как сколько-нибудь закономерные звукосоответствия она обнаруживает здесь только внутри близкородственных языковых группировок. Авар. *keto*, лак. *çitu*, дарг. *gata*, *žita*, лезг. *kas*, таб. *gatu* и др. восходят в конечном счете к прототипу **gatu//getu*. Лишь в позднее средневековье (через посредство турецкого?) появляются адыгейск. *çätə^w*, каб. *žäda^w* и убых. *g'atə⁶⁶*. Слово проникло и в некоторые некавказские языки Кавказа.

8. Следующую общекавказскую изоглоссу образует обозначение плуга, известное также и за пределами Кавказа (например, в турецком и курдском языках). Наиболее рано — по крайней мере с XII в. — засвидетельствована грузинская (>мегрельская) форма слова *gutān-i*, источником которой может быть несколько раньше засвидетельствованное армян. *gutān//gutaj*. От этой грузинской лексемы в свою очередь зависят как нахские (ср. бацб. *gutaⁿ* 'плуг', чеч. *guotaⁿ*, инг. *guota* 'пахота, снаряжение для пахоты'), так и некоторые цезские формы (гуыз. *gotani*, цез., гин. *gutān*). Ср. также дарг. *gutān*. Другие дагестанские слова (авар., лак. *kutan*, лезг. *kūtan*, удин. *kōtān*) отражают уже азерб. *kotan*. Наконец, наиболее позднего происхождения оказываются соответствующие абхазско-адыгские формы (абх. *a-k^watan*, убых. *k^watan*), обязанные также тюркскому посредству⁶⁷.

9. Сюда же можно отнести распространенное в кавказских языках название вина. В картвельских языках (ср. груз. *γvino*, мегр. *γvin-i*, лаз. *γ(v)ini*) это слово, составляющее широкую индоевропейско-семитско-картвельскую изоглоссу, восходит еще к эпохе грузинско-занского единства. В остальных случаях можно обычно показать, что экспансия лексемы исходила из картвельского ареала. На западе она представлена абх. *a-ωə* и абаз. *γ^{wa}*. Зафиксирована она и в трех подгруппах нахско-дагестанских языков. Так, удин. *fī* 'вино' (род. пад. *fin-e*; дат. пад. *fin-ax*) восходит, как принято считать, к более старому **xvin⁶⁸*. К сравнительно позднему времени должно, по всей вероятности, относиться проник-

⁶⁶ См.: Климов Г.А. Из истории одной общекавказской лексической параллели. К названию домашней кошки в кавказских языках. — В кн.: Орлон. Акакию Шанидзе (Юбилейный сборник). Тбилиси, 1967, с. 378—381.

⁶⁷ Ср.: Генко А.Н. О названиях плуга в северокавказских языках. — Докл. АН. Гр., 1903, с. 133—135; ср., однако: Гонишвили Т.Б. Словарные сходжения. . . , с. 580—581.

⁶⁸ Ср.: Джейранишвили Е.Ф. Удийский язык: Грамматика. Хрестоматия. Словарь. Тбилиси, 1971, с. 157. На груз. яз.

новение грузинского обозначения вина в цезские языки (ср. бежт., гунз., цез., гин. *уіло*). Наибольший интерес вызывает, однако, бацб. *weⁿ*, которое, благодаря своему анлауту, затруднительно свести к картвельскому источнику.

10. В значительной степени через грузинское посредство распространилось на Кавказе обозначение черного перца. Груз. (> мегр.) *piłpil-i* зафиксировано еще в древнейших памятниках грузинской литературы (лаз. *pire(r)i//pere(r)i*, скорее, каким-то образом связано с лат. *perer* и греч. *πεπερι*⁶⁹). К грузинскому слову восходят бацб., бежт., гунз., цез. *piłpil*, а также удин. *piłpil*, с одной стороны, а также абх. *a-pilpil* — с другой. Вместе с тем сходные дагестанские слова (ср. авар., анд., чамал. *piłpil*), по-видимому, обязаны иранскому источнику.

11. Очень неясными остаются пути формирования лексической изоглоссы, образуемой на Кавказе названием дыни (нередко — огурца) типа груз. *pesv-i* 'дыня', известного еще из древнегрузинского (принято считать, что это одна из древнейших огородных культур Грузии). К этому слову наряду со вторым элементом в составе сван. *ḡwax-pesg* 'дыня' примыкают как соответствующие нахские (ср. чеч. *pārs*, инг. *paṛs* 'огурец'), так и цезские (ср. гунз. *peso*, *pesu*, бежт. *nesi*) формы. С другой стороны, напоминают ее и очень близкие друг к другу лексемы абхазско-адыгских языков, ср.: абх. *a-naš₂a*, каб. *naš₂ā* 'огурец', адыгейск. *naš* 'дыня'. Согласно В.И. Абаеву, источником последних могло быть несохранившееся мегр. **naš₂-i*, закономерно отвечавшее бы грузинскому слову⁷⁰.

12. В качестве одного из "общекавказских" слов иногда приводится и обозначение абрека или разбойника, для которого допустима иранская этимология (ср. предполагаемое ср.-перс. **ārapak* при глаголе *āraptan* 'грабить'). В абхазско-адыгском ареале изоглосса представлена такими лексемами, как абх., абаз. *abrag¹*, каб. *abrāž* 'беглец'. Сюда же, несомненно, тяготеют картвельские формы — груз., мегр. *abrag-i*, сван. *ambreg*. В нахско-дагестанских языках слово обнаруживает северный центр тяготения, ср.: чеч. *oburg*, инг. *abarg*, авар. *aburik⁷¹* (для хронологизации становления изоглоссы интересен факт соответствия *вейнах. g ~ авар. ḡ*, как известно, наблюдающийся и в исконном материале этих языков).

13. Сравнительно старой общей лексической изоглоссой кавказских языков является, по-видимому, название четырехструнного щипкового музыкального инструмента — чонгура, с древнейшей поры известного в Грузии (ср. груз., мегр. *ḡongur-i*, лаз. *ḡanguri*). Происхождение этого слова, встречающегося в армянском и азербайджанском языках, а также в персидских диалектах, остается неизвестным (можно предположить, что сама обозначаемая им реальия представляет собой один из элементов культурного "азиатического" наследия). Лексема широко распространена в дагестанских языках, ср.: лак., дарг. *ḡugur*, таб. *ḡugri*, *ḡungür*, агул., рут. *ḡungur*, лезг. *ḡüngür*, крыз. *ḡangur*. Представлена она и в абхазско-адыгском ареале (ср. абх. *a-ḡangur*).

⁶⁹ О картвельских формах слова см.: *Топуриа В.Т.* Труды. Тбилиси, 1979, III, с. 253. На груз. яз.

⁷⁰ *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь ..., с. 161.

⁷¹ Там же. М.; Л., 1958, I, с. 25.

14. Во всех группах кавказских языков встречается обозначение пятницы (или иногда — среды), восходящее в конечном счете к греческому источнику. В грузинском уже с древней поры оно известно в форме *paraskev-i* (ср. также лаз. *paraske*). Несомненно, что уже от последнего зависят такие его нахско-дагестанские аналогии, как бацб. *parasq*, чеч. *perasqa*, инг. *paraska*, а также удин. *parasqi*. В абхазско-адыгском ареале слово приобрело значение среды, ср.: убых. *brask'a*, адыгейск. *bārāškā-šx*⁷² 'великая среда'.

15. К сравнительно недавнему времени должно относиться распространение на Кавказе обозначения, хинкала — характерного блюда из вида галушек с различной начинкой. Слово имеет, несомненно, дагестанскую этимологию. Идет оно из аварского *xinq-al*, где конечный элемент служит показателем плуралиса. Дальнейшие нахско-дагестанские формы — гуиз., бацб., рут., удин. *xinqal*, лезг. *xinqal//xinqar*, инг. *xinqal*. Непосредственно от дагестанского материала зависят груз. и мегр. *xinqal-i*. Налицо лексема ныне и в абхазско-адыгских языках: адыг., каб. *xāpčā//xəpčə* (в кабардинском оно обозначает суп-лапшу). Проникла она и в некавказские языки Кавказа.

16. Также в позднюю эпоху распространилось здесь и обозначение председателя застолья — тамады. Согласно наиболее правдоподобным гипотезам, в основе слова лежит перс.-тур. *damad//damat* 'зять, жених'⁷³. Центром иррадиации лексемы на Кавказе были, по всей вероятности, абхазско-адыгские языки (ср. каб. *thāmatā*, абх. *a-tamada*). Отсюда она проникла в картвельские языки — ср. груз. и мегр. *tamada*. Наконец, в аналогичной форме встречается она ныне и в нахско-дагестанских языках (ср. авар., лак., лезг., удин. *tamada*, дагр. *taṃada* 'старик'), а также в других языках Кавказа.

Другую — пространственно менее широкую — группу лексических изоглосс образуют словарные параллелизмы, ареал которых ограничен по существу Северным Кавказом. Поскольку в этих изоглоссах, как правило, участвует и осетинский язык (причем, как показывает В.И. Абаев, обычно удается предложить удовлетворительную индоевропейскую этимологию соответствующих слов), следует считать, что они являются аланизмами. Они образованы названиями: надочажной цепи (ср. абх. *a-ghāna*, каб. *ḡāḡ*, авар. *gaḡas*, дагр. *gaḡaz*, арч. *daḡəz* при осет. *gæxys//gæxis*), стекла (ср. адыг., каб. *abz*, инг. 'оақə, арч. *kabk*, таб. *amg*, агул. *agw* 'зеркало' при осет. *avg//avgæ*), косы (ср. абх. *a-čəəga*, каб. *šāṃāg*, анд., гуиз. *činiq*, лак. *čmiq*, рут. *xabag*), снопа (абаз. *kwres*, адыг. *črās*, инг. *kurs*, цах., рут. *ḡəḡas* 'веник, метла' при осет. *k^wyrġis//kures*), хозяина (гостя) (абх. *a-pš^wma*, каб. *bəsəm*, чеч. *husam*, инг. *fusəm* 'пристанище, дом хозяина' при осет. *fysym//fusum*), скота (абх. *a-psā-sa* 'скот (мелкий)', адыг. *wasā* 'скот', чеч. *hos*, инг. *fuos* 'добыча', авар. *panz* 'скот').

Имеют, по всей вероятности, и свой ареальный аспект некоторые фра-

⁷² Ср.: Яковлев Н.Д. Грамматика адыгейского литературного языка. М.; Л., 1941, с. 239; Гончашвили Т.Б. Словарные сходжения ..., с. 621.

⁷³ См.: Абаев В.И. Contribution à l'histoire des mots. — In: Mélanges linguistiques offerts à Emile Benveniste. Paris, 1975, p. 8—10; ср.: Шагиров. Этимологический словарь адыгских языков >М., 1977, II—I, с. 82—83.

зоологические параллелизмы кавказских языков, до последнего времени не послужившие, впрочем, предметом специального рассмотрения. Нетрудно увидеть, что одной из наиболее ярких их характеристик является изобилие устойчивых словосочетаний с опорными лексическими элементами, обозначающими такие части человеческого тела, как сердце, голова, глаз, рука, душа, рот, лицо, нос и некоторые другие. Так, проведенное статистическое обследование довольно полного корпуса кабардинского материала показало, что с компонентом 'сердце' здесь функционирует 218 фразеологизмов, с компонентом 'душа' — 130, с компонентом 'глаз' — 111, с компонентом 'голова' — 58, с компонентом 'рука' — 52 и т.д.⁷⁴ Эти цифры интересно сопоставить с относительно близким числом грузинских идиоматических выражений, учтенных во фразеологическом собрании А.Л. Ониани: здесь приведены 248 идиом с компонентом 'сердце', 145 — с компонентом 'голова', 60 — с компонентом 'рука', 55 — с компонентом 'глаз', 45 — с компонентом 'душа' и т.д.⁷⁵ Наконец, аналогичная картина наблюдается в фразеологических словарях нахско-дагестанских языков. Так, в лезгинском языке наиболее обширными фразеологическими гнездами располагают такие субстантивы, как 'сердце' (174 единицы), 'голова' (167 единиц), 'глаз' (160 единиц), 'рука' (111) единиц и т.п.⁷⁶ Конечно, далеко не все из этих параллелизмов могут оказаться следствием ареального контактирования кавказских языков. Их немалая часть возникает, по-видимому, на базе сходных представлений их носителей о сущности психических и физиологических процессов, отражаемых в этих идиомах. И тем не менее многие из них, как справедливо полагает Г. Фогт, должны быть обязаны фактору калькирования с одних языков на другие, что, по-видимому, подтверждается тем обстоятельством, что определенная общность фразеологического словаря на Кавказе распространяется и на такие индоевропейские языки, как осетинский и армянский⁷⁷.

Уже сам факт исторической локализации кавказских языков на периферии древнейшего культурного круга Передней Азии, особенно хеттской и урартской цивилизаций, располагает к поискам в них отложений былых контактов с древними индоевропейскими, семитскими и так называемыми азиатическими языками, т.е. с совокупностью остальных языков переднеазиатского ареала, генетические взаимоотношения которых, как правило, остаются неясными⁷⁸. И хотя соответствующие исследования все еще не вышли из своей начальной стадии, уже в настоящее время можно констатировать несколько десятков древнепереднеазиатских изоглосс, захватывающих картвельскую и частично нахско-

⁷⁴ Карданов Б.М. Фразеология кабардинского языка. Нальчик, 1973, с. 102.

⁷⁵ Ониани А.Л. Грузинские идиомы. Тбилиси, 1966, На груз. яз.

⁷⁶ Ср.: Гувльмегьамедов А.Г. Лезги чIалац фразеологиядин словарь. Махачкала, 1975. На лезг. яз.

⁷⁷ Vogt H. La parenté des langues caucasiques (Un aperçu général). — NTS, 1942, Bd. XII, p. 250.

⁷⁸ О культурно-экономических связях Кавказа и Передней Азии в древности см.: Авдиев В.И. Кавказ и культура Древнего Востока. — In: Archiv Orientalní, 1950, vol. XVIII, N 1—2.

дагестанскую языковые области, но, по-видимому, оставляющих в стороне абхазско-адыгский ареал.

Особенно очевиден вклад древних индоевропейских и азианических языков в состав культурного словаря картвельских (здесь не постулируется особого шпаста старых семитизмов, поскольку последние проникли на Кавказ, как правило, через посредство азианических языков и — позднее — армянского). Разносторонний интерес представляют более многочисленные и очень древние индоевропейско-картвельские лексические параллели⁷⁹.

Чрезвычайно показательными в рассматриваемом отношении являются два общекартвельских числительных первого десятка, указывающих на довольно тесные культурные и экономические контакты древних картвелов и индоевропейцев: картв. *otxo- 'четыре' и картв. *eks₁ w- 'шесть' при и.-евр. *oktō 'восемь' (обычно трактуемом в индоевропейстике в качестве формы двойственного числа с аффиксом -ou основы *okto 'четыре') и и.-евр. *(s)šeḵs 'шесть' (с особенно архаичной, как иногда предполагают, основой без начального сибиллянта). Здесь же следует назвать четыре других лексемы довольно очевидной культурной семантики, характеризующиеся единообразной передачей индоевропейского ц комплексом γw, удостоверяющим глубокую древность их заимствования: картв. *γweb- (> груз.-зан. γob-) 'плести' ~ и.-евр. *ḫebh- 'то же', картв. *γwed- 'ремень, пояс' ~ и.-евр. *ḫedh 'привязь, упряжка', картв. *γwino- 'вино' ~ и.-евр. *ḫeino 'то же', а также картв. *γwi(a)- 'можеватель' ~ и.-евр. *ḫei 'то же'. Наличие в перечисленных картвельских архетипах фарингального элемента может объясняться не столько былым билабиальным качеством общекартвельского w в отличие от его обычных губно-зубных продолжений в современных картвельских языках (известны примеры общекартвельских лексем, не развивающие в аналогичной позиции фарингального согласного), сколько вероятной рефлексацией начального ларингала, нередко предполагающегося в соответствующих индоевропейских праформах. Возможно, к этой же группе слов примыкают и картв. *mei- (*mal- ?) 'лиса', сопоставляющееся с и.-евр. *melo 'мелкий зверь'⁸⁰.

Более значительная группа картвельско-индоевропейских лексических параллелей аналогичной природы, становление которых, по-видимому, может относиться к несколько более позднему периоду (соответствующие картвельские архетипы уверенно реконструируются лишь для грузинско-занского состояния). В ее составе, с одной стороны, оказываются обозначения ряда домашних животных и связанные с ними термины. Ср., например, груз.-зан. *guda- 'бурдюк' (неясно, как соотносится с этой праформой сван. gudra 'то же') ~ и.-е. gudo-m 'кишки, потроха', груз.-зан. *werg₃- 'баран' ~ и.-е. *ḫers 'то же', груз.-зан. *kursl- 'пятка' ~ и.-е. *krus

⁷⁹ См.: *Klimov G.A. Lexikalische Zeugnisse ältester indoeuropäisch-kartwelischer Kontakte.* — In: *Sprachen Kaukasien*. Iena, 1984.

⁸⁰ Мнение о заимствованном характере лексемы в картвельских языках см.: *Schmidt K.H. Studien zur Rekonstruktion des Lautstandes der südkaukasischen Grundsprache.* Wiesbaden, 1962, S. 124; ср.: *Джаукян Г.Б. Взаимоотношения индоевропейских, хурритско-урартских и кавказских языков.* Ереван, 1967, с. 93.

'голень, нога', груз.-зан. *uɣel- 'ярмо, иго' (неясно, как соотносится с этой праформой сван. $\bar{u}\gamma\omega$ 'то же') ~ и.-евр. *jugo 'то же' (известен, впрочем, и интересный семитский аналог слова⁸¹), груз.-зан. *pɔlo- 'копыто (крупное)' ~ и.-евр. *p̄lō 'большой палец ноги, руки', груз.-зан. *ɣog- 'свинья' ~ и.-евр. *ḡhoiḡ 'то же', груз.-зан. *ɣoɣo- 'теленки, буйволы' ~ и.-евр. *ḡhāgh 'детеныш животного'. С другой стороны, к этой же группе относятся, вероятно, и такие лексемы, как груз.-зан. *venaɣ- 'виноградник, лоза' ~ и.-евр. *veinak 'то же', груз.-зан. *kɣkɔ- 'желудь' ~ и.-евр. *k^weḡk//pek 'то же'⁸², груз.-зан. *pedj- 'свежий, сырой' ~ и.-евр. *meldūi 'мягкий'. Не исключено, конечно, что отдельные из перечисленных индоевропейцев имеют все же более раннюю хронологию заимствования.

Наконец, еще более значителен по своему объему пласт индоевропейцев, засвидетельствованных либо в отдельных картвельских языках, либо распространявшихся уже через одни из них в другие. Этот пласт распадается на две группы лексем, одна из которых географически тяготеет к занскому (мегрельско-лазскому) ареалу, а другая — к грузинскому. Приходится признать, впрочем, что и в этом случае отсутствует уверенность в сравнительно позднем их проникновении в картвельскую языковую область.

Примерами слов первой группы могут служить: зан., груз., сван. ankes- и его вариации 'крючок (рыболовный), удочка' (ср. др.-инд. ankas), зан. barg- 'мотыжить' (ср. и.-евр. *bergh 'дробить'), лаз. bere- 'ребенок, сын' (при и.-евр. *bher), зан., груз., сван. keɣ- 'дубина, палка' (и.-евр. *keth), зан. kɣla-, kula-, сван. kəl- 'ключ' (ср. и.-евр. *klā), зан. leɣa- 'грязь, земля' (и.-евр. *lata), мегр. lex- 'больной' (и.-евр. *leik), мегр. (> груз.) mege- 'пруд, каменное русло источника' (ср. хетт. amijara 'канал', греч. $\alpha\mu\alpha\rho\eta$ 'ров, канал'), лаз. mɣvabu- 'жаба', мегр. žvabu- 'лягушка' (ср. и.-евр. *g^heb(h)a), зан. paɣv- 'стирать' (ср. и.-евр. *snāɣ < *snehu), зан. pusa-, pisa- 'невестка', следы которого усматривают в грузинской глоссе pusa-dia 'жена дяди' (ср. и.-евр. *snuso), мегр. geɣa- 'галечное русло реки' (ср. др.-иран. *gaika, др.-инд. gēka), лаз. kra, мегр. (> груз.) (r)ka 'рог' (ср. и.-евр. *krā), лаз. (> груз.) yuḡni 'часть мельницы' (ср. и.-евр. *g^herḡu 'жернов')⁸³. Можно все же догадываться, что часть этих лексем была усвоена в относительно ранний период. В частности, занские обозначения мотыжения и жабы как будто обнаруживают переход *e > a в соответствии с так называемым занским передвижением гласных, характерным для исконного материала, а лексема 'стирать', возможно, отражает индоевропейский ларингальный согласный (в последнем случае, равно как и в слове 'невестка', преодолен нехарактерный для картвельских языков комплекс sn).

Вторая группа лексем этого пласта, тяготеющая к грузинской языковой области, может быть проиллюстрирована следующим рядом слов:

⁸¹ Ср.: Иллич-Свитыч В.М. Caucasia. — В кн.: Этимология: Принципы реконструкции и методика исследования. М., 1965, с. 334—335.

⁸² Ср.: Шанидзе А.Г. Этимологические разыскания: гко (желудь) и туха (дуб). — В кн.: Науч. сессия ТГУ, 1947, 23 окт.—3 нояб. Тез. докл. Тбилиси, 1947, с. 3—4. На груз. яз.

⁸³ Об этой категории слов см.: Климов Г.А. Несколько картвельских индоевропейцев. — В кн.: Этимология. 1979. М., 1981, с. 167—173.

груз. anqara 'уж' (и.-евр. *ang^h(h)er), груз. dro (> мегр. rdo) 'время' (ср. др.-инд. ṛtu 'срок, время'), груз. zutx- (> мегр. zuntx) 'осетр' (и.-евр. *gñdu 'рыба'), груз. kvet- 'сычуг' (и.-евр. *kuath 'квасить'), груз. madl- 'благодарение' (и.-евр. *meldh- 'ритуальное обращение к богу'), груз. krazana 'оса' (и.-евр. *kṛsen 'шершень'), груз. pirw-el- 'первый' (и.-евр. *pṛdo), груз. proč- 'анус' (и.-евр. *prōkto), груз. (> мегр.) riqe 'галечное русло реки' (ср. иран. reg, rig), груз. prte- 'крыло' (и.-евр. *pter), груз. čego- 'журавль' (и.-евр. *geṛō). Отдельные из перечисленных слов также могут оказаться достаточно древними заимствованиями. Так, груз. kvet- 'сычуг', по-видимому, отражает былую умлаутизацию основы. т.е. процесс, предполагающийся в истории грузинско-занского ареала для отдаленного прошлого, а груз. madl- 'благодарение, благодать', возможно, не случайно стоит по своему звуко типу очень близко к хеттскому продолжению приведенной индоевропейской основы.

Если принять во внимание, что здесь предложен по существу первый опыт стратификации древних картвельских индоевропейских элементов, учитывающий лишь случайно попавший в поле зрения материал, то должно быть очевидным, какой значительный интерес как для картвельского, так и для индоевропейского языкознания может представить дальнейшее специальное исследование в этом направлении.

Богатый дальнейшими перспективами исследования аспект картвельско-индоевропейского ареального взаимодействия, несомненно, составляет взаимодействие картвельских языков (прежде всего — грузинского и занских) и армянского. Продолжавшееся около двух с половиной тысячелетий их непосредственное соприкосновение в Закавказье, по-видимому, приводившее в некоторых областях к отношениям субстратного порядка, результировало в конечном счете в далеко зашедшем структурном выравнивании, охватившем в той или иной степени почти все стороны обоих компонентов сравнения. Есть некоторые основания полагать, что на раннем этапе с армянским контактировала преимущественно занская ветвь картвельских языков, а не грузинская (еще с именем Н.Я. Марра связано обнаружение в армянском лексической группы древних заимствований)⁸⁴. Если на начальном этапе исследования иногда представлялось, что кавказские языки при этом не оказали какого-либо воздействия на армянский⁸⁵, то в настоящее время можно говорить о таком воздействии едва ли не на все уровни структуры последнего.

Уже давно была установлена почти полная идентичность фонемного инвентаря грузинского и армянского языков (в виду имеется система восточноармянских диалектов последнего, практически совпадающая по вокализму и консонантизму с таковой грузинского). Так, в обоих случаях здесь представлена тернарная оппозиция смычных и аффрикат в составе абруптивного, придыхательного и звонкого членов и бинарная оппозиция спонтов в составе глухого и звонкого членов с аналогичными рядами обра-

⁸⁴Ср.: *Марр Н.Я. Яфетические элементы в языках Армении.* — Изв. АН Пг., 1911—1914; I—VIII; также: *Капанця Г.А. О взаимоотношении армянского и лазо-мегрельского языков.* — В кн.: *Капанця Г.А. Историко-лингвистические работы.* Ереван, 1975, II

⁸⁵Ср., например: *Pedersen H. Armenisch und die Nachbarsprachen.* — *Zeitschr. für die vergleichende Sprachforschung*, 1906, Bd. XXXIX, S. 482—483.

зования⁸⁶. Довольно многочисленные параллелизмы объединяют эти языки в настоящее время и в сфере морфологии. Они могут быть охарактеризованы как представители агглютинативного строя, обнаруживающие более или менее заметные следы былой флективности. Так, например, весьма близок в обоих случаях состав падежной парадигмы (в последней бросается в глаза, в частности, функционирование так называемого морфологически несамостоятельного винительного падежа, формально совпадающего либо с именительным, либо с дательным падежом). В специальной литературе обращалось внимание также на некоторые формальные аналоги в построении простого и сложного предложения в картвельских и армянских языках, позволяющие говорить о калькировании целых синтаксических моделей (ср. груз. *is movida tu aga...* 'он едва успел прийти, как...' (букв. 'он пришел или нет...') при аналогичном армян. на *եղավ તે ե...*). Особенно любопытен в этом плане факт функционирования в обоих компонентах сравнения эргативообразной конструкции предложения, обусловливаемой аористной или перфектной словоформой как транзитивных глаголов, так и примерно совпадающей по своему составу группой интранзитивных⁸⁷. Наконец, на уровне лексики общим для них является прежде всего множество слов (сюда относятся как совместные заимствования, восходящие к греческому, среднеперсидскому, арабскому и некоторым другим источникам, а также лексемы, отражающие процесс взаимной интерференции). Интересно, что в целом ряде случаев совпадает и семантический объем грузинских и армянских лексем, особенно показательный в случаях, когда их происхождение различно, ср.: груз. *boqver-i* ~ армян. *kogian* 'детеныш животного (преимущественно ленок)', груз. *venax-i* ~ армян. *ajgi* 'виноградник//лоза', груз. *tval-i* ~ армян. *aq(n)* 'глаз//колесо//драгоценный камень', груз. *taxvil-i* ~ армян. *sur* 'острый//меч', груз. *ma'al-j* ~ армян. *barzr* 'высокий//громкий', груз. *qnavil-i* ~ армян. *ca'yik* 'цветок//оспа', груз. *tere* (> *пере*) ~ армян. *tagavor* 'царь//жених', груз. *sixe* ~ армян. *berd* 'крепость//тюрьма', груз. *sminda* ~ армян. *surb* 'чистый//святой', груз. *(da) x'coba* ~ армян. *xeudel* 'душить//топить' и т.д. Нередки здесь и единые по своему характеру словообразовательные связи лексем (ср. груз. *advil-i* 'легкий' при *dew-//dw-* 'класть' наряду с армян. *djurin* 'легкий' при *dn-* 'класть'). Зафиксированы и интересные связи картвельских языков и армянского в некоторых типах словообразовательной редупликации. Ср., в частности, одинаковые модели представленных в ней вокалических чередований: груз. *bragi-brugi* 'стук', *t'kasi-t'kuci* 'треск' при армян. *sar-sur* 'дрожь'.

Необходимо подчеркнуть, однако, что развивавшийся Н.Я. Марром тезис, согласно которому древнегрузинский и древнеармянский литературные языки в структурном отношении стоят ближе друг к другу, чем к сво-

⁸⁶См.: *Deeters G. Armenisch und Südkaukasisch. — Caucasia, 1926, 3; S. 47–82; Job D.M. Probleme...*, S. 16–50, 94–106; *Schimomiya T. Zur Typologie des Georgischen (Verglichen mit dem Indogermanischen): Mit einem Exkurs zur Sprachbundtheorie. Tokyo, 1978, S. 194–201.*

⁸⁷Ср.: *Benveniste E. La construction passive du parfait transitif. — BSLP, 1952, t. XLVIII, f. 1, p. 52–62; Туманян Э.Г. Существует ли эргатив в индоевропейских языках. — In: Proceedings of the Eleventh International Congress of Linguists. Bologna, 1972, I, p. 957–961.*

им народно-разговорным разновидностям⁸⁸, представляет собой очевидное преувеличение.

Другой аспект картвельско-индоевропейского ареального взаимодействия обусловлен фактом длительного соприкосновения грузинского языка с осетинским (в период до XIII столетия, по всей вероятности, имели место и сванско-осетинские языковые контакты). Несмотря на то что субстратную подпочву осетинского должен был представлять северокавказский языковый ландшафт, следствия такого взаимодействия также достаточно очевидны. Прослеживая совокупность ареальных параллелизмов армянского и осетинского языков, В.И. Абаев с основанием отмечает, что судьбы обоих складывались на Кавказе во многом параллельно и симметрично: "Носители этих языков, оторвавшись в свое время от своей исконной индоевропейской среды, после сложных перипетий, вошли... в тесные контакты с кавказским этническим и языковым миром... Это дает право на сравнение армянского и осетинского как двух индоевропейских языков, подвергшихся сходным типологическим и материальным влияниям со стороны кавказско-азианического мира"⁸⁹.

В иранистике уже неоднократно отмечались разноуровневые черты кавказского субстрата в осетинском (ср. ряды смычногортанных, придыхательных и преруптивных консонантов в фонетике, агглютинативный принцип именного склонения в грамматике, характерные идеосемантические черты в лексике), немало в осетинском и позднейших заимствований из соседних кавказских языков⁹⁰. Невозможно отрицать и факты воздействия осетинского как на северокавказские, так и на картвельские языки. Говоря о воздействии осетинского языка на картвельские, следует отметить, что оно, по-видимому, ограничивается словарными заимствованиями. Хотя массовое проникновение алан в Закавказье началось, как известно, лишь в XIII—XIV столетиях, интересно, что отдельные лексические аланизмы зафиксированы уже в древнегрузинском (ср. груз. *šav-i* 'черный', *bevt-i* 'много', *ogto* 'яма', *kadag-i* 'проповедник', *kud-i* 'шапка'). В дальнейшем фонд грузинских аланизмов возрастал, обогащая в первую очередь грузинские горские диалекты⁹¹. Группа лексических аланизмов засвидетельствована и в сванском языке (на былые контакты с осетинами указывают многие произведения сванского фольклора)⁹².

Не менее интересная лексическая группа яркой культурной окраски должна трактоваться в качестве азианического вклада в картвельские языки. В целом ряде случаев эти слова имеют, по-видимому, семитский источник. Однако поскольку картвельские и семитские языки не вступали в древности в непосредственное ареальное соприкосновение, для этой группы естественно принять азианическое посредство.

⁸⁸Ср.: *Март Н.Я.* Яфетические языки. — В кн.: *Март Н.Я.* Избр. работы. Л., 1933, т. I, с. 246.

⁸⁹*Абаев В.И.* Armeno-Osetica: Типологические встречи. — ВЯ, 1978, № 6, с. 47.

⁹⁰Ср.: *Балкаров Б.Х.* Адыгские элементы в осетинском языке. Нальчик, 1965.

⁹¹Ср.: *Абаев В.И.* О некоторых осетинских элементах в грузинском языке. — Тр. Ин-та языкознания АН СССР. М., 1956, VI; *Андроникашвили М.К.* Очерки по иранско-грузинским языковым взаимоотношениям. Тбилиси, 1966, с. 40—141. На груз. яз.

⁹²Ср.: *Климов Г.А.* О лексике осетинского происхождения в сванском языке. — В кн.: *Этимология: Исслед. по рус. и др. языкам.* М., 1963.

Прежде всего сюда должны быть отнесены два числительных первого десятка, реконструируемые еще для общекартвельского состояния, ср. картв. *š(i)vid- 'семь' и *arva- 'восемь', с одной стороны, и семит. *šib-it 'семь' (семитское происхождение слова удостоверяется наличием в его суффиксальной части показателя женского рода) и *arba 'четыре' (при семитской форме двойственного числа *arba) — с другой. Бросается в глаза в обоих случаях отражение семитского *b* в картвельских языках как *v*. Несколько менее надежным представляется сопоставление общекартвельского обозначения сотни *as, iḡ- с семит. *ašr 'десять'⁹³. Особенно широкую группу картвельских азианизмов образуют термины, обозначающие древние реалии хозяйственной жизни общества. Ср. груз.-зан. *pilenz₁- 'медь' при араб. filiḡ < *piliḡ 'металл' (хотя лексема встречается и в некоторых других семитских языках, предполагая ее азианический источник); груз.-зан. *naḡ- 'помочи в сельскохозяйственных рабтах' при семит. *naḡ (картвельские лексемы трудно признать средневековыми арабизмами, как это иногда представляется, ввиду закономерного соотношения вокализма грузинского и занских слов, и также вследствие наличия в его лазском соответствии непродуктивного словообразовательного элемента⁹⁴); груз., мегр. qera, лаз. (n)qera/ḡira, сван. qeraj 'очаг' при аккад. qiru 'то же'; груз., мегр. to(r)ne 'земляная печь' при аккад. tinnuru 'то же'; груз., мегр. dok-i 'кувшин с узким горлышком' при азианич. (шумер.) dugu 'кувшин'. Сюда же могут быть предположительно отнесены еще несколько распространенных в картвельских языках культурных слов, точные источники которых остаются неизвестными: груз. ḡom-i, мегр., лаз. ḡom-i-vid 'вид проса, чумиза' (эта культура упоминается в Понтских провинциях еще Геродотом, а Страбон уже писал о ее широком распространении у народов, обитавших на причерноморских землях; на правах культурного заимствования слово встречается и в иранских языках⁹⁵); мегр. qvela, лаз. quli, сван. qwil 'низкое сидение в виде доски'. Наконец, в этом же ряду следует назвать картвельские обозначения нескольких экзотических для древнего Кавказа животных: груз. spilo (< др.-груз. pilo) 'слон', откуда идет формы слова в других картвельских языках, при аккад. pīlu/riḡu 'слон, слоновая кость'; груз., мегр. lom-i, сван. lwem/lem 'лев' при аккад. lab'u 'то же'; груз., мегр. boḡver-i (> лаз. bonḡveri) 'львенок, детеныш животного' при семит. *bok^wag 'детеныш (первородный)'.⁹⁶

С точки зрения общей характеристики древнейших ареальных связей кавказских языков особого внимания заслуживает то обстоятельство, что часть приведенных выше лексем индоевропейского или азианического происхождения проникла также в нахско-дагестанские языки и, напротив, по существу не прослеживается в абхазско-адыгских (их отдельные абхазские аналоги типа а-ωэ 'вино' или а-уу 'ярмо' должны квалифицироваться в качестве позднейших картвелизмов). Это и естественно, если учесть возможность непосредственного соприкосновения ареала нахско-дагестанских языков с переднеазиатским в прошлом. В число таких слов входят

⁹³Ср.: Климов Г.А. Заимствованные числительные в общекартвельском?

⁹⁴Климов Г.А. Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964, с. 145.

⁹⁶Ср.: Стеблин-Каменский И.М. Очерки по истории лексики памирских языков: Названия культурных растений. М., 1982, с. 51.

преимущественно обозначения различных хозяйственных реалий. Среди них можно упомянуть названия серебра (ср. чеч. *deti*, авар. *ḍaras*, лак. *асгу*, дарг. *ars*, *ās*, арч., болт. *arsi*, таб., агул. *krs*), ярма (ср. бацб., чеч., инг. *duq*, авар. *ruṭ*“, лак. *ruḷ*, арч. *oṭ*“, лезг. *wik*, как будто сводимые к нах.-даг. **ruṭ*“), ключа (ср. авар. *ḷul*, лак. *ḷula*, арч. *ḷerem-ḷul*, а также отглагольные формы с префиксальным классным показателем типа анд., тинд. *ge-ḷul*, чамал. *ji-ḷul*), доски или низкой скамьи (ср. хварш. *gule*, дарг. *urḷuli*, арч., лезг., таб. *gul*), старой земляной печи (ср. лезг. *tanur*, *ṭanur*, *ṭaru*“, таб. *terun*, удин. *tarun*, *tarna*, хин. *tonur*, *tunor*), глиняного сосуда (ср. гин. *ḷōṭo* 'чашка', хварш. *ḷoṭe* 'тарелка', кар. *ḷoḷo* 'глиняная чашка', арч. *ḷoḷo* 'миска', лезг. *ḷeṭe*, *geṭe* 'горшок'). В нахско-дагестанских языках широко засвидетельствовано и аналогичное картвельскому обозначение невестки: ср. бацб., чеч., инг., авар. *pus*, болт., кар. *pusa*, ахв. *pusa* (в каратинском и ахвахском языках слово одновременно имеет и значение 'зять'). В более южных языках Дагестана лексема представлена хуже. За исключением арчинского, где налицо *pus-dug* 'невестка' и *pus-du* 'зять', она отсутствует в лезгинской подгруппе, а в даргинском может быть усмотрена лишь в названии куклы *pus-ḷul*. Это обстоятельство должно свидетельствовать о распространении слова из какого-то северного источника, каковым иногда предполагается осет. *pos-tə* 'невестка'⁹⁶. В последней связи здесь уместно обратить внимание на малоразработанную проблему взаимодействия нахско-дагестанских и осетинского языков, затрагивавшуюся до последнего времени преимущественно в лексикологических работах В.И. Абаева. По всей вероятности, особый интерес вызовет история нахско-осетинской интерференции, следствия которой заметны на всех уровнях этих языков (факт наложения нахской речи на аланский ареал в эпоху, начиная с XIII столетия, по-видимому, дает основания поставить вопрос об аланском, т.е. староосетинском, субстрате вейнахских языков).

Наконец, здесь целесообразно отметить определенные аналогии в материале абхазско-адыгских, картвельских и нахско-дагестанских языков, которые обязаны не только фактору ареальных контактов между ними, но и действию фактора некоторой общности их фонологических систем (четкое разведение обоих едва ли возможно на современном этапе исследования). При этом в виду имеются их очевидные и довольно многочисленные параллели в сфере так называемой дескриптивной, т.е. звуко-имитационной и звукоподражательной, лексики, самый факт богатства которой не без основания рассматривается некоторыми лингвистами в качестве общекавказской черты⁹⁷.

⁹⁶Ср.: Генко А.Н. Из культурного прошлого ингушей. — Зап. коллегии востоковедов при Азиат. музее АН СССР. Л., 1980, т. V, с. 725; Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л., 1973, т. II, с. 190.

⁹⁷Ср.: Winkler H. Das Baskische und der vorderasiatischmittelländische Völker- und Kulturkreis. Breslau, 1909, S. 30; Deeters G. Die kaukasischen Sprachen. — Handbuch der Orientalistik. Bd. 7. Armenisch und kaukasische Sprachen. Leiden; Köln, 1963, S. 45.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей монографии автор стремился нарисовать некоторую целостную картину современного состояния и перспектив кавказского языкознания как отраслевой лингвистической дисциплины, характеризующейся определенным единством специальной проблематики. Автор попытался, в частности, показать, что неясность генетических взаимоотношений отдельных групп кавказских языков — абхазско-адыгской, картвельской и нахско-дагестанской — отнюдь не означает, что само понятие их совокупности является "географическим". Независимо от того, хотим мы этого или нет, сравнительно-типологическое изучение кавказских языков составило плодотворное направление современного кавказоведения, внесшего свой вклад в развитие типологической теории. Аналогичным образом самостоятельный аспект кавказоведческих штудий образует выявление структурных и материальных параллелизмов этих языков, обязанных своим становлением процессам их ареального контактирования. Обоиomi обстоятельствами диктовалось стремление автора привлечь внимание к таким весьма перспективным в условиях кавказского языкового ландшафта аспектам сравнительного исследования, как типологический и ареальный, не отказывая в правомерности и соответствующему генетическому исследованию.

Сравнительно-типологические штудии в области кавказских языков, предоставляющие в распоряжение теоретической лингвистики в высшей степени инструктивный материал, уже в течение длительного времени характеризуются несомненным спадом (такое положение, по-видимому, в значительной степени обусловлено распространенным среди лингвистов мнением, согласно которому основные задачи кавказоведения лежат исключительно в плане генетических исследований). Вместе с тем по существу все еще не развернулось рассмотрение ареальных взаимоотношений этих языков (на таком фоне парадоксальным выглядит то обстоятельство, что уже длительное время встречающееся в лингвистических публикациях понятие кавказского языкового союза, охватывающего как автохтонные, так и некоторые индоевропейские языки Кавказа, до сих пор не получило в специальной литературе сколько-нибудь строгой формулировки). Неудовлетворительное состояние разработки обоих этих направлений исследования резко обедняет содержание общекавказоведческой проблематики в настоящее время, когда в силу очевидной незавершенности необходимых работ предварительного цикла неэффективным оказывается и изучение генетических взаимоотношений кавказских языков. Напрашивается вывод, что все три фундаментальных аспекта сравнительного рассмотрения лингвистического материала — генетический, типологический и ареальный — по существу лишь начинают приносить свои плоды в кавказоведении.

Общепризнано, что помимо собственно лингвистического плана изучение рассматриваемых языков имеет также план культурно-исторический.

Действительно, историческая принадлежность Кавказа к периферии мира древнепереднеазиатской цивилизации не могла, конечно, не оставить своего следа в его автохтонных языках. Как свидетельствуют первые шаги, сделанные в этом направлении исследования, в материале последних (главным образом в их лексике и фразеологии) отражены интересные свидетельства богатейшего культурного наследия этого исключительного в ряде отношений региона. В этой связи особенно перспективным представляется дальнейшее изучение соответствующих фактов картвельских языков, по всей вероятности, имевших наиболее тесные контакты с языками древних переднеазиатских культур. Приходится, однако, еще раз подчеркнуть, что любые сопоставления подобного рода требуют соблюдения особой осторожности (ср. большой хронологический разрыв сравниваемых явлений, предположительность многих интерпретаций древнеписьменных памятников и др.)

Из освещенных в работе описательного и проблемного планов кавказского языкознания становится, вероятно, понятным и авторское понимание комплекса стоящих перед ним задач¹.

В аспекте дескриптивного анализа наиболее актуальной задачей представляется дальнейшее расширение диалектологической базы исследования, все еще характеризующейся наличием множества лакун, неравномерной изученностью материала, а также невыработанностью единообразной модели описания. Сказанное прежде всего относится к нахско-дагестанскому языкознанию, в рамках которого только в последние десятилетия исследователи приступили к систематической характеристике диалектов бесписьменных дагестанских языков. Недостаточно удовлетворительно описанными — опять-таки преимущественно в нахско-дагестанском ареале — остаются и несколько языков. Чрезвычайно актуальным является составление исчерпывающих словарных собраний как по литературным, так и по бесписьменным языкам. В частности, безотлагательна фиксация лексического материала последних, во многих случаях быстро уходящего под нивелирующим давлением лексики литературных языков, используемых их носителями. Трудно сомневаться в том, что подлинный успех в реализации подобной программы работ может быть достигнут лишь при условии сокращения определенного разрыва, все еще существующего между методикой современной описательной лингвистики и практикой описания конкретных кавказских языков. Достаточно заметить в этой связи, что слабым местом описательных грамматик здесь остается раздел синтаксиса, а принципы организации лексики в них вообще специально не освещаются (в лучшем случае они выступают как краткий комментарий к рассмотрению морфологической категории класса в глаголе и прилагательном).

По-прежнему в повестке дня кавказского языкознания остается решение вопросов генетических взаимоотношений отдельных групп кавказских

¹ К пониманию задач лингвистического кавказоведения см.: *Schmidt G. Über Aufgaben und Methoden der Kaukasologie. — Studia Orientalia, Helsinki, 1952, XVII, 4. Церетели Г.В. О теории сонантов и аблаута в картвельских языках. — В кн.: Гамкрелидзе Т.В., Мачавариани Г.И. Система сонантов и аблаут в картвельских языках: Типология общекартв. структуры. Тбилиси, 1965; Tchikobava A. Le bascologue-caucasologue René Lafon et les tâches actuelles de la linguistique ibero-caucasique. — In: Bedi Kartlisa, 1975, vol. XXXIII, а также материалы дискуссии о "хетто-иберийском" языковом единстве, опубликованные в журнале "Вопросы языкознания" в 1954–1956 гг.*

языков. Здесь представляется уместным напомнить известное высказывание А.Г. Шанидзе, не теряющее своей актуальности и в настоящее время: "Эти вопросы, решение которых имеет чрезвычайное значение, суть только вопросы, выдвинутые в виде проблем, а для адекватного решения этих проблем необходима спокойная и неторопливая работа — дело, которое потребует согласованного сотрудничества многих исследователей"². Необходимой предпосылкой продвижения исследования в этом направлении является углубленная разработка исторических грамматик отдельных языков, а также внутригрупповых сравнительных грамматик. Наиболее важны в последнем отношении сравнительно-фонетические и тесно связанные с ними этимологические исследования внутригруппового масштаба.

Особенно широкая совокупность первоочередных компаративистских проблем встает перед нахско-дагестанским языкознанием, в рамках которого по-прежнему конкурирует немало взаимоисключающих точек зрения. Здесь, в частности, предстоит решить во всей своей конкретности несколько серьезных классификационных задач. Так, по-видимому, настало время однозначно определить генетическую позицию нахских языков, т.е. показать, являются ли они равноправным ингредиентом нахско-дагестанских языков (как это предполагал еще П.К. Услар, усматривавший их тесное родство с авароандоцезскими языками), или они должны быть противопоставлены совокупности всех дагестанских языков, как связанные с ними отношения родства более отдаленного порядка (из чего исходит представление о нахских языках как самостоятельной группе кавказских). Другой остающийся открытым вопрос нахско-дагестанской компаративистики составляет проблема взаимоотношения лакского и даргинского языков, адекватное решение которой предполагает верификацию довольно распространенного среди специалистов мнения о возможности постуляции единой лакско-даргинской подгруппы дагестанских языков (в последней связи нельзя не упомянуть и о назревшей необходимости специального рассмотрения материала некоторых даргинских диалектов в аспекте альтернативы "язык или диалект").

Свои задачи стоят и перед абхазско-адыгской и картвельской компаративистикой. Думается, что перспективы реконструкции абхазско-адыгского праязыкового состояния существенно обогатит более широкое вовлечение данных малоизученного убыхского языка. В картвельском языкознании сходную роль должны сыграть показания сванского языка.

Необходимо подчеркнуть, что по-прежнему не приносят положительных результатов продолжающиеся поиски генетических связей кавказских языков или их отдельных групп с другими языками. До последнего времени они, как правило, предпринимались исследователями, не только не знакомыми с историей кавказских фактов, но и вообще не владеющими материалом этих языков сколько-нибудь профессионально (отсюда становится понятной, например, закономерность неучастия картвелистов в разработке ностратической гипотезы). В очень немногочисленных случаях обращения к подобным опытам кавказоведов сказывается нестрогость используемой ими компаративистической методики (яркую иллюстрацию такого поло-

² Шанидзе А.Г. Вступительное слово, произнесенное на защите диссертации на заседании ученого совета ТГУ 9 мая 1920 г. — Тр. каф. др.-груз. языка, 1968, 11, с. 6.

жения вещей составляет современное состояние уже давно сформулированной в науке эвскар-кавказской гипотезы). Следствием означенных обстоятельств оказывается дальнейшее отягощение кавказоведения грузом различных фантастических построений, находящих все новые резервы в условиях отсутствия достаточно авторитетной кавказоведческой традиции.

В сфере типологических исследований кавказских языков бросается в глаза явное отсутствие масштабных работ, содержащих сколько-нибудь обобщенные формально-типологические характеристики их отдельных групп. Тем более очевидно отсутствие историко-типологических штудий формально-типологического плана, особенно ошутимое в абхазско-адыгском и нахско-дагестанском языкознании. Здесь, в частности, немалый интерес представило бы сравнительное рассмотрение удельного веса флективности и агглютинации, с одной стороны, и аналитического и синтетического строя — с другой, в плане диахронии. Интереснейшим объектом исследования, требующим, впрочем, выполнения некоторых работ подготовительного цикла, мог бы явиться сравнительный анализ древних и более поздних моделей аблаута в этих языках.

В плане содержательно ориентированных (контенсивных) типологических исследований предстоит продолжить уже проделанную в этом отношении работу и прежде всего — выявить исчерпывающие синхронные характеристики отдельных групп кавказских языков. Несомненный теоретический интерес вызывает в этой связи вероятная близость структуры абхазско-адыгских языков к эталону эргативности. Не менее существенным было бы последовательное обоснование основных тенденций в изменении типа каждой из групп. С точки зрения исторического соотношения двух различных типологических компонентов — номинативного и, как представляется автору настоящей монографии, активного — очень instructивными оказываются факты картвельских языков (далеко идущий параллелизм типологического преобразования последних и индоевропейских языков уже попал, как известно, в поле зрения индоевропейцев). Наконец, нахско-дагестанские языки предоставляют обширный материал для наблюдений над процессом постепенного смещения эргативного строя в сторону номинативного. В частности, весьма интересной была бы в этом плане всесторонняя контенсивно-типологическая характеристика удинского языка.

Особенно большая совокупность нерешенных задач остается, на взгляд автора, в сфере изучения ареальных взаимоотношений кавказских языков. Едва ли не наиболее серьезной из них должна быть верификация неоднократно высказывавшегося в истории лингвистической науки предположения о существовании в пределах Кавказа некоторого языкового союза в составе как всех его автохтонных, так и индоевропейских (армянского и осетинского) языков. Необходимой предпосылкой положительного решения последней задачи может быть только четкая формулировка определенного комплекса разноуровневых структурных признаков, сложившегося в ходе конвергентного процесса. Нетрудно заметить, что без ясного представления об общих ареальных характеристиках кавказских языков повисают в воздухе и известные гипотезы ряда авторов (например, Н.С. Трубецкого, Э. Форрера, К. Уленбека, Г. Зольты и др.), апеллирующих в рассмотрении вопроса о становлении индоевропейской праязыковой общности к идее

совмещения в ней двух различных структурных ингредиентов, один из которых обычно характеризуется в качестве компонента "кавказского типа"³. Самостоятельный аспект ареального исследования может, по-видимому, составить изучение роли картвельских языков в становлении некоторых общекавказских лексических изоглосс.

Однако прежде всего в повестке дня современного кавказоведения остается в этом плане выполнение целого ряда подготовительных разысканий более частного порядка. Так, кавказоведам предстоит охарактеризовать ареальные доминанты в пределах каждой из групп кавказских языков (ср., например, отсутствие обобщающего исследования даже по ареальному воздействию грузинского языка на остальные картвельские). В специальном рассмотрении нуждается проблема аланизмов в обеих северокавказских группах (в свете современных данных возникает вопрос о возможности говорить не только о кавказском субстрате для осетинского языка, но и о позднейшем осетинском субстрате для вейнахских языков). Аналогичную по своему характеру задачу составляет недавно начатое изучение более древних индоиранских лексических отложений в абхазско-адыгских и нахско-дагестанских языках в свете известной гипотезы о принадлежности речи обитателей античной Синдикы (северо-западный Кавказ) к древнеиндийской.

Несомненный интерес представляет изучение результатов грузинско-удинского языкового взаимодействия в пределах исторической Агвании (в частности, в связи с вопросом о происхождении ингилойского диалекта грузинского языка). Другим аспектом ареальной проблематики частного порядка может явиться анализ совокупности "балканизмов" лазского языка, начало фиксации которых было положено еще Г. Шухардтом. Наконец, в дальнейшем исследовании нуждается интереснейшая проблема ареальных взаимоотношений картвельских и индоевропейских языков в отдаленном историческом прошлом, которое сможет, по-видимому, опереться на некоторые наиболее достоверные итоги предшествовавших ему в истории науки медитерранистских построений. Думается, что перед этим исследованием, в частности, открываются широкие перспективы применения методики *Wörter und Sachen*. Не исключено, что оно окажется способным внести свой вклад и в решение вопроса об исторической локализации носителей древней индоевропейской речи.

В заключение остается еще раз подчеркнуть, что адекватное выполнение коротко очерченной выше программы исследований не может быть достигнуто без соблюдения двух условий — более глубокого владения языковым материалом и руководства более совершенной лингвистической методикой. "Кавказские языки, — пишет в этой связи Е.А. Бокарев, — так часто выступали в качестве объекта различных фантастических гипотез, что в методологическом плане в настоящее время чрезвычайно важно держаться при их изучении строгих методов подлинной науки, всегда опирающейся на хорошо изученные и вполне достоверные факты"⁴.

³Ср.: Горнунг Б.В. К вопросу об образовании индоевропейской языковой общности — В кн. Проблемы сравнительной грамматики индоевропейских языков. М., 1964

⁴Бокарев Е.А. Задачи сравнительно-исторического изучения кавказских языков — ВЯ, 1954, № 3, с. 53.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ИСТОЧНИКИ

<p>ВДИ — Вестник древней истории</p> <p>ЕИКЯ — Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. Тбилиси</p> <p>ИЯИМК — Ин-т языка, истории и материальной культуры. Тбилиси</p> <p>ИКЯ — Иберийско-кавказское языкознание. Тбилиси (на груз. яз.)</p> <p>МЯЯ — Материалы по яфе-</p>	<p>ТГУ — Тбилисский государственный университет</p> <p>КБНИИ — Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт. Нальчик</p> <p>BSLP — Bulletin de la Société de Linguistique de Paris</p> <p>NTS — Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap. Oslo</p>	<p>тическому языкознанию</p> <p>Тбилисский государственный университет</p> <p>Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт. Нальчик</p> <p>Bulletin de la Société de Linguistique de Paris</p> <p>Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap. Oslo</p>
---	---	---

ЯЗЫКИ И ДИАЛЕКТЫ

<p>абаз. — абазинский</p> <p>абх. — абхазский</p> <p>абх.-адыг. — абхазско-адыгский</p> <p>авар. — аварский</p> <p>агул. — агульский</p> <p>адыг. — адыгский</p> <p>адыгейск. — адыгейский</p> <p>азеанич. — азеанический</p> <p>азерб. — азербайджанский</p> <p>аккад. — аккадский</p> <p>анд. — андийский</p> <p>араб. — арабский</p> <p>армян. — армянский</p> <p>арч. — арчинский</p> <p>ахв. — ахвахский</p> <p>бацб. — бацбийский</p> <p>бежт. — бежтинский</p> <p>ботл. — ботлихский</p> <p>будух. — будухский</p> <p>вейнах. — вейнахский</p> <p>гин. — гинухский</p> <p>греч. — греческий</p> <p>груз. — грузинский</p> <p>груз.-зан. — грузинско-занский</p> <p>гуиз. — гуизибский</p> <p>дарг. — даргинский</p> <p>др.-груз. — древнегрузинский</p> <p>др.-инд. — древнеиндийский</p> <p>др.-иран. — древнеиранский</p> <p>др.-перс. — древнеперсидский</p> <p>зан. — занский</p> <p>и.-евр. — индоевропейский</p> <p>инг. — ингушский</p> <p>ингил. — ингиллойский</p>	<p>иран. — иранский</p> <p>исп. — испанский</p> <p>каб. — кабардинский</p> <p>картв. — картвельский</p> <p>кист. — кистинский</p> <p>крыз. — крызский</p> <p>лаз. — лазский</p> <p>лак. — лакский</p> <p>лат. — латинский</p> <p>лезг. — лезгинский</p> <p>мегр. — мегрельский</p> <p>нах. — нахский</p> <p>нах.-даг. — нахско-дагестанский</p> <p>нем. — немецкий</p> <p>осет. — осетинский</p> <p>перс.-перс.-тур. — персидско-турецкий</p> <p>русс. — русский</p> <p>сван. — сванский</p> <p>семит. — семитский</p> <p>сирийск. — сирийский</p> <p>ср.-перс. — среднеперсидский</p> <p>таб. — табасаранский</p> <p>убых. — убыхский</p> <p>удин. — удинский</p> <p>хварш. — хваршинский</p> <p>хетт. — хеттский</p> <p>хин. — хиналутский</p> <p>цах. — цахурский</p> <p>цез. — цезский</p> <p>чамал. — чамалинский</p> <p>чеч. — чеченский</p> <p>шапсуг. — шапсугский</p> <p>шумер. — шумерский</p>	<p>иранский</p> <p>испанский</p> <p>кабардинский</p> <p>картвельский</p> <p>кистинский</p> <p>крызский</p> <p>лазский</p> <p>лакский</p> <p>латинский</p> <p>лезгинский</p> <p>мегрельский</p> <p>нахский</p> <p>нахско-дагестанский</p> <p>немецкий</p> <p>осетинский</p> <p>персидский</p> <p>персидско-турецкий</p> <p>русский</p> <p>сванский</p> <p>семитский</p> <p>сирийский</p> <p>среднеперсидский</p> <p>табасаранский</p> <p>убыхский</p> <p>удинский</p> <p>хваршинский</p> <p>хеттский</p> <p>хиналутский</p> <p>цахурский</p> <p>цезский</p> <p>чамалинский</p> <p>чеченский</p> <p>шапсугский</p> <p>шумерский</p>
--	--	---

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
Глава I. О ПРЕДМЕРЕ И ИСТОРИИ КАВКАЗСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ . .	5
Глава II. АБХАЗСКО-АДЫГСКИЕ ЯЗЫКИ	29
Глава III. КАРТВЕЛЬСКИЕ ЯЗЫКИ	55
Глава IV. НАХСКО-ДАГЕСТАНСКИЕ ЯЗЫКИ	81
Глава V. ГЕНЕТИЧЕСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КАВКАЗСКИХ ЯЗЫКОВ	109
Глава VI. ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КАВКАЗСКИХ ЯЗЫКОВ	141
Глава VII. АРЕАЛЬНЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КАВКАЗСКИХ ЯЗЫКОВ .	171
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	203
ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ	208